This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 945,123

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES 1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES 1817

Э-62

Engelgardt, N.A.

Николай Энгельгардтъ

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ

ВЪ СВЯЗИ

СЪ РАЗВИТІЕМЪ ПЕЧАТИ

(1703—1903)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1904

Z
657
.E57

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

ch
Univ of Publ. Lib
25-75
125444-293

ПРЕДИСЛОВІЕ.

> La liberté de la presse a le même caractère que toutes les autres libertés. Elle est de droit naturel, la loi ne fait que la protéger et *ne la donne pas.*
>
> *Mirabeau.*

I.

Двѣсти лѣтъ упорной, непрестанной работы мысли великаго народа! Вѣдь это юбилей мозга, юбилей нервовъ страны, то есть самой благородной части общественнаго организма... Болѣе того: не переживаютъ ли ветхіе листки, покрытые черными точками и чертами, цѣлыя цивилизаціи, имперіи, троны, династіи, міровыя столицы, всю грохочущую славу народовъ, и не въ нихъ ли, не въ этихъ ли глиняныхъ черепкахъ, свиткахъ папируса, кожаныхъ лохмотьяхъ, чуднымъ образомъ сохраняется и доносится до отдаленнѣйшихъ временъ душа этихъ сгибшихъ народовъ, безсмертная, божественная часть ихъ? Трои нѣтъ. Пѣсни Гомера живы, и въ нихъ жива Троя.

Печать, какъ органъ мышленія народа, очевидно, является первенствующимъ учрежденіемъ по своей значительности. Русская печать, какъ органъ мышленія русскаго народа, кажется, достойна глубокаго вниманія. Не руки, не спина, не брюхо, не

убѣжденію, что на это потребовалось бы семь поколѣній—210 лѣтъ. Два столѣтія Петръ сжалъ въ два-три десятка лѣтъ.

Эволюціонисты правы: въ допетровской Руси были зародыши преобразованія, но, предоставленные себѣ, они зрѣли бы еще два вѣка. Россія не на необитаемомъ островѣ и даже не въ горахъ живетъ, а на открытой равнинѣ, на проходномъ дворѣ народовъ изъ Азіи въ Европу. У Россіи не было времени зрѣть. Хочешь — не хочешь, становись сейчасъ плодомъ, хотя бы и «до времени созрѣлымъ». Петръ сумѣлъ вдохнуть въ зародыши будущаго старой Руси бурную силу стремленія, выгналъ на парахъ преобразованіе, превративъ эволюцію въ переворотъ[1]).

«Необходимость удовлетворить вдругъ всему должна была неминуемо сообщить нашему такъ-называемому преобразованію характеръ революціонный,—говоритъ С. М. Соловьевъ.—Наша революція начала XVIII вѣка уясняется чрезъ сравненіе ея съ политической революціей, послѣдовавшей во Франціи въ концѣ этого вѣка. Какъ здѣсь, такъ и тамъ болѣзни накоплялись вслѣдствіе застоя. Въ Россіи одинъ человѣкъ, одаренный небывалою силою, взялъ въ свои руки направленіе революціоннаго движенія, и этотъ человѣкъ былъ прирожденный глава государства. Переворотъ сопровождался страшною борьбою, преобразователь встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ народѣ, слѣдовательно, дѣло преобразованія было дѣломъ насилія со стороны Верховной власти». (Исторія Россіи. Кн. III. 1055—1056).

Однако, сопоставляя французскую революцію и россійское преобразованіе, мы не можемъ не видѣть, что въ то время, какъ къ первой умы общества были подготовлены вѣковой культурно-идейной работой, ко второму некому было подготовить умы, и, дѣйствуя путемъ насильно втѣсняемыхъ декретовъ, Петръ долженъ былъ тутъ же разъяснять смыслъ, пользу и цѣль своихъ

---

[1]) См. наши статьи: «Философія русскаго самосознанія». *Статья вторая.* Книжки «Недѣли». 1897 г. Февраль. Стр. 215.

дѣйствій. Все человѣчество знаетъ предшественниковъ великой революціи: это—Вольтеръ, Руссо, энциклопедисты. Но XVIII вѣку предшествовалъ вѣкъ Декарта, Расина, Корнеля, Мольера. А вѣку «короля-солнца»—вѣкъ Франциска, Раблэ и Монтеня, вѣка возрожденія и реформаціи, охватившихъ потокомъ мысли всю Европу. Но кто знаетъ предшественниковъ русскаго преобразованія? Въ русскую жизнь это «преобразованіе» Петръ, этотъ истый сынъ XVIII вѣка, Робеспьеръ на тронѣ, проводилъ кровавымъ терроромъ. Цивилизація... или смерть!

Екатерина Великая, продолжая дѣло Петра, уже прямо, за четверть вѣка до великой революціи, насаждала ея идеи, почерпая ихъ у Вольтера, Монтескье, Беккаріа, энциклопедистовъ, и въ своемъ «Наказѣ» провозгласила знаменитую формулу: Liberté, égalité, union des citoyens (fraternité), bonheur commun. «Déclaration des droits de l'homme et du citoyen» 1789 года и «Instruction de sa Majesté impériale Catherine II pour la commission chargée de dresser le projet d'un nouveau Code de Loix» 1767 г.—въ основахъ своихъ тождественны. Но важнѣйшая статья въ «Instruction» несомнѣнно 6-я: «La Russie est une Puissance Européenne». И поясненіе въ 7-й: «Pierre I, introduisant des moeurs et des coutumes européennes chez une nation d'Europe, trouva des facilités qu'il n'attendait pas lui même».

Замѣтимъ, что французскій подлинникъ «Наказа» гораздо вразумительнѣе русскаго перевода. Напримѣръ, статья 20-я по французски: «Les Loix fondamentales d'un Etat supposent nécessairement des canaux moïens, c'est à dire des Tribunaux, par où se communique la puissance souveraine». Какъ красиво сказано!

Ну, а по-русски выходитъ «иной коленкоръ»: «Законы, основаніе державы составляющіе, предполагаютъ малые протоки, сирѣчь правительства, чрезъ которые изливается власть государева».

Что такое «малыя правительства?» И гдѣ были въ Россіи европейскіе Tribunaux? Нехитрому уму не разгадать и въ вѣкъ.

II.

Первую русскую газету создалъ Петръ. Первый русскій журналъ — Екатерина. Печать въ Россіи возникла по почину свыше, была создана революціей, шедшей сверху. Поэтому сначала печать являлась орудіемъ личныхъ цѣлей Петра и Екатерины и не могла противорѣчить ихъ намѣреніямъ. Однако, со временъ Радищева и Карамзина, съ 1790 года, русская печать начинаетъ предъявлять притязанія на самостоятельность. Она хочетъ служить своимъ цѣлямъ, быть выразительницей свободной мысли общества и народа, органомъ общественнаго мнѣнія и судіей жизни народной. Она хочетъ служить дѣлу, а не лицамъ,— идеѣ, Россіи, а не тѣмъ разнообразнымъ противорѣчивымъ «малымъ правительствамъ», которыя существовали въ «европейской» Россіи на мѣсто западныхъ Tribunaux.

Поэтому видимъ замѣчательное явленіе. Призванная къ жизни усиліями монарховъ русская печать съ конца XVIII столѣтія и до 1855 г., то-есть всю первую половину XIX, влачитъ жалкое существованіе подъ гнетомъ неумолимо-строгой цензуры, заподозрѣнная, поднадзорная, безправная, укрывающая свои мысли за «эзоповскимъ» языкомъ. Императоръ Николай I защищаетъ Пушкина и Гоголя отъ нетерпимости «малыхъ правительствъ» (Tribunaux). Императоръ Александръ I даетъ либеральнѣйшій цензурный уставъ 1804 г., но это не мѣшаетъ строгости цензуры его времени, превосходившей придирчивостью даже папскую.

Въ запискѣ «О цензурѣ въ Россіи», поданной въ 1826 г. Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ Булгаринымъ, «извѣстнымъ издателемъ журналовъ», такъ характеризуется цензура первой четверти XIX вѣка: «Почитались оскорбительными для вѣры: отечественное небо, небесный взглядъ, ангельская улыбка, божественный Платонъ, ради Бога, ей-Богу, Богъ одарилъ его, онъ вѣчно занятъ былъ охотой и т. п. Даже папская цен-

зура позволяетъ сіи выраженія. Всякая статья, гдѣ стоитъ слово правительство, министръ, губернаторъ, директоръ, запрещена впередъ, что бы она ни заключала. Но тотъ, кто искусными перифразами можетъ избѣжать запрещенныхъ цензурою словъ, часто заставляетъ ее пропускать непозволительныя вещи. Цензура не позволяетъ извѣщать публику безъ согласія начальствъ разныхъ областей правленія о всенародныхъ происшествіяхъ, парадахъ, фейерверкахъ, гуляньяхъ, экзаменахъ въ казенныхъ и частныхъ заведеніяхъ и о феноменахъ природы. Кто бы подумалъ, что для помѣщенія извѣстія о градѣ, засухѣ, ураганѣ должно быть позволеніе министерства внутреннихъ дѣлъ? Отъ этого періодическія изданія потеряли свою занимательность, ибо издатели, будучи обязаны для напечатанія нѣсколькихъ страничекъ обѣгать всѣ министерства и часто безъ успѣха, вовсе отказываются отъ помѣщенія отечественныхъ извѣстій. Въ повѣстяхъ нельзя сказать: женихъ поцѣловалъ свою невѣсту, но посмотрѣлъ на невѣсту; вмѣсто: онъ любилъ ее, должно говорить: онъ хотѣлъ жениться и т. д. Запрещено строжайше, даже въ переводахъ съ иностраннаго, представлять камергеровъ, министровъ, генераловъ и особенно князей и графовъ иначе, какъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ и людьми добродѣтельными» [1]).

И такая цензура развилась при дѣйствіи либеральнаго устава 1804 г., представляя который, академикъ Озерецковскій писалъ: «Благо, проистекающее изъ благоразумной свободы печати, такъ велико и прочно, зло же, сопровождающее злоупотребленіе этою свободою, такъ рѣдко и мимолетно, что нельзя не сожалѣть о необходимости, въ которую ставится правительство, во всѣхъ прочихъ дѣлахъ рѣшительно вступившее на почву либеральныхъ принциповъ, полагать границы этой сво-

---

[1]) См. наши статьи: «Очерки николаевской цензуры». «Историческій Вѣстникъ». Сентябрь — декабрь. 1901 г.

бодѣ, вынуждаемое къ этой мѣрѣ опытомъ, обстоятельствами минуты или же могучимъ потокомъ духа времени».

Но цензура второй четверти XIX столѣтія далеко оставила за собой цензуру первой его четверти, превосходившую даже «папскую». Свидѣтель—тотъ-же Булгаринъ.

Въ 1835 г. онъ пишетъ просвѣщенному и либеральному цензору Никитенко:

«Было время тяжкое, во время Магницкаго и Аракчеева, но ни одна моя статья въ то время не была запрещена даже Крассовскимъ, и всѣ романы прошли безъ помарокъ и безъ преслѣдованій... Почтенные господа цензоры, будьте справедливы! И для васъ есть потомство!»

Черезъ четыре года, 11-го января 1839 года, Булгаринъ пишетъ: «Прошу васъ покорнѣйше, при свиданіи съ Фрейгангомъ, припомнить вашему товарищу, что я и Гречъ не рабы г. Фрейганга, не отданы ему въ услуженіе, и что мы не беззащитные сироты, которыхъ можно угнетать въ угоду кому угодно; а что г. Фрейгангъ дѣлаетъ съ нами,— это ужасъ! Только что принесли къ нему «Пчелу», тотчасъ за красныя чернила и пошелъ чертить, не обращая вниманія на концы и выводы. Этого не бывало и при Магницкомъ. Терпѣніе истощается».

«Не обвиняю васъ! Время!!! — пишетъ Булгаринъ въ 1845 году,—а мы, дураки и скоты, плакали во времена Магницкаго и Рунича! Да это былъ золотой вѣкъ литературы въ сравненіи съ нынѣшнимъ!..»

18-го января 1848 г. Ѳ. В. Булгаринъ пишетъ: «Пересмотрѣлъ я статью очесами великаго Торквемады, перваго инквизитора всѣхъ Испаній стараго и новаго свѣта, вооружась при этомъ смѣлостью Фрейганга и понятіями цензора же Крылова, и передъ Богомъ и людьми не вижу ничего, что-бъ могло быть подвержено толкованію самыхъ ухищренныхъ фарисеевъ...Какъ писать романъ изъ жизни, не касаясь житейскаго? Ужели это вредно церкви, престолу, отечеству, нравственности и спокойствію гражданъ? Мнѣ, право, плакать хочется!»

Въ 1853 году, когда министръ народнаго просвѣщенія кн. Ширинскій-Шихматовъ запретилъ «Сѣверной Пчелѣ» напечатать разборъ русской грамматики, составленной «великимъ ловцомъ» чиновъ, звѣздъ и арендъ И. И. Давыдовымъ, членомъ отдѣленія россійской словесности академіи наукъ, мысль, что судьбы печати и литературы въ рукахъ такого невѣжды, до того взволновала Ѳаддея Булгарина, что его три раза вырвало желчью, когда онъ проѣзжалъ на извозчикѣ мимо Пассажа...

III.

Въ чемъ причины возможности такой цензуры? Она не была въ намѣреніяхъ монарховъ, слишкомъ для того просвѣщенныхъ и всѣми дѣйствіями своими показывавшихъ чрезвычайное свободомысліе. Достаточно сказать, что оба монарха, и Благословенный, и императоръ Николай, разсмотрѣли и одобрили проектъ государственнаго преобразованія Сперанскаго—послѣднее слово либерализма. Мы называемъ цензуру первой половины столѣтія «александровской», «николаевской», потому что преслѣдованія печати производились монаршимъ именемъ и обществомъ относились къ личности самого монарха. На ненормальность такого порядка указывала комиссія по дѣламъ книгопечатанія 1862—1863 гг.

«Нѣтъ ни одного государства, въ которомъ бы распоряженія по цензурѣ объявлялись отъ имени верховной власти. Во время существованія цензуры во Франціи, Германіи и другихъ государствахъ никогда запрещенія статей или взысканія за оныя не дѣлались отъ имени монарха. Взысканія, исходя отъ верховной власти, всегда принимаются за выраженіе личной оцѣнки Государемъ Императоромъ достоинствъ или недостатковъ извѣстнаго ученія, мнѣнія или направленія». (Проектъ устава книгопечатанія).

Въ самомъ дѣлѣ, въ сороковыхъ годахъ высочайшимъ именемъ объявлялись выговоры «Сѣверной Пчелѣ» за непочти-

тельный фельетонъ о петербургскихъ ломовыхъ извозчикахъ. Невольно являлась мысль: неужели монарху есть время углубляться въ газетные фельетоны? Такимъ образомъ, къ личности монарха относили подчасъ совершенно курьезныя распоряженія «малыхъ правительствъ», какъ будто бы онъ лично держалъ цензуру. Подробное и безпристрастное изученіе исторіи русской цензуры приводитъ насъ къ выводу, что цензура первой половины XIX ст. была дѣломъ не монарховъ, но подданныхъ. Она обусловлена была невѣжествомъ общества. Это невѣжество проявлялось прежде всего слабымъ спросомъ на печатное слово и равнодушіемъ къ судьбамъ печати, литературы и писателей. Немудрыя потребности малограмотнаго общества выражались спросомъ на «легкое чтеніе» и, поощряя легкомысленнаго враля-фельетониста, топили писателя серьезнаго. Писатели и печать не имѣли покровителя въ властной потребности общества, какового имѣетъ всякій портной, всякій булочникъ, всякій сапожникъ. Нельзя учредить цензуру сапогъ, булокъ, панталонъ, ибо безъ всего этого публика не можетъ обойтись. А безъ газеты, журнала, безъ книги и писателя совершенно легко обходилась. Второе проявленіе невѣжества — раздражительная нетерпимость, пропитывавшая все общество отъ верхняго слоя до нижняго. Доносы и анонимныя письма шли по цензурѣ всегда тысячами. О вкусахъ публики россійской «зернистой» свидѣтельствовалъ еще Николай Полевой:

«Разнообразіе», болѣе или менѣе занимательное, смѣсь полезнаго съ пріятнымъ, большею частью переводы; стихи, какъ необходимость; ученыя статьи изрѣдка, и то, какъ балластъ на корабляхъ; критика (которая, однакожъ, не основывалась еще на твердыхъ, неизмѣнныхъ правилахъ); споры, несогласіе мнѣній—вотъ что занимаетъ нашу публику, составляетъ наши повременныя изданія и вѣрно изображаетъ сущность нашей нынѣшней литературы».

Это было сказано относительно читателей 20-хъ годовъ XIX столѣтія. Но и на порогѣ XX вѣка читатель почти та-

кой же. Это подтверждаютъ хотя бы наблюденія надъ русской читающей публикой, собранныя въ извѣстной книгѣ г. Рубакина.

А что такое русская нетерпимость, позналъ Гоголь послѣ представленія «Ревизора». 15 мая 1836 года онъ пишетъ Погодину: «Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь; не сержусь, что сердятся и отварачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня; не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты. Но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицей; грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ. Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него, и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. «Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!» И кто же это говоритъ? Это говорятъ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные, люди, которые должны бы имѣть на сколько-нибудь ума, чтобы понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными, и которыхъ свѣтъ,—по крайней мѣрѣ, русскій свѣтъ,—называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, — и всѣ въ ожесточеніи: «Зачѣмъ выводить на сцену плутовъ?» Пусть сердятся плуты! Но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ».

«Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы... Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы, меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны. Но жизнь петербургская ясна передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея,—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники?»

Нѣсколько ранѣе, 29 апрѣля, Гоголь писалъ Щепкину:

«Всѣ противъ меня; чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ лицахъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня... Еслибъ не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея».

Разительна эта характеристика русскаго общества и положенія въ немъ писателя!

«Всеобщее невѣжество, движущее столицей», — вотъ стихія, съ которой сталкивается писатель.

«Невѣжественная раздражительность» возбуждается каждымъ честнымъ, прямымъ, искреннимъ словомъ писателя. Эта «невѣжественная раздражительность» — корень и источникъ доносовъ, подкоповъ, репрессій и цензурнаго гнета. Эта «невѣжественная раздражительность», признакъ «глубокаго» невѣжества, «разлитаго», по выраженію Гоголя, въ высшихъ классахъ русскаго народа, дѣлаетъ то, что сплошь и рядомъ общественнымъ мнѣніемъ управляетъ презрѣнный шутъ, котораго само же общество опозорило и оплевало. «Глупѣйшее мнѣніе» этого шута «водитъ за носъ» общество, потому что оно хочетъ обманываться, отворачивается отъ истины, стремится со своими язвами, болячками, пролежнями — въ тѣнь и въ темь.

«Всѣ противъ меня, — съ скорбнымъ изумленіемъ свидѣтельствуетъ Гоголь,—чиновники кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня». Въ результатѣ этого «невѣжественнаго раздраженія» литераторовъ, купцовъ, полицейскихъ и чиновниковъ—хлопоты о запрещеніи, о соотвѣтственномъ «циркулярѣ», воздѣйствіе «снизу вверхъ», которое въ данномъ случаѣ уравновѣсилось противодѣйствіемъ «сверху внизъ», — «высокое заступничество» императора Николая I спасло Гоголя и «Ревизора».

«Всѣ противъ писателя и нѣтъ никакой сколько-нибудь

равносильной стороны за него», — свидѣтельствуетъ Гоголь. Въ обществѣ не было «равносильной стороны» за писателя. Было лишь ничтожное меньшинство, которое перевѣсило лишь благодаря тому, что къ этому «меньшинству» присоединился императоръ Николай! И освобожденіе крестьянъ совершилось благодаря присоединенію къ меньшинству голоса монарха!..

Передъ нами то же «фамусовское» общество, гонящее умъ, сердце, талантъ, смѣлое, свободное, честное слово, высокую мысль, благородное чувство.

И Гоголь, уѣзжая за границу изъ Россіи, чтобы «забыться», «разгулять свою тоску», могъ съ полнымъ правомъ повторить монологъ Чацкаго:

Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ! Всѣ клянутъ! Мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простаковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ.
Безумнымъ вы меня прославили всѣхъ хоромъ,—
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ,
И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ!

IV.

Въ первой половинѣ столѣтія главенствующая роль въ печати принадлежала ежемѣсячному журналу. Такими были: «Вѣстникъ Европы» Карамзина и Каченовскаго, «Московскій Телеграфъ» Николая Полевого, «Телескопъ» Надеждина, «Отечественныя Записки» и потомъ «Современникъ» въ эпоху сотрудничества въ нихъ Бѣлинскаго, «Библіотека для Чтенія» Сенковскаго. Всѣ эти изданія имѣли не свыше 4000 тысячъ подписчиковъ и поставляли умственную пищу для обѣихъ сто-

лицъ и всей провинціи. Газета играла роль ничтожную. Единственное изданіе этого рода, «Сѣверная Пчела» Булгарина, читалась съ удовольствіемъ, но не имѣла свыше 2,500 — 3,000 подписчиковъ, и только уже въ 50-хъ годахъ, во время крымской кампаніи, достигла небывалой цифры 9,000 подписчиковъ.

«Дней Александровыхъ счастливое начало» ознаменовалось значительнымъ развитіемъ періодической печати. Въ указателѣ Н. М. Лисовскаго находимъ для перваго десятилѣтія XIX ст. свыше 60 названій журналовъ. Правда, что тогда большинство журналовъ издавалось не болѣе года, однако ежегодно печать представлялась 6—7 журналами. Основываются два замѣчательныхъ офиціальныхъ изданія: «Періодическія сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» (1803—1809) и «Санктпетербургскій журналъ» (1804—1809).

Въ этомъ журналѣ отражались прогрессивныя стремленія десятилѣтія, и подобнаго изданія потомъ уже не повторялось по высотѣ его настроеній (Шильдеръ).

Во второмъ десятилѣтіи журналистика замерла, и только съ начала 20-хъ годовъ начинаетъ въ ней пробиваться живая струя мысли.

«Наши обветшалые и заплѣсневѣлые журналы того времени и патріархъ ихъ «Вѣстникъ Европы», — говоритъ Бѣлинскій, — начали терять свое вліяніе и перестали со своими запоздалыми идеями быть оракулами читающей публики. Около двадцатыхъ годовъ въ «Сынѣ Отечества» начались споры за романтизмъ; вскорѣ послѣ того явились альманахи, какъ прибѣжище новыхъ литературныхъ потребностей и новаго литературнаго вкуса, которые съ 1825 нашли своего представителя и выразителя въ «Московскомъ Телеграфѣ», запрещенномъ въ 1834 г.

Въ 30-хъ годахъ Москва оставалась очагомъ мысли. Здѣсь были кружки Станкевича, Герцена, московскихъ профессоровъ; здѣсь возникали идейные журналы. Но жизнь всей журналистики обѣихъ столицъ вполнѣ напоминаетъ «бореніе чахоточ-

наго». Журналы («Литературная газета», «Телескопъ», «Европеецъ», «Московскій Наблюдатель») гибнутъ отъ двухъ совмѣстныхъ причинъ: полнаго равнодушія публики съ одной стороны, цензурныхъ гоненій и запрещеній съ другой.

Сороковые годы воплощаются въ шестилѣтнихъ трудахъ Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ»[1]).

Вторая половина истекшаго столѣтія характеризуется развитіемъ газеты, къ концу его несомнѣнно получающей перевѣсъ надъ ежемѣсячнымъ, «толстымъ» журналомъ. Это явленіе постепенно входитъ въ свои права. Въ самомъ дѣлѣ, небывалая подписка на «Сѣверную Пчелу» въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, на порогѣ новой эпохи, уже являлась знаменіемъ времени. Однако, эта газета погибаетъ, не доживъ до реформъ. Въ періодъ съ 1855 по 1875 г., когда зрѣла, подготовлялась и, наконецъ, осуществилась великая крестьянская реформа, когда затѣмъ логически изъ великаго экономическаго переворота 19 февраля 1861 года истекли остальныя,—судебная, земская,—тогда явилась настоятельная потребность и въ болѣе свободной и сильной печати. Исторія этого постепеннаго завоеванія печатью извѣстной доли независимости — весьма долгая. Только послѣ введенія судебной реформы, въ 1865 г., возникла печать безъ предварительной цензуры. Освобожденіе крестьянъ и судебная реформа, очевидно, вели къ третьей, истекавшей изъ нихъ, освободительной реформѣ печати. Законъ только покровительствуетъ разумной свободѣ печати, но не даетъ ея. И дѣйствительно, печать еще при дѣйствіи старой предварительной цензуры отвоевала себѣ извѣстную свободу. Необходимо было писать, подготовлять общество къ воспріятію реформъ. Само правительство не могло обходиться безъ содѣйствія пе-

---

[1]) См. нашъ трудъ: «Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ первый. 1800—1850». Стр. 35—40, 250—306, 406—433 и 524—552.

чати. Затѣмъ экономическій переворотъ въ странѣ повлекъ коренное преобразованіе судебно-правового строя. Изъ этихъ двухъ переворотовъ сама собою истекла свобода печати, конечно, не безусловная, но соотвѣтствующая запросамъ времени.

Въ передовой статьѣ «Дня» отъ 24 ноября 1862 года Аксаковъ приводитъ благородныя слова Хомякова: «Общественная критика необходима для самого общества, ибо безъ нея общество лишается сознанія, а правительство лишается всего общественнаго ума. Честное перо требуетъ свободы для своихъ честныхъ мнѣній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ. Когда, по милости слишкомъ строгой цензуры, вся словесность бываетъ наводнена выраженіемъ лести и явнаго лицемѣрія въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, честное слово молчитъ, чтобы не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ, или не сдѣлаться предметомъ подозрѣнія по своей прямодушной рѣзкости; лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла, все поле дѣйствія предоставляется продажнымъ и низкимъ душамъ; душевный развратъ, явный или кое-какъ прикрытый, проникаетъ во всѣ произведенія словесности; умственная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ, и мало-по-малу въ обществѣ растетъ то равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру, котораго достаточно, чтобъ отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія, за нимъ слѣдующія».

Въ передовой «Дня» отъ 23 января 1863 года Аксаковъ писалъ:

«Естественный голосъ человѣческаго общества въ наше время есть *печать*. Стѣсненіе печати есть стѣсненіе жизни общественнаго разума, оно парализуетъ всѣ духовныя отправленія общества, осуждаетъ всѣ его дѣйствія на безсиліе, удерживаетъ общество въ вѣчной незрѣлости, обрекаетъ мертворожденности всѣ исчадія его духовной производительности».

«Свободное мнѣніе въ Россіи есть надежнѣйшая опора свободной власти, ибо въ союзѣ этихъ двухъ свободъ заключается обоюдная крѣпость земли и государства».

V.

Въ 1863 г. въ Россіи выходило уже 301 періодическое изданіе. Изъ нихъ частнымъ лицамъ принадлежало 124; въ томъ числѣ 70 политическаго содержанія. Если дореформенная печать не превышала цифры 4—5 тысячъ подписчиковъ, то теперь «Московскія Вѣдомости» Каткова имѣли 12,000 подписчиковъ, «Спб. Вѣд.»—8,000, «День»—8,000, «Искра»—7,000, «Отеч. Зап.»—4,000, «Русск. Вѣстн.»—5,700, «Современникъ»—7,000, «Русское Слово»—4,000.

Вождемъ освободительнаго движенія 50-хъ годовъ былъ, несомнѣнно, Герценъ и его «Колоколъ»—заграничный органъ, въ то время не только свободно обращавшійся въ Россіи, но лежавшій на письменномъ столѣ каждаго сановника и вліявшій на служебныя перемѣщенія. Молчаливое соглашеніе попускало свободному слову Герцена, потому что само правительство для проведенія неизбѣжныхъ реформъ нуждалось въ свѣтѣ безцензурной мысли. Затѣмъ въ Петербургѣ «Современникъ» съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ во главѣ—органъ радикальный, дѣйствовавшій въ молчаливомъ соглашеніи съ «Колоколомъ». Затѣмъ шла уже Москва съ умѣренно-либеральнымъ постепеновцемъ «Русскимъ Вѣстникомъ» англомана и парламентариста М. Н. Каткова, печатавшаго Щедринскіе «Губернскіе очерки». Сзади всѣхъ шла славянофильская «Русская Бесѣда», устами К. Аксакова заявлявшая, однако, что «русское воззрѣніе» не было бы «русскимъ», еслибы не было «общечеловѣческимъ». Вся эта шеренга, вѣрная «аннибаловой клятвѣ» 40 годовъ, т. е. освобожденію крестьянъ съ землею, сходясь въ этомъ главномъ безусловно, лѣвымъ флангомъ впередъ наступала, пока не перевалила роковой рубежъ 19 февраля 1861 года. Затѣмъ значеніе Герцена и «Колокола», вмѣстѣ съ подпиской на послѣдній, пало. Въ 1863 г., въ моментъ «повстанья», Герценъ написалъ статью «Поляки насъ прощаютъ!»—и отъ него отвер-

нулись либеральные, но патріотичные умѣренные элементы русскаго общества. Въ 1866 г., когда прогремѣлъ выстрѣлъ политическаго маніака Каракозова, Герценъ осудилъ это гнусное злоумышленіе и потерялъ популярность среди радикально-революціонныхъ элементовъ русской эмиграціи. Затѣмъ Добролюбовъ въ 1861 г. умеръ, а Чернышевскій скоро исчезъ изъ литературы. «Современникъ» медленно угасалъ. Въ «Русскомъ Словѣ» Писаревъ занялся радикальнымъ..... истребленіемъ эстетики и полемикой съ г. Антоновичемъ, которая по выразительности скоро достигла лаконической силы заборныхъ надписей.

1863 и 1866 гг. создали широкій успѣхъ Каткова, и онъ явился уже тѣмъ Катковымъ, котораго мы знаемъ,—націоналистомъ-государственникомъ. Но свое положеніе Катковъ завоевалъ не безъ боя. Въ 1866 г., наканунѣ выстрѣла Каракозова, либеральный министръ Валуевъ запретилъ было «Московскія Вѣдомости». Пріѣхавъ въ Москву, государь Александръ Николаевичъ далъ аудіенцію Каткову и сказалъ ему: «Пиши. Я—твоя защита». Катковъ возродился. Славянофилы, между тѣмъ, со своими журналами безъ подписчиковъ сидѣли (по выраженію Каткова) въ положеніи человѣка, собравшагося чихнуть, и все не чихающаго. Въ 1868 г. преобразуются «Отечественныя Записки» во главѣ съ Щедринымъ и Елисѣевымъ; тогда же возникаетъ «Вѣстникъ Европы» Стасюлевича, Пыпина и Арсеньева. Печать семидесятыхъ годовъ, утративъ съ осуществленіемъ реформъ унисонъ пятидесятыхъ годовъ и пройдя черезъ хаосъ и ничтожество мысли шестидесятыхъ, возродилась въ видѣ чрезвычайно стройнаго, на западный ладъ, органа общественнаго мнѣнія. Тутъ видимъ:

Демократическую правую: органы славянофиловъ.

Крайнюю правую: «Гражданинъ» кн. Мещерскаго.

Правую умѣренную: національно-государственныя «Московскія Вѣдомости» и «Русскій Вѣстникъ» Каткова.

Центръ: сначала «С.-Петербургскія Вѣдомости» Валентина Корша, потомъ «Голосъ» Краевскаго — органъ петербургской

бюрократіи, съ принципомъ «съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой нельзя не признаться», но да будетъ прочно и неизмѣнно двадцатое число...

Лѣвая умѣренная: «Вѣстникъ Европы» Стасюлевича.

Лѣвая демократическая: «Отечественныя Записки» Щедрина и Елисѣева—органъ соціалъ-народническій.

Радикальная «гора»: «Дѣло» Благосвѣтлова.

Конечно, всѣ эти оттѣнки были очень блеклыхъ, слабыхъ тоновъ и въ общемъ не столько напоминали радугу, смѣлой аркой выгнутую надъ землею, сколько радужно переливающійся утренній туманъ, за которымъ, вопреки законамъ природы, восхода солнца не предполагалось. Тѣмъ не менѣе, «роза вѣтровъ» печати семидесятыхъ годовъ, съ опредѣленными «направленіями», весьма интересна для историко-критическаго анализа.

Послѣ рокового дня перваго марта печать приняла иной характеръ. Смерть Каткова и Ивана Аксакова, а затѣмъ Щедрина, послѣ запрещенія «Отечественныхъ Записокъ», совершенно стерла у насъ какъ консервативно-національную печать, такъ и печать дозволенной оппозиціи—радикально-народническую. Это явленіе весьма замѣчательное. Въ «концѣ вѣка» въ Петербургѣ не было ни одного національно-государственнаго, консервативнаго журнала. Возникшее было въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ «Русское Обозрѣніе» погибло въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики, а «Русскій Вѣстникъ», одно время талантливо веденный Ѳ. Н. Бергомъ, опять удалился въ Москву и тамъ безъ достаточной убѣдительности повторялъ «забытыя слова» консерватизма. Точно такъ-же безобидно и невинно и даже съ предварительной цензурой шамкали «забытыя слова» радикализма эпигоны печати 60-хъ и 70-хъ годовъ. Ежемѣсячники совершенно поблѣднѣли, выродились и къ XX вѣку влачатъ странное существованіе литературныхъ «кататониковъ». Въ такихъ органахъ, какъ «Вѣстникъ Европы», «Русское Богатство», «Русская Мысль», царитъ полное единодушіе безсо-

держательной прострацiи и маразма старости. Эти журналы и ихъ ветхихъ деньми, справившихъ пятидесятилѣтнiе юбилеи служенiя «на славныхъ постахъ» руководителей, несомнѣнно, еще уважаютъ, но уже не читаютъ. Это мертвые органы мертвыхъ людей и мертвыхъ идей. Равнодушiемъ глубокой, хотя и почтенной старости отдаетъ неумолимо-презрительное отношенiе этихъ органовъ ко всей молодой литературѣ, къ начинающимъ писателямъ. Они убѣждены, что «лучше не скажешь», какъ уже было нѣкогда въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтiя ими сказано. Сплошь и рядомъ, приступая къ обсужденiю какого-либо изъ нашихъ «проклятыхъ» вопросовъ, публицисты этихъ литературныхъ богадѣленъ просто ссылаются на сказанное ими, положимъ, въ 1868, или 1874, или 1882 году, и, перепечатавъ абзацъ изъ этого «сказаннаго», успокаиваются.

VI.

Должно засвидѣтельствовать на порогѣ XX вѣка, при несомнѣнномъ количественномъ развитiи печати, ея глубокiй духовный упадокъ. Пульсъ жизни, если и бьется, то въ газетахъ. Но здѣсь идея является случайно, урывками и, подчиняясь условiямъ газетнаго производства, въ мельканiи газетной «злобы дня», не находитъ ни достойной себя, мыслящей аудиторiи, ни вдумчивыхъ, а, главное, обладающихъ мѣстомъ и временемъ для этой вдумчивости выразителей.

Много причинъ, конечно, глубокаго духовнаго упадка русской печати, какъ органа мысли русскаго народа; однако, кто вѣритъ въ этотъ народъ и его духовныя силы, тотъ не можетъ отчаиваться за будущее родного слова. Печать возродится, но, конечно, только вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ.

Независимая, правдивая нацiональная мысль, честное, свободное, строгое слово; органы нацiонально-государственной церковной и земской мысли, но независимые, поддержанные чут-

кой и отзывчивой читательской средой; мысль гражданская, не только сочувственная русской идеѣ и русскому дѣлу, но и безпощадно-обличительная, по отношенію всего, что это дѣло роняетъ,—вотъ, что намъ нужно, вотъ, чего должно пожелать въ юбилей двухсотлѣтія русской печати. Слово правды! Оно всѣмъ нужно. Безъ него все плѣсневѣетъ, гніетъ, разлагается.

Говорить смѣло истину русскому народу—вотъ задача печати! Конечно, дать такое слово печати бюрократическимъ распоряженіемъ нельзя: духовная свобода и, стало быть, истинная свобода печати дается природою, а не закономъ. Пусть пробудится русское чувство въ груди русскаго человѣка,—и свободное слово само сорвется съ устъ его, и никакія силы въ мірѣ это слово не остановятъ, какъ нельзя остановить кипѣнія выдѣляющихся частицъ газа въ гейзерѣ! Такой пробки не найдется, которою можно было бы закупорить древнюю стклянницу съ игристымъ виномъ тысячелѣтнимъ народнаго духа! А когда онъ поникъ, упалъ, ушелъ въ подспудныя области, среди «лѣниво-равнодушныхъ, шальныхъ, балованныхъ дѣтей» и черни интеллигентной; среди тупыхъ и недальновидныхъ потомковъ великихъ предковъ, равнодушно продающихъ скупщику обагренные святой русской кровью камни своихъ кремлей,—никакими декретами «свободы» слова и совѣсти не насадишь! Ибо какъ дать свободу тому, чего нѣтъ? Какъ освободить совѣсть настолько безсовѣстнаго существа, что для него нѣтъ прошлаго, нѣтъ будущаго, а только «день мой—вѣкъ мой», кабакъ—Шато, вино—Клико и дѣва—Шантанъ.

Но почтимъ двухсотлѣтніе труды писателей,—тружениковъ и страстотерпцевъ русской печати! Вспомнимъ, независимо отъ ихъ направленій и мнѣній, рядъ свѣтлыхъ людей, чистая, святая личность которыхъ должна быть путеводной звѣздой на тернистомъ пути журналистики. Печать, которая можетъ назвать много безкорыстныхъ рыцарей слова, хотя бы уже отшедшихъ, но не умершихъ въ общественномъ сознаніи, не

должна отчаиваться въ своемъ будущемъ. Пусть огонь душевный этихъ людей осѣнитъ русскую печать, выжжетъ всю скверну, въ ней нынѣ угнѣздившуюся, очиститъ, возродитъ ее, и да будетъ эта печать свободнымъ, стойкимъ, честнымъ слугою Россіи и выразительницей лучшихъ, благороднѣйшихъ думъ и чаяній ея!

НАЧАЛО РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Цензура, какъ правильно организованное, постоянное учрежденіе, возникаетъ сравнительно поздно. Хотя гоненія на человѣческое слово—стары, какъ міръ. Древняя цивилизація была почти цѣликомъ повергнута въ огонь рукою фанатизма.

Въ 406 г. брошены въ огонь книги Сивиллъ. Въ 642 г. сарацинами сожжена, по совѣту Деметрія Фалерскаго, Александрійская библіотека, основанная Птоломеемъ Сотеромъ. Въ теченіе 6 мѣсяцевъ рукописями топились всѣ бани въ Александріи. «Если въ этихъ книгахъ говорится то же, что въ Коранѣ—онѣ безполезны. Если иное—онѣ вредны». Черезъ тысячу лѣтъ французская чернь, отрубая голову Лавуазье, вопіяла: «Революціи не надобно химиковъ».

Въ шестомъ вѣкѣ много сожжено античныхъ памятниковъ письменности, по приказанію папы Григорія Великаго.

Въ XI в., по повелѣнію шведскаго короля Олая, брошены въ огонь руническія книги.

Въ 1508 г. кардиналъ Хименесъ сжегъ 100,000 арабскихъ рукописей.

Въ 1510 г. императоръ Максимиліанъ предписалъ сжигать всѣ еврейскія книги, кромѣ библіи.

И такъ далѣе. Въ Россіи еще въ XVII столѣтіи наши патріархи подвергали проклятію и отлученію многія книги, изданныя въ Кіевѣ малороссійскими учеными.

Но только съ конца XVIII вѣка начинается дѣйствительная исторія цензуры—какъ организованнаго учрежденія.

Въ «Полномъ собраніи законовъ» находятся постановленія 1720—1722 гг., но лишь о церковныхъ книгахъ, исправленіе которыхъ ввѣрялось синоду.

Въ 1732 г. запрещено было ввозить въ Россію книги, уже напечатанныя при академіи. Елисавета повелѣваетъ отобрать и «переправить» церковныя и гражданскія книги, печатанныя при Аннѣ Іоанновнѣ,— и рѣшаетъ не допускать въ продажу иностранныхъ и русскихъ книгъ, въ которыхъ упоминаются «имена персонъ, бывшихъ въ два правленія». Высказываетъ Елисавета мысль и о необходимости просмотра вообще заграничныхъ книгъ, но осуществленія этой мысли не послѣдовало.

Синодъ разсматривалъ,за неимѣніемъ новыхъ,старыя книги, давно вышедшія въ свѣтъ. Такъ, въ 1749 году велѣно было отбирать книгу: «Ѳеатронъ, или позоръ историческій», переведенную съ латинскаго Гавріиломъ Бужинскимъ и изданную въ 1724 году [1]). Тредьяковскій доносилъ синоду на переводъ разсужденія Фонтенеля «О многочисленности населенныхъ міровъ», доказывая еретичность такого мнѣнія. 11 ноября 1745 года, при докладѣ канцлера, Елисавета приказала: привозимыя на корабляхъ и сухимъ путемъ книги отбирать и объявлять синоду, нѣтъ ли въ нихъ противностей вѣрѣ. И когда указъ былъ написанъ, и Елисавета выслушала его, то Бестужевъ представилъ, что такое распоряженіе будетъ очень тяжело, такъ что никому нельзя будетъ достать изъ чужихъ краевъ никакихъ нужныхъ для обученія и историческихъ книгъ, ибо, когда всѣ такія книги будутъ свидѣтельствовать, то для прочтенія каждой потребуется немалое время, и кому она будетъ надобна, тотъ дожидаться можетъ. Пусть такимъ образомъ свидѣтельствуются только церковныя книги, а прочія, историческія и другія, пусть

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Книга пятая, 617. Изд. Общ. Пользы.

свободно привозятся и въ народѣ употребляются. Императрица оставила указъ у себя для разсужденія съ архіереемъ Крутицкимъ. Это—первая мысль объ иностранной цензурѣ.

Ученому учрежденію, академіи наукъ, принадлежала цензура сочиненій, бывшая прежде у сената. Въ регламентаціи и сосредоточеніи цензуры въ XVIII вѣкѣ не имѣлось нужды, такъ какъ литература была слишкомъ ничтожна, состояла почти изъ однихъ панегириковъ и за страхъ, и за совѣсть, кругъ читателей ограничивался верхами общества, писатели сочиняли по непосредственному почину верховной власти. Петръ самъ держалъ корректуру. Писатели екатерининскаго вѣка были придворными, окружали въ расшитыхъ кафтанахъ престолъ монархини-вольтеріанки, съ дареными табакерками въ рукахъ, съ камергерскими ключами на поясницѣ. Что касается первой половины столѣтія, то съ ученымъ сословіемъ тогда обходились безъ цензуры. Волынскій просто давалъ оплеухи и билъ тростью профессора элоквенціи Василія Кирилловича Тредьяковскаго за недоставленіе оды къ сроку.

Екатерина II, по вступленіи на престолъ, запрещаетъ «Меморіи Петра III».

Такимъ образомъ, разрозненные акты цензурнаго характера до 1796 г. главнымъ образомъ имѣли подкладкой или борьбу «латинской» партіи съ «люторской» въ нашемъ высшемъ духовенствѣ, или борьбу династическую.

Только съ 1796 г. начинается борьба правительства съ «вредными» идеями.

Князь А. Прозоровскій еще 20-го мая 1792 года писалъ императрицѣ, «чтобъ повелѣть изволили положить границы книгопродавцамъ книгъ иностранныхъ и отнять способы еще на границахъ и при портахъ подобныя сему книги вывозить, а паче изъ разстроенной нынѣ Франціи, служащія только къ заблужденію и разврату людей, не основанныхъ въ правилахъ честности». Для сего потребно «генеральное учрежденіе».

16-го сентября 1796 г. послѣдовалъ указъ сенату:

«Въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ, признали мы за нужное слѣдующія распоряженія:

1) Въ обоихъ престольныхъ городахъ нашихъ, С.-Петербургѣ и Москвѣ, подъ вѣдѣніемъ сената, въ губернскомъ же и приморскомъ городѣ Ригѣ и намѣстничествѣ Вознесенскаго въ приморскомъ городѣ Одессѣ и Подольскаго при таможнѣ радзивилловской, къ которымъ единственно привозъ иностранныхъ книгъ по изданному вновь тарифу дозволенъ, подъ наблюденіемъ губернскихъ начальствъ—учредить цензуру, изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ составляемую.

2) Никакія книги, сочиняемыя или переводимыя въ государствѣ нашемъ, не могутъ быть издаваемы, въ какой бы то ни было типографіи безъ осмотра отъ одной изъ цензуръ, учреждаемыхъ въ столицахъ нашихъ, и одобренія, что въ таковыхъ сочиненіяхъ или переводахъ ничего Закону Божію, правиламъ государственнымъ и благонравію противнаго не находится.

3) Учрежденныя, какъ выше сказано, въ обѣихъ столицахъ, такожъ въ Ригѣ, Одессѣ и при таможнѣ радзивилловской цензуры должны наблюдать тѣ же самыя правила и въ разсужденіи привозимыхъ книгъ изъ чужихъ краевъ такъ, что никакая книга не можетъ быть вывезена безъ подобнаго осмотра, подвергая сожженію тѣ изъ нихъ, кои найдутся противными Закону Божію, верховной власти, или же развращающія нравы».

22-го октября 1796 г. указъ: «Составить въ каждомъ мѣстѣ изъ трехъ особъ—изъ одной духовной, одной гражданской и одной ученой», цензуры. «Духовныхъ особъ избрать синоду, гражданскихъ—сенату, а ученыхъ—академіи наукъ и московскому университету». А избраннымъ цензорамъ въ свою очередь «сочинить себѣ штаты, сколько потребно канцелярскихъ служителей, и на нихъ, и на канцелярскіе расходы—денегъ, и оные штаты представить сенату».

Только уже при Павлѣ Петровичѣ, къ марту 1796 г., полный составъ цензоровъ былъ избранъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ (1797—1799) было конфисковано 639 книгъ, изъ которыхъ 552 — только при одной рижской таможнѣ, гдѣ усердствовалъ цензоръ Ѳедоръ Осиповичъ Туманскій, который, «пятнадцать лѣтъ въ одномъ чинѣ влачивъ», теперь старался выдвинуться нарочитою дѣловитостью, обще съ протоіереемъ Тихомировымъ и «ученымъ» цензоромъ—Иноходцевымъ. Въ 1800 г. онъ запретилъ къ продажѣ въ Россіи нѣмецкій переводъ «Писемъ русскаго путешественника» Карамзина, сдѣланный Рихтеромъ въ Лейпцигѣ, ибо Карамзинъ въ 1791 г. написалъ рѣзкую рецензію на переведенное Туманскимъ сочиненіе Палефита «О невѣроятныхъ сказаніяхъ».

За два года существованія рижской цензуры ввозъ книгъ сюда сократился, зато значительно увеличился въ петербургскомъ портѣ, ибо петербургскіе цензоры были безконечно снисходительнѣе Туманскаго, который нашелъ опасными Свифта, Виланда, Гете, Шиллера, Канта, Гердера, Клопштока, не говоря уже о Руссо и Вольтерѣ. За изображенія католическихъ монаховъ пострадалъ Боккачіо. Не дозволялось критиковать «новоучрежденные властію римско-католической церкви требники», задерживались всѣ книги, гдѣ разсказывалось о любовныхъ похожденіяхъ королей и принцевъ, нельзя было хвалить «просвѣщеніе вѣка», мечтать о «золотомъ вѣкѣ», говорить, что всѣ люди—и государь, и нищій—братья.

Императоръ Павелъ повелѣлъ, «чтобы впредь всѣ книги, коихъ время изданія помѣчено какимъ-нибудь годомъ французской республики, были запрещаемы».

11-го февраля 1798 г. была учреждена цензура при радзивилловской таможнѣ «для губерній Волынской, Подольской и Минской». Чрезъ эту цензуру «единственно провозъ книгъ по тому краю дозволенъ быть долженствуетъ».

17-го мая 1798 г. послѣдовалъ указъ объ учрежденіи цензуры при всѣхъ портахъ:

«Правительство, нынѣ во Франціи существующее, сказано въ указѣ, желая распространить безбожныя свои правила на всѣ устроенныя государства, ищетъ развращать спокойныхъ обитателей оныхъ сочиненіями, наполненными зловредными умствованіями, стараясь тѣ сочиненія разными образами разсѣявать въ общества, наполняя даже оными газеты свои... Многіе газетчики отступаютъ отъ прямой цѣли должности своей, а ищутъ, по подущенію же французовъ, или по собственнымъ своимъ дурнымъ расположеніямъ подражать имъ... за нужное признаемъ... устроить во всѣхъ портахъ цензуру».

Не находилось цензоровъ, и 16-го апрѣля 1799 г. цензура была учреждена не во всѣхъ портахъ, а лишь при Кронштадтскомъ, Ревельскомъ, Выборгскомъ, Фридрихсгамскомъ и Архангельскомъ—въ другіе порты книгамъ, газетамъ и всякаго рода сочиненіямъ доступъ былъ совсѣмъ запрещенъ.

22-го іюня 1799 г. была учреждена цензура въ Вильнѣ, для разсмотрѣнія книгъ, ввозимыхъ черезъ границу.

18-го апрѣля 1800 г. совершенно былъ запрещенъ ввозъ въ Россію иностранныхъ книгъ.

Въ сочиненіи «Une année mémorable de ma vie» (Berlin, 1802) Коцебу разсказываетъ:

«Г-нъ Туманскій, столько времени бывшій страшилищемъ города Риги, окончилъ самымъ печальнымъ образомъ свою роль. Съ бѣшенствомъ относясь къ презрѣнію, ему повсюду выражаемому, онъ вознамѣрился погубить всѣхъ жителей этого добраго города и съ этою цѣлью сдѣлалъ на нихъ на всѣхъ доносъ императору, какъ на якобинцевъ, препроводивъ ко двору длинный листъ, на которомъ находились имена главныхъ гражданъ и должностныхъ, офиціальныхъ лицъ города, а во главѣ всѣхъ ихъ имя достойнаго, стараго генералъ-губернатора Нагеля».

Александръ I, прочтя доносъ, сказалъ, что Туманскій сошелъ съ ума, и отставилъ его съ пенсіей отъ должности. Онъ умеръ въ 1805 г.

Если духовная цензура, въ вѣдѣніи іерарховъ церкви, су-

ществовала еще и до Петра I, то цензура гражданская иностранныхъ книгъ и, наконецъ, театральная, возникли только при Екатеринѣ II.

«Театръ есть школа народная,—писала императрица,—она должна быть непремѣнно подъ моимъ надзоромъ, я старшій учитель въ этой школѣ, и за нравы народа мой отвѣтъ Богу».

Столкновенія съ цензурой до 1790 г. всѣ кончались въ пользу драматурговъ.

Такъ, послѣ того, какъ «Недоросль» былъ представленъ на Эрмитажномъ театрѣ въ Петербургѣ и Медоксъ задумалъ поставить пьесу у себя, московская цензура, въ лицѣ профессора Чеботарева, потребовала вычеркнуть «опасныя мѣста» изъ тирадъ Стародума.

Однако дѣло удалось устроить, и 14-го мая 1783 г. «Недоросль» шелъ на Петровскомъ театрѣ («Московск. Вѣд.» 1783. № 38. Объявленія).

Исторія русской цензуры естественно распадается на три періода. Первый періодъ—XVIII вѣкъ, когда правильная регламентація по цензурной части отсутствовала.

Какъ бы то ни было, въ этотъ первый періодъ предупредительная цензура не организована, находится въ рукахъ самихъ монарховъ, синода, сената, академіи, потомъ губернаторовъ, полиціи, училищной комиссіи, кураторовъ Московскаго университета и т. д. Карательная цензура дѣйствуетъ по случайнымъ поводамъ.

Второй періодъ—съ 1804 по 1865 годъ—періодъ предупредительной цензуры, когда былъ созданъ уставъ и центральное учрежденіе цензуры. Этотъ періодъ распадается на четыре эпохи: съ 1804 по 1828 годъ — дѣйствіе устава Александра I; съ 1828 по 1848 годъ — дѣйствіе исправленнаго устава 1826 года, первоначально сочиненнаго Шишковымъ и Шихматовымъ; съ 1848 по 1855 годъ — эпоха бутурлинскаго

«огнегласна» комитета, крайней нетерпимости и мыслебоязни; четвертая эпоха съ 1855 по 1865 годъ; это время переходное, когда мало-по-малу, подъ вліяніемъ реформъ Александра II, все настоятельнѣе выяснялась необходимость замѣны цензуры «предварительной» цензурою «послѣдовательной», «карательной» или такъ-называемой «свободой печати».

Третій періодъ исторіи русской цензуры, съ 1865 года по наши дни,—періодъ введенія и дѣйствія карательной цензуры въ довольно своеобразной формѣ.

ОЧЕРКИ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ И НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Эпоха расцвѣта литературы.—«Акушеры» русской словесности.—Ѳаддей Булгаринъ въ подозрѣніи.—Булгаринскій служебный «кондуитъ».—Булгаринъ въ Мадридѣ, Варшавѣ и Петербургѣ.—Литературный «кондуитъ» Булгарина.—Дамскій журналъ на польскомъ языкѣ.—«Сѣверный Архивъ».—Отзывы о Булгаринѣ «Полярной Звѣзды». — Дружба Грибоѣдова съ Булгаринымъ. — Länchen und Tante.—Записка Булгарина о цензурѣ (1826 г.). Проектъ управленія «общимъ мнѣніемъ».—«Элементы» читающей публики.—«Вышнее сословіе».—«Среднее состояніе».—Характеристика читателей 20-хъ годовъ въ «Московскомъ Телеграфѣ».—«Нижнее состояніе».—Священный предметъ въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ. — «Бездѣлица» для занятія умовъ. — Характеристика александровской цензуры.—«Общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо».—Опасеніе Булгарина, что его «заключютъ» въ министерствѣ просвѣщенія.—Цензурный уставъ 1804 года.—Либерально-идиллическій духъ его.—Суровая проза дѣйствительности.—«Evolutions périodiques».—Катавасія съ Наполеономъ.—«Твердыя правила» кн. Голицына.—Его борьба за вѣру.—Анаѳематствованіе Голицына монахомъ Фотіемъ. — Отношеніе александровской цензуры къ вопросу о крѣпостной зависимости. — «Неприличности» въ «Духѣ журналовъ». — Размноженіе цензуръ. — Цензурные

курьезы александровскаго времени. — Запрещеніе книгъ безъ еровъ. — Почему литературѣ было труднѣе подъ николаевской цензурой.

I.

Тридцатые, сороковые и пятидесятые годы истекшаго столѣтія—время наивысшаго расцвѣта нашей художественной литературы. На протяженіи трехъ десятилѣтій столпились таланты чрезвычайной силы, явились прямо геніи. Во всѣхъ областяхъ художества слова неизсякаемымъ ключемъ било свѣжее, вдохновенное творчество. Великія произведенія являлись одно за другимъ. Поэты и прозаики выступали плеядами. Въ блескѣ крупнѣйшихъ звѣздъ исчезали менѣе яркія, и многое нами забыто лишь потому, что поблѣднѣло предъ совершенными созданіями великихъ мастеровъ, хотя взятое само по себѣ обличаетъ крупное дарованіе.

Время было въ высшей степени своеобразное, которое такъ характеризуетъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» Тургеневъ: «Ничего даже не шевелилось, а только бродило — глубоко, но смутно — въ нѣкоторыхъ молодыхъ умахъ. Литературы, въ смыслѣ живого проявленія одной изъ общественныхъ силъ, находящагося въ связи съ другими столь же и болѣе важными проявленіями ихъ, — не было, какъ не было прессы, какъ не было гласности, какъ не было личной свободы, а была словесность, и были такіе словесныхъ дѣлъ мастера, какихъ мы уже потомъ не видали» [1]).

«Литературы не было, а была словесность, не было литераторовъ, а были великіе мастера словесныхъ дѣлъ». Чтобы понять, что хочетъ этимъ сказать Тургеневъ, надо вникнуть въ положеніе печати николаевской эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, окажется, что литературы тогда не было, что она была прямо упразднена, но... все великое, все безсмертное, все вознесшее

[1]) Соч. Изд. 3-е. 1891. Томъ X, стр. 13—14.

русскую словесность на вершины недосягаемаго совершенства несравненной художественности именно тогда, въ николаевскіе дни, явилось.

Тридцатые годы — время полной зрѣлости пушкинскаго генія. За «Борисомъ» является рядъ его драматическихъ произведеній, является проза его. Рядомъ творятъ Лермонтовъ, Гоголь, всѣ замыслы котораго зародились въ это десятилѣтіе и только довершены были въ слѣдующее. Первый очеркъ «Мертвыхъ душъ» еще успѣлъ Гоголь прочесть Пушкину. «Ревизоръ» явился на сценѣ. Въ области лирики—Кольцовъ, Полежаевъ, Щербина. Наконецъ, тридцатые годы богаты второстепенными, замѣчательными беллетристами, потонувшими въ лучахъ пушкинской и гоголевской славы. Одоевскій, Бестужевъ-Марлинскій, Погорѣльскій, Ушаковъ, Загоскинъ, Лажечниковъ, Полевой, Кукольникъ, Квитка, Вельтманъ, Бѣгичевъ, Павловъ, даже Гречъ и Сенковскій,—все это были люди, богато одаренные. Сороковые годы—расцвѣтъ критическаго таланта Бѣлинскаго. Вырабатываются міросозерцанія западниковъ и славянофиловъ, и въ обоихъ кружкахъ выступаютъ головы одна другой замѣчательнѣе. Въ области прозы въ сороковые годы написаны: «Герой нашего времени» Лермонтова, «Мертвыя души» Гоголя, «Бѣдные люди» Достоевскаго, «Хорь и Калинычъ» Тургенева, «Обыкновенная исторія» Гончарова, «Антонъ горемыка» Григоровича... Расцвѣтъ «натуральной» школы прозаиковъ. Въ поэзіи новая плеяда — Майковъ, Полонскій, Фетъ, Некрасовъ, Шевченко, Плещеевъ, Огаревъ. Въ области драмы Островскій. Наконецъ, въ пятидесятые годы выступаетъ весь пантеонъ русской литературы XIX-го вѣка. Въ критикѣ и публицистикѣ: Кирѣевскій, Катковъ, Леонтьевъ, О. Миллеръ, Пироговъ, Анненковъ, Дружининъ, Хомяковъ, Аксаковы, Чернышевскій, Добролюбовъ. Въ романѣ — Левъ Толстой, явился Щедринъ, Писемскій; написаны: «Рудинъ» и «Дворянское гнѣздо», «Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы Багрова внука», «Тысяча душъ», «Обломовъ».

Въ поэзіи выступаетъ новая плеяда: Никитинъ, гр. А. Толстой, Мей, Михайловъ, Апухтинъ, Случевскій, раскрылся Тютчевъ въ «Современникѣ». Наконецъ, являются новыя комедіи Островскаго. Если первыя десятилѣтія вѣка и особенно 20-е годы можно назвать весною нашей самобытной литературы, для которой весь XVIII-й вѣкъ былъ школьными годами, то 30-е, 40-е и 50-е годы можно уподобить пышному лѣту, гдѣ всѣ цвѣты развернулись, всѣ завязи были оплодотворены живительной цвѣтенью, и вторая половина столѣтія является уже осенью, порой полнаго налива и созрѣванія нашего умственнаго, духовнаго урожая.

Что же значатъ слова Тургенева: «Была словесность, были мастера словесности—литературы не было»? Не было условій для полнаго проявленія творческихъ силъ словесности. Цвѣтеніе духовной нивы нашей происходило въ условіяхъ неблагопріятныхъ въ высшей степени. Слово въ глубинѣ сознающаго духа народнаго зрѣло, и младенецъ долженъ былъ родиться богатыремъ. Но при разрѣшеніи отъ литературнаго бремени стояли акушеры, которые платонически воздыхали о невозможности затворить чрево рождающее, и во всякомъ случаѣ мѣшали, сколько могли, правильному рожденію. Увы, сколько первородящихъ нашей литературы сгибло отъ этой опеки! Сколько плодовъ беременѣющаго духа явились на свѣтъ Божій искалѣченными, недоразвитыми! Писатели умирали рано, дѣлали мало. И это понятно. Въ трудномъ, болѣзненномъ дѣлѣ своемъ они не встрѣчали помощи. Окружающее сдѣлало все, чтобы отравить ихъ существованіе. И едва ли не треть нашего умственнаго урожая осыпалась на корню.

Для правильной оцѣнки литературы нашей является поэтому совершенно необходимымъ изученіе цензурныхъ условій, при которыхъ ей пришлось дѣйствовать. А такъ какъ именно 30-е, 40-е и 50-е годы являются временемъ нашего литературнаго цвѣтенія и всѣхъ зачатій, во всѣхъ областяхъ мысли и слова, такъ какъ именно въ эти десятилѣтія создались совершенные

образцы прозы, лирики, драмы и положены основы какъ русскаго самосознанія, такъ и эстетической критики и всѣхъ ея традицій, то особенно важно изученіе николаевской цензуры.

II.

Роковой день 14-го декабря 1825 года должно помѣтить въ числѣ черныхъ дней въ отношеніи литературы. Отсюда развилась крайняя степень «мыслебоязни» въ правящихъ сферахъ, и сразу литература очутилась въ положеніи заподозрѣнной, тайно злонамѣренной области. Все, прикосновенное къ литературѣ, представлялось напуганной администраціи элементами опасными, неблагонадежными. Такъ, 9-го мая 1826 г. дежурный генералъ главнаго штаба Потаповъ пишетъ с.-петербургскому военному губернатору Кутузову: «Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы ваше превосходительство имѣли подъ строгимъ присмотромъ находящагося здѣсь отставного французской службы капитана Булгарина, извѣстнаго издателя журналовъ» [1]).

Генералъ просилъ ему доставить «справку о службѣ» этого «извѣстнаго издателя журналовъ». По справкѣ оказалось:

«Подпоручикъ Ѳаддей Булгаринъ изъ дворянъ Минской губерніи; за отцомъ его 750 душъ крестьянъ мужескаго пола». Въ службу вступилъ изъ кадетъ 1806 г. По неспособности къ кавалерійской службѣ переведенъ въ 1809 г. въ гарнизонный полкъ. По худой атестаціи въ кондуитномъ спискѣ отставленъ отъ службы 1811 года. По кондуитному списку: «По службѣ ведетъ себя дурно, способности ума имѣетъ хорошія, пьянству иногда преданъ, въ хозяйствѣ хорошъ».

Единственное благопріятное для Ѳаддея Венедиктовича обстоятельство въ этой «справкѣ» то, что отецъ «многодуш-

---

[1]) «Русская Старина», сентябрь, 1900. Къ исторіи русской литературы. Сообщ. Н. Д. Стр. 576.

ный» помѣщикъ, богачъ, въ 750-ти душахъ, т. е. прямо милліонеръ. Представьте человѣка, на котораго круглый годъ работаетъ 750 работниковъ! Тутъ умѣстно исправить обычное представленіе о Булгаринѣ, какъ о «плебейцѣ». По крайней мѣрѣ, Пушкинъ, Вяземскій и вся литературная «аристократія» противопоставлялась партіи «плебейцевъ — Гречу, Сенковскому, Булгарину, Полевому. Это происходило потому, что занятіе журналиста-газетчика представлялось плебейской частью литературы. Пушкинъ говоритъ въ одномъ изъ писемъ своихъ: «Заниматься журналистикой все равно, что чистить ну—никъ». Но Булгаринъ былъ сынъ польскаго магната, крупнаго помѣщика, и, вѣроятно, въ первой части своего «Ивана Выжигина» онъ изображаетъ отеческій домъ свой съ его сочетаніемъ расточительности и отсутствія примитивнѣйшихъ удобствъ. У описаннаго въ романѣ пана за его огромнымъ столомъ былъ такъ называемый «сѣрый конецъ», гдѣ можно было остаться голоднымъ. «Гордость свою панъ основалъ на древности своего рода, доказывая ее судебными протоколами, въ которыхъ записаны были въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ жалобы на разбои его предковъ и рѣшенія, осуждающія ихъ на висѣлицу». Описывается празднество въ усадьбѣ: «Въ первый разъ въ теченіе года потревожены были пауки и согнаны съ фамильныхъ портретовъ. Дубовыя и ольховыя кресла обтянули новою холстиною (sic!). Полы выскоблили наново, потому что отмыть ихъ было невозможно...». Разгульная, безалаберная, хвастливая жизнь панства описана Булгаринымъ очень живо. И не мудрено. Онъ писалъ съ натуры.

Во всякомъ случаѣ «справка» произвела дурное впечатлѣніе, и «извѣстный издатель журналовъ» спѣшитъ оправдаться.

«Будучи произведенъ въ офицеры въ весьма молодыхъ лѣтахъ», пишетъ онъ Потапову 12-го мая 1826 года, «я дѣлалъ школьническія шалости, увлекаясь примѣрами товарищей и пылкостью моего характера. Принужденъ будучи оставить россійскую службу, я въ Варшавѣ, во время существованія герцог-

ства, увлекся общимъ стремленіемъ умовъ, страстью къ путешествіямъ, блескомъ славы Наполеона и вступилъ въ службу подъ его знамена (сражался въ Испаніи). Въ извиненіе сего ничего не могу представить, кромѣ польскаго моего происхожденія и моей неопытности. Всегда, однако-жъ, я сохранялъ братскую любовь къ Россіи и не участвовалъ въ войнѣ 1812 года. Когда въ 1814 году имперія Наполеона разрушилась, и разнородныя племена, составлявшія его армію, разбрелись во-свояси, какъ послѣ Вавилонскаго столпотворенія, я въ семъ общемъ хаосѣ, получивъ отъ французскаго правительства видъ, возвратился въ Варшаву». Описавъ затѣмъ, какъ изъ Варшавы онъ перебрался въ Петербургъ, поселился тамъ навсегда, занялся литературою, женился, Булгаринъ такъ заключаетъ свое объясненіе: «Я десять лѣтъ подвизаюсь на поприщѣ русской словесности въ столицѣ и въ продолженіе этого времени не подвергнулся ни малѣйшему замѣчанію со стороны правительства, какъ въ отношеніи къ моему поведенію, такъ и въ отношеніи къ моимъ сочиненіямъ. Напротивъ того, я имѣлъ счастіе заслужить благорасположеніе первостепенныхъ чиновниковъ государства и благоволеніе публики... Удаляясь всегда отъ всякихъ политическихъ видовъ, я даже не хотѣлъ никогда вступать въ сословіе франкъ-масоновъ, опасаясь какой нибудь таинственной цѣли» (ibidem, 577 и 578).

Мы дадимъ съ своей стороны литературную справку о томъ десятилѣтіи, въ которое Булгаринъ «подвизался на поприщѣ русской словесности» въ столицѣ, заслуживъ благорасположеніе и благоволеніе первостепенныхъ чиновниковъ и публики.

III.

Своеобразная личность Булгарина, равно какъ и роль его въ литературѣ почти не выяснены безпристрастнымъ ученымъ анализомъ фактовъ и до сихъ поръ остаются подъ слоемъ грязи, которою онъ былъ закиданъ. Булгаринъ—помѣщичій сынокъ,

дѣтище буйной шляхты, выросъ въ домѣ многодушнаго деревенскаго магната, предки котораго четыре столѣтія буйствовали и копили постановленія сеймовъ и литовскаго трибунала, присуждавшія ихъ къ карѣ за разбои и насилія, остававшіяся по обычаю неисполненными... Булгаринъ—авантюристъ, выброшенный водоворотомъ Наполеонова нашествія съ другими поляками въ Испаніи, воспитанный военной славой и бивуачной жизнью тѣхъ годовъ начала вѣка, когда все пришло въ броженіе, отъ Парижа до Москвы, и народы слились въ общій хаосъ. Булгаринъ—полякъ и бонапартистъ, но «сохранившій братскую любовь къ Россіи». Булгаринъ—русскій литераторъ, романистъ и публицистъ, извѣстный издатель журналовъ. Булгаринъ—другъ Грибоѣдова, извѣстнѣйшій писатель, любимецъ публики 20-хъ и 30-хъ годовъ, а потомъ оплеванный, притча во языцѣхъ литературы... Булгаринъ, заподозрѣнный въ неблагонадежности въ 1826 году, а во 2-мъ № «Сѣверной Пчелы» 1831 года напечатавшій слѣдующій отрывокъ изъ письма къ нему Бенкендорфа: «Государь императоръ изволилъ отозваться, что его величеству весьма пріятны труды и усердіе ваше къ пользѣ общей, и что его величество, будучи увѣренъ въ преданности вашей къ его особѣ, всегда расположенъ оказывать вамъ милостивое свое покровительство. Увѣдомляя васъ съ особымъ удовольствіемъ о семъ благосклонномъ отзывѣ его императорскаго величества, съ предоставленіемъ права дать оному гласность, имѣю честь быть и проч.».

Кто же онъ, сей загадочный Ѳаддей? Изъ Варшавы въ Петербургъ онъ пріѣхалъ, будучи уже довольно извѣстнымъ польскимъ писателемъ, и сперва видимо не помышлялъ заняться русской литературой и журналистикой.

18-го іюня 1819 года Ѳ. В. Булгаринъ писалъ князю А. Н. Голицыну, министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія: «Нравы женщинъ имѣютъ толикое вліяніе на духъ народный каждой страны, что желающій распространять между людьми правила нравственности, религіи дол-

женъ начать наставленіемъ женщинъ... Веселою токмо тропою, усѣянною цвѣтами, надлежитъ вести прекрасный полъ, всегда чувствительный и остроумный, ко храму добродѣтели». Затѣмъ Булгаринъ проситъ разрѣшенія издавать въ Петербургѣ «съ нѣкоторыми учеными единоземцами» дамскій журналъ на польскомъ языкѣ.

Хотя при этомъ Булгаринъ высказываетъ весьма прогрессивное сѣтованіе на то, что дамы, «съ тщаніемъ обучаясь искусству, которое прилично имъ можетъ быть только 10-ти или 12-ти лѣтъ не болѣе, а между тѣмъ не радѣютъ о своемъ умѣ, который долженствуетъ служить имъ въ продолженіе всей ихъ жизни», однако, цѣль журнала характерная для поляка, воспитанника іезуитовъ и конфессіонала: «вліять на женщинъ, а чрезъ нихъ на духъ народный». И немудрено, что такая цѣль была поставлена журналомъ. Ниже Булгаринъ говоритъ, что представляетъ планъ его «не прежде», «какъ по одобреніи онаго отличными мужами Польши какъ духовными, такъ и свѣтскими».

Журналъ не былъ разрѣшенъ по той своеобразной причинѣ, что ни одинъ изъ цензоровъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета не зналъ польскаго языка. Тогда въ сентябрѣ 1821 г. Булгаринъ проситъ разрѣшить ему изданіе журнала на русскомъ языкѣ «Мнемозина»—исторіи, статистики, путешествій. Когда разрѣшеніе было получено, онъ просилъ переименовать журналъ въ «Сѣверный Архивъ». И это позволили. Приступилъ Булгаринъ къ издательской дѣятельности 35 лѣтъ[1]). «Съ 1822 г.,—читаемъ въ «Запискахъ» Ксенофонта Полевого,—явился «Сѣверный Архивъ», ученый, дѣльный журналъ, отличавшійся литературнымъ характеромъ... При началѣ журнала, имя издателя его было совершенно неизвѣстно; но черезъ годъ или два имя Ѳ. В. Булгарина заслужило громкую извѣстность»[2]). Однако, матеріальнаго успѣха журналъ не имѣлъ,

---

[1]) «Русская Старина», 1900, сентябрь, стр. 559—563.

[2]) «Записки» стр. 85. Изд. 1888 г.

именно потому, что былъ слишкомъ «ученъ», слишкомъ «дѣленъ», а публика любила «легкое чтеніе». Попечитель Руничъ попытался было предложить округамъ выписывать журналъ, указывая, что «чрезъ умноженіе числа пренумерантовъ г. Булгаринъ получитъ подкрѣпленіе, а сіе усугубитъ ревность его». Однако, округа отвѣтствовали молчаніемъ, и число «пренумерантовъ» осталось то же. Желая оживить журналъ, Булгаринъ проситъ дозволенія издавать прибавленіе: «Литературные Листки», гдѣ бы печатались «замѣчанія о нравахъ и обыкновеніяхъ», «критики», «легкія стихотворенія, изъ коихъ рѣшительно исключаются любовь и вино», «объявленія о книгахъ, эстампахъ, нотахъ, извѣстія о художникахъ и ихъ произведеніяхъ, описаніе достопамятныхъ случаевъ и проч.». Это было ему разрѣшено. Какое же мѣсто занималъ Булгаринъ въ литературѣ двадцатыхъ годовъ?

«Булгаринъ,—говоритъ одинъ писатель,—какимъ вышелъ на литературное поприще, такимъ и сошелъ въ могилу»[1]). Еслибы послѣдняя характеристика была вѣрна, то Булгарина намъ пришлось бы поставить въ первыхъ рядахъ русскихъ писателей и публицистовъ. Въ двадцатыхъ годахъ это былъ чрезвычайно популярный писатель и журналистъ. Пушкинъ долгое время печаталъ свои стихи въ «Русскомъ Архивѣ». Всѣ выдающіеся писатели дружили съ Булгаринымъ. Безусловно враждебенъ былъ ему только Дельвигъ. Въ 1824 году, въ письмѣ Пушкину отъ 28-го сентября, онъ говоритъ: «Нѣтъ ничего скучнѣе теперешняго Петербурга. Вообрази, даже простыхъ шалуновъ нѣтъ! Квартальныхъ некому бить (?). Мертво и холодно! Съ пріѣздомъ Воейкова изъ Дерпта и съ появленіемъ Булгарина литература наша совсѣмъ погибла. Подлецъ на подлецѣ подлецомъ погоняетъ. Ѣздятъ въ Грузино[2]), перебиваютъ другъ у друга случай сдѣлать мерзость, алтынничаютъ».

---

[1]) С. Весинъ. «Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ годовъ». Спб. 1881 г., стр. 108.

[2]) Къ Аракчееву.

Тѣмъ не менѣе въ «Полярной Звѣздѣ» 1823—1825 гг. всѣ петербургскіе литераторы являются вкупѣ, и А. Бестужевъ въ своихъ «Обозрѣніяхъ» такъ отзывается о Булгаринѣ: «Сѣверный Архивъ» (въ С.-Петербургѣ), издатель онаго г. Булгаринъ, съ фонаремъ археологіи спускался въ неразработанные еще рудники нашей старины и сбираніемъ важныхъ матеріаловъ оказалъ большую услугу русской исторіи... Прибавленія къ «Сѣверному Архиву», г. Булгарина же, оживляютъ на берегахъ Невы «Парижскаго Пустынника»[1]). Живой, забавный слогъ и новость мыслей готовятъ въ нихъ для публики занимательное чтеніе, а оригиналы столицы и нравы здѣшняго свѣта—неисчерпаемые источники для его сатирическаго пера»[2]). Въ 1824 г. Булгаринъ соединился съ Гречемъ, и «Сынъ Отечества», «Русскій Архивъ» и «Литературные Листки» превратились въ тріединое изданіе. Въ 1825 г. онъ сталъ издавать газету «Сѣверная Пчела» (до 1857 года). Умеръ Булгаринъ въ 1859 году.

«У насъ недоставало газеты для насущныхъ новостей,—писалъ Бестужевъ,—которая соединяла бы въ себѣ политическія и литературныя вѣсти: гг. Гречъ и Булгаринъ дали намъ ее—это «Сѣверная Пчела». Разнообразіемъ содержанія, быстротою сообщенія новизны, чрезденнымъ выходомъ (т. е. три раза въ недѣлю крошечными листками) и самою формою—она вполнѣ удовлетворяетъ цѣли... «Сѣверный Архивъ» и «Сынъ Отечества» приняли въ свой составъ повѣсти; этотъ вавило-

---

[1]) Жуи (Jouy). Родился 1764 года. Умеръ 1846 года. Пользовался громадной извѣстностью во время Реставраціи. Поэтъ, драматургъ, публицистъ. Его «L'Ermite de la Chaussée-d'Antin ou observations sur les moeurs et les usages français au commencement du XIX siécle» (Paris, 1814—1815, 5 vol.), еще выходя въ видѣ отдѣльныхъ главокъ, облетѣло всю Францію и Европу. Жуи сравнивали съ Вольтеромъ. Въ Россіи онъ былъ переведенъ и высоко ставился, какъ нравоописатель. Ему подражалъ Булгаринъ.

[2]) «Полярная Звѣзда», 1824 г., «Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1823 года», стр. 11 и 12.

низмъ не очень понравится ученымъ, но публика любитъ такое смѣшеніе»[1]). Исторія возникшей во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ вражды Пушкина съ Булгаринымъ въ основѣ своей имѣетъ замѣчаніе послѣдняго по поводу разсужденій поэта о дворянскомъ достоинствѣ. Рылѣевъ былъ не на сторонѣ Пушкина, видя въ немъ подражаніе аристократизму Байрона. Особая была причина размолвки съ Булгаринымъ Жуковскаго и Рылѣева. Булгаринъ задумалъ перебить у Воейкова, родственника Жуковскаго, «Русскій Инвалидъ», который Воейковъ заарендовалъ послѣ того, какъ вышелъ изъ соиздательства съ Гречемъ въ «Сынѣ Отечества».

Булгаринъ предложилъ было двойную аренду. Казалось бы, дѣло коммерческое, но литераторы вознегодовали. Ѳаддей и самъ поспѣшилъ взять свое предложеніе обратно.

Послѣ того, какъ Булгаринъ похвалилъ поэму Рылѣева «Войнаровскій», тотъ забылъ ссору и послалъ Ѳаддею Венедиктовичу благодарственное письмо. Великодушный Ѳаддей возвратилъ письмо, «дабы подлый свѣтъ не перетолковалъ поступка» Рылѣева. Вновь Рылѣевъ отослалъ это письмо Булгарину, съ припиской: «Оно твое»[2]). Грибоѣдовъ до самой смерти сохранялъ горячую дружбу съ Булгаринымъ. Часто поминаетъ онъ Греча и Булгарина въ письмахъ къ петербургскимъ друзьямъ. «Поклонись Булгарину,—пишетъ онъ А. А. Бестужеву изъ Екатериноградской станицы, отъ 22-го ноября 1825 г.—Ни «Пчелы», ни «Сѣвернаго Архива», ни «Сына Отечества» не могу достать, какіе мы здѣсь безграмотные!» «Кланяйся Гречу и Булгарину!»—приписываетъ онъ къ письму оттуда же, отъ 27-го ноября того же года, Кюхельбекеру[3]). Взятый подъ

---

[1]) «Полярная Звѣзда», 1825 г., «Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и въ началѣ 1825 годовъ», стр. 21 и 22.

[2]) См. соч. Рылѣева, подъ редакціей Мазаева, «Письма къ Булгарину».

[3]) Соч. Грибоѣдова, подъ редакціей Шляпкина, т. I, стр. 210 211 и 212.

арестъ въ 1826 г., по подозрѣнію въ соприкосновенности къ 14-му декабря, Грибоѣдовъ пишетъ: «Друзья мои, Гречъ или Булгаринъ, кто изъ васъ въ типографіи? Пришлите мнѣ газетъ какихъ нибудь и журналовъ, и нѣтъ ли у васъ «Чайльдъ-Гарольда»? Меня здѣсь заперли, и я погибаю отъ скуки и невинности. Чуръ! Молчать. Грибоѣдовъ. Главный штабъ, 17-го февраля. Das Papier in's Feuer. Ѳаддей, другъ мой, познакомься съ капитаномъ здѣшнимъ Жуковскимъ, nous sommes camarades comme cochons, можетъ быть, удастся тебѣ и ко мнѣ проникнуть. Я писалъ къ государю, ничего не отвѣчаетъ»[1]). Булгаринъ отвѣчаетъ немедленно. Отъ 11-го декабря 1826 года Грибоѣдовъ пишетъ: «Сарматъ мой любезный! Помнишь ли ты меня? А если помнишь, присылай мнѣ свою «Пчелу» даромъ, потому что у меня нѣтъ ни копейки. Часто, милый мой, вспоминаю о Невкѣ, на берегу которой мы съ тобою дружно и мирно пожили, хотя недолго. Здѣсь твои листки такъ цѣнятся, что ихъ въ клочки рвутъ, и до меня не доходитъ ни строчки, хотя я членъ того клуба, который всякія газеты выписываетъ. Воротилась ли твоя Länchen? Mein Gruss und Kuss. Tantchen auch meine Wünsche für ihr Wohl (т. е. Леночка? Мой привѣтъ и поцѣлуй. Лучшія пожеланія благополучія и тетенькѣ) передай исправно. Гречу поклонись». Подобнаго же рода приписка въ письмѣ Е. И. Булгариной, 5 іюня 1828 г.: «Adieu, bestes Länchen, teure Freundin, ich küsse Sie vom ganzen Herzen und Tante auch. Adieu!» (Прощайте, милая Леночка, дорогой другъ мой, отъ всего сердца цѣлую васъ и танту также. Простите!»[2]) Länchen—Елена Ивановна, жена Булгарина. Tante—мать Е. И. Булгариной, теща, державшая Ѳаддея въ ежевыхъ рукавицахъ, если судить по стихамъ Рылѣева:

Гдѣ Булгаринъ Ѳаддей
Не боится когтей
Танты...

---

[1]) Соч. Грибоѣдова, т. I, стр. 215.
[2]) Соч. Грибоѣдова, т. I, стр. 223, 254.

Наконецъ, всего ярче характеризуетъ горячую дружбу Грибоѣдова съ Булгаринымъ письмо изъ бивуака на Кизанчѣ, на турецкой границѣ, отъ 24-го іюля 1828 г.: «Это было 16-го. Въ этотъ день я обѣдалъ у старой моей пріятельницы (Ахвердовой), за столомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзевой (второй томъ Леночки) [1]), все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилось... выходя изъ-за стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire». Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно, думала, что я ее усажу за фортепіано; вышло не то... я не помню, что я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе, она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ... насъ благословили и т. д.» [2]).

Такія интимныя вещи сообщаются только ближайшему другу.

Булгаринъ, какъ беллетристъ, въ двадцатыхъ годахъ ставился очень высоко. Вотъ что говоритъ объ его прозѣ Бестужевъ въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 года: «Булгаринъ, литераторъ польскій (sic), пишетъ на языкѣ нашемъ съ особой занимательностью. Онъ глядитъ на предметъ съ совершенно новой стороны, излагаетъ мысли свои съ какою-то военною искренностью и правдою, безъ пестроты, безъ игры словъ. Обладая вкусомъ разборчивымъ и оригинальнымъ, который не увлекается даже пылкою молодостью чувствъ, поражая незаимствованными формами слога, онъ, конечно, станетъ въ рядъ свѣтскихъ нашихъ писателей. Его «Записки» объ Испаніи и другія журнальныя статьи будутъ всегда съ удовольствіемъ читаться не только русскими, но и всѣми европейцами» [3]). Интересенъ также отзывъ Николая Полевого, еще до знаменитой полемики съ Гречемъ и Булгаринымъ, въ первыхъ

---

[1]) Т. е. жены Булгарина.

[2]) Соч. Грибоѣдова, т. I, стр. 266 и 267.

[3]) «Полярная Звѣзда» 1823 г., стр. 38 и 39.

еще книжкахъ только что начатаго имъ изданіемъ «Телеграфа»: «Слогъ въ «Сынѣ Отечества» очень хорошъ и правиленъ: г. Гречъ принадлежитъ къ небольшому числу отличныхъ русскихъ прозаиковъ... «Сѣверный Архивъ», издаваемый Ѳ. В. Булгаринымъ съ 1822 г., можетъ быть поставленъ на ряду съ «Сыномъ Отечества».. Съ половины 1823 года г. Булгаринъ присовокупилъ къ своему журналу «Прибавленіе»..., гдѣ было много статей, забавныхъ и пріятно написанныхъ. Вообще журналъ г. Булгарина въ короткое время догналъ старые любимые журналы русскіе и сравнялся съ ними» [1]). Послѣдняя похвала имѣетъ въ виду «Московскій Журналъ» и «Вѣстникъ Европы» Карамзина и «Ежемѣсячныя Сочиненія» Миллера.

Такимъ образомъ, если справка «по службѣ» въ 1826 году была неблагопріятна Булгарину, то справка «по литературѣ» тогда ничего не имѣла бы общаго съ позднѣйшимъ «кондуитомъ» Ѳаддея Венедиктовича.

IV.

Спустя нѣсколько дней послѣ своего оправдательнаго объясненія, Булгаринъ представилъ генералу Потапову весьма любопытную записку «о цензурѣ въ Россіи и о книгопечатаніи вообще». Вотъ что онъ здѣсь говоритъ:

«Большинство голосовъ или сужденій образуютъ общее мнѣніе». «Большая часть людей, по умственной лѣни, занятіямъ, недостатку свѣдѣній, слабости характера, врожденной гибкости ума или раздражительному чувству, гораздо способнѣе принимать и присвоивать себѣ чужое сужденіе, нежели судить сама». «Какъ общее мнѣніе уничтожить невозможно, то гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять онымъ посредствомъ книгопе-

---

[1]) «Московскій Телеграфъ», 1825, № 3, стр. 250.

чатанія». Конечно, само собой разумѣется, что это управленіе «общественнымъ или общимъ мнѣніемъ» посредствомъ «книгопечатанія», т. е. книгъ, журналовъ и газетъ, основанное на людской стадности и страхѣ «смѣть свое сужденіе имѣть», должно проводиться особыми, довѣренными людьми...

Далѣе Булгаринъ ставитъ положеніе:

«Чтобы управлять общимъ мнѣніемъ, надобно знать его стихіи, или элементы», и поочередно разбираетъ «всѣ сословія, составляющія публику»—русскихъ читателей.

Первая «стихія, или элементъ», это «знатные и богатые люди». Сходясь съ удостовѣреніемъ Пушкина, что всѣ они «учились понемногу, чему нибудь и какъ нибудь», Булгаринъ утверждаетъ: «большая часть ихъ—$^{19}/_{20}$, получили самое поверхностное воспитаніе и не имѣютъ даже тѣхъ свѣдѣній, которыя почерпаетъ юношество въ обыкновенныхъ пріуготовительныхъ школахъ Германіи или въ гимназіяхъ литовскихъ и остъ-зейскихъ губерній». Молодые русскіе дворяне отданы на руки гувернеровъ-французовъ, вступаютъ въ свѣтъ, не имѣя никакого понятія о людяхъ и вещахъ и вовсе не зная Россіи. Они смотрятъ на все французскими глазами и судятъ обо всемъ на французскій манеръ. Верхомъ мудрости почитаютъ они правила французскихъ энциклопедистовъ, которыя и называютъ «философіей». Булгаринъ находитъ, что «правительству весьма легко истребить вліяніе сихъ людей на общее мнѣніе и даже подчинить ихъ господствующему мнѣнію дѣйствіемъ приверженныхъ къ правительству писателей. Ихъ легко можно перевоспитать, убѣдить и дать настоящее направленіе ихъ умамъ».

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что здѣсь выражено искреннее, настоящее мнѣніе Булгарина о «знатной и богатой» молодежи 20-хъ годовъ. Въ своемъ «Иванѣ Выжигинѣ», вышедшемъ позднѣе (1829 г.), онъ такъ изображаетъ, между прочимъ, вольнодумца, развращавшаго богатую молодежь: «Адскія свои правила г. Вороватинъ прикрывалъ названіемъ новой фило-

софіи и подъ именемъ правъ натуры и правъ человѣка посѣвалъ въ неопытныхъ сердцахъ безвѣріе и понятіе о скотскомъ равенствѣ». Этотъ «Вороватинъ» сколокъ съ вольнодумца «Развратина» изъ романа Измайлова «Евгеній» (1799—1801), рисующаго нравы средней руки дворянства послѣдней четверти XVIII-го столѣтія. Такимъ образомъ Булгаринъ въ сужденіяхъ своихъ о «богатой и знатной» молодежи отсталъ лѣтъ на 30-ть. Въ самомъ дѣлѣ 20-е годы—время романтизма, сильнаго вліянія Шеллинга и нѣмецкихъ идеалистовъ, съ одной стороны, а съ другой — идей французской реставраціи, Шатобріана, Де-Местра, время Полевого, Надеждина, Чаадаева, Веневитинова, однимъ словомъ время идей, именно отвергавшихъ холодный матеріализмъ энциклопедистовъ — въ существѣ картезіанцевъ и ложно-классиковъ. Очевидное дѣло, что Булгаринъ судилъ о высшихъ кругахъ русскаго общества 20-хъ годовъ по ходячимъ трафаретамъ, по слухамъ, по обличительнымъ, шаблоннымъ статейкамъ послѣдователей Шишкова.

Далѣе Булгаринъ разсматриваетъ второй элементъ читающей публики — «среднее состояніе». Оно состоитъ, по его словамъ, изъ достаточныхъ дворянъ, находящихся на службѣ, и помѣщиковъ, живущихъ въ деревняхъ; изъ бѣдныхъ дворянъ, воспитанныхъ въ казенныхъ заведеніяхъ; изъ чиновниковъ гражданскихъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ мы называемъ приказными; изъ богатыхъ купцовъ заводчиковъ и даже мѣщанъ. Это состояніе самое многочисленное, по большей части, образовавшееся и образующееся само собою посредствомъ чтенія. Оно составляетъ такъ называемую русскую публику. Она читаетъ много и большею частью по-русски, бдительно слѣдитъ за успѣхами словесности и примѣчаетъ быстрый или стѣсненный ея ходъ. Не надобно большихъ усилій, чтобы быть не только любимымъ ею, но даже обожаемымъ. Нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать къ трону одною тѣнью свободы въ мнѣніяхъ. Этотъ совѣтъ Булгаринъ сопровождаетъ такою «апофеегмою»: «Совершенное безмолвіе порож-

даетъ недовѣрчивость и заставляетъ предполагать слабость; неограниченная гласность производитъ своеволіе; гласность же, вдохновенная самимъ правительствомъ, примиряетъ обѣ стороны и для обѣихъ полезна. Составивъ общее мнѣніе, весьма легко управлять имъ, какъ собственнымъ дѣломъ, котораго мы знаемъ всѣ тайныя пружины».

Булгаринъ не зналъ и не понималъ высшаго круга общества 20-хъ годовъ, откуда вышли декабристы и которое при видимой поверхности и энциклопедичности своего образованія все же было чрезвычайно просвѣщено и особенно воспитано знаніемъ языковъ, открывавшимъ ему всѣ литературы, общеніемъ съ высшими кругами европейскихъ столицъ, путешествіями, придворной службой и походами. Наконецъ, недостатки своего домашняго воспитанія молодые люди высшаго круга тогда нерѣдко восполняли заграничными поѣздками, при чемъ слушали лекціи знаменитыхъ западныхъ ученыхъ и входили съ ними въ близкое общеніе. Очевидно, что на роль «приверженнаго къ правительству писателя», который бы перевоспиталъ, убѣдилъ и далъ нужное направленіе умамъ этого круга, Булгаринъ, этотъ минскій шляхетскій недоросль, потомъ «гарниза», неспособный къ кавалерійской службѣ, потомъ авантюристъ испанскаго легіона поляковъ въ арміи Наполеона, ни по умственнымъ силамъ, ни по воспитанію и вкусамъ совершенно не годился. На эту роль годенъ былъ бы развѣ Пушкинъ или князь Вяземскій, еслибы они были способны свое вдохновеніе согласовать съ видами правительства. Этотъ кругъ и не читалъ Булгарина. Иное дѣло «среднее состояніе», самообразовавшаяся посредствомъ чтенія публика. Изъ нея главнымъ образомъ вербовались читатели и почитатели «Пчелки», а въ 30-хъ годахъ— пухлой «Библіотеки для чтенія» Сенковскаго. Представителемъ этого круга читателей является Бѣлкинъ въ повѣстяхъ Пушкина, желаніе котораго догнать у Аничкова моста «сочинителя Булгарина» «стоило 80 копеекъ потерянной сдачи, выговора по службѣ и чуть-чуть не ареста» («Исторія села Го-

рохина»). Пушкинъ точно опредѣлилъ максимальную жертву, на которую способенъ ради литературы такой читатель - автодидактъ.

Понятно, что такого читателя, составлявшаго «большую публику» въ значительной ея части, можно было «совершенно покорить» «одною тѣнью свободы въ мнѣніяхъ насчетъ нѣкоторыхъ мѣръ и проектовъ», т. е. едва ощутимымъ, «либеральненькимъ» душкомъ статеекъ о выѣденномъ яйцѣ. Булгаринъ въ этой публикѣ пользовался громадной популярностью и авторитетомъ. Пользовался долго и прочно. И эту публику онъ зналъ. Онъ былъ правъ, утверждая, что «споры, бывшіе въ «Духѣ журналовъ», и статьи «Вѣстника Европы» первыхъ дней царствованія Александра I и черезъ 25 лѣтъ еще услаждали либерализмомъ публику. Съ знаніемъ дѣла указывалъ онъ, что въ рядахъ ея не одна мелкота, но «достаточные» дворяне, служащіе и не служащіе, душъ даже 500, богатые купцы и чиновники, часто крупнаго чина, въ родѣ того, съ котораго впослѣдствіи призракъ Акакія Акакіевича снялъ шинель.

Мнѣніе Булгарина о невысокомъ уровнѣ «большой публики» 20-хъ годовъ, ея непритязательности, неприхотливости и довольствѣ малымъ — подобіемъ остроумія, тѣнью гласности и вольнодумства, призракомъ учености, подтверждаетъ и другой знатокъ ея — Николай Полевой, обладавшій изумительнымъ издательскимъ чутьемъ. Подтверждается это и судьбою русскихъ журналовъ первой четверти XIX-го вѣка.

«Разнообразіе, болѣе или менѣе занимательное, смѣсь полезнаго съ пріятнымъ, большею частью переводы; стихи, какъ необходимость; ученыя статьи изрѣдка, и то какъ балластъ на корабляхъ; критика (которая однако-жъ не основывалась еще на твердыхъ, неизмѣнныхъ правилахъ); споры, несогласіе мнѣній: вотъ что занимаетъ нашу публику, составляетъ наши повременныя изданія и вѣрно изображаетъ сущность нашей нынѣшней литературы».

«Должно признаться, что 1) у насъ не настало еще время

для важныхъ критическихъ журналовъ, въ родѣ «Англійскихъ Обозрѣній». 2) Для журналовъ чисто-ученаго содержанія, журналовъ по какой-нибудь части наукъ или по какому-нибудь одному особенному предмету также время не пришло. Неудачныя попытки «Журнала Статистическаго», «Изящныхъ Искусствъ», «Военнаго» (1807), «Правовѣдѣнія» (1812), «Сибирскаго Вѣстника» (1818), «Сѣвернаго Архива» (1822), «Журнала Изящныхъ Художествъ» (1824) доказываютъ это, ибо всѣ они были издаваемы въ наше время и были отличнаго достоинства, пока усердіе издателей не охладѣвало отъ невниманія публики, что и заставляло издателей или совсѣмъ оставлять свои журналы, или измѣнять ихъ въ литературные и издавать безъ особаго старанія... Ученые журналы могутъ существовать лишь тогда, когда они издаются отъ правительства или отъ ученыхъ заведеній... 3) Время политики для нашихъ журналовъ еще не наступило. Публика довольствуется газетными извѣстіями. 4) Ученыя газеты также еще не могутъ имѣть успѣха. Опыты издавать ихъ при академіи и при университетахъ и холодность публики къ ученой газетѣ, которую превосходно издавалъ въ 1825 г. П. И. Кепенъ въ С.-Петербургѣ, показали это очень явно. 5) Журналы, исключительно занимаемые однимъ оригинальнымъ и русскимъ, по нашему мнѣнію, врядъ ли существовать у насъ могутъ. «Русскому Вѣстнику» С. Н. Глинки (1808) способствовали особливыя обстоятельства (т. е. патріотическій моментъ), а «Отечественныя Записки» П. П. Свиньина включеніемъ съ нѣкотораго времени переводныхъ статей свидѣтельствуютъ, къ сожалѣнію, о невозможности издавать журналъ, занимательный для публики, наполняя его только русскимъ и единственно къ Россіи относящимся» [1]).

---

[1]) «Московскій Телеграфъ», 1827 г., № 24, стр. 182—188.

V.

Чрезвычайно любопытны характеристики, которыя даетъ Булгаринъ «нижнему состоянію» и «гіерархіи литераторовъ и ученыхъ».

«Нижнее состояніе» — мелкіе подьячіе, грамотные крестьяне и мѣщане, деревенскіе церковники и раскольники.

«На нижнее состояніе,—говоритъ Булгаринъ,—у насъ понынѣ вовсе не обращали вниманія въ литературно-политическомъ отношеніи и по ихъ безмолвію судили о нихъ весьма неосновательно. Этотъ классъ читаетъ весьма много. Обыкновенное ихъ чтеніе составляютъ духовныя книги. Раскольничьи скиты, волостныя правленія и вольныя слободы суть мѣста, гдѣ разсуждаютъ о всѣхъ указахъ и мѣрахъ правительства и читаютъ статьи, относящіяся до устройства Россіи. Ко мнѣ нѣсколько разъ являлись мужики и торговцы съ просьбами продать или подарить нумерокъ журнала. Магическій жезлъ, которымъ можно управлять по произволу нижнимъ состояніемъ, есть «матушка Россія». Искусный писатель, представляя сей священный предметъ въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ, какъ въ калейдоскопѣ, легко покоритъ умы нижняго состоянія, которое у насъ разсуждаетъ болѣе, нежели думаетъ». Конечно, въ этомъ достаточно циничномъ уподобленіи «сего священнаго предмета» калейдоскопу и предложеніе сдѣлать орудіемъ «матушку Россію» для уловленія «малыхъ сихъ» и управленія ихъ умами и сердцами по произволу такъ и виденъ полякъ, сражавшійся въ легіонахъ Наполеона, «сохраняя братскую любовь къ Россіи», а затѣмъ думавшій уловлять сердца своихъ прекрасныхъ соотечественницъ по программѣ «отличныхъ духовныхъ мужей Польши». Тѣмъ не менѣе чуткость Булгарина замѣчательна, и признаніе за «нижнимъ сословіемъ» литературно-политическаго значенія далеко опередило его время.

Что касается «гіерархіи литераторовъ и ученыхъ», то не безъ основанія, если разсмотрѣть закулисную сторону журналистики 20-хъ годовъ, Булгаринъ ихъ почитаетъ классомъ, съ которымъ «гораздо легче сладить въ Россіи, нежели многіе думаютъ». Истинныхъ ученыхъ мало, и тѣ, по большей части, иностранцы. Такъ же мало и серьезныхъ литераторовъ. А стихотворцевъ и памфлетистовъ нѣтъ ничего легче, какъ «привязать ласковымъ обхожденіемъ и снятіемъ запрещенія писать о бездѣлицахъ, напримѣръ, о театрѣ».

Въ заключеніе Булгаринъ совѣтуетъ уже «для всѣхъ вообще» имѣть какую-нибудь «одну общую, маловажную цѣль». И выбираетъ изъ всѣхъ «бездѣлицъ»—театръ. Онъ утверждаетъ, будто бы съ тѣхъ поръ, какъ запрещено писать о театрѣ и судить объ игрѣ актеровъ, молодые люди начали сходиться вмѣстѣ, толковать о политикѣ... Но мало того, театръ занимаетъ всѣ состоянія, и статьи о немъ служатъ пищею для всеобщихъ разговоровъ въ чертогахъ знатныхъ, въ казармахъ и въ гостиномъ дворѣ. Между тѣмъ въ дирекцію Шаховскаго и Милорадовича запрещено было публикѣ даже выражать неудовольствіе игрою артистовъ или хлопать актрисамъ, бывшимъ у начальства въ немилости.

«Я потому столько распространился о театрѣ», заключаетъ Булгаринъ, «что почитаю это весьма важнымъ дѣломъ къ успокоенію умовъ и водворенію въ публикѣ довѣренности къ правительству» [1]).

Далѣе Булгаринъ горько жаловался на александровскую цензуру. Онъ указываетъ, что сперва выходило множество книгъ сектаторскихъ, мистическихъ, потомъ покровительствовали книгамъ, опровергающимъ первыя. Что же дѣлала цензура подъ вліяніемъ мистиковъ и ихъ противниковъ? Истребляла изъ словесности только одни слова и выраженія. Почитались оскорбительными для вѣры: отечественное небо, небесный

---

[1]) «Русская Старина», 1900 г., сентябрь, стр. 580—584.

взглядъ, ангельская улыбка, божественный Платонъ, ради Бога, ей-Богу, Богъ одарилъ его, онъ вѣчно занятъ былъ охотой и т. п. Даже папская цензура позволяетъ сіи выраженія. Всякая статья, гдѣ стоитъ слово правительство, министръ, губернаторъ, директоръ, запрещена впередъ, что бы она ни заключала. Но тотъ, кто искусными перифразами можетъ избѣжать въ сочиненіи запрещенныхъ цензурою словъ, часто заставляетъ ее пропускать непозволительныя вещи. Цензура не позволяетъ извѣщать публику безъ согласія начальства разныхъ отраслей правленія о всенародныхъ происшествіяхъ, парадахъ, фейерверкахъ, гуляньяхъ, экзаменахъ въ казенныхъ и частныхъ заведеніяхъ и о феноменахъ природы. Кто бы подумалъ, что для помѣщенія извѣстія о градѣ, засухѣ, ураганѣ должно быть позволеніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Отъ этого періодическія изданія потеряли свою занимательность, ибо издатели, будучи обязаны для напечатанія нѣсколькихъ страничекъ обѣгать всѣ министерства и часто безъ успѣха, вовсе отказываются отъ помѣщенія отечественныхъ извѣстій. Въ повѣстяхъ нельзя сказать: женихъ поцѣловалъ свою невѣсту, но посмотрѣлъ на невѣсту; вмѣсто: онъ любилъ ее, должно говорить: онъ хотѣлъ жениться и т. п. Запрещено строжайше, даже въ переводахъ съ иностраннаго, представлять камергеровъ, министровъ, генераловъ и особенно князей и графовъ иначе, какъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ и людьми добродѣтельными...

«Симъ оканчиваю мое мнѣніе», пишетъ въ заключеніе записки Булгаринъ, «которое мнѣ внушено любовью къ добру, къ тишинѣ, порядку и правосудію. Какъ журналистъ, состоя въ безпрестанныхъ литературныхъ сношеніяхъ со всѣми литераторами, цензурою и публикою, я узналъ ихъ потребности, недостатки и потребныя качества, о которыхъ теперь представляю правительству».

VI.

Таковъ урокъ іезуитизма, преподанный Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ николаевскому правительству. Воспитанникъ іезуитской коллегіи, графъ Бенкендорфъ, вѣроятно, въ общемъ одобрилъ «представленіе» издателя «Сѣверной Пчелы». Мы, однако, не имѣемъ права судить Булгарина съ современной точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, мысль, что «общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо», раздѣлялась хотя бы Пушкинымъ. Вотъ что читаемъ въ его «Проектѣ изданія журнала и газеты» 1831 года:

«Когда государю императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностью и съ усердіемъ исполнить волю его величества. Съ радостью взялся бы я за редакцію «политическаго и литературнаго журнала», около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ... Правительству нѣтъ надобности имѣть свой офиціальный журналъ; но, тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо».

Предлагая перо свое для «употребленія», великій поэтъ, очевидно, соглашался на роль, которая исполнила бы первую часть «представленія» Булгарина. Онъ сталъ бы «приверженнымъ къ правительству писателемъ», который вліялъ бы на умы высшаго круга. Но Пушкинъ задумывалъ издавать и газету «въ противовѣсъ» Булгарину, которому именно въ этомъ году объявлено черезъ Бенкендорфа благоволеніе за успѣшное воздѣйствіе на «общее мнѣніе» большой публики «средняго состоянія». А именно на послѣднюю роль Пушкинъ совершенно не годился. Его геніальная кисть тутъ была бы не умѣстна.

А мелкій, но бойкій помазокъ Булгарина какъ нельзя лучше удовлетворялъ потребностямъ любителей «легкаго чтенія».

Можно думать, «представленіе» Булгарина, что должно занять умы какой-нибудь «бездѣлицей», всего лучше театромъ, не осталось безъ вниманія. Впрочемъ, императоръ Николай искренно любилъ театръ и драму. Въ 30-хъ годахъ напечатанъ «Борисъ Годуновъ», поставлены на сцену «Ревизоръ» и «Горе отъ ума». Чрезъ театръ можно было воздѣйствовать и на умы «нижняго сословія», наполнявшаго раекъ. Драматургами, пустившими въ дѣло «матушку Россію», представлявшими «сей священный предметъ въ тысячахъ разнообразныхъ видовъ», явились Несторъ Кукольникъ, Николай Полевой, Ободовскій и другіе драмодѣлы.

Булгаринъ желалъ, чтобы записку его прочелъ государь. И она была имъ прочтена. Но Булгарину сообщено, что она будетъ передана на заключеніе министра просвѣщенія Шишкова. Ѳаддей пришелъ въ страхъ и трепетъ, весьма понятный. И должно поставить на счетъ ему, что, подавая даже такую записку, онъ по тому времени весьма и весьма рисковалъ... Вотъ что писалъ онъ:

«Въ это же время представленъ министерствомъ на утвержденіе новый цензурный уставъ, который, по моему мнѣнію, вовсе не сообразованъ съ нынѣшнимъ положеніемъ Россіи и вмѣсто того, чтобы приблизить правительство къ цѣли, удалитъ отъ оной. Если записка моя будетъ представлена министерству просвѣщенія, то я, излагая мысли противныя, подвергнусь жесточайшему преслѣдованію отъ всѣхъ лицъ, дѣйствующихъ такъ, какъ изъяснено въ моей запискѣ... Если записка моя будетъ препровождена къ министру просвѣщенія, я погибну жертвою моего усердія и погибну безполезно. Меня заклюютъ... Прошу доставить ее Михаилу Михайловичу Сперанскому (sic)... Отослать же оную министру просвѣщенія, значитъ наказать меня строжайше, а я, кажется, не заслужилъ этого». По этому поводу Дибичъ писалъ Потапову, что Булгаринъ «напрасно труситъ», что его записку «можно переписать рукою писаря, а оригиналъ оставить у меня». Такъ и сдѣлали.

Переписанное «представленіе» отправлено было на заключеніе Шишкова по высочайшему повелѣнію. Но, значитъ, не напрасно трусилъ опытный Ѳаддей, если, посылая отъ царя къ его министру записку, переписали ее, дабы скрыть даже руку автора, по которой цензора, конечно, сейчасъ же узнали бы издателя «Сѣверной Пчелы»!

VII.

Въ то же время, когда Булгаринъ представлялъ свою записку, министерство Шишкова представило на утвержденіе новый цензурный уставъ, которымъ отмѣнялся уставъ 1804 года. Послѣдній уставъ, составленный академикомъ Озерецковскимъ и Фусомъ, проникнутъ былъ благими стремленіями «дней Александровыхъ счастливаго начала». Представляя его министру просвѣщенія, Озерецковскій писалъ на французскомъ діалектѣ: «Благо, проистекающее изъ благоразумной свободы печати, такъ велико и прочно, зло же, сопровождающее злоупотребленіе этою свободою, такъ рѣдко и мимолетно, что нельзя не сожалѣть о необходимости, въ которую ставится правительство, во всѣхъ прочихъ дѣлахъ рѣшительно вступившее на почву либеральныхъ принциповъ, полагать границы этой свободѣ, вынуждаемое къ этой мѣрѣ опытомъ, обстоятельствами минуты или же могучимъ потокомъ духа времени» [1]). Въ свою очередь министръ Завадовскій въ докладѣ о цензурѣ императору Александру I говорилъ: «Министерство просвѣщенія положило учредить въ здѣшней столицѣ цензурный комитетъ, составя оный изъ ученыхъ особъ, и для единообразнаго руководства въ разсматриваніи книгъ и сочиненій во всей имперіи начертало уставъ. Сими постановленіями нимало не стѣсняется свобода

---

[1]) М. И. Сухомлиновъ. Изсл. и статьи, т. I, стр. 218. А. М. Скабичевскій. Очерки исторіи цензуры. Изд. 1892 г. Стр. 95.

мыслить и писать, но токмо взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной» [1]).

По уставу 1804 года цензура имѣла «разсматривать» книги, «назначаемыя къ общественному употребленію», предметъ же сего «разсматриванія есть доставить обществу книги и сочиненія, способствующія къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, и удалить книги и сочиненія, противныя сему намѣренію» (отд. I, ст. 1 и 2). Уставъ былъ коротокъ (47 статей), цензоровъ по штату въ Петербургѣ полагалось всего трое, «разсматриваніе» полагалось снисходительное и благожелательное. Онъ долженъ былъ только «наблюдать, чтобы ничего не было въ оныхъ противнаго закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого либо гражданина» (ст. 15). Если же цензоръ въ доставленной ему рукописи найдетъ нѣкоторыя мѣста, противныя означенному, то не дѣлаетъ самъ собою никакихъ въ оныхъ поправокъ; но, означивъ таковыя мѣста, отсылаетъ рукопись къ издателю, дабы онъ самъ исключилъ или перемѣнилъ оныя. По возвращеніи же исправленной одобряетъ (ст. 16). «Впрочемъ, цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать его выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать» (ст. 21). «Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящееся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости

---

[1]) Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ. Спб., 1862 г., стр. 83.

цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія» (ст. 22). «Сочиненія или переводы, одобренные цензурою, могутъ быть напечатаны вновь, не подвергаясь вторичному разсмотрѣнію» (ст. 39). Цензура не должна «задерживать разсмотрѣніе» рукописей, особенно для журналовъ, чтобы они не теряли «цѣну новости» (ст. 23). Таковъ этотъ идиллическій уставъ, подписанный друзьями юнаго монарха, изъ перваго кружка его: Адамомъ Чарторыскимъ, Новосильцевымъ, Потоцкимъ... Въ немъ всего одна грозная статья (19) [1]). Еслибы въ цензуру прислали сочиненіе, явно отвергающее бытіе Божіе, оскорбляющее верховную власть и проч., то комитетъ «немедленно объявляетъ о такой рукописи правительству для отысканія сочинителя и поступленія съ нимъ по законамъ». Но какъ прислать подобную рукопись въ цензуру могъ только человѣкъ, находящійся въ бѣлой горячкѣ, а въ здравомъ умѣ такого простака ожидать было напрасно, то и угроза являлась безопасной, производя, однако, пріятный для уха «зловѣщихъ стариковъ», читавшихъ это созданіе юнаго царствованія, кандальный звонъ. Таковъ былъ уставъ!

А какова оказалась на дѣлѣ александровская цензура, мы видѣли изъ записки Булгарина. Какъ же вышло, что эта цензура, по выраженію автора «Выжигина», была строже даже «папской»? Основная причина — въ своеобразной сущности даже и перваго періода царствованія Александра, которому присвоиваютъ обыкновенно наименованіе эпохи преобразованій. «Вникая ближе въ духъ этого періода,—говоритъ Н. К. Шильдеръ,—вѣрнѣе было бы назвать его эпохою колебаній. За это время, то-есть съ 1801 по 1810 годъ, въ государственной жизни Россіи происходятъ безпрерывныя колебанія, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ; по всѣмъ отраслямъ управленія имперіею замѣчается полная неустойчивость

---

[1]) Сборникъ пост. и распор. по цензурѣ. Стр. 85, 86, 88, 89 и 93.

взглядовъ, рѣзкіе переходы отъ одной политической системы къ другой. Кромѣ причинъ, лежащихъ въ самой жизни, эти колебанія объясняются и характеромъ Александра I, тѣми его свойствами, которыя Меттернихъ называлъ: «les évolutions périodiques de son esprit».

Александръ, усвоивъ себѣ по вдохновенію какую нибудь идею, немедленно отдавался ей съ полнымъ увлеченіемъ. На развитіе этой идеи требовалось около двухъ лѣтъ; она незамѣтнымъ образомъ пріобрѣтала въ его глазахъ значеніе системы. Въ теченіе третьяго года онъ оставался вѣренъ избранной системѣ, все болѣе привязывался къ ней, слушалъ съ истиннымъ увлеченіемъ сторонниковъ ея и въ это время становился недоступнымъ никакому вліянію, могущему поколебать справедливость усвоеннаго имъ взгляда. На четвертый годъ его уже начинали тревожить могущія произойти отъ этого послѣдствія. Въ пятый же годъ замѣчалась неопредѣленная смѣсь системы, готовой исчезнуть, съ новой идеей, начинавшей зарождаться въ его умѣ. Эта идея обыкновенно составляла діаметральную противоположность покидаемому имъ воззрѣнію. Затѣмъ, усвоивъ себѣ новыя убѣжденія, онъ не сохранялъ о покинутыхъ идеяхъ другого воспоминанія, кромѣ обязательствъ, связывавшихъ его съ различными представителями прежнихъ воззрѣній [1]). Какое вліяніе имѣли эти пятилѣтніе періоды «эволюцій» монаршаго духа на литературу? Они находились въ противорѣчіи съ статьей 39 цензурнаго устава 1804 года. По этой статьѣ сочиненіе, разъ разсмотрѣнное и одобренное, для второго изданія не нуждалось въ новомъ разсмотрѣніи и одобреніи. Между тѣмъ всѣ сочиненія, согласныя съ видами правительства въ одномъ пятилѣтіи, и потому благонамѣрен-

---

[1]) Н. К. Шильдеръ. Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Томъ 2-й, стр. 2 и 3. Metternich, Mémoires, v. I. Alexandr I. Portrait tracé par le prince de Metternich en 1829 (p.p. 315—332).

ныя и разрѣшенныя, въ слѣдующее пятилѣтіе оказывались въ противорѣчіи съ видами того же правительства, потерпѣвшими «эволюцію». А вторыя изданія ихъ, по уставу, могли выходить безпрепятственно. Какъ же быть? Оставалось дѣйствовать путемъ особыхъ циркулярныхъ внушеній и разъясненій.

Особенно характерна въ этомъ отношеніи «эволюція» цензуры съ Наполеономъ. Съ 1802 г. свободно обращалась въ продажѣ книга «Histoire de Bonaparte», наполненная похвалами Наполеону. Въ началѣ 1807 г., во время войны съ Франціей, книга эта обратила на себя вниманіе и была препровождена для «разсмотрѣнія» въ цензурный комитетъ, который и нашелъ, что авторъ книги обнаруживаетъ себя «подлымъ обожателемъ хищниковъ трона». Книга была «изъята» (Скабичевскій, 106). Но заключили тильзитскій міръ, и цензура начала преслѣдовать всякія порицанія Наполеона. Особое вниманіе было обращено на «Русскій Вѣстникъ» пламеннаго патріота С. Н. Глинки, который попрежнему враждебно отзывался объ императорѣ французовъ... Съ 1812 г. Наполеонъ снова дѣлается узурпаторомъ и антихристомъ. А уже въ 1814 году предсѣдатель С.-Петербургскаго цензурнаго комитета, Уваровъ, предлагаетъ комитету слѣдить за тѣмъ, чтобы «журналисты, писавшіе въ 1812 году, иначе писали въ 1815 г., и мало-по малу согласовались бы съ намѣреніями правительства и содѣйствовали распространенію мирныхъ сношеній, слѣдуя такимъ образомъ общему стремленію къ новому и прочному порядку вещей» [1]).

Особенно характерно «отношеніе» министра народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, отъ 4-го апрѣля 1818 г. (№ 737).

По соображеніямъ моимъ нахожу я, что... вообще выходили

---

[1]) Сухомлиновъ, т. I, 427—428. Истор. свѣд. о цензурѣ въ Россіи, стр. 12, 13, 19, 20. Скабичевскій, стр. 106—108 и 114. «Русская Старина» 1880 г., стр. 463—465.

и могли выходить у насъ книги, коихъ содержаніе, въ отношеніи къ духу правительства и религіи, по тогдашнимъ обстоятельствамъ и времени, весьма противно быть принятымъ нынѣ твердымъ правиламъ, кои правительство по точной волѣ государя императора вводитъ и укоренять старается. Вслѣдствіе того, по долгу званія моего, обязываюсь я употребить всѣ зависящія отъ меня мѣры къ недопущенію во вновь печатаемыхъ книгахъ никакихъ мыслей и правилъ, не терпимыхъ нынѣ правительствомъ. Почему, обращая на сей предметъ вниманіе..., прошу предписать... цензурному комитету, чтобъ оный при разсмотрѣніи сочиненій и переводовъ, предполагаемыхъ къ напечатанію вторымъ, третьимъ и вообще возобновляющимся тисненіемъ, наблюдалъ строжайше, дабы подобныя мѣста въ книгахъ сихъ, содержащія въ себѣ мысли и духъ, противные религіи христіанской, обнаруживающіе или вольнодумство, безбожничество, невѣріе и неблагочестіе, или своевольство революціонной необузданности, мечтательнаго философствованія, или же опорочиваніе догматовъ православной нашей церкви и т. п., были непремѣнно запрещаемы къ напечатанію, хотя бы въ напечатанныхъ прежде книгахъ и находились» [1]). Такимъ образомъ выходило, что были такія «обстоятельства и времена», когда цензурный комитетъ пропускалъ книги, полныя «вольнодумства», «безбожничества», «невѣрія», «революціонной необузданности» и проч., т. е. совершалъ такія дѣянія, за которыя по статьѣ 15 устава онъ подлежалъ «по мѣрѣ важности вины» карѣ, а сочинители, подавшіе на разсмотрѣніе такія книги, по статьѣ 19 подлежали немедленному «отысканію» и «поступленію съ ними по законамъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ Голицынъ, заявлявшій, что онъ поступаетъ на основаніи «твердыхъ правилъ» во имя право-

---

[1]) «Русская Старина», декабрь 1900 года. Къ исторіи русской цензуры (1814—1820). Сообщ. Н. Д., стр. 654—655.

славія, былъ тотъ самый, которому въ 1821 году знаменитый Фотій крикнулъ въ салонѣ гр. Орловой: «Анаѳема, да будешь ты проклятъ!» И объяснилъ—за что: за покровительство сектъ, лжепророковъ и за участіе въ возмущеніи противъ церкви.

VIII.

Борьба «мистиковъ» съ «православными», поперемѣнно овладѣвавшихъ вдохновеніемъ императора, выразилась тоже періодическими гоненіями на книги, раньше разрѣшенныя. Въ 1814 г. вышелъ романъ Нарѣжнаго «Россійскій Жильблазъ», гдѣ изображались въ нелестномъ видѣ масоны. И мистики остановили послѣднія части романа, а Нарѣжный подвергся гоненіямъ. Одно было твердо при всѣхъ «эволюціяхъ»: книги и авторы, говорившіе противъ крѣпостной зависимости, всегда подвергались остракизму. Такъ, въ 1804 г., до введенія новаго устава о цензурѣ, была напечатана книга Пыпина: «Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи». Успѣхъ ея былъ такъ великъ, что въ томъ же году почти все первое изданіе было распродано и понадобилось второе. Авторъ не замедлилъ имъ и въ томъ же 1804 году представилъ свою книгу уже во вновь открывшійся цензурный комитетъ съ рукописными дополненіями, сдѣланными, какъ авторъ объяснялъ, по волѣ монарха. Новое изданіе книги не было разрѣшено, а экземпляры перваго изданія, еще остававшіеся въ продажѣ, предписано отобрать изъ книжныхъ лавокъ. Главный доводъ противъ книги въ объясненіи цензора: «Авторъ съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и самая жизнь, по мнѣнію его, находятся въ рукахъ какого нибудь капризнаго паши». То же постигло переводъ Анастасевича брошюры Валеріана Стройновскаго «Объ условіяхъ помѣщика съ крестьянами», которая вышла въ 1809 г. въ Вильнѣ. За то же былъ прекращенъ

«Духъ журналовъ» (въ 1820 г.), и князь Голицынъ въ 1818 г. говоритъ въ «отношеніи»: «Примѣчено мною, и даже въ бытность мою въ Москвѣ находилъ я неоднократно, что издатель «Духа журналовъ» помѣщаетъ въ немъ статьи, содержащія въ себѣ разсужденія о вольности и рабствѣ крестьянъ, о дѣйствіяхъ правительства и многія другія неприличности... обратить вниманіе цензуры на издаваемые журналы и другія сочиненія, дабы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не было печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе вольности или рабства крестьянъ не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ, ни вообще матерій, касающихся до распоряженій правительства» [1]). Полная смерть журналиста послѣдовала въ 1824 г., когда графъ Аракчеевъ объявилъ «повелѣніе»: «Единожды навсегда принять за правило, чтобъ россійскіе чиновники, находящіеся на службѣ, нигдѣ и ни на какомъ языкѣ не издавали въ свѣтъ никакихъ сочиненій, заключающихъ что либо, касающееся до внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній Россійскаго государства, сверхъ обыкновенной цензуры, безъ дозволенія своихъ начальниковъ» [2]). Это распоряженіе истолковано было такъ, что вообще ни о какомъ вопросѣ писать нельзя, не спросясь подлежащаго вѣдомства. Такъ создались, помимо общей, еще безчисленныя спеціальныя цензуры всевозможныхъ вѣдомствъ, департаментовъ, учрежденій и столовъ, и публицисту оставалось только повторить изреченіе лягушки, попавшей подъ зубья бороны: «Слишкомъ много господъ!» Приведемъ нѣсколько характерныхъ циркуляровъ, показывающихъ, какъ прихотливы были воздѣйствія на литературу.

«Министерство просвѣщенія желаетъ дать разсудительную и съ общимъ порядкомъ согласную свободу умамъ, но когда сія свобода будетъ употребляема во зло, то министерство съ равно-

---

[1]) «Русская Старина», 1900 г., декабрь, стр. 655—656.

[2]) Сборникъ постан. и распор. по цензурѣ, стр. 120.

мѣрною строгостью прекратитъ немедля источникъ неосновательныхъ и даже для общаго мнѣнія опасныхъ политическихъ толковъ» (попечитель С. Уваровъ, 1814 г.).

«Въ осужденіе и осмѣяніе старообрядцевъ не дозволять ничего печатать, поелику отъ правительства приняты уже потребныя къ наставленію ихъ мѣры» (С.-Петербургскій цензурный комитетъ, 21-го апрѣля 1814 г.).

«Недавно вышла изъ печати съ дозволенія С.-Петербургскаго цензурнаго комитета первая часть книги подъ заглавіемъ: «Основанія естественнаго законодательства», соч. г. Перро, перев. съ французскаго. Переводъ сей наполненъ странными, непонятными выраженіями, искажающими россійскій языкъ. Почему побуждаюсь просить ваше превосходительство предписать цензурному комитету о строгомъ впередъ наблюденіи, дабы въ одобряемыхъ онымъ къ напечатанію россійскихъ книгахъ соблюдаема была чистота языка» (18 октября 1815 г. графъ Разумовскій—С. С. Уварову) [1]).

Въ 1821 году князь Голицынъ далъ знать попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, что «по случаю вышедшей вновь изъ печати книги безъ употребленія въ оной буквы ъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тому слѣдовало быть по общимъ правиламъ русскаго языка, высочайше повелѣно наблюдать цензорамъ, чтобы въ издаваемыхъ книгахъ не было допускаемо подобное отступленіе отъ общихъ правилъ языка» [2]).

Приведенныхъ курьезовъ достаточно для характеристики александровской цензуры, расцвѣтшей подъ сѣнью идиллическаго цензурнаго устава 1804 г. Но въ первое двадцатипятилѣтіе XIX столѣтія литература еще едва начинала расцвѣтать, запросы ея были не глубоки. Николаевская цензура имѣла уже дѣло съ серьезной, глубокой, чуткой литературой. Не одна

---

[1]) «Русская Старина», декабрь, 1900 г., стр. 643, 644, 650.

[2]) Бес. въ Общ. люб. р. слов., 1871 г., вып. III, стр. 34. Скабичевскій, стр. 159.

форма и стилистика, какъ въ блаженную пору борьбы «шишковистовъ» съ «карамзинистами», не одни неопредѣленныя мечтанія и порывы, какъ въ десятилѣтіе боя «классиковъ» съ «романтиками», но обширный кругъ религіозныхъ, историко-политическихъ, соціальныхъ и эстетическихъ вопросовъ тѣснился въ пробужденномъ самосознаніи общества. Тѣмъ труднѣе было дышать. Тѣмъ страшнѣе былъ тотъ «испанскій башмакъ», который защемилъ, едва ли не съ большей безпощадностью, литературу второй четверти истекшаго вѣка.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Шишковъ на первомъ докладѣ у императора Николая Павловича. — «Мнѣніе о разсматриваніи книгъ» 1815 г. — Второе «мнѣніе» Шишкова 1822 г. — «Укоризненныя оправданія, не меньше того справедливыя». — Основанное на корыстолюбіи «затменіе ясности наукъ» нѣмцами-профессорами. — Шишковъ — министръ. — Планъ къ потушенію «карбонарства». — Нравственный развратъ, извѣстный подъ именемъ «духа времени». — Шишковъ съ Аракчеевымъ у митрополита Серафима. — Запрещеніе краткаго катехизиса Филарета. — Нерѣшительность и двойственность Александра I-го. — Цензурный уставъ 1826 года. — «Глава первая-надесять». — Запрещеніе магическихъ, астрологическихъ и кабалистическихъ книгъ. — Запрещеніе означать пропуски точками. — Запрещеніе произвольныхъ историческихъ умствованій. — Запрещеніе мудрованій новой философіи. — Запрещеніе вредныхъ теорій о правѣ. — Ограниченіе естественныхъ и медицинскихъ наукъ. — Статья 213-я. — Неудача Шишкова и отставка его. — Письма Булгарина къ цензору Никитенкѣ. — Ѳ. В. Булгарину «плакать хочется». — Время Рунича и Магницкаго, какъ «золотой вѣкъ» литературы. — Характеристика цензуры съ 1834 по 1847 годъ. — Размноженіе цензуръ. — Запрещеніе «предавать на общій приговоръ публики» таксу легковыхъ извозчиковъ. — Запрещеніе «необузданныхъ порывовъ патріотизма». — Конфиденціальныя предложенія. — Вся литература съ Кантемира признана неблагонадежной, но достойной снисхожденія. — Затрудненія при новыхъ изданіяхъ старыхъ авторовъ. — «Моровая полоса» съ 1848 по 1855 г. — Министръ Ширинскій-Шихматовъ. — «Разсмотрѣніе» философскихъ наукъ. — Угашеніе «западнаго свѣта». — «Явная» неблагонамѣ-

ренность славянофиловъ.—Угашеніе «восточнаго свѣта».—Курьезы и «игра ума» николаевской цензуры.— Неодобрительный отзывъ духовной цензуры о поэмахъ Мильтона. — Разсмотрѣніе нотъ.

I.

День 14-го декабря засталъ въ роли министра просвѣщенія знаменитаго поборника стараго слога и «словенскаго» языка, человѣка еще Екатерининскаго времени, адмирала Шишкова. «День сей, по мнѣнію сего старца, сколь ни былъ злополученъ и для многихъ бѣдственъ, однакожъ онъ послужилъ къ нѣкоторому добру; ибо чрезъ него открылся между многими военнослужащими и гражданскими чиновниками заговоръ... плоды тѣхъ зловредныхъ дѣйствій и книгъ, противъ которыхъ я... безполезно вооружался».

Можно представить себѣ, какія чувства волновали старца, когда онъ въ первый разъ явился на докладъ къ молодому императору.

Предсказанія его сбылись. Теперь-то насталъ часъ его! И въ самомъ дѣлѣ Николай Павловичъ принялъ его очень милостиво. Шишковъ отдалъ ему всѣ замѣчанія и письма, писанныя имъ къ покойному монарху и къ графу Аракчееву о мѣрахъ искорененія зловреднаго «духа времени». Императоръ приказалъ ему написать новый цензурный уставъ и отпустилъ еще милостивѣе, нежели принялъ [1]).

Что же стояло въ «замѣчаніяхъ и письмахъ» стараго царедворца, адмирала, академика и автора манифестовъ 1812 г.?

Еще въ 1815 году, іюня 17-го дня, неутомимый старикъ представилъ особое «мнѣніе о разсматриваніи книгъ или цензурѣ», будучи убѣжденъ, что «цензура въ основаніи своемъ не-

---

[1]) Записки Шишкова. Изданіе Киселева и Самарина. 1870 г. Berlin. Томъ II. Стр. 276.

достаточна», и что «языкъ въ издаваемыхъ книгахъ время отъ времени не только портится, но и становится отъ часу безобразнѣе и дерзостнѣе». Въ этомъ «мнѣніи» Шишковъ начинаетъ ab ovo, т. е. съ Гуттенберга. Со времени изобрѣтенія книгопечатанія всякій, кто зналъ грамоту, сталъ читать и напоять умъ свой и душу понятіями. Отселѣ потекли обильныя струи добра и зла. Всякій, мудрый и невѣжда, правдолюбецъ и лжеумствователь, добронравный и развращенный, ораторъ и пустословъ, стали каждый свое писать и печатать. Всякій получилъ удобность наединѣ, взаперти, скрытно, думать, сочинять, писать, что хочетъ, и посредствомъ книгопечатанія сообщать мысли свои другимъ, не опасаясь ни наказанія, ни презрѣнія. Отсюда произошло, что гдѣ вѣра возносила священный гласъ свой,—тамъ и безвѣріе изъ нечистыхъ устъ своихъ изрыгало смѣхъ и кощунство; гдѣ науки разливали свѣтъ свой,—и лжеученіе или суесловіе затмевало разумъ. Въ сей борьбѣ зла съ добромъ перевѣсъ въ пользу того или другого долженствовалъ быть наблюдаемъ цензурою или оцѣнкою книгъ. «Какая труба, восклицаетъ Шишковъ, удобнѣе внушитъ гласъ свой во уши и сердца многихъ, какъ не книга, въ одно и то же время въ тысячи мѣстахъ и тысячами людей читаемая? Притомъ же слово, хитростію ума испещренное, ядовитѣе и опаснѣе змѣи, прельстившей прародителей нашихъ. Оно подъ различными видами, то угожденіемъ сладострастію, то остротою насмѣшки, то мнимою важностію мудрости, то сокровенностію мыслей, а иногда и самою темнотою и безтолковицею, очаровываетъ, ослѣпляетъ неопытные умы»...

Однимъ словомъ,

Говорятъ, рѣзныя буквы
Нынче какъ-то составляютъ,
И одну и ту же книгу
Въ цѣлыхъ сотняхъ размножаютъ,—
Что же, если эти бредни
Въ сотняхъ списковъ по вселенной

Вихорь дьявольскій размечетъ?
Все въ хаосъ придетъ смятенный!

Прошедшій вѣкъ (XVIII-й), названный просвѣщеннымъ и философскимъ, усыпя бдѣніе правительствъ, породилъ и возлелѣялъ духъ безбожія и злонравія. Франція, поколебавъ умы и спокойствіе всей Европы, показала и показываетъ еще столь явный и громкій тому примѣръ. Языкъ ея, сдѣлавшійся, къ несчастію, общимъ, способствовалъ сему, подъ именемъ любомудрія, образованія, вкуса, просвѣщенія, возникшему въ ней злу скитаться изъ страны въ страну, изъ дома въ домъ, изъ училища въ училище, изъ журнала въ журналъ, съ театра на театръ, и сперва скрытно, а потомъ и явно учить, воспитывать, заражать, ослѣплять, развращать юношество... «Время, заключалъ Шишковъ, время и нужно правительству обратить строгое и попечительное вниманіе!» Какой же былъ результатъ зловѣщаго мнѣнія Шишкова? Въ государственномъ совѣтѣ, при слушаніи его, нѣкоторые члены удивлялись, другіе смѣялись. Бумага осталась погребенной въ вѣчное забвеніе. Часъ Шишкова еще не пробилъ. «Либералисты» и «мистики» были еще сильнѣе партіи, къ которой принадлежалъ старый адмиралъ [1]).

II.

Въ 1822 г., по поводу дѣла о петербургскихъ профессорахъ Германѣ, Раупахѣ, Галичѣ и Арсеньевѣ, опять выступилъ Шишковъ съ новымъ «мнѣніемъ». Въ своихъ запискахъ онъ поясняетъ это «мнѣніе» такими соображеніями: «Новомысліе и вольнодумство заразило всѣ наши училища, и въ нихъ, подъ предлогомъ новаго просвѣщенія, новаго образа мыслей, преподавалось презрѣніе ко всему старому, къ языку, правительству,

---

[1]) Записки, стр. 43—53, томъ II-й.

законамъ нравственности и даже къ самой вѣрѣ. Многія учебныя книги наполнены были сими правилами. Многіе журналы, которые позволялось выдавать всякому, кто хочетъ, распространяли сіи ученія, читаемыя съ жадностью... Часто, для пополненія сихъ листковъ, выписывались и переводились изъ иностранныхъ вѣдомостей всѣ тѣ злоумствованія, злодѣянія, бунты, смертоубійства, мерзости, какія гдѣ случились, о которыхъ народу нашему возвѣщать не было никакой надобности... Наконецъ гласныя проповѣдыванія и возмущенія противъ правительствъ, возникшія въ Мадридѣ, въ Неаполѣ и въ другихъ державахъ, понудили обратить вниманіе на сію свободу мысли. Вслѣдствіе сей перемѣны министерствомъ просвѣщенія отысканы были многія печатныя книги и захвачены рукописныя тетради, по которымъ профессора и учители преподавали свои уроки въ нашихъ училищахъ».

«Отысканы», значитъ, были курсы и учебники, которыхъ и искать было нечего, такъ какъ ихъ ввело само же министерство. Шишковъ не скрываетъ этого. «Оправданія профессоровъ были укоризненны, объясняетъ онъ, но не меньше того справедливы (почему же тогда «укоризненны»?)—они говорили, что не могли предвидѣть сего на нихъ взысканія, поелику за то самое нынѣ осуждаются, что прежде по системѣ либерализма было одобряемо, и за что они получали чины, ордена и награды».

«Названы однакожъ они были возмутителями, возстававшими противъ правительства, нравственности и вѣры; но обвиняемые въ столь важныхъ преступленіяхъ, за которыя мало послать въ ссылку, не могли, по строгой противъ отвѣтовъ ихъ справедливости, ни къ чему быть приговорены».

«При семъ случаѣ, добавляетъ Шишковъ, подано было отъ меня вышеозначенное мнѣніе мое, которое, по прочтеніи въ комитетѣ, всѣми принято было съ великимъ одобреніемъ. Многіе изъ членовъ списали оное. Но впрочемъ оно, какъ и всѣ другія мнѣнія мои, осталось безъ всякаго послѣдствія».

Въ чемъ же оно состояло? Во вторичномъ указаніи, что цензура слаба.

Между тѣмъ необходимо «заградить источникъ, отколѣ зло сіе проистекло», искоренить «худости, служащія къ воспламененію умовъ и распространенію заблужденій», «разсѣянныя во множествѣ книгъ и часто при первомъ взглядѣ не проницаемыя», но которыя, «подобно посаженнымъ въ землю сѣменамъ, даютъ отъ себя плодъ, растутъ и отчасу болѣе умножаются, заражая молодыхъ людей сердца и умы». Главное зло—нѣмецкіе профессора.

«Давно извѣстно, что нѣмецкіе профессоры стараются затмевать ясность наукъ, примѣшивая къ нимъ непонятныя начала, изложенныя невразумительными словами и мыслями, дабы подъ видомъ глубокой, скрывающейся въ нихъ мудрости, внушать ученикамъ великое о себѣ мнѣніе и долговременнѣе получать отъ нихъ плату за сіи уроки». «Сія на корыстолюбіи основанная хитрость» и погубила нравы. «Шагъ за шагомъ, пошли новыя выдумки, новый образъ мыслей; все стало позволительно; законы повиновенія и нравственности потеряли силу свою». Какъ же спастись отъ корыстолюбивыхъ хитростей нѣмцевъ-ученыхъ? «Надежнѣйшее средство—благоразумная и прилежно наблюдающая должность свою цензура. Надобно, чтобъ она была ни слабая, ни строгая; ибо слабая не усмотритъ, а строгая не дастъ говорить ни уму, ни правдѣ». Итакъ, Шишковъ еще хотѣлъ при этомъ дать говорить и уму, и правдѣ!

Такъ говорилъ въ 1822 году президентъ русской академіи, членъ государственнаго совѣта, составитель манифестовъ, старецъ, «блещущій среди народа священной памятью двѣнадцатаго года»; адмиралъ, авторъ семнадцати томовъ сочиненій! Какое-то кантонистское невѣжество разлито въ чадныхъ и изступленныхъ словахъ этого зловѣщаго старика!

Вспомните, что еще въ 1800 году вышла «Система идеализма» Шеллинга; въ 1806 году—«Феноменологія» Гегеля; въ 1808 году—«Фаустъ» Гете; въ 1811 году—«Римская исто-

рія» Нибура; въ 1816 году—«Alastor» Шелли; въ 1818 году—«Чайльдъ Гарольдъ» Байрона; въ 1819 году—«Міръ, какъ воля и представленіе» Шопенгауэра; въ 1820 году—«Философія права» Гегеля; въ 1822 г.—стихотворенія Гейне...

И посреди этихъ геніевъ міра, на вершинѣ гигантской имперіи раздается шамкающій лепетъ невѣжественнаго галлюцината-старика.

III.

Въ первый разъ «нѣкоторые удивлялись, другіе смѣялись», слушая Шишкова. Во второй приняли его мнѣніе уже «съ великимъ одобреніемъ» и «списали оное». Наконецъ, мая 15-го дня 1824 года Шишковъ наименованъ министромъ народнаго просвѣщенія и на первомъ же докладѣ проситъ поручить ему «сдѣлать планъ, какіе употребить способы къ тихому и скромному потушенію того зла, которое хотя и носитъ у насъ имени карбонарства, но есть точно оное». А «для обузданія разврата, разсѣваемаго въ книгахъ тысячами различныхъ образовъ, нужно какъ наискорѣе устроить цензуру, которая до сего времени, можно сказать, не существовала».

Императоръ приказываетъ Шишкову пока приступить «къ начертанію плановъ», насчетъ же цензуры умалчиваетъ. Тогда министръ пишетъ ему:

«Нравственный развратъ, подъ названіемъ духа времени, долго росъ и усиливался. Министерство просвѣщенія явно и очевидно попускало долгое время расти сему злу, и мало сказать—попускало, но оказывало тому всякое покровительство и одобреніе. Восемь лѣтъ тому назадъ говорилъ и доказывалъ я то же, что говорю теперь. Восемь лѣтъ—много времени. Тогда уже плоды сего разврата явно оказывались. Нынѣ сему теченію обстоятельствъ дѣлается переломъ. Надлежитъ сей широко разлившейся и быстрой рѣкѣ поставить преграду. Сею прегра-

дою повелѣваешь ты быть мнѣ! Чувствую, что самъ собою я слабъ, немощенъ, ничтоженъ» [1]).

И въ поддержаніе своей немощи Шишковъ проситъ рескрипта, который бы такъ начинался:

«Къ крайнему сожалѣнію нашему, примѣчаемъ мы, что министерство просвѣщенія, отъ самаго начала учрежденія своего, различными дѣйствіями своими, отчасу болѣе уклонявшимися отъ благотворныхъ за нравственностію наблюденій, не соотвѣтствовало распространенію тѣхъ пользъ, какихъ мы отъ него желали и ожидали. Истинное просвѣщеніе состоитъ въ страхѣ Божіемъ, который есть начало премудрости, и т. д. и т. д.».

Терпѣливо выслушавъ эту длиннѣйшую предику, императоръ Александръ Павловичъ изволилъ сказать, что она краснорѣчиво и въ хорошихъ правилахъ написана, но что онъ хочетъ еще ее просмотрѣть. Шишковъ тогда ѣдетъ къ Аракчееву и потомъ приноситъ «покорнѣйшую благодарность за пріятные часы, какіе проводилъ въ прекрасномъ Грузинѣ, за угощеніе и показаніе ему чудесныхъ красотъ поселенія» (военнаго), вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старается склонить графа на свою сторону, представляя объ учрежденіи цензоровъ и «верховнаго цензурнаго комитета» и о рескриптѣ, ибо «обѣ сіи вещи необходимо нужны».

«Мнѣ поручено министерство просвѣщенія, но какое просвѣщеніе можетъ быть тамъ, гдѣ колеблется вѣра? Естьли библейскія общества будутъ попрежнему существовать; естьли церковныя книги, для того, чтобъ уронить важность ихъ, будутъ съ высокаго языка, сдѣлавшагося для насъ священнымъ, переводиться на простой, театральный, какимъ говоримъ мы между собою и на театрѣ; еще сверхъ того съ иностранныхъ языковъ переводиться будутъ такъ называемыя духовно-философическія, а по настоящему ихъ смыслу карбонарскія и рево-

[1]) Записки, томъ II. стр. 165.

люціонныя книги, естьли, говорю, все это продолжаться будетъ попрежнему, то я министромъ просвѣщенія быть не гожусь».

Слѣдствіемъ письма было то, что Шишковъ и Аракчеевъ съѣхались у митрополита Серафима. Тамъ сужденіе обращено было на краткій катехизисъ, архіереемъ Филаретомъ написанный и синодомъ утвержденный. Митрополитъ защищалъ въ немъ переводъ молитвъ и вообще всѣ переводы священнаго писанія съ славянскаго («какъ всѣ незнающіе языка своего журналисты говорятъ!»—прибавляетъ Шишковъ) на русскій языкъ, утверждая, что многіе славянскаго языка не разумѣютъ:

«Тутъ не могъ я сохранить своего хладнокровія!»—восклицаетъ Шишковъ, этотъ паладинъ корявой и веснушчатой Дульцинеи—«языка словенскаго».

«Какъ!—сказалъ я съ жаромъ.—Кто изъ насъ не разумѣетъ церковной службы? Развѣ тотъ одинъ, кто, отрекшись отъ отечества своего забылъ и языкъ свой?»

Напослѣдокъ, по долгомъ преніи, общее заключеніе было такое, что библейскія общества должно прекратить, переводъ священныхъ писаній на простое нарѣчіе не выпускать и краткій катехизисъ Филарета остановить.

За такіе подвиги стали называть Шишкова инквизиторомъ. Но министръ этимъ нимало не былъ смущенъ.

«Что значитъ слово ихъ—инквизиція? — вопрошаетъ онъ.—Оно собственно значитъ розыскъ, но какой?—не казни, не мученія; ибо сихъ никто не требуетъ; но просто разысканіе или изслѣдованіе актовъ, изъ коихъ бы можно было увидѣть, какое въ нихъ скрывается намѣреніе,—худое или доброе. Вотъ что называютъ они инквизиціею! Но если сіе изслѣдованіе, которому даютъ они столь ненавистное имя, кажется имъ такъ страшнымъ, то, стало быть, дѣла ихъ нечисты».

Шишковъ былъ недоволенъ нерѣшительностью государя. «Къ чему служило мнѣ рвеніе мое остановить усилившуюся заразу?—плачется онъ въ своихъ запискахъ:—съ одной стороны Богъ, совѣсть и отечество требовали отъ меня, чтобъ я,

по долгу званія моего, сопротивлялся, сколько могу, безнравственному и пагубному вольнодумству, или такъ называемому духу времени; но съ другой—отчасу болѣе усматривалъ я, что не могу имѣть ни средствъ, ни возможности поставить преграду сему широко разлившемуся и безпрепятственно текущему злу. Надлежало мнѣ или уступить обстоятельствамъ, или безуспѣшно и со вредомъ себѣ противоборствовать онымъ. Я избралъ послѣднее».

Не должно думать, однако, что если Шишковъ не успѣвалъ въ стремленіи своемъ создать въ Россіи верховный инквизиціонный трибуналъ, то и вообще ему не удавалось что либо сдѣлать. Онъ достигъ весьма многаго, но не былъ доволенъ и роптал на нерѣшительность государя. «Очевидность доказательствъ, говоритъ онъ, и сильныя мои настоянія принуждали его соглашаться на предпріемлемыя мною мѣры, но онъ разрушалъ ихъ тайнымъ образомъ» (sic!).

«Хотя смѣна министра народнаго просвѣщенія, данный на имя мое рескриптъ, закрытіе библейскихъ обществъ и прочее, съ одной стороны, гласно обвиняли дѣйствія прежняго министерства просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, однакожъ, съ другой, не только защита, но и награды тѣмъ, кои были въ немъ дѣйствующими лицами, столь же гласно показывали одну только наружность сихъ мѣръ, безъ всякаго намѣренія и желанія приводить ихъ въ дѣятельное исполненіе».

IV.

Можно себѣ представить, какой дѣтской радостью исполнилось сердце любвеобильнаго старца, когда императоръ Николай Павловичъ поручилъ ему наконецъ составить новый цензурный уставъ. Многолѣтняя мечта о прегражденіи рѣкѣ временъ течь туда, куда она стремится, о тщательной закупоркѣ всѣхъ отверстій, куда могъ бы проходить «духъ времени», осуществлялась! «Верховный разсмотрительствующій

комитетъ» осуществлялся! Тѣмъ опаснѣе былъ Шишковъ, что онъ дѣйствовалъ по убѣжденію, безкорыстно, съ честностью тупого фанатика; онъ «стоялъ за правду», за то, что полагалъ дѣломъ своей совѣсти. Въ совершенномъ, повидимому, противорѣчіи съ инквизиціонной дѣятельностью стоялъ его протестъ противъ подсчета голосовъ верховнаго суда по дѣлу декабристовъ. Шишковъ доказывалъ, что подсчетъ этотъ сдѣланъ неправильно. По правильному подсчету вышло бы, что «по среднему числу каждый изъ 42 членовъ приговариваетъ подсудимаго къ заточенію на $12^{17}/_{21}$, то-есть почти на 13 лѣтъ, а не на вѣчное, какъ выходило попрежнему расчисленію».

«Толь немалая разность въ приговорахъ,—говорилъ Шишковъ,—опредѣляющихъ участь человѣческую, не можетъ быть оставлена безъ обращенія на то правосуднаго вниманія».

Записка Шишкова по этому предмету прочтена была въ общемъ собраніи верховнаго суда, и хотя многіе изъ членовъ признали ее справедливою, но предсѣдательствующій объявилъ, что дѣло уже кончено. «Не удовольствовавшись симъ», Шишковъ при письмѣ препроводилъ свою записку государю, но «на оную не воспослѣдовало никакого отвѣта» [1]).

Таковъ былъ Шишковъ — стародумъ и правдолюбъ, стремившійся къ пользѣ отечества, только понимавшій эту пользу не какъ человѣкъ первой четверти XIX вѣка, современникъ Гете, Шеллинга, Гейне, Гегеля, Беранже, Байрона, Пушкина, Виктора Гюго, Шлоссера, Ранке, Шелли и т. д., а какъ средневѣковый инквизиторъ, — «честенъ и тупъ», по опредѣленію Карамзина. Прямолинеенъ, послѣдовательный «направленецъ», плодовитый писатель и грязно невѣжественъ, непросвѣщенъ, какъ инструкторъ кантонистскихъ казармъ.

Шишковъ долженъ былъ написать цензурный уставъ, но, «не могши по слабости своего зрѣнія и здоровья заняться самъ великимъ симъ трудомъ, употребилъ на то директора канце-

---

[1]) Записки Шишкова, томъ II, стр. 283—284.

ляріи своей князя Шихматова, человѣка благоразумнаго и усерднаго къ пользамъ престола и отечества». Князь Шихматовъ, бездарный, напыщенный и темный риѳмоплетъ, «совершилъ сей трудъ въ краткое время», «съ неутомимою ревностью», прочитывая Шишкову каждую написанную имъ статью.

Познакомимся же съ «симъ трудомъ», созданнымъ въ «краткое время».

Новый цензурный уставъ, утвержденный въ Царскомъ Селѣ 10-го іюня 1826 года, былъ далеко не «кратокъ». Въ немъ 230 статей, когда въ уставѣ 1804 года было всего 47.

Уставу предпосланъ былъ докладъ, подписанный министромъ Шишковымъ и директоромъ, княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ.

«Благосостояніе государствъ, — писали авторы устава,— утверждается на вѣрѣ и добрыхъ нравахъ; а потому правительства просвѣщеннѣйшихъ народовъ Европы въ разныя времена изыскивали всѣ возможныя средства къ сохраненію сихъ основаній общественнаго благоденствія невредимыми. Къ числу таковыхъ средствъ принадлежатъ цензурныя постановленія».

Уставъ о цензурѣ въ Россіи изданъ въ 1804 году. «Сколько въ продолженіе двадцати двухъ послѣдовавшихъ за тѣмъ лѣтъ распространилось просвѣщеніе во всѣхъ состояніяхъ русскаго народа, свидѣтельствуетъ множество учебныхъ заведеній, воспріявшихъ въ сіе время свое начало. Съ другой стороны, измѣнившійся въ разныхъ отношеніяхъ духъ европейскихъ народовъ оставилъ слѣды сихъ измѣненій въ наукахъ и словесности, семъ общемъ достояніи всѣхъ просвѣщенныхъ государствъ».

При этомъ прежній уставъ и штаты цензурнаго комитета оказываются недостаточными. Во-первыхъ, малое число людей, употребленныхъ собственно для цензурнаго дѣла, не можетъ съ надлежащимъ вниманіемъ обнять всю громаду издаваемыхъ книгъ.

Во-вторыхъ, недостатокъ правилъ оказался, которыя дол-

жны быть составлены «съ великою подробностію и разсмотрительностію, дабы не только не отнимали у сочинителей свободу писать и разсуждать, но ободряли бы оную и питали, преграждая въ то же время пути къ изданію въ свѣтъ худыхъ, дерзкихъ, соблазнительныхъ, невѣжественныхъ, пустословныхъ сочиненій, отъ которыхъ развращается нравственность, умножаются ложныя понятія, темнѣетъ просвѣщеніе и возрастаетъ невѣжество».

Сочиненный въ «краткое время» риѳмоплетомъ и святошей Шихматовымъ уставъ долженъ былъ удовлетворять всѣмъ этимъ требованіямъ, «не только не отнимая у сочинителей свободу писать и разсуждать, но ободряя оную и питая».

V.

Въ первомъ § новаго устава выясняется общая цѣль учрежденія цензуры, состоящая въ томъ, чтобы произведеніямъ словесности, наукъ и искусствъ, при изданіи ихъ въ свѣтъ посредствомъ книгопечатанія, гравированія или литографіи, «дать полезное или, по крайней мѣрѣ, безвредное для блага отечества направленіе». Итакъ, цѣль учрежденія—«обезвредить» книгопечатаніе, «обезвредить» науки, словесность, искусства, «обезвредить» просвѣщеніе. А въ § 6 ставится другая цѣль, очевидно принадлежавшая «духу времени», котораго такъ боялся Шишковъ, потому что разумность ея признавалъ и Булгаринъ, и даже Пушкинъ. Цѣль эта—«направленіе общественнаго мнѣнія, согласно съ настоящими политическими видами и обстоятельствами правительства». Это болѣе узкая и временная цѣль, такъ какъ «обстоятельства» вообще измѣнчивы, а съ ними и «виды». Не того желалъ Шишковъ. Онъ бы желалъ на вѣки-вѣковъ утвердить все просвѣщеніе на своемъ «словенствѣ».

Наиболѣе интересенъ уставъ Шишкова—Шихматова, начиная съ «главы первой-на-десять». Духъ изувѣрства наростаетъ постепенно и разрѣшается въ юродивую вакханалію.

Статьи устава принимаютъ характеръ какихъ-то зловѣщихъ выкликаній, повторяя все одно и то же, усиливая до нестерпимаго fortissimo основную ноту. Съ тупымъ упорствомъ, все озлобленнѣе разжевываетъ одну и ту же, облитую желчью, жвачку обскурантъ-славянофилъ и все не можетъ успокоиться, все еще, кажется ему, недостаточно всесторонне затянута петля на литературѣ. Какъ нищій въ баснѣ Крылова просилъ Фортуну подсыпать въ его суму еще и еще горсточку, пока она не прорвалась, и все золото не превратилось въ пыль, такъ и Шишковъ съ Ширинскимъ, дорвавшись до устава, подваливаютъ и подваливаютъ статью за статьей. Результатъ этой обскурантской жадности былъ столь же для нихъ плачевный. Уставъ не могъ привиться даже и послѣ 14-го декабря.

Право изданія въ свѣтъ всякаго повременнаго изданія можетъ быть предоставлено только человѣку добрыхъ нравовъ, извѣстному на поприщѣ отечественной словесности, доказавшему сочиненіями хорошій образъ мыслей и благонамѣренность свою и способному направлять общественное мнѣніе къ полезной цѣли, но министръ воленъ запретить всякое повременное изданіе, и издатель или издатели, подвергнувшіеся «единожды» запрещенію, навсегда лишаются права издавать повременныя сочиненія, какъ сами собою, такъ и въ товариществѣ съ другими (§§ 129, 137 и 138).

Еслибы уставъ воцарился, то хотя бы Николай Полевой, подвергшійся «единожды» запрещенію въ тридцатыхъ годахъ, уже навѣки лишился бы права издательства. Фактически и помимо устава это, впрочемъ, такъ и вышло.

Статья 141 учреждала столько же особыхъ цензуръ, кромѣ верховной, сколько имѣлось въ Россіи департаментовъ, вѣдомствъ, министерствъ: «статьи, касающіяся до государственнаго управленія, не могутъ быть напечатаны безъ согласія того министерства, о предметахъ коего въ нихъ разсуждается». Опять таки и безъ устава въ 40-хъ годахъ циркулярно создалось это невыносимое для печати обиліе цензуръ.

Запрещается,—гласилъ § 143-й, — печатать записки частныхъ людей по тяжебнымъ дѣламъ. Возбраняются творенія, заключающія въ себѣ ученія какихъ-либо тайныхъ обществъ, обнаруживающіяся обыкновенно эмблемами (?). Къ сему разряду причислить можно сочиненія магическія, астрологическія, кабалистическія и симъ подобныя (§§ 144 и 146).

Твореніе, въ которомъ, подъ предлогомъ защиты или оправданія одного изъ иновѣрныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, порицается другое, подлежитъ запрещенію.

Всѣ вообще отрывки изъ поэмъ, повѣстей, романовъ, рѣчей, разсужденій, театральныхъ сочиненій и проч., не имѣющихъ полнаго содержанія (?) въ отношеніи къ нравственной, полезной или, по крайней мѣрѣ, безвредной цѣли, подвергаются запрещенію. Не позволяется пропускать къ напечатанію мѣста въ сочиненіяхъ и переводахъ, имѣющія двоякій смыслъ, ежели одинъ изъ нихъ противенъ цензурнымъ правиламъ. Запрещается сочинителямъ и переводчикамъ въ печатныхъ произведеніяхъ ихъ означать цѣлыя мѣста точками или другими знаками, какъ бы нарочно для того поставляемыми, чтобы читатели угадывали сами содержаніе пропущенныхъ повѣствованій (§§ 150, 151).

Сочиненія и рукописи на языкѣ отечественномъ, въ коихъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка, или которыя исполнены грамматическихъ погрѣшностей, не пропускаются къ напечатанію. Сіе правило имѣетъ силу и въ отношеніи къ печатаемымъ въ Россіи на иностранныхъ языкахъ книгамъ и рукописямъ, если онѣ исполнены грубыхъ ошибокъ и погрѣшностей противъ правилъ языка (§§ 154, 155).

При разсмотрѣніи произведеній словесности наблюдать въ особенности, чтобы въ сочиненіяхъ сего рода «сохранялась чистая нравственность, и не замѣнялась бы однѣми красотами воображенія» (§ 146).

При разсмотрѣніи историческихъ произведеній, преимущественное слѣдуетъ обращать вниманіе на нравственную и по-

литическую цѣль оныхъ и на духъ, въ которомъ цѣлое сочиненіе сего рода написано. Исторія не должна заключать въ себѣ произвольныхъ умствованій (прагматики), которыя не принадлежатъ къ повѣствованію (§§ 177, 181).

Кромѣ учебныхъ логическихъ и философическихъ книгъ, необходимыхъ для юношества, прочія сочиненія сего рода, наполненныя безплодными и пагубными мудрованіями новѣйшихъ временъ, вовсе печатаемы быть не должны, относительно же къ учебнымъ курсамъ логики и философіи вообще при разсматриваніи ихъ должно имѣть въ виду неприкосновенность правилъ, на коихъ зиждется общежитіе и благонравіе. Что касается до дидактическихъ, умозрительныхъ сочиненій о правахъ и законахъ, заключающихъ въ себѣ теоріи о правѣ естественномъ, народномъ, гражданскомъ и уголовномъ, изложенныхъ въ видѣ метафизическихъ изысканій, то всякая вредная теорія, таковая, какъ, напримѣръ, о первобытномъ звѣрскомъ состояніи человѣка, будто бы естественномъ, о мнимомъ составленіи первобытныхъ гражданскихъ обществъ посредствомъ договоровъ, о происхожденіи законной власти не отъ Бога, и тому подобныя отнюдь не должны быть одобряемы къ печатанію. При разсмотрѣніи сочиненій о всѣхъ естественныхъ и медицинскихъ наукахъ цензоръ обязанъ назначать къ исключенію всѣ произвольныя и безполезныя отступленія, кои отвлекаютъ читателей и учащихся отъ вещественнаго къ духовному, нравственному или гражданскому міру (т. е. натурфилософію, соціологію, опытную этику и т. д. и т. д.). По отношенію къ медицинскимъ наукамъ, въ особенности наблюдать слѣдуетъ, чтобы вольнодумство и невѣріе не употребило нѣкоторыхъ изъ нихъ орудіями къ поколебанію, или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію въ умахъ людей неопытныхъ достовѣрности священнѣйшихъ для человѣка истинъ, таковыхъ, какъ духовность души, внутреннюю его свободу и высшее опредѣленіе къ будущей жизни (§§ 186, 187, 190, 192, 193).

Такимъ образомъ новый уставъ дѣйствительно достигалъ

цѣли обезвреженія наукъ, словесности, искусствъ. Онъ ихъ въ корень уничтожалъ и насаждалъ круглое невѣжество въ умахъ. Но какъ ни часто было сито, сквозь которое предполагалось процѣживать умственную жизнь страны, все же что либо могло и проскользнуть. Во избѣжаніе этого въ юродивый уставъ введена была еще такая, 213-я, гиперболическая статья. «Такъ какъ уставъ о цензурѣ не долженъ быть неизвѣстнымъ никому изъ писателей или художниковъ (sic), издающихъ въ свѣтъ произведенія свои, то, въ случаѣ важныхъ обстоятельствъ, отвѣтственность за содержаніе напечатанныхъ уже твореній ихъ не прекращается отъ того, что они напечатаны по одобренію цензора. Ибо гораздо виновнѣе тотъ, кто, занимаясь на свободѣ однимъ только сочиненіемъ своимъ, обдумываетъ въ тишинѣ кабинета что либо вредное для общественной безопасности и нравовъ и потомъ издаетъ въ свѣтъ, нежели цензоръ, разсматривавшій сочиненіе его по обязанности своей на ряду со многими другими [1]).

VI.

Уставъ Шишкова былъ утвержденъ государемъ. Однако, вслѣдъ затѣмъ онъ подвергся пересмотру въ особомъ комитетѣ и въ 1828 году совершенно былъ передѣланъ. Тѣмъ чувствительнѣе былъ этотъ ударъ для Шишкова, что въ комитетѣ дѣйствовалъ его старинный литературный врагъ, Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, послѣдователь Карамзина, въ 1811 году написавшій ѣдкую отповѣдь «словенофилу» подъ заглавіемъ: «О легчайшемъ способѣ возражать на критику».

Шишковъ подалъ въ отставку и былъ «отъ министерства народнаго просвѣщенія уволенъ».

Такимъ образомъ, эта удушливая мгла, готовившаяся было облечь русское просвѣщеніе, миновала.

---

[1]) Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ. 1862 г. Стр. 181 и 182.

Напрасно, однако, думать, что сложившіяся за тѣмъ условія были вольготны для мысли. Продолжалась въ сущности старая система циркуляровъ, и къ 1848 году скопилась такая удушающая атмосфера, что писатель едва могъ дышать.

Въ сущности уставъ, какъ нѣчто неподвижное, былъ стѣснителенъ при мѣняющихся «обстоятельствахъ» и «видахъ». Циркулярная же система могла слѣдовать всѣмъ приливамъ, отливамъ и колебаніямъ государственнаго флюгера.

Каково при этомъ приходилось писателю, можно составить яркое понятіе изъ писемъ Булгарина къ образованному и либеральному цензору Никитенкѣ. Въ 1834 году Булгаринъ пишетъ по поводу своего романа «Записки Чухина». «Вы, вѣрно, читали «Семейство Холмскихъ», «Черную женщину» Греча? Тамъ есть и ханжи, и всякая всячина. У Греча даже военные люди, которыхъ наши романисты представляли всегда образцами благородства, изображены, какъ слѣдуетъ, такими же людьми, какъ и мы, статскіе, и даже подлецы выбраны изъ военнаго сословія. Ужели я одинъ такъ несчастенъ, что мои характеры не могутъ показаться въ публику? Исключить фразу, мысль, выраженіе—другое дѣло; но выкинуть лица изъ романа значитъ изорвать романъ и заставить автора написать другой... Клянусь вамъ счастіемъ моихъ дѣтей, что, кромѣ нравственной цѣли, не имѣю я никого въ виду. Живу я въ удаленіи отъ людей и общества, и не хочу задѣвать никого. Но писать нельзя иначе, какъ изображая характеры возможные, а такимъ образомъ въ мірѣ всегда найдется что нибудь похожее... Вторая часть Чухина будетъ развязка. Зло покроетъ стыдомъ злыхъ, добро доставитъ добрымъ величайшую награду, наслажденіе души. Впрочемъ, я бы чрезвычайно благодаренъ былъ вамъ, еслибъ вы посвятили мнѣ полчаса времени и написали, какъ вы желаете, чтобъ я дорисовалъ лица, которыя ввергли васъ въ сомнѣніе. Вторая часть еще въ работѣ, и я могу дать такой цвѣтъ лицамъ, какой вамъ угодно» [1]).

[1]) «Русская Старина», 1900 г., январь, стр. 172—173 и дальше.

Въ слѣдующемъ 1835 году Ѳаддей Венедиктовичъ опять пишетъ Никитенкѣ по поводу 2-й части «Чухина», прося, «еслибъ какое мѣсто показалось ему сомнительнымъ, то не иначе вымарывать, какъ прочитавъ главу до конца, ибо каждое предложеніе развернуто у меня впослѣдствіи и выведено въ пользу истины, нравственности, религіи и существующаго порядка вещей въ Россіи. Затѣмъ предложеніе не должно быть принимаемо отдѣльно, но въ общности съ послѣдствіемъ. Было время тяжкое, во время Магницкаго и Аракчеева, но ни одна моя статья въ то время не была запрещена даже Крассовскимъ, и всѣ романы прошли безъ помарокъ и безъ преслѣдованій... Почтенные господа цензоры, будьте справедливы! И для васъ есть потомство!»

Черезъ четыре года, 11-го января 1839 года, Булгаринъ пишетъ: «Прошу васъ покорнѣйше при свиданіи съ Фрейгангомъ припомнить вашему товарищу, что я и Гречъ не рабы г. Фрейганга, не отданы ему въ услуженіе, и что мы не беззащитные сироты, которыхъ можно угнетать въ угоду кому угодно, а что г. Фрейгангъ дѣлаетъ съ нами, это ужасъ! Только что принесли къ нему «Пчелу», тотчасъ за красныя чернила и пошелъ чертить, не обращая вниманія на концы и выводы. Этого не бывало и при Магницкомъ. Терпѣніе истощается».

«Ничѣмъ никому и никогда угодить нельзя!» — плачется Булгаринъ въ 1844 году,—«честь имѣю увѣдомить, что таинственный незнакомецъ не есть вовсе политическое лицо и не имѣетъ никакихъ политическихъ теорій, о которыхъ даже нѣтъ и помину въ цѣломъ романѣ. О политикѣ, о правленіи — нѣтъ рѣшительно ни одного слова въ романѣ. Таинственное лицо есть тотъ самый человѣкъ, о которомъ упоминается, что онъ убилъ свою любовницу и сосланъ въ Сибирь. На повѣрку выйдетъ, что онъ не убилъ своей любовницы... Вся эта запутанность выдумана мною, чтобъ какъ нибудь занять читателя. Ни политики, ни даже сатиры нѣтъ тутъ вовсе, а просто сказка сказкой. И

такъ, на этотъ счетъ будьте совершенно спокойны. Цѣль нравственная и поучительная».

«Не обвиняю васъ! Время!!!—пишетъ Булгаринъ въ 1845 году,—а мы, дураки и скоты, плакали во времена Магницкаго и Рунича! Да это былъ золотой вѣкъ литературы въ сравненіи съ нынѣшнимъ!.. Имя Торквемады въ сравненіи съ именемъ Уварова есть то же, что имя Людовика XIV въ сравненіи съ именемъ Омара! Набросилъ на все тѣнь, навелъ страхъ и ужасъ на умы и сердца, истребилъ мысль и чувство... Поневолѣ вспомнишь первую страницу изъ жизни Агриколы—Тацита: «Хотѣли бы лишить насъ способности мыслить, какъ лишили средствъ говорить, еслибы можно было заставить человѣка не думать, какъ можно заставить его молчать».

18-го января 1848 года несчастный Ѳ. В. Булгаринъ пишетъ: «Пересмотрѣлъ я статью очесами великаго Торквемады, перваго инквизитора всѣхъ Испаній стараго и новаго свѣта, вооружась при томъ смѣлостью А. И. Фрейганга и понятіями цензора же Крылова, и передъ Богомъ и людьми не вижу больше ничего, что бъ могло быть подвержено толкованію самыхъ ухищренныхъ фарисеевъ... Неужели всѣ русскіе должны быть представлены Ахиллесами, и ни одному не позволено струсить даже на бумагѣ? Лишая всю Россію одного изъ человѣческихъ ощущеній, отнимается пружина у драмы и романа. Но я и трусость исключилъ изъ трусости... Какъ писать романъ изъ жизни, не касаясь житейскаго? Ужели это вредно церкви, престолу, нравственности и спокойствію гражданъ? Мнѣ, право, плакать хочется!»

Если такъ круто приходилось Булгарину на пространствѣ съ 1834 года по 1847 годъ, то что же выносили другіе литераторы и журналы? Если Ѳаддею плакать хотѣлось, какія же кровавыя слезы лили другіе? Времена Рунича и Магницкаго оказались золотымъ временемъ литературы. «Истребилъ мысль и чувство!»—съ ужасомъ повторяетъ Булгаринъ о министрѣ Ува-

ровѣ, и именно въ устахъ Булгарина эти слова отдаютъ смертнымъ холодомъ. «Ничѣмъ никогда и никому угодить нельзя!»— восклицаетъ журналистъ, угождавшій Аракчееву, журналистъ, который и теперь пользовался сравнительнымъ довѣріемъ, и его «Пчелу» даже ставили въ примѣръ другимъ органамъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ «распоряженіи» отъ 3-го ноября 1852 года читаемъ:

«Относительно политическихъ отдѣловъ тѣхъ періодическихъ изданій, въ коихъ оные существуютъ, предписаны редакторамъ и цензорамъ къ неупустительному руководству слѣдующія правила: 1) Разсказывать событія просто, избѣгая, елико возможно, всякихъ разсужденій. 2) Сопровождать иногда эти извѣстія выраженіями одобренія, сочувствія или негодованія и насмѣшки, на подобіе, какъ то дѣлаетъ иногда «Сѣверная Пчела». Одно подобное слово даетъ сейчасъ особый смыслъ и значеніе передаваемому извѣстію. 3) Вовсе или почти не упоминать о представительныхъ собраніяхъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ, объ ихъ конституціяхъ, выборахъ, учреждаемыхъ законахъ, о депутатахъ. Однимъ словомъ, не обращать на нихъ такого вниманія, какъ доселѣ дѣлается. 4) Избѣгать говорить о народной волѣ, о требованіяхъ и нуждахъ рабочихъ классовъ, о безпорядкахъ, производимыхъ иногда своеволіемъ студентовъ, о поданіи голосовъ солдатами и проч.».

VII.

То зло, на которое указывалъ Булгаринъ еще въ 1826 году, размноженіе цензуръ помимо общей, что заставляло, напримѣръ, Плюшара посылать каждый листъ его энциклопедическаго словаря во всѣ вѣдомства на просмотръ 20—30 цензуръ,—въ теченіе сороковыхъ годовъ было укрѣплено рядомъ циркуляровъ.

Таково предложеніе отъ 25-го октября 1844 года, подтвержденное въ 1847 и 1849 годахъ:

«Сочиненія, въ коихъ заключаются разсужденія насчетъ правительственныхъ учрежденій, равно всѣ статьи, несогласныя съ тѣми свѣдѣніями, кои имѣются въ виду мѣстнаго начальства, и доставляемыя отъ частныхъ лицъ для помѣщенія въ періодическихъ изданіяхъ, должны быть разсматриваемы съ особенною строгостью и допускаемы къ напечатанію не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія высшаго начальства».

«Газетныя статьи о разныхъ празднествахъ, устраиваемыхъ въ честь губернскихъ чиновниковъ, особенно при увольненіи ихъ отъ должностей, не должны быть допускаемы къ печатанію безъ предварительнаго разсмотрѣнія оныхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ» (1843 г.).

«Всѣ журнальныя статьи, въ какомъ-либо отношеніи до театровъ касающіяся, должны быть сообщаемы прежде напечатанія ихъ въ газетахъ директору театровъ для предварительнаго прочтенія» (1845 г.).

«Всѣ статьи о строеніи Исаакіевскаго собора, предполагаемыя къ помѣщенію въ журналахъ, должны быть предварительно сообщаемы на разсмотрѣніе комиссіи о ностроеніи этого собора» (1847 г.).

Какъ стѣсненъ былъ репертуаръ журналиста, видно изъ слѣдующаго «конфиденціальнаго предложенія министра народнаго просвѣщенія», отъ 19-го іюня 1848 года:

«Въ фельетонѣ 21 номера «Сѣверной Пчелы» разсказывается, что для недѣльныхъ концертовъ Гунгля въ Павловскомъ вокзалѣ учреждены отдѣльныя поѣздки по желѣзной дорогѣ, и посѣтители могутъ возвращаться домой часомъ позже, а затѣмъ прибавлено: «Слово возвращаться производитъ всегда какое-то гальваническое потрясеніе. Пріѣхать въ Петербургъ ночью, въ дурную погоду и предаться на жертву легковымъ извозчикамъ, это ужасно! Мы часто сравнивали прекрасное учрежденіе таксы въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ съ произвольной цѣною петербургскихъ извозчиковъ, но на-дняхъ убѣдились, что и тамъ, гдѣ такса существуетъ, надобно торговаться. Въ случаѣ

дурной погоды, въ особенности царскосельскіе извозчики точно также неумолимы, какъ и столичные. Мы видѣли примѣръ, что отъ станціи желѣзной дороги до дворца должно было заплатить 40 коп. серебромъ. Это были женщины и дѣти, застигнутыя дождемъ: что имъ было дѣлать? Уступить необходимости!»

«Цензурѣ не слѣдовало пропускать сіи выходки. Каждому скромному желанію лучшаго, каждой умѣстной жалобѣ на неисполненіе закона или установленнаго порядка, каждому основательному извѣщенію о дошедшемъ до чьего-либо свѣдѣнія злоупотребленіи указаны у насъ законные пути. Косвенныя укоризны начальству царскосельскому, а отчасти и с.-петербургскому, въ приведенномъ фельетонѣ содержащіяся, сами по себѣ, конечно, не важны; но важно то, что онѣ предъявлены не передъ подлежащею властью, а преданы на общій приговоръ публики; допустивъ же единожды сему начало, послѣ весьма трудно будетъ опредѣлить, на какихъ именно предѣлахъ должна останавливаться такая литературная расправа въ предметахъ общественнаго устройства. Впрочемъ, какъ означенная статья напечатана въ журналѣ, вообще отличающемся благонамѣренностью и направленіемъ, совершенно соотвѣтственнымъ цѣли и видамъ правительства, то приписывая и эту статью одному только недостатку осмотрительности, сдѣлать общее по цензурѣ распоряженіе, дабы впредь не было допускаемо въ печати никакихъ, хотя бы и косвенныхъ порицаній дѣйствій и распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали».

Припоминается Некрасовская «фельетонная букашка».

Мою любимую идейку,
Что въ Петербургѣ климатъ плохъ,
И то не въ каждую статейку
Въ то время всовывать я могъ.
Однажды написалъ я сдуру,
Что видѣлъ на мосту дыру,—
Переполошилъ всю цензуру...

Еще распоряженіемъ 20-го апрѣля 1836 года было объявлено:

«Не должно быть пропускаемо цензурою ни одного произведенія кого-либо изъ чиновниковъ жандармскаго корпуса лейбъ-гвардіи кавказско-горскаго полуэскадрона и собственнаго конвоя, безъ предварительнаго разрѣшенія шефа жандармовъ». Отсюда только и узнаемъ о позывахъ къ писательству, вѣроятно, подъ вліяніемъ чтенія Марлинскаго, проявленныхъ этими частями... Но если, кромѣ общей цензуры, почти каждая статья подвергалась и спеціальной, то обратно мало было одной цензуры того или другого вѣдомства: надо было ей затѣмъ пройти и общую:

«Статьи, назначаемыя для какого бы то ни было повременнаго изданія, подвергать непремѣнно общей гражданской цензурѣ, независимо отъ предварительнаго разсмотрѣнія особыми вѣдомствами тѣхъ статей, которыя по содержанію своему ихъ спеціально касаются» (1848 г.).

Что прошло въ общей цензурѣ, могло застрять въ спеціальной и обратно. Мало того, постановленія иностранной цензуры были необязательны для общей. Въ «предложеніи» отъ 4-го октября 1851 года читаемъ: «мнѣнія комитета цензуры иностранной о позволительности романовъ и повѣстей для перевода на русскій языкъ суть только вспомогательное указаніе, и не могутъ быть рѣшительнымъ и безусловно обязательнымъ руководствомъ для внутренней цензуры, которая нисколько не должна стѣсняться ими». Она «сама въ состояніи лучше судить по собственнымъ опытамъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія можетъ производить на читателей русскихъ книгъ чтеніе иностранныхъ романистовъ». «Принять на будущее время правиломъ, чтобы при объявленіи переводчикомъ мнѣнія комитета цензуры иностранной о дозволительности какого-либо сочиненія къ переводу было вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупляемо, что это мнѣніе не составляетъ рѣшительнаго одобренія книги для перевода на рус-

скій языкъ, и что переводъ въ случаѣ представленія его въ комитетъ подлежитъ разсмотрѣнію по цензурнымъ правиламъ»[1]).

Это постановленіе состоялось по поводу романовъ Александра Дюма Le mille et un fantômes и Поль де-Кока Une gaillarde, которые были пропущены иностранной цензурою и признаны опасными—внутреннею.

VIII.

Николаевская цензура запрещала такія критическія статьи, «которыя общимъ приговоромъ безъ всякихъ доказательствъ осуждаютъ сочиненія». Нельзя было написать: «эта поэма плоха». Требовалось и доказать это... Въ 1836 году было предложено цензурѣ «имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы въ повременныхъ изданіяхъ отнюдь не возобновлялась литературная полемика въ томъ видѣ, въ какомъ она въ прежніе годы овладѣла было журналами обѣихъ столицъ». Здѣсь, очевидно, имѣлась въ виду полемика съ «Телеграфомъ» Полевого въ 20-хъ годахъ. При этомъ кратко сообщалось, что «представленія о дозволеніи новыхъ періодическихъ изданій на нѣкоторое время воспрещаются».

Когда въ сороковыхъ годахъ «Отечественныя Записки» и «Современникъ» стали переводить Бальзака, Жоржъ-Зандъ, предписано было «обращать ближайшее и строжайшее вниманіе на переводы съ иностранныхъ языковъ, особенно современныхъ французскихъ писателей, коихъ имена болѣе или менѣе извѣстны публикѣ», и въ издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ журналахъ наблюдать, «чтобы цѣлыя книжки оныхъ вопреки программѣ не были составлены изъ однихъ почти переводныхъ въ цѣлости романовъ и повѣстей». Переводи, но умѣренно!

Тогда же (въ 1847 году) было обращено особенное вниманіе на журнальныя и другія статьи объ отечественной исторіи.

---

[1]) Сборн. постановл. и распор. по цензурѣ. 1862 г., стр. 276—278.

«Особливой внимательности требуетъ тутъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ «необузданныхъ порывовъ патріотизма»...

Въ 91 № фельетона «Сѣверной Пчелы» (26-го апрѣля 1848 года) помѣщенъ былъ слѣдующій анекдотъ: «Одинъ чиновникъ, въ донесеніяхъ начальству, нерѣдко дозволялъ себѣ проническія замѣчанія касательно дурного теченія дѣлъ и ошибочныхъ учрежденій. Начальникъ, полушутя, полусеріозно, сказалъ ему: Любезный другъ, не пишите такимъ острымъ перомъ, не то мы его должны будемъ притупить.— Что же? — отвѣчалъ чиновникъ:—тогда я буду писать грубо».

Министръ народнаго просвѣщенія, выразивъ замѣчаніе, что подобные мнимо-остроумные разсказы могутъ дать поводъ къ ослабленію понятій о подчиненности,и въ такомъ смыслѣ должны быть почитаемы прямо предосудительными, по высочайшему повелѣнію предлагаетъ принять подлежащія мѣры, дабы впредь ничего подобнаго не могло повторяться.

Въ отчетѣ общества посѣщенія бѣдныхъ, въ № 169 «Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи» и въ № 188 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (1848 г.), было сказано между прочимъ: «Это явленіе показываетъ, что въ Петербургѣ до сихъ поръ милостыня выгоднѣе работы». Нашли, что такое указаніе можетъ породить между простолюдинами «ложныя понятія и направленія»; они въ самомъ дѣлѣ бросятъ работу и станутъ нищенствовать, коли послѣднее выгоднѣе... Предложить, дабы въ печать не могло прорываться ничего могущаго имѣть даже и косвеннымъ образомъ вредное на общественную нравственность вліяніе.

Распоряженіями 1848 и 1849 гг. «всѣ статьи въ журналахъ за университеты и противъ нихъ рѣшительно воспрещаются въ печати».

Тогда же по поводу напечатанной въ Дерптѣ диссертаціи на степень магистра по предмету дѣйствующаго въ Остзейскомъ краѣ слѣдственнаго судопроизводства объявлено распоряженіе:

«Не должно быть пропускаемо къ напечатанію никакихъ разборовъ и порицаній существующаго законодательства».

Тогда же «самымъ рѣшительнымъ образомъ запрещаются, на какомъ бы языкѣ ни было, критики, какъ бы благонамѣренны ни были, на иностранныя книги и сочиненія, запрещенныя и потому не должныя быть извѣстными».

Въ январской книжкѣ «Современника» на 1849 годъ была помѣщена историческая статья, въ которой описывалось состояніе Россіи въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго. Не встрѣчая въ ней ничего предосудительнаго по духу, «конфиденціальное предложеніе» не могло, однако, не остановиться на слѣдующихъ помѣщенныхъ въ ней цитатахъ:

«И велятъ, пишетъ московское духовенство областному (Акты археогр. экспед., т. II, № 57), боярскимъ холопомъ побивати своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулятъ; и шпынямъ, и безъимяннымъ воромъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити; и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давать боярство, и воеводство, и окольничество, и дьячество». «Конфиденціальное предложеніе» просило сдѣлать «пропустившему означенную статью цензору соотвѣтственное вразумленіе». Въ томъ же году въ майской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», въ критической статьѣ о литературной дѣятельности Богдановича, встрѣтились слѣдующіе афоризмы: «Человѣкъ, нерѣдко жадный къ фантастическимъ утѣшеніямъ и надеждамъ, богатъ утѣшеніемъ истиннымъ, надеждой несомнѣнной. Хоть онъ часто и затворяетъ слухъ на ихъ воззваніе, но сила истины беретъ свое. Не зная ближайшихъ или отдаленнѣйшихъ причинъ бѣдствій, онъ вооруженъ врожденною ему властію уничтожать зло. Постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ, физическихъ и нравственныхъ, неизмѣнное совершенствованіе—вотъ его обязанность и величіе».

«Очевидно, — говоритъ «конфиденціальное предложеніе» отъ 31 мая 1849 года, — что это мѣсто напоминаетъ духъ

прежней туманной философіи, и, если позволено такъ выразиться, напыщенной галиматьи сего журнала, дававшей преднамѣренною неясностію идей и наборомъ словъ широкое поле къ произвольнымъ разсужденіямъ и примѣненіямъ. Фразы, напримѣръ, «человѣкъ вооруженъ врожденною ему властію уничтожать зло», или «постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ, физическихъ и нравственныхъ, — вотъ его обязанность и величіе!» фразы сіи не могутъ ли въ рукахъ людей неблагонамѣренныхъ или въ понятіяхъ неопытныхъ юношей сдѣлаться поводомъ къ самымъ двусмысленнымъ, превратнымъ и даже преступнымъ толкованіямъ?»

Послѣдними мѣрами къ окончательному и всестороннему уничтоженію литературы были «предложенія» 1850 и 1852 г.:

«Помѣщаемыя въ повременныхъ изданіяхъ въ продолженіе значительнаго времени, отрывками и частями, сочиненія издаются потомъ въ полномъ видѣ, отдѣльнымъ твореніемъ, безъ новаго цензурнаго разсмотрѣнія. Такъ какъ статьи, которыя первоначально не представляли ничего противнаго цензурнымъ правиламъ, могутъ иногда (sic!) получить, въ соединеніи и сближеніи, направленіе предосудительное и непозволительное, то необходимо, чтобы цензура не иначе позволяла къ печатанію подобныя полныя изданія, какъ по новомъ разсмотрѣніи ихъ въ цѣлости».

«При разсмотрѣніи донесеній о сомнительномъ содержаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ полныхъ собраніяхъ сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ, оказывать разсудительное снисхожденіе, — съ принятіемъ въ соображеніе времени первоначальнаго выхода произведеній ихъ въ свѣтъ, тогдашнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ, слога и языка, которыми эти произведенія написаны, большей или меньшей занимательности ихъ, вѣроятнаго числа и состоянія читателей оныхъ въ настоящее время, и, наконецъ, тѣхъ впечатлѣній, которыхъ ожидать должно отъ чтенія сихъ твореній въ предѣлахъ нынѣшняго

ихъ обращенія, различая сочиненія, относящіяся къ легкому чтенію и доступныя большому числу читателей, отъ тѣхъ, которыя читаютъ только люди, посвятившіе себя подробному изученію нашей литературы».

«О всѣхъ подобныхъ случаяхъ съ изъясненіемъ причинъ предполагаемаго снисхожденія представлять на высочайшее благоусмотрѣніе», и чтобы цензурныя учрежденія «каждый разъ при поступленіи для одобренія къ новому изданію полныхъ собраній сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей представляли о томъ, прежде разрѣшенія къ печати, на усмотрѣніе главнаго управленія цензуры съ своимъ заключеніемъ и съ присовокупленіемъ выписокъ сомнительныхъ мѣстъ, если они встрѣтятся» [1]).

Издать подобное распоряженіе значило признать виновной, переполненной «сомнительными мѣстами», хотя и достойной «разсудительнаго снисхожденія», всю литературу съ Кантемира и Тредьяковскаго до Пушкина и Гоголя, такъ что каждый разъ, при новомъ изданіи, авторъ какъ бы требовалъ помилованія и особаго акта верховной власти, съ ея прерогативой—милостью.

IX.

Время съ 1834 по 1848 г., когда Ѳ. В. Булгарину «хотѣлось плакать» и по сравненіи съ которымъ времена Рунича и Магницкаго казались ему «золотымъ вѣкомъ литературы», все еще было сноснымъ. Кульминаціоннаго пункта цензурныя стѣсненія достигли въ «моровую полосу» свирѣпаго обскурантизма и мыслебоязни реакціоннаго семилѣтія съ 1848 по 1855 годъ.

«Вотъ сколько у насъ нынѣ цензуръ, — писалъ Никитенко:—общая при министерствѣ народнаго просвѣщенія, главное управленіе цензуры, верховный негласный комитетъ,

---

[1]) Сборн. пост. и распор. 1862 г., стр. 281.

духовная цензура, военная, цензура при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, театральная при министерствѣ императорскаго двора, газетная при почтовомъ департаментѣ, цензура при третьемъ отдѣленіи и новая, педагогическая. Если сосчитать всѣхъ лицъ, завѣдывающихъ цензурою, ихъ окажется больше, чѣмъ книгъ, печатаемыхъ въ теченіе года. Я ошибся: больше. Еще цензура по части сочиненій юридическихъ при второмъ отдѣленіи и цензура иностранныхъ книгъ; всего двѣнадцать». 27-го января 1850 г. вышелъ указъ о назначеніи князя Пл. Алекс. Ширинскаго-Шихматова министромъ народнаго просвѣщенія.

Митрополитъ Филаретъ писалъ по этому случаю А. Н. Муравьеву: «Князь Ширинскій-Шихматовъ—министръ просвѣщенія; Норовъ—его товарищъ; сіи, конечно, пожелаютъ просвѣщать восточнымъ свѣтомъ» [1]).

Просвѣщеніе и началось немедленно. При посѣщеніи Московскаго университета новый-министръ заявилъ, что «польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ». Императоръ Николай, при назначеніи Ширинскаго, повелѣлъ ему представить соображенія, полезно-ли преподаваніе философіи при «предосудительномъ» развитіи этой науки германскими учеными, и не слѣдуетъ ли принять мѣры къ огражденію нашего юношества «отъ обольстительныхъ мудрованій новѣйшихъ философскихъ системъ».

Министръ немедленно представилъ свои соображенія, «разсмотрѣвъ» философскія науки—логику, опытную психологію, теорію познанія, метафизику, нравственную философію. По его сужденію Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель въ философскихъ изслѣдованіяхъ своихъ не замѣчаютъ даже, существуетъ ли вѣра христіанская, а сами, съ помощью одного только ума, дерзновенно мечтаютъ познать начало». Хотя «приняты дѣя-

---

[1]) Барсуковъ. Погодинъ. Книга одиннадцатая. Стр. 20.

тельныя мѣры къ наблюденію за духомъ и направленіемъ преподаванія», «сама наука, по шаткости своихъ началъ», «всегда представляетъ случаи къ поползновенію.

Князь Шихматовъ признавалъ поэтому необходимымъ «изъять» изъ преподаванія философіи теорію познанія, метафизику и нравственную философію; послѣднюю «по практической безполезности ея для молодыхъ людей, ознакомленныхъ съ нравоученіемъ христіанскимъ».

Докладъ одобренъ; повелѣно читать одну логику и психологію, при чемъ соединить воедино каѳедру философіи и богословія.

Послѣ того, какъ въ русскихъ университетахъ былъ угашенъ «западный свѣтъ» философіи, угасили и «свѣтъ восточный» въ лицѣ «славянофиловъ». 23-го января 1853 года, начальникъ третьяго отдѣленія Л. В. Дубельтъ довелъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, что по «разсмотрѣніи» имъ найдено, что московскіе славянофилы, «явно недоброжелательствуя нынѣшнему порядку вещей, въ заблужденіи мыслей своихъ безпрерывно желаютъ оттолкнуть наше отечество ко временамъ равноапостольнаго князя Владиміра», что хотя нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ-то Ивану Аксакову, Константину Аксакову и Хомякову, «уже были дѣлаемы внушенія, но это на нихъ не подѣйствовало». Они даже послѣ сдѣланныхъ имъ внушеній дерзко представляютъ къ напечатанію статьи, которыя обнаруживаютъ ихъ открытое противодѣйствіе правительству». Дабы «разъ навсегда положить предѣлъ распространенію таковаго вреднаго образа мыслей и предупредить строгія, но справедливыя взысканія правительства, которымъ подвергаются цензоры», Дубельтъ полагалъ: Ивану Аксакову, Константину Аксакову, Хомякову, Кирѣевскому и князю Черкасскому, сдѣлавъ наистрожайшее внушеніе за желаніе распространять нелѣпыя и вредныя понятія, воспретить даже и представлять къ напечатанію свои сочиненія. Всѣхъ сихъ, какъ людей открыто неблагонамѣрен-

ныхъ, подвергнуть не секретному, но явному полицейскому надзору [1]).

Постановленіе это оставалось въ силѣ до конца царствованія императора Николая I.

X.

Для полной характеристики Николаевской цензуры намъ остается только упомянуть о нѣкоторыхъ, выдающихся по своей курьезности, циркулярахъ того времени.

Такъ, были и постановленія, объявлявшія великія льготы литературѣ. Напримѣръ, въ 1833 г. было разъяснено, что сочиненія, нарушающія правила языка и грамматики, по одному только этому обстоятельству подвергаемы запрещенію быть не могутъ, а въ 1839 г., что картины, писанныя на полотнѣ и деревѣ масляными красками, цензурѣ подлежать не могутъ. Значитъ, акварель или соусъ, а также писанныя масляными красками на стеклѣ или металлѣ—подлежали. На транспарантахъ попрежнему выставлялось цензорское разрѣшеніе.

Къ числу льготныхъ распоряженій должно быть отнесено и слѣдующее отъ 1 мая 1834 года: «эпическія поэмы Мильтона и другія подобныя сочиненія не должны быть относимы къ сочиненіямъ богословскимъ и отсылаемы въ духовную цензуру». Однако, 27 октября 1852 года главное управленіе, разсмотрѣвъ представленіе о прозаическихъ переводахъ на русскій языкъ сочиненій Мильтона Потерянный рай и Возвращенный рай, обращающихся во множествѣ между отечественною публикою и, въ особенности, между простымъ народомъ, и имѣя въ виду неодобрительный о нихъ отзывъ духовной цензуры, опредѣлило: предложить циркулярно по цензурному вѣ-
бы на будущее время принято было за правило

---

[1]) овъ. Погодинъ. Книга 12-я. Стр. 133, 134, 135.

допускать къ печати только такіе переводы Мильтона, которые по изяществу слога подходятъ близко къ достоинству подлинника, и притомъ не иначе, какъ въ стихахъ».

Въ 1833 году было признано, что сочиненія протестантскія, писанныя сообразно съ правилами сего вѣроисповѣданія, не могутъ подлежать запрещенію, хотя они и не согласны съ ученіемъ церкви греко-россійской, а въ 1852 г. разъяснено: книги духовнаго содержанія, въ коихъ излагаются приличнымъ существу предмета языкомъ собственно догматы христіанскихъ исповѣданій, терпимыхъ у насъ въ Россіи, пропускать безпрепятственно къ свободному обращенію въ публикѣ; тѣ же изъ иностранныхъ духовныхъ книгъ, въ коихъ авторы, не ограничиваясь простымъ изложеніемъ однихъ догматовъ, входятъ, сверхъ того, въ полемическія разсужденія, направленныя противъ другихъ исповѣданій, запрещать. Въ пропускѣ объявленій о книгахъ анатомическихъ и физіологическихъ наблюдать должно особую осторожность, не дозволяя въ нихъ ничего такого, что могло бы оскорбить чувство благопристойности и приличія (1840). Въ газетахъ не должны быть дозволяемы къ печати похвалы изобрѣтеніямъ, прежде нежели оныя будутъ изслѣдованы (кѣмъ?) по правиламъ науки и признаны вполнѣ основательными (1848).

По поводу изданія въ 1852 году книги: «Магазинъ всѣхъ увеселеній, или полный и подробнѣйшій оракулъ чародѣй», повелѣно вздорныя и питающія суевѣріе гадательныя книги впредь вовсе не разрѣшать къ печатанію. Въ 1851 году въ повременныхъ изданіяхъ были замѣчены статьи и разсужденія, заимствованныя изъ иностранныхъ газетъ и сочиненій, заключающія въ себѣ большею частію повторенія тѣхъ утопій, которыя проповѣдывались на мирныхъ конгрессахъ: парижскомъ 1849 и франкфуртскомъ 1850 годовъ. Въ предупрежденіе распространенія предосудительныхъ мыслей и понятій, которыя могли быть возбуждены «изложеніемъ вреднаго и лож-

наго ученія такъ называемыхъ мирныхъ конгрессовъ», конфиденціально предложено такихъ статей не допускать.

Тогда же, имѣя въ виду опасеніе, что подъ знаками нотными могутъ быть скрыты злонамѣренныя сочиненія, написанныя по извѣстному ключу (?), или что къ мотивамъ церковнымъ могутъ быть приспособлены слова простонародной пѣсни, и наоборотъ (зачѣмъ?—спрашивается), главное управленіе цензуры, для предупрежденія такого злоупотребленія, не сообщая однако, таинственнаго ключа шифрованныхъ нотъ, предоставило цензурному комитету, въ случаяхъ сомнительныхъ, поручать лицамъ, знающимъ музыку, предварительное разсмотрѣніе музыкальныхъ произведеній... И эти лица, получая приличный окладъ, занимались этимъ курьезнымъ разсмотрѣніемъ, но, кажется, ничего ровно не открыли.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Гречъ, Булгаринъ, Воейковъ и Глинка нагауптвахтѣ.—«Литературная Газета».—Конфектный билетецъ несноснаго Лавиньи.—«Холерный» годъ русской журналистики. — Основаніе и гибель «Телескопа».—Основаніе и запрещеніе «Европейца».—«Союзъ петербургской литературы».—«Новоселье» и «Библіотека».—Запрещеніе «Телеграфа».—Бенкендорфъ и Уваровъ мѣняются ролями.—Успѣхи барона Брамбеуса.—«Московскій Наблюдатель» подъ двумя редакціями.—Неуспѣхъ обѣихъ.—«Дѣйствительность» и дѣйствительность.—Монахи діалектическаго идеализма.—Гегель и «русскіе ученики».—Безработица.—Критическіе годы Бѣлинскаго.—Полевой въ Петербургѣ.—Интимныя обстоятельства «Пчелы» и «Сына».—Ѳаддей въ слезахъ, Смирдинъ въ хлопотахъ. — Гречъ обнимаетъ Полевого. — Планъ преобразованія «Пчелы». — Колоритъ шалевскій и жаненовскій.— Что лучше въ журналистикѣ—«безстыдство и кабакъ» или «человѣческій языкъ и умъ?»— Отвѣтъ на сей вопросъ россійскаго читателя. — Недоразумѣнія съ «гнусными ляхами».— «Ляхи» снабжаютъ Россію духовной пищей.— Печальные итоги журналистики 30-хъ годовъ.— Что возникло въ Россіи прежде — цензура или литература? — Моровая полоса».— Россія «будущаго».

I.

Въ 1830 году вышелъ знаменитый романъ Загоскина «Юрій Милославскій»,—первый русскій историческій романъ, если не считать напечатаннаго еще въ 20-хъ годахъ отрывка изъ «Арапа Петра Великаго» Пушкина.

«Юрія Милославскаго» читали вездѣ — въ гостиныхъ и въ мастерскихъ, среди простолюдиновъ и при высочайшемъ дворѣ. Скоро по всѣмъ угламъ Россіи стали развозить въ огромномъ количествѣ табакерки и набивные платки со сценами изъ романа, такъ онъ сталъ популяренъ. Но вотъ А. Н. Очкинъ въ «Сѣверной Пчелѣ», напечаталъ статью противъ Загоскина; за него вступился извѣстный публицистъ и авторъ сатиры «Домъ Сумасшедшихъ» — Воейковъ. Императоръ Николай Павловичъ, которому «Юрій Милославскій» понравился, высочайше повелѣть соизволилъ немедленно эту полемику прекратить. Несмотря на запрещеніе, Булгаринъ напечаталъ въ своей «Пчелѣ» отповѣдь Воейкову, или, какъ тогда называли, антикритику. Вслѣдствіе сего Булгаринъ, Гречъ и Воейковъ, по высочайшему повелѣнію, посажены на гауптвахту.

«Въ городѣ, писалъ въ своемъ дневникѣ профессоръ и цензоръ Никитенко, радуются тому... Ихъ беззастѣнчивый эгоизмъ всѣмъ надоѣлъ. Такъ, но при этомъ никто не думаетъ о пораженіи одного изъ лучшихъ параграфовъ нашего бѣднаго цензурнаго устава». Этотъ параграфъ, какъ и всѣ прочіе, нарушался не разъ, конечно. Объ обузданіи критикъ и особенно «антикритикъ» заботился не одинъ циркуляръ, какъ нами было указано выше.

Одновременно съ петербургскими журналистами посадили въ Москвѣ на гауптвахту цензора и благородно-безалабернаго, пламеннаго и безкорыстнѣйшаго патріота Сергѣя Николаевича Глинку за то, что пропустилъ показавшіеся несоотвѣтственными видамъ правительства стихи въ «Денницѣ» Максимовича и статейку въ «Московскомъ Вѣстникѣ» Шевырева и Погодина. Однако, когда узнали въ Москвѣ, что Глинка на гауптвахтѣ, у колокольни Ивана Великаго, многіе бросились навѣщать его. Одинъ изъ первыхъ былъ маститый поэтъ и отставной министръ юстиціи Ив. Ив. Дмитріевъ. Все, однако, объяснилось. Глинка былъ освобожденъ и, какъ невинно пострадавшій, получилъ три тысячи отъ щедротъ монаршихъ...

Между тѣмъ Пушкинъ и друзья его задумали осуществить давнюю мысль о журналѣ, который составлялъ бы противовѣсъ монополіи Греча и Булгарина и союзника ихъ съ 1829 года— Николая Полевого. Съ 1 января 1830 года въ Петербургѣ стала выходить, подъ редакціей барона Дельвига и при ближайшемъ участіи Пушкина, Жуковскаго и князя Вяземскаго, «Литературная Газета». Критикомъ этого изданія былъ нѣкто Сомовъ, довольно извѣстный въ то время публицистъ. Однако, корректный баронъ заявлялъ, что въ его газетѣ «не будетъ мѣста критической перебранкѣ». «Будущее извѣстно единому Богу,— писалъ друзьямъ поэтъ Языковъ по поводу новаго изданія,— Дельвигъ чрезвычайно лѣнивъ, а Сомовъ сердитъ, да не силенъ». Погодинъ же писалъ Шевыреву: «Статейки слабѣйшія, младенческія понятія о теоріяхъ. Невѣжи и невѣжи! Гдѣ имъ!.. Газета устоитъ не больше, какъ два мѣсяца: Пушкину наскучитъ, и останется редакторомъ мизерабельный Сомовъ». Въ своемъ «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодинъ писалъ: «нѣкоторые кропотуны думаютъ, что въ критикѣ «Литературной Газеты» не будетъ иногда совершеннаго безпристрастія въ отношеніи ея къ прихожанамъ, литературнымъ патриціямъ и въ отношеніи къ писателямъ плебейцамъ другихъ приходовъ» [1]).

Николай Полевой сошелся съ Погодинымъ во мнѣніи объ аристократическихъ тенденціяхъ газеты Дельвига, Жуковскаго, Пушкина и Вяземскаго — арзамасцевъ. Вотъ что писалъ онъ: «Литературная Газета» есть послѣднее усиліе жалкаго литературнаго аристократизма, и вотъ вся загадка! Грамотъ на литературное достоинство герольдія нынѣшней критики не только не утверждаетъ современнымъ литературнымъ аристократамъ, но оспариваетъ оныя и у тѣхъ литературныхъ аристократовъ, которые давно похоронены съ названіемъ бояръ... Литератур-

---

[1]) «Московскій Вѣстникъ», 1830 г., № 3, стр. 315—318.

ный аристократизмъ довольно шалилъ у насъ. На него нападалъ и всегда будетъ нападать Телеграфъ» [1]).

Замѣтимъ, что позднѣе и Бѣлинскій яростно нападалъ на «Современникъ», когда князь Вяземскій распространился въ немъ о непринужденномъ благородствѣ манеръ истиннаго свѣтскаго человѣка и о томъ несравненномъ искусствѣ, съ которымъ таковой садится въ гостиной въ кресла, чего плебею никогда не дается. Дѣйствительно, Герценъ описываетъ, какъ Бѣлинскій, попавъ на какой-то раутъ, очутился въ сосѣдствѣ съ Жуковскимъ въ придворномъ, шитомъ мундирѣ, опрокинулъ ему на бѣлые штаны бутылку съ краснымъ виномъ и спасся бѣгствомъ, еле живой отъ стыда... Полевой, Погодинъ, Бѣлинскій объединялись, какъ «плебейцы» въ литературѣ. Въ свою очередь, позднѣе князь Вяземскій выразился, что писатели-арзамасцы свѣтскіе люди, не связанные съ литературой матеріально:

...Олигархически себя держали,
Какъ говорятъ, въ республикѣ письменъ!

Имѣла ли успѣхъ «Литературная Газета?»

«Литературная Газета» слаба, и критика ея ничтожна,— писалъ Погодинъ Шевыреву,—наши патриціи не знаютъ, гдѣ востокъ въ искусствахъ и наукахъ... Въ «Литературной Газетѣ», гостиной и пріятной, забавенъ только Вяземскій. Дельвигъ ничего не дѣлаетъ... Подписчиковъ... едва сто» [2]).

Между тѣмъ, дни «Литературной Газеты» были сочтены. Графъ А. Х. Бенкендорфъ, въ письмѣ своемъ отъ 30-го октября 1830 года, довелъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, что въ этой газетѣ (№ 61) помѣщены, «ни къ какой стати, четыре стиха Казимира де-ла-Виня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27, 28 и 29-го іюля». Дѣйствительно—«ни къ какой стати!»

---

[1]) «Московскій Телеграфъ», 1830 г., № 14, стр. 240—244.
[2]) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. III, стр. 14.

Какъ извѣстно, іюльская революція 1830 года была вызвана, между прочимъ, обнародованіемъ знаменитыхъ ordonnances пустоголоваго Полиньяка, наложившихъ руку на свободу прессы. 27-го іюля была только «присказка», кровь уже текла, но до семи часовъ ничего серьезнаго не предвидѣлось. Наконецъ грянулъ первый выстрѣлъ, и воздвиглась первая баррикада. Двинулась кавалерія. Парижъ содрогнулся. Революція началась. Утромъ 28-го все населеніе было на ногахъ. Всѣ вооружались. Ученики политехнической школы кричали: «Vive la liberté! Vive la charte! A bas les Bourbons!». Колокола Нотръ-Дамъ и другихъ церквей били набатъ. 29-го все было кончено. Іюльская колонна на площади Бастиліи была проектирована особымъ закономъ. Постройка ея начата въ 1833 году, а окончена въ 1840 году. Надпись гласитъ: «Во славу французскихъ гражданъ, которые вооружились и сражались для защиты общественной свободы въ памятные дни 27, 28 и 29-го іюля 1830 года».

Отъ 8-го ноября гр. Бенкендорфъ писалъ: «Личный мой разговоръ по сему предмету съ барономъ Дельвигомъ и самонадѣянный, нѣсколько дерзкій образъ его извиненій меня еще болѣе убѣдилъ въ моемъ заключеніи». Въ результатѣ, Дельвигу запретили изданіе газеты. «Итакъ,— писалъ Пушкинъ Плетневу,—русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! Жаль. Но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему была печатать конфектный билетецъ этого несноснаго Лавинья».

II.

Въ преданіяхъ русской литературы памятенъ «холерный» 1830 годъ. «Холера коснулась и журналистовъ,— говорилъ Шевыревъ,—Галатея» простудилась, «Атеней» объѣлся, а у «Вѣстника Европы» поднялась желчь. Они не будутъ издаваться».

Прекращая изданіе «Вѣстника Европы», Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, «злой паукъ», по опредѣленію «собранья литературныхъ насѣкомыхъ» въ извѣстной эпиграммѣ Пушкина, превратившій Карамзинскій журналъ въ затхлый архивъ литературнаго старовѣрства, счелъ долгомъ проститься съ публикою и сказать ей свои «Послѣднія слова»:

«Въ изнеможеніи отъ долготы дней, при концѣ бытія своего, но еще вполнѣ владѣя способностями разсудка и памяти, завѣщаю современникамъ послѣднія слова старческой опытности. Умираю смертію обыкновенною, по чину естества неизбѣжною для всѣхъ органическихъ созданій... Увы, подобно Карлу V, заживо отпѣтому услужливымъ братствомъ, я, находясь еще въ сонмѣ живыхъ, долженъ былъ слушать не погребальныя пѣсни, не мольбы о грѣхахъ моихъ, а неистовое глумленіе и скоморошеское кощунство отъ нѣкоторыхъ изъ новаго поколѣнія журналовъ [1]), незрѣлыхъ смысломъ, дерзкихъ волею, велерѣчивыхъ, бранчивыхъ и хвастливыхъ».

Эти «послѣднія слова» вызвали слѣдующія строки въ «Московскомъ Телеграфѣ»: «Вѣстникъ Европы», начатый Карамзинымъ, умеръ просто отъ старости».

Изъ «новаго поколѣнія» журналовъ скончался отъ недостатка подписчиковъ «Московскій Вѣстникъ» Погодина. На развалинахъ старыхъ и новыхъ журналовъ, въ 1831 году, Николай Ивановичъ Надеждинъ, извѣстный критикъ «Вѣстника Европы», экс-студентъ Никодимъ Надоумко, нынѣ профессоръ изящныхъ искусствъ и философіи въ Московскомъ университетѣ, основалъ «Телескопъ», «журналъ современнаго просвѣщенія», а «дабы летучія новости, занимательныя для образованной публики, не теряли своей свѣжести», въ видѣ особаго еженедѣльнаго приложенія—журналъ модъ и новостей «Молву». Здѣсь напечаталъ свои «Литературныя мечтанія» юный Бѣлинскій,

---

[1]) «Московскій Телеграфъ» Николая Полевого. Каченовскій даже подавалъ «куда слѣдуетъ» за полемику Полевого.

здѣсь же предполагалось помѣщать: «картинки и описаніе иностранныхъ, преимущественно парижскихъ модъ», картинки и описанія модъ собственно московскихъ», московскія вѣсти о театральныхъ и другихъ публичныхъ собраніяхъ и гуляньяхъ, «острыя слова», «забавные анекдоты» и проч.

Въ «Телескопѣ» предполагалось помѣщать: «современную лѣтопись», «современное состояніе промышленности и торговли», полную библіографію, преимущественно русскую; критику и журналистику, полемику, смѣсь и т. д., и т. д. Программа журнала совмѣщала всѣ приманки, которыми завоевали симпатіи публики «Телеграфъ» Полевого и Вяземскаго и «Пчела» Булгарина и Греча. Чрезвычайно интересна характеристика почившихъ въ 1830 году старыхъ и новыхъ журналовъ, которую далъ Надеждинъ въ первомъ нумерѣ своего «Телескопа».

«De profundis! Тяжекъ былъ для Москвы годъ истекшій. Древняя столица Русской земли и русской журналистики совершенно осиротѣла. Напрасно привычное любопытство ищетъ знакомыхъ именъ въ газетныхъ объявленіяхъ: тамъ все пусто!

«Вѣстникъ Европы. Маститый сей старецъ, патріархъ настоящаго поколѣнія журналовъ и Несторъ журналистики, мирно кончилъ многотрудную жизнь свою... Три почти цѣлыя десятилѣтія существовалъ онъ — три вѣка для летучаго періодическаго изданія!..

«Московскій Вѣстникъ. Юноша съ роскошными надеждами, съ залетными мечтами, съ пламенными порывами! Рано, очень рано состарѣлся ты и, не доцвѣтши, свянулъ!.. Молодые литераторы и ученые пробовали въ немъ свои юныя силы и нерѣдко сверкали яркими талантами; на нихъ смотрѣли, но не засматривались; и «Московскій Вѣстникъ» проповѣдывалъ въ пустынѣ... Блестящее имя Пушкина постоянно печаталось и снаружи, и внутри «Московскаго Вѣстника» — и все напрасно!.. Миръ тѣни твоей, многострадальный юноша!..

«Атеней—первый изъ молодыхъ журналовъ отважился на отступничество отъ Пушкина... Его слѣдуетъ упрекнуть только

за излишнюю благонамѣренность. Онъ надѣялся подлеститься къ публикѣ ученостью—и перепугалъ ее. Атеней во времена бурныя русской журналистики умѣлъ пріобрѣсти столь невинную репутацію, что только при чтеніи его одного позволялось обходиться безъ перчатокъ. Житія его было всего три года.

«Галатея. Сія журнальная красавица, единственная своего пола между русскими журналами... пропорхнула очень быстро и исчезла внезапно».

Такъ «острился» надеждинскій «Телескопъ» надъ усопшими собратьями. А между тѣмъ рокъ судилъ и ему весьма недолгое и мало успѣшное литературное поприще. Журналъ не имѣлъ особеннаго успѣха. Между прочимъ, Надеждинъ привлекъ «выгнаннаго студента» Бѣлинскаго къ переводамъ съ французскаго для «Телескопа» и «Молвы», а затѣмъ поручилъ ему критику журнала въ значительной степени.

«Я перебрался къ Надеждину,—пишетъ Бѣлинскій брату 17-го августа 1834 года,—и живу у него уже двѣ недѣли. Жить мнѣ очень недурно. У меня особенная комната. Теперь Надеждинъ уѣхалъ... и поручилъ мнѣ журналъ и домъ, гдѣ я теперь полный хозяинъ... пользуюсь его библіотекой и живу припѣваючи» [1]).

Въ 1834 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, начался въ «Молвѣ» рядъ статей, подъ названіемъ «Литературныя мечтанія. Элегія въ прозѣ». Этими статьями открывается серьезная литературная дѣятельность Бѣлинскаго. Однако, значеніе его было до самаго переѣзда въ Петербургъ и выступленія въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго ограничено небольшимъ кружкомъ. Внѣ его ходили слухи о Бѣлинскомъ, какъ о человѣкѣ весьма бойкомъ, горячемъ, который ни передъ чѣмъ не отступалъ и нападалъ на «все»—на все въ литературномъ мірѣ, конечно. Другого рода критика была тогда немыслима въ печати. «Многіе, говоритъ Тургеневъ въ своихъ «Литературныхъ вос-

---

[1]) Пыпинъ: Бѣлинскій. Изд. 1876 г., т. I, стр. 80.

поминаніяхъ», даже между молодежью, осуждали его и находили, что онъ слишкомъ смѣлъ и далеко заносится... Цѣлая легенда тотчасъ сложилась о Бѣлинскомъ. Говорили, что онъ— недоучившійся казенный студентъ, выгнанный изъ университета... за развратное поведеніе... Увѣряли, что и наружность его самая ужасная; что это какой-то циникъ, бульдогъ, призрѣнный Надеждинымъ, съ цѣлью травить имъ своихъ враговъ». Въ маѣ 1835 года Надеждинъ оставилъ службу въ университетѣ. Онъ собирался за границу и на время отсутствія передалъ изданіе «Телескопа» и «Молвы» Бѣлинскому и его друзьямъ. То былъ знаменитый кружокъ 1830-хъ годовъ Станкевича, кружокъ, мудрствовавшій надъ Шеллингомъ и Гегелемъ. Кромѣ Станкевича и Бѣлинскаго, принадлежали къ нему Строевъ, А. П. Ефремовъ, В. П. Красовъ, И. П. Ключниковъ, Боткинъ, Катковъ, Бакунинъ. Новая редакція рьяно взялась за дѣло. Самъ Станкевичъ, вообще не стремившійся быть записнымъ литераторомъ, заинтересовался журналомъ. Бѣлинскій тотчасъ превратилъ «Телескопъ» изъ эклектическаго, поверхностнаго и какъ-то беззаботно-умнаго журнала въ критическій журналъ съ опредѣленнымъ эстетическимъ взглядомъ. Подписка отъ этого не прибыла. Станкевичъ помѣстилъ переводную статью о философіи Гегеля, Красовъ, Кольцовъ, Константинъ Аксаковъ доставили нѣсколько стихотвореній. Бѣлинскій помѣстилъ рядъ превосходныхъ статей, совершенно оригинальныхъ по глубинѣ и значительности критическаго воззрѣнія, небывалыхъ въ русской литературѣ, юношески пылкихъ и прекрасныхъ: о русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя, о стихотвореніяхъ Баратынскаго, Бенедиктова, Кольцова, которыя только что были изданы тогда Станкевичемъ.

«Телескопъ» и «Молва» оставались подъ редакціей Бѣлинскаго около полугода: отъ мая или іюня до октября онъ издалъ шесть книжекъ. Журналъ, запоздавшій и до Бѣлинскаго, не былъ имъ доведенъ до полнаго числа книжекъ. «Молва» также запоздала. Недоданныя книжки изданы были уже въ слѣдую-

щемъ году самимъ Надеждинымъ. Въ послѣднихъ нумерахъ «Телескопа» за 1835 годъ, видимо наскоро составленныхъ, находимъ только мелкія замѣтки Бѣлинскаго. Послѣдній томъ за 1835 годъ вышелъ только въ октябрѣ 1836 года. Затѣмъ въ книжкахъ «Телескопа» за 1836 годъ появляется новый рядъ статей Бѣлинскаго. Въ № 10 помѣщена статья Искандера-Герцена «Гофманъ».

Но, увы, съ выходомъ послѣдней, 24-й книги «Телескопа» за 1835 годъ и 16-й книги за 1836 годъ (это было въ октябрѣ) существованіе журнала окончилось. Въ 15-й книжкѣ было напечатано знаменитое «Философическое письмо» Чаадаева. Надеждинъ помѣстилъ его сознательно, обманувъ цензора, увлеченнаго карточной игрой, какъ героическое средство, чтобы или пріобрѣсти симпатіи публики, или пасть со славой. Совершилось послѣднее. Журналъ запрещенъ. Чаадаевъ объявленъ сумасшедшимъ. Надеждинъ сосланъ.

III.

«Литературная Газета» была запрещена. Подписчиковъ имѣла «едва сто».

«Телескопъ» самъ себя взорвалъ на воздухъ. Запрещенъ, но подписки не имѣлъ, и книжки одного года выходили одновременно съ послѣдними книжками другого. Если въ «Литературной Газетѣ» сотрудничали «аристократы» — Пушкинъ, Дельвигъ, князь Вяземскій, Жуковскій, то въ «Телескопѣ»—молодежь, самъ ѣдкій и умный Надеждинъ, огненный Бѣлинскій, рядъ молодыхъ, яркихъ талантовъ. И все же успѣха не было. Въ 1832 году была сдѣлана еще попытка начать изданіе серьезнаго, идейнаго журнала И. В. Кирѣевскимъ. Все, что было знаменитаго въ литературѣ, соединилось въ редакціи «Европейца». Пушкинъ радовался новому журналу.

Однако Погодинъ сомнѣвался въ успѣхѣ журнала у нашей публики: «Европеецъ съ именами и статьями Жуковскаго, Баратынскаго, Языкова и пр. имѣетъ только пятьдесятъ подписчиковъ. Вотъ вамъ новое странное удостовѣреніе. Что-то будетъ впереди»?

Впереди было нѣчто особенно неожиданное. Статья И. В. Кирѣевскаго «Девятнадцатый вѣкъ», которою открывалась первая книжка журнала, была въ Петербургѣ перетолкована самымъ роковымъ образомъ для ея автора и юнаго журнала. Зловѣщіе слухи, сейчасъ же распространившіеся, подтвердила бумага, полученная 22-го февраля 1832 года попечителемъ Московскаго округа, княземъ Голицынымъ, отъ министра народнаго просвѣщенія, князя Ливена. Бумага гласила:

«Господинъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ сообщилъ мнѣ, что въ № 1-мъ издаваемаго въ Москвѣ Иваномъ Кирѣевскимъ журнала подъ названіемъ «Европеецъ» статья «Девятнадцатый вѣкъ» есть не что иное, какъ разсужденіе о высшей политикѣ, хотя въ началѣ оной сочинитель и утверждаетъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ. Но стоитъ обратить только нѣкоторое вниманіе, чтобы видѣть, что сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное; что подъ словомъ «просвѣщеніе» онъ понимаетъ «свободу»; что «дѣятельность разума» означаетъ у него «революцію», а «искусно отысканная средина» — не что иное, какъ «конституцію»... Издатель Иванъ Кирѣевскій обнаружилъ себя человѣкомъ неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ». Цензоромъ «Европейца» былъ С. Т. Аксаковъ. А Кирѣевскій еще мечталъ со своими друзьями «возвратить права истинной религіи, изящное согласить съ нравственностью, возбудить любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнить уваженіемъ законовъ и чистоту жизни возвысить надъ чистотою слога».

Запрещеніе «Европейца» взволновало русское общество. Оно было оскорблено... и ничѣмъ не выказало этого. Одинъ Жуковскій осмѣлился сказать государю, что за Кирѣевскаго

онъ ручается. «А за тебя кто поручится?» — возразилъ государь. Жуковскій умолкъ и «сказался больнымъ» [1]).

Между тѣмъ какъ въ Москвѣ оплакивали «Европейца», въ Петербургѣ извѣстный книгопродавецъ А. Ѳ. Смирдинъ перевелъ свою лавку на Невскій проспектъ. Это доставило ему «счастье видѣть у себя на новоселье почти всѣхъ извѣстныхъ литераторовъ». Всешутѣйшій риѳмоплетъ, графъ Д. И. Хвостовъ, «отъ лица своей музы» преподнесъ Смирдину привѣтствіе:

Угодникъ русскихъ музъ, свой празднуй юбилей,
Гостямъ шампанское для новоселья лей...

На пиру собравшіеся литераторы, по предложенію В. А. Жуковскаго, рѣшили «подарить» Смирдина каждый своимъ произведеніемъ. Въ Москвѣ ворчали по поводу этого пиршества, усматривая въ немъ «союзъ петербургской литературы». Черезъ годъ послѣ обѣда въ смирдинской лавкѣ вышелъ первый томъ альманаха «Новоселье». Въ немъ участвовали: Сомовъ, Сенковскій, Булгаринъ, Гречъ, Даль, Масальскій, Михайловскій-Данилевскій, князь В. Ѳ. Одоевскій, В. И. Панаевъ, А. С. Шишковъ, Борисъ Ѳедоровъ, Баратынскій, князь Вяземскій, Гнѣдичъ, Жуковскій, Козловъ, Крыловъ, А. С. Пушкинъ, графъ Хвостовъ, Хомяковъ, Погодинъ.

«Новоселье» было, однако, лишь присказкой. Еще въ концѣ 1833 г. князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: «Всѣ ожидаютъ пришествія новаго журнала Смирдина... На перспективѣ въ окнахъ книжной лавки Смирдина объявленіе о немъ колетъ глаза всѣмъ прохожимъ полуаршинными буквами».

Идея журнала и его планъ принадлежали профессору оріенталисту Осипу Ивановичу Сенковскому, болѣе извѣстному подъ именемъ барона Брамбеуса. 1 января 1834 года вышла наконецъ первая книжка «Библіотеки для Чтенія», журнала словесности, наукъ, художествъ, промышленности, новостей и

[1]) Барсуковъ. Погодинъ, кн. IV, стр. 10.

модъ. Всѣ литературныя имена были въ перечнѣ сотрудниковъ журнала. И по этому поводу баронъ Брамбеусъ впослѣдствіи цинически замѣчалъ: «У насъ сотрудниками хоть прудъ пруди. Далеко ходить за ними нечего. А стоитъ только крякнуть, да денежкой брякнуть, такъ набѣжитъ ихъ три тьмы съ потемками».

Хотя имя Рудаго Панько (Гоголя) стояло въ спискѣ сотрудниковъ «Библіотеки», онъ сейчасъ же сталъ относиться враждебно къ новому журналу, какъ возникающему оплоту литературной пошлости.

«Кстати о «Библіотекѣ», — писалъ онъ Погодину, — начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣха. Офицеры читаютъ и говорятъ: «с...с..., какъ хорошо пишетъ!» Помѣщики покупаютъ и подписываются и вѣрно будутъ читать... Смирдина капиталъ растетъ... Сенковскій уполномочилъ самъ себя властью рѣшать, вязать: мараетъ, передѣлываетъ, отрѣзываетъ концы и пришиваетъ другіе... Мы всѣ въ дуракахъ! Въ этомъ и спохватились наши тузы литературные, да поздно. Почтенные редакторы зазвонили нашими именами, набрали подписчиковъ, заставили народъ разинуть ротъ, на нашихъ же спинахъ и разъѣзжаютъ теперь. Они поставили новый краеугольный камень своей власти. Это другая «Пчела!».

Отношеніе Сенковскаго къ сотрудникамъ «Библіотеки» лучше всего выяснено Полевымъ въ предисловіи къ его «Очеркамъ русской литературы» (стр. XVI и XVII):

«А. Ф. Смирдинъ за услугу свою (снабдилъ деньгами) требовалъ участія моего въ «Библіотекѣ для Чтенія». Отказаться я не могъ. Мы сошлись съ редакторомъ ея. Послѣ продолжительнаго съ нимъ переговора я взялъ на себя отдѣленія критики и библіографіи и началъ доставлять изъ Москвы статьи по обоимъ отдѣленіямъ. Съ перваго шага всѣ условія моего сотрудничества были нарушены редакторомъ... Редакторъ наложилъ право нестерпимаго цензорства на всѣ мои статьи, пере-

дѣлывалъ въ нихъ языкъ по своей методѣ, переправлялъ ихъ, прибавлялъ къ нимъ, убавлялъ изъ нихъ, и многое являлось въ такомъ извращенномъ видѣ, что, читая «Библіотеку для Чтенія», иногда вовсе я не могъ отличать: что такое хотѣлъ я сказать въ той или другой статьѣ?.. Возраженія мои были тщетны, и несмотря на все желаніе мое исполнить желаніе добраго А. Ф. Смирдина, я принужденъ былъ въ декабрѣ 1837 года рѣшительно отказаться отъ всякаго участія въ «Библіотекѣ для Чтенія». Съ основаніемъ «Библіотеки для Чтенія», по мнѣнію Бѣлинскаго, наступилъ смирдинскій періодъ русской литературы. Этотъ періодъ продолжался довольно долго, захвативъ и начало 40-хъ годовъ, пока «Отечественныя Записки» Краевскаго, воодушевленныя критикой Бѣлинскаго, не заняли рѣшительно господствующаго положенія въ литературѣ. Чѣмъ же ознаменованъ этотъ періодъ? Поддѣльнымъ руссизмомъ Кукольника, фальшивымъ романтизмомъ Марлинскаго и пошлымъ остроумничаньемъ Брамбеуса. Но все это нравилось, имѣло успѣхъ у непритязательной публики. «Ни одинъ изъ тогдашнихъ журналовъ, говоритъ Чернышевскій, не былъ такъ распространенъ, какъ «Библіотека для Чтенія». Въ 1830—1838 годахъ едва ли хотя одинъ журналъ расходился въ тысячѣ экземпляровъ, а «Библіотека для Чтенія» въ первые годы расходилась въ числѣ отъ четырехъ до пяти тысячъ экземпляровъ» [1]).

IV.

Конкуррентомъ «Библіотеки для Чтенія» могъ бы явиться Николай Полевой, но, какъ извѣстно, его «Телеграфъ» былъ запрещенъ за непочтительный разборъ патріотической драмы Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла» въ томъ же 1834 году. Случай игралъ здѣсь главную роль. Полевой написалъ неблагопріятный разборъ драмы еще въ Москвѣ, не зная,

[1]) Очерки гоголевскаго періода. Изд. 1893 г., стр. 56.

«какъ принимаютъ пьесу» въ Петербургѣ. Когда онъ затѣмъ пріѣхалъ сюда, въ театрѣ его предупредилъ высокопоставленный благопріятель (графъ Бенкендорфъ?): «Что вы дѣлаете, Николай Алексѣевичъ! Вы видите, какъ принимаютъ здѣсь пьесу; надо соображаться съ этимъ мнѣніемъ; иначе вы навлечете себѣ страшныя непріятности!». Полевой написалъ своему брату Ксенофонту, прося вынуть статью изъ книжки, но было уже поздно. Книжку разослали подписчикамъ. Съ этихъ поръ неумолимымъ врагомъ Полевого явился министръ просвѣщенія Уваровъ, имѣвшій въ рукахъ цѣлую книгу выписокъ якобинскихъ мѣстъ изъ «Московскаго Телеграфа». Надо помнить также, что Полевой уже въ 1828 году разошелся съ княземъ Вяземскимъ, которому собственно и принадлежитъ честь созданія «Телеграфа». Онъ придалъ журналу европейскій обликъ, лоскъ и остроумное разнообразіе. Наконецъ Полевой обрушился на «Исторію» Карамзина. Этимъ онъ возстановилъ противъ себя всѣхъ «арзамасцевъ». Самъ Пушкинъ занесъ въ свой дневникъ по поводу запрещенія журнала Полевого слѣдующія характерныя строки: «Телеграфъ» запрещенъ. Уваровъ представилъ государю выписки, веденныя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе, данное Полевымъ его журналу (выписки ведены Бруновымъ по совѣту Блудова). Жуковскій говоритъ: «Я радъ, что «Телеграфъ» запрещенъ, хотя жалѣю, что запретили». «Телеграфъ» достоинъ участи своей. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать якобинизмъ (!?) передъ носомъ правительства, но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска».

Если такъ судили Жуковскій и Пушкинъ, то что же говорилъ весь высшій Петербургъ? «Полевой былъ баловень полиціи». Дѣйствительно, графъ Бенкендорфъ не переставалъ къ нему благоволить. И самъ Полевой говорилъ: «Полиція (Бенкендорфъ) обходится со мной, какъ министръ просвѣщенія, а дѣйствительный министръ просвѣщенія (Уваровъ), какъ поли-

ція» [1]). «Тотъ,—объясняетъ братъ Полевого, Ксенофонтъ Полевой,—кто, по назначенію своему, могъ преслѣдовать литератора, всячески облегчалъ его и старался вывести изъ опалы, тогда какъ другой, по званію своему покровитель и защитникъ всѣхъ литераторовъ, преслѣдовалъ невиновнаго... Въ самомъ дѣлѣ, цензура имѣла предписаніе министра Уварова, которымъ было запрещено дозволять къ печатанію что бы то ни было съ именемъ Николая Полевого. Это разоряло его. Всѣ заготовленные для «Телеграфа» матеріалы погибли, и надобно было чѣмъ нибудь замѣнить получавшійся отъ него хорошій доходъ. А легко ли это человѣку, въ продолженіе многихъ лѣтъ занимавшемуся исключительно литературой? И такъ съ этой стороны «Библіотекѣ для Чтенія» конкурренціи не предвидѣлось. Казалось, остроумный и превосходившій обширностью эрудиціи Сенковскаго и столь же холодный къ истинѣ, поверхностно блестящій Надеждинъ съ его «Телескопомъ», съ Бѣлинскимъ и молодыми силами въ немъ могъ дѣлать подрывъ смирдинской лавкѣ. И этого не было».

«Телескопъ» не имѣлъ большого успѣха. У него было немало недостатковъ, начиная съ неаккуратности изданія, происходившей и отъ безпечности, и отъ скудости средствъ, и, какъ говорится, отъ «обстоятельствъ, отъ редакціи независящихъ». Къ этому должно прибавить и то, что многія статьи «Телескопа» были не по плечу тогдашней публикѣ, и книжки его иногда не отличались разнообразіемъ, живостью и новизною статей. Тогдашней публикѣ нужна была извѣстнаго рода пряная, жирная журнальная стряпня, идеалъ которой осуществлялся въ Петербургѣ «Библіотекой для Чтенія»... «Библіотека» процвѣтала, а «Телескопъ» падалъ и падалъ» [2]).

Замѣчательно, что особый успѣхъ у русской публики вы-

---

[1]) Записки Кс. Полевого, стр. 359—361.

[2]) М. Лонгиновъ. Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ. «Русскій Вѣстникъ». Томъ XLII. Стр. 143.

палъ на долю двухъ поляковъ—Булгарина и Сенковскаго. Всѣ ихъ ругали и всѣ въ засосъ читали. Правда, по признанію Чернышевскаго, баронъ Брамбеусъ имѣлъ почти всѣ качества, нужныя для того, чтобы играть важную и плодотворную роль въ литературѣ, особенно въ журналистикѣ. Брамбеусъ обладалъ обширною начитанностью по всѣмъ отраслямъ знанія, а по многимъ и основательными познаніями. Что касается Востока, онъ былъ въ свое время однимъ изъ лучшихъ оріенталистовъ въ Европѣ. Не всѣ его статьи удачны—многія слабы, какъ у всякаго, кто пишетъ много и печатаетъ все, что пишетъ, но въ самыхъ неудачныхъ постоянно видны очень замѣчательные проблески сильнаго ума, а въ лучшихъ этотъ умъ блеститъ на каждой страницѣ. Баронъ Брамбеусъ избралъ остроумничанье своею спеціальностью, старался ни одного слова не сказать безъ украшенія остроуміемъ. Какъ всѣ литературные пустоцвѣты, онъ обладалъ удивительною «легкостью въ мысляхъ». Считая русскихъ невѣждами и варварами, презирая ихъ, какъ полякъ, Сенковскій смѣло плагіировалъ, черпая обѣими руками изъ западныхъ литературъ. Онъ смѣло писалъ повѣсти, передѣлывая и переводя Бальзака, Жюля Жанена, Марріета, Вольтера, Лесажа, Фильдинга, Раблэ и т. д., и т. д. Дѣйствительно, русская публика все кушала да похваливала.

При этомъ Сенковскій обладалъ колоссальнымъ трудолюбіемъ и трудоспособностью. Этотъ человѣкъ нѣсколько лѣтъ писалъ, быть можетъ, по сту печатныхъ листовъ въ годъ и внимательно переправлялъ до самыхъ мелочныхъ подробностей почти все, что писали другіе для его журнала, часто вставляя по нѣскольку страницъ въ чужія статьи. Онъ былъ одаренъ способностью писать очень легко и популярно и завиднымъ искусствомъ излагать самые трудные предметы удобопонятно и общедоступно. А что еще требовалось русской публикѣ? Тонкости арабской филологіи, греческихъ діалектовъ излагались ученымъ журналистомъ съ такою популярностью, съ шуточками да прибауточками, что читатель проглатывалъ не поморщив-

шись статью чрезвычайно спеціальную. Занятія восточной литературой придали формамъ писаній Брамбеуса особую извитость, пріятную для русской публики, столь близкой къ Востоку.

V.

Итакъ, Брамбеусъ и «Библіотека» торжествовали, также и Булгаринъ съ «Пчелой», а Гречъ съ «Сыномъ».

Однако, паденіе «Московскаго Телеграфа» и возникновеніе и процвѣтаніе, въ союзѣ съ «Сѣверной Пчелой», «Библіотеки для Чтенія» въ Петербургѣ возбудило въ Погодинѣ, Шевыревѣ и его друзьяхъ мысль основать въ Москвѣ новый журналъ. Въ концѣ 1834 года нѣкто Андросовъ подалъ прошеніе о позволеніи ему съ 1835 года издавать журналъ подъ названіемъ «Московскаго Наблюдателя», коего цѣлію поставляется слѣдить за всѣми достопримѣчательными явленіями, какъ въ Россіи, такъ и внѣ Россіи, по части наукъ, словесности, искусствъ изящныхъ, промышленности и модъ.

Цензура, принимая въ соображеніе, что въ Москвѣ, гдѣ въ то время существовалъ одинъ издаваемый еще Надеждинымъ «Телескопъ», чувствуется потребность въ повременномъ изданіи, которое могло бы служить нѣкоторымъ противодѣйствіемъ петербургскимъ журналамъ, находящимся почти въ однѣхъ рукахъ, т. е. Греча, Булгарина и Сенковскаго, и сдѣлавшимся чрезъ то какъ бы монополіею немногихъ лицъ, нашла возможнымъ удовлетворить просьбу Андросова.

9-го декабря 1835 года воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на изданіе журнала.

Кромѣ Андросова, въ изданіи «Московскаго Наблюдателя» приняли участіе: Баратынскій, Гоголь, М. А. Дмитріевъ, И. В. Кирѣевскій, Мельгуновъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, Н. Ф. Павловъ, Погодинъ, Хомяковъ, Шевыревъ и Языковъ.

Однако, на первыхъ же порахъ Гоголь писалъ Погодину: «Издатели «Московскаго Наблюдателя» ничего не умѣютъ дѣ-

лать. Разошлите объявленіе огромными буквами при «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и при нѣсколькихъ номерахъ, и говорите смѣло, что числомъ листовъ не уступитъ «Библіотекѣ для Чтенія», а содержаніемъ будетъ самый разнообразный... Мерзавцы вы всѣ, московскіе литераторы. Отъ васъ никогда не будетъ проку; вы всѣ только на словахъ. Какъ, затѣяли журналъ, а никто не хочетъ работать!.. Срамъ, срамъ, срамъ! Вы посмотрите, какъ петербургскіе обдѣлываютъ свои дѣла. Гдѣ у васъ то постоянство, и трудъ, и ловкость, и мудрость?.. И на первый номеръ до сихъ поръ нѣтъ еще статей... Боже мой! сколько умовъ и все оригинальныхъ: ты, Шевыревъ, Кирѣевскій. Чортъ возьми, и жалуются на бѣдность! Баратынскій, Языковъ. Ай, ай, ай?.. я поспѣшу сколько возможно скорѣе окончить для васъ назначенную повѣсть, но все не думаю, чтобы она могла поспѣть раньше 3-й книжки».

Давать совѣты, распекать и укорять Гоголь былъ мастеръ, а самъ только «поспѣшалъ сколь возможно». Къ тому же Погодинъ и не рѣшился напечатать присланную ему Гоголемъ повѣсть («Носъ»), находя ее «грязной».

«Московскій Наблюдатель» не имѣлъ успѣха и влачилъ существованіе до 1838 года, когда совершенно былъ преобразованъ.

«Наша журналистика,—писалъ Максимовичъ Погодину изъ Кіева 10-го ноября 1837 года,—опять и еще болѣе сосредоточивается въ рукахъ ярыгъ... Москва неужели ничего не противопоставитъ?»

Погодину и Шевыреву при помощи Жуковскаго удалось въ 1837 г. (годъ смерти Пушкина) положить основаніе «Москвитянина», но выходить онъ началъ только съ 1841 года. Въ 1836 г. Пушкину было разрѣшено издать «четыре тома статей» («Современникъ»). Отнесшись сначала съ сочувствіемъ къ этому начинанію, Бѣлинскій затѣмъ напалъ на «свѣтскость» изданія: «Посмотрите, что такое жизнь всѣхъ нашихъ «свѣтскихъ» журналовъ?—писалъ онъ.—Бореніе жизни со смертію

въ груди чахоточнаго. Что сказали намъ новаго объ искусствѣ, о наукѣ «свѣтскіе» журналы? Ровно ничего». Послѣ смерти Пушкина «Современникъ» началъ издаваться въ пользу его семейства. Друзья покойнаго: Жуковскій, Вяземскій, Одоевскій и Плетневъ приняли на себя завѣдываніе изданія. Къ нимъ примкнулъ и А. А. Краевскій, который въ это время сдѣлался редакторомъ литературныхъ прибавленій къ «Русскому Инвалиду». Журналъ и въ рукахъ Плетнева шелъ плохо. Цифра подписчиковъ выше 500 не поднималась.

Мы сказали выше, что «Московскій Наблюдатель» началъ издаваться съ 1835 г., подъ редакціей Андросова, ученаго статистика, человѣка, собственно чуждаго литературнымъ дѣламъ, но даровитаго и умнаго. Литературную часть взялъ въ свое завѣдываніе Шевыревъ, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ-за границы и въ первое время возбудившій большія ожиданія въ университетѣ и въ литературѣ. На первыхъ порахъ Шевыревъ помѣщалъ нѣкоторые свои труды у Надеждина (въ «Молвѣ» 1833 года), но скоро между ними начались «неудовольствія», какъ выражается біографъ Бѣлинскаго. Когда стали появляться «Литературныя мечтанія», выходившія небольшими отрывками въ сѣрыхъ листочкахъ «Молвы». Шевыревъ одобрялъ этотъ первый опытъ критика, пока дѣло не дошло до него самого. Бѣлинскій очень хвалилъ его, но замѣтилъ, что въ его стихахъ «развивается мысль, а не изливается чувство». Самолюбіе Шевырева не выдержало и этого умѣреннаго замѣчанія, оправдывая замѣчаніе Герцена о слогѣ шевыревскихъ статей: «Дутый, губчатый, вродѣ не окрѣпнувшаго бланъ-манже, и въ которое забыли положить горькаго миндалю, хотя подъ его патокой и заморена бездна желчной, самолюбивой раздражительности». Слогъ — это человѣкъ, какъ извѣстно. Когда основался «Московскій Наблюдатель», въ немъ появились новыя произведенія Шевырева: прославившаяся статья «Словесность и торговля», рядъ критическихъ статей и, наконецъ, изумительнѣйшій переводъ Тассова «Освобожденнаго Іерусали-

ма» октавами, которыми профессоръ думалъ произвести переворотъ въ русской поэзіи. Въ то же время вышла его водяная «Исторія поэзіи». Между «Телескопомъ» и «Наблюдателемъ» поднялась пикировка. Когда напалъ на «Исторію поэзіи» съ ученой критикой Надеждинъ, то хотя Шевыревъ и раздражился, все же его примиряла мысль, что противникъ—докторъ «изящныхъ наукъ». Что же сталось, когда шевыревскую труху сталъ вѣять «недоучившійся студентъ», недавно исключенный за «неспособность»?

Однако, подъ редакціей Шевырева и Погодина «Наблюдатель» не шелъ и не шелъ, и съ 1838 г. онъ перешелъ въ руки кружка «гегельянцевъ» и противника его—Бѣлинскаго.

По прежней нумераціи томовъ, по указанію А. Н. Пыпина, «Наблюдатель» новой редакціи начинается съ XVI тома. Всего издано Бѣлинскимъ пять томовъ. «Московскій Наблюдатель», «журналъ энциклопедическій», началъ свой годъ съ марта. Въ мѣсяцъ выходило по двѣ книжки.

«Московскій Наблюдатель» времени Бѣлинскаго,—говоритъ А. Н. Пыпинъ, — былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ лучшихъ журналовъ по цѣльности его характера, по достоинству литературнаго отдѣла и, наконецъ, по критикѣ, которая положительно была выше всего того, что представляла тогда журналистика въ этомъ отношеніи».

Въ видѣ программы и введенія къ изданію были помѣщены «Гимназическія рѣчи» Гегеля, съ предисловіемъ переводчика—Михаила Бакунина. Въ этомъ предисловіи высказаны были общія мнѣнія кружка о значеніи философіи и «разумности дѣйствительности», на которой тогда друзья Станкевича утверждались. Съ цѣлью объясненія философическихъ принциповъ теоріи искусства, помѣщена была статья Ретшера о «философской критикѣ художественнаго произведенія», также съ предисловіемъ переводчика М. Н. Каткова[1]).

---

[1]) «Моск. Наблюд.», 1838 г., т. XVI, въ двухъ первыхъ книжкахъ, стр. 1—38, 185—201. Томъ XVII, кн. 5—7.

Въ «Наблюдателѣ» много переводили фантастическихъ повѣстей Гофмана. Изъ поэтовъ постоянно являлись Кольцовъ, Красовъ, Константинъ Аксаковъ, Полежаевъ, Струговщиковъ, Клюшниковъ, (—ѳ—).

Степановъ, издатель «Московскаго Наблюдателя» послѣ Погодина, платилъ Бѣлинскому помѣсячно, да и то неаккуратно, какія-то ничтожныя деньги за редакцію. А пылкій критикъ восторженно повторялъ: «Дѣйствительность!». «Дѣйствительность, твержу я, вставая и ложась спать, днемъ и ночью — и дѣйствительность окружаетъ меня... Слово «дѣйствительность» сдѣлалось для меня равнозначительно слову «богъ».

И такъ полонъ былъ «неистовый Виссаріонъ» восторгомъ, что «слово» дѣйствительность загораживало отъ него настоящую дѣйствительность.

Между тѣмъ подписка на журналъ оказалась совершенно незначительной. Уже при выходѣ пятой книжки всѣ средства издателя были совершенно истощены. Панаевъ полагаетъ, что мѣшало успѣху журнала, кромѣ остальныхъ причинъ, его «примирительное направленіе». Едва ли это такъ. Мѣшала—серьезность его. Бѣлинскій самъ думалъ, что его журналъ долженъ назначаться для «аристократіи читающей публики»; она оказалась слишкомъ малочисленна. Книжки были слишкомъ однообразны. Бѣлинскій и его друзья хотѣли говорить только о томъ, что имъ нравилось и казалось важнымъ: философія искусства, Шекспиръ, Гёте, Гофманъ почти исчерпывали ихъ литературные интересы. Въ журналѣ почти не было русскихъ повѣстей. Имена сотрудниковъ, впослѣдствіи очень извѣстныхъ, въ то время никому не были извѣстны. Настроенія кружка были слишкомъ исключительны среди русской жизни, чтобы быть даже понятными сколько-нибудь широкому кругу читателей.

«Молодые философы,—разсказываетъ Герценъ,—приняли какой-то условный языкъ; они не переводили на русское, а перекладывали цѣликомъ, да еще для большей легкости оставляя всѣ латинскія слова in crudo, давая имъ православныя оконча-

нія и семь русскихъ падежей... Молодые философы наши испортили себѣ не однѣ фразы, но и пониманіе; отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное, это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гёте въ своемъ разговорѣ Мефистофеля съ студентомъ. Все въ «самомъ дѣлѣ» непосредственное, всякое простое чувство было возведено въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью».

«Гегель, во время своего профессорства въ Берлинѣ, долею отъ старости, а вдвое отъ довольства мѣстомъ и почетомъ, намѣренно взвинтилъ свою философію надъ земнымъ уровнемъ и держался въ средѣ, гдѣ всѣ современные интересы и страсти становятся довольно безразличны, какъ зданія и села съ воздушнаго шара... Великій философъ избралъ очень ловко тихое и безбурное море эстетики; рѣдко выходилъ онъ на воздухъ, и то на минуту, закутавшись, какъ больной; но и тогда оставлялъ въ діалектической запутанности именно тѣ вопросы, которые всего болѣе занимали современнаго человѣка. И вотъ «русскіе ученики», полнокровные юноши, тоже «постриглись въ метафизическіе монахи», ушли въ безвоздушное пространство діалектики, въ «монастырь идеализма», хотя и твердили о «дѣйствительности».

Понятное дѣло, что они никого за собою не увлекли.

А главная, настоящая, недіалектическая дѣйствительность скоро дала себя имъ знать.

Журналъ ихъ не имѣлъ средствъ, чтобы выдерживать соперничество съ другими изданіями; напримѣръ, «Библіотека для Чтенія» платила авторамъ большой гонорарій, а сотрудники «Наблюдателя» работали изъ любви къ искусству. Для привлеченія постороннихъ силъ редакція не имѣла средствъ. Сотрудники увидѣли, что дѣло не ладится, и охладѣли къ журналу. Бѣлинскій совершенно упалъ духомъ.

Послѣ ликвидаціи «Наблюдателя» онъ нѣкоторое время

учительствовалъ. Въ это время Краевскій пріобрѣлъ «Отечественныя Записки» у Свиньина. Сотрудничество въ нихъ Бѣлинскаго было рѣшено.

Въ октябрѣ 1839 года великій критикъ оставилъ Москву и переѣхалъ въ Петербургъ.

VI.

Раньше Бѣлинскаго, еще въ октябрѣ 1837 года, другой московскій публицистъ, критикъ и лишенный литературныхъ правъ состоянія журналистъ Николай Полевой отправился въ Петербургъ. Прошелъ слухъ, что онъ тамъ подъ сурдинку будетъ редактировать «Пчелу» и «Сынъ Отечества». А между тѣмъ въ эти промежуточные между «Телескопомъ» и «Наблюдателемъ» два года обстоятельства Бѣлинскаго были совсѣмъ плохи. Послѣ запрещенія «Телескопа» онъ остался безъ всякой работы. Искалъ ее въ петербургскихъ изданіяхъ. Имѣлись въ виду «Энциклопедическій Словарь» Плюшара и «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду» Краевскаго, но дѣло не состоялось. Бѣлинскій составилъ грамматику,—она шла туго.

Больной, онъ былъ отправленъ друзьями на Кавказъ и писалъ оттуда: «Едва родится во мнѣ сознаніе силы, едва почувствую я теплоту вѣры, какъ квартира, авошная лавка, сюртуки, штаны, долги и вся эта мерзость жизни тотчасъ убиваютъ силу и вѣру».

Узнавъ о переѣздѣ Полевого въ Петербургъ, Бѣлинскій подумалъ было пристроиться у него. Предположеніе быстро разсѣялось. Въ письмѣ Кольцова отъ 21 февраля 1838 г. переданы знаменательныя слова Полевого:

«Что жъ будешь дѣлать—обстоятельства все воротятъ по своему; думалъ, думалъ, покорился опять на время имъ, хотя бы это и не кстати, не впору, и мнѣ ужъ, старику, 42 года, я бы что нибудь могъ написать свое... а вотъ, несмотря ни на что, я работникъ на 5 лѣтъ... а тутъ цензура все такъ и приди-

рается; у людей хуже сходитъ, у меня — нѣтъ: вымарываютъ, да и только, безпрестанно долженъ ѣздить самъ обо всякой малости говорить, объясняться»...

«Обстоятельства» заключались въ новыхъ связяхъ Полевого въ Петербургѣ съ Булгаринымъ и Гречемъ.

Смирдинъ задумалъ тогда новое предпріятіе. Онъ согласилъ издателей «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества» передать ему на условное время изданіе ихъ газеты и журнала, съ правомъ пригласить для редакціи обоихъ изданій Н. А. Полевого, который изъявилъ на то свое согласіе. Полевой, переселившись въ Петербургъ, писалъ отъ 20 декабря 1837 года брату: «Я боялся эгоизма Греча, поляцизма Булгарина, трусости Смирдина... Надобно было рѣшиться—я отправился къ Гречу, Булгарину, Смирдину; сказалъ имъ все... говорилъ сильно и искренно. Нѣтъ! Всѣ могутъ быть людьми: Булгаринъ расплакался, Гречъ обнялъ меня, Смирдинъ сказалъ, что меня съ нимъ ничто не разлучитъ. Всѣ мы подали другъ другу руки и, благословясь, подписали наши условія. Но уже тѣмъ болѣе мнѣ надобно было послѣ этого налечь на работу, ибо умолчаніе имени моего значило 20% долей, а бѣдный мой Смирдинъ шутитъ въ плохую шутку, рискуя на предпріятіе въ сотни тысячъ: бюджетъ «Пчелы» составляетъ 150.000, а «Сына Отечества» 50.000 рублей, когда теперь «Пчелы» расходуется только 2.500 экземпляровъ, а «Сына Отечества»—смѣшно сказать—279 экземпляровъ!.. По крайней мѣрѣ, теперь мое положеніе обозначилось и опредѣлилось. Я понялъ такъ, что мнѣ надобно какъ можно не выказываться, не лѣзть въ глаза, стараться, чтобы увидѣли и удостовѣрились въ моей правотѣ, чистотѣ моихъ намѣреній. Жить, дышать и работать мнѣ не мѣшаютъ—что-жъ болѣе?» [1]).

«Если вѣрить Булгарину, порядочному лжецу, — продолжаетъ Полевой, — Уваровъ сказалъ ему: «Вы не знаете Полевого: если онъ напишетъ Отче Нашъ, то и это будетъ возму-

---

[1]) Записки Ксенофонта Полевого, 399—400.

тительно!»... Кромѣ строжайшаго приказа смотрѣть за каждой моей строчкой, онъ самъ читалъ, маралъ, держалъ нашу программу, такъ что мы умоляли его только отпустить душу на покаяніе, и вотъ почему программа вышла нелѣпа. Но вѣдь говорить дѣло Уваровъ запретить не можетъ, когда мои намѣренія чисты? Дать всему жизнь неужели нельзя? Матеріаловъ бездна. Мы выписываемъ около 40 журналовъ и газетъ. И вотъ «Пчела» будетъ почти въ половину болѣе форматомъ, на хорошей бумагѣ. Треть листа отдѣляется на фельетонъ; сверху три первыя колонны—внутреннія извѣстія; три потомъ—политика; одинъ столбецъ далѣе—русская библіографія, одинъ—иностранная библіографія и четыре на статьи. Фельетонъ внизу—театръ и потомъ всякая всячина, а треть трехъ столбцовъ, сзади—объявленія, какъ въ Journal de Débats. Форма европейская, поколику то можно. О содержаніи что говорить? Что Богъ дастъ—для газеты нѣтъ запаса. Что только позволятъ, то все будетъ передано, и надобно только, чтобы все кипѣло новостью. Надзоръ мой полный—ни одна статья не пройдетъ безъ меня, кромѣ вранья Булгарина; но постараюсь, чтобы ему чаще садился на языкъ типунъ. Вотъ человѣкъ! Гречъ и я умоляемъ: «пиши меньше», но онъ хорохорится и безжалостно пишетъ. Библіографія моя скромная, но дѣльная. Статьямъ надо придать колоритъ шалевскій (Филаретъ Шаль) и жаненовскій (Жюль Жаненъ). «Сынъ Отечества» будетъ въ форматѣ «Библіотеки» и толще ея. Тутъ всего важнѣе критика. Хочу принять благородный, скромный тонъ, говорить только о дѣлѣ. Въ наукахъ и искусствахъ больше историческаго и практическаго. Русской словесности—что Богъ дастъ—стану покупать, хоть и не знаю у кого? Иностранной словесности богатство, и я тону въ немъ. Первая книжка «Сына Отечества» явится 1-го января, почти въ 30 листовъ. Послѣ стиховъ я бухнулъ въ нее мое начало «Исторіи Петра Великаго». Затѣмъ статьи Греча, Булгарина, Одоевскаго, двѣ повѣсти—Жоржъ-Зандъ и Жакоба (Библіофила)—премилыя. Статьи суч: о Мининѣ, журналъ Са-

пѣги, посольство Баторія; статья Ротчева — очень дѣльная, о Ситхѣ; критика Сентъ-Бевъ (Делиль и его сочиненія)—прелесть! Критика моя будетъ на книгу Менцеля, обзоръ литературы за 1837 годъ—тутъ я объявляю свою отдѣльность отъ Брамбеуса и независимость мнѣній моихъ, говорю истину всѣмъ! Въ заключеніе политика или современная исторія—довольно плохо, однакожъ любопытно... Когда успѣлъ я все это сдѣлать, и главное — кѣмъ? Вѣдь взяться не за кого; строки дать перевести некому! Что ни дашь сдѣлать, все долженъ переработать самъ. Корректуру держитъ послѣднюю—Гречъ, и онъ истинно великій мастеръ... Теперь тутъ же шлепнутся о смирдинскій прилавокъ въ одинъ день и «Сынъ Отечества» и «Библіотека для Чтенія». Неужели не увидятъ разницы въ языкѣ, тонѣ, системѣ, критикѣ? Тамъ безстыдство и кабакъ—здѣсь человѣческій языкъ и умъ скромный, но вѣрный всему доброму и прекрасному. Жду рѣшенія, боюсь и надѣюсь». Въ письмѣ отъ 21 мая 1838 г. Полевой описываетъ свои недоразумѣнія съ «двумя гнусными ляхами», Булгаринымъ и Сенковскимъ. Въ концѣ концовъ все уладилось такъ: Полевой отказался отъ «Пчелы», а Булгаринъ отъ «Сына Отечества», который остался въ полномъ распоряженіи Полевого, съ именемъ одного Греча. Отъ 27 декабря того же года Полевой пишетъ: «Изъ литературныхъ подробностей важнѣйшая та, что съ будущаго года Смирдинъ отказался отъ «Пчелы» и радъ былъ откупиться, только бы Гречъ и Булгаринъ избавили его отъ нея... И такъ «Пчела» опять будетъ самобытна! Богъ съ ней!» [1]).

Однако и подъ редакціей Полевого «Сынъ Отечества» не поднялся. Подписка была отвлечена «Библіотекой».

---

[1]) Записки Кс. Полевого, 427—455.

VII.

Подведемъ же теперь итогъ... Печальный итогъ! Мы видимъ, что въ 30-хъ годахъ Москва оставалась очагомъ мысли. Здѣсь жили внутренней, идейной жизнью кружки Станкевича и Бѣлинскаго, Герцена и Огарева да московскихъ профессоровъ — ничтожное вкрапленіе нервно-мозговой ткани въ жировыя и мясныя отложенія «зернистой» публики бѣлокаменной... Здѣсь пребывалъ отшельникомъ Чаадаевъ. Здѣсь возникали идейные журналы. Но жизнь всей журналистики обѣихъ столицъ вполнѣ напоминаетъ «бореніе чахоточнаго». Журналы гибнутъ отъ двухъ совмѣстныхъ причинъ. Съ одной стороны, полное равнодушіе русскаго читателя ко всему, что выходитъ за предѣлы «забавнаго русскаго слога», остроумничанья, скандальныхъ перебранокъ, пошлыхъ мелочей; этотъ читатель глубоко равнодушенъ, и два поляка совершенно удовлетворяютъ его издѣліями своей кухни.

Съ другой стороны упраздняютъ журналы цензурныя гоненія и запрещенія. Да и что стоитъ запретить первому недовольному на журналиста или просто взбалмошному чиновнику то, что никому, въ сущности, не нужно?

Возникаетъ «Литературная Газета», изданіе «аристократовъ»-арзамасцевъ. Подписчиковъ «едва сто». Существуетъ съ января по конецъ ноября 1830 года и запрещена за четыре переводные стиха.

Въ тотъ же «холерный» годъ гибнутъ четыре журнала, оставшихся отъ 1820 годовъ. Гибнутъ и отъ старости, и отъ юнаго худосочія, лишенные подписчиковъ, никому не нужные...

Въ слѣдующемъ 1831-мъ году «плебеецъ» Надеждинъ основываетъ «Телескопъ». Журналъ не имѣетъ успѣха. Берется редактировать Бѣлинскій—еще меньше успѣха. Въ 1836 году запрещенъ — въ сущности приконченъ самимъ Надежди-

нымъ. Это былъ первый случай въ журналистикѣ примѣненія къ дѣлу почетнаго средства свалить съ шеи мертвое предпріятіе литературное. Подводятъ журналъ подъ цензурный запретъ помѣщеніемъ «убійственной» статьи. Затѣмъ, подписныя деньги не возвращаются. Журналъ не досылается по «независящимъ обстоятельствамъ». Подписчикъ не протестуетъ, не «ищетъ» на издателѣ, а только, почесавъ въ затылкѣ, подписывается на «прочную» булгаринскую «Пчелку»...

Въ 1832 году основывается и по второй книжкѣ запрещается «Европеецъ» Кирѣевскаго. Но и подписчиковъ «только пятьдесятъ». Таково «странное удостовѣреніе»...

Въ томъ же 1832 году лавка Смирдина въ Петербургѣ переѣзжаетъ на «Невскую перспективу», и за шампанскимъ въ ней учреждается «союзъ литературы». Вяземскій и Пушкинъ мирно чокаются съ Булгаринымъ и Гречемъ. Въ 1833 году выходитъ «Новоселье», а въ 1834 году—«Библіотека», въ объявленіи о которой стоятъ имена всѣхъ русскихъ писателей, вкупѣ и «плебейцевъ», и «аристократовъ», и «бѣленькихъ», и «черненькихъ». По случайности, чреватой послѣдствіями, единственный конкуррентъ «Библіотеки»—«Телеграфъ» Полевого, запрещенъ въ томъ же 1834 году; подписчики его, конечно, подобраны «Библіотекой». Сенковскій-Брамбеусъ накладываетъ на «Библіотеку» оттискъ своей личности. Литература оказывается въ этомъ журналѣ не причемъ. Участіе писателей лишь случайное. Критика его—верхъ пошлости. Успѣхъ колоссальный, небывалый...

Въ годъ запрещенія «Телескопа» московскіе профессора Погодинъ и Шевыревъ, — послѣдній въ зенитѣ своей извѣстности,—предприняли изданіе «Московскаго Наблюдателя». Успѣха никакого.

Въ 1838 году журналъ берутъ въ свои руки юные «гегельянцы» и противникъ Шевырева—Бѣлинскій. Кладутъ въ дѣло всю душу. Успѣха ни малѣйшаго.

Съ 1836 года начинаетъ выходить «Современникъ» Пуш-

кина, а потомъ Плетнева. Онъ влачитъ существованіе, никогда не имѣя свыше 500 подписчиковъ.

Но, спрашивается, въ самомъ ли дѣлѣ «литературные ярыги», какъ называлъ Максимовичъ достойныхъ друзей—Булгарина и Греча, процвѣтали въ это время въ Петербургѣ? Еслибы это было такъ, они не передали бы въ 1837 году своихъ изданій Смирдину и Полевому. «Сынъ Отечества» находился тогда въ полномъ упадкѣ, имѣя всего 279 подписчиковъ. Да и «Сѣверная Пчела» расходилась только въ 2,500 экземплярахъ, видимо падая.

Полевой принялся работать надъ воскрешеніемъ «Сына Отечества» и, приготовивъ первый номеръ, восклицаетъ: «Неужели не замѣтятъ разницы между «Сыномъ» и «Библіотекой»? Неужели не увидятъ разницы въ языкѣ, тонѣ, системѣ, критикѣ? Тамъ безстыдство и кабакъ—здѣсь человѣческій языкъ и умъ». «Разницу» замѣтили... и предпочли именно «безстыдство и кабакъ». Усилія Полевого ни къ чему не повели. «Библіотека» продолжала одна царить въ литературѣ, имѣя 5,000 подписчиковъ.

Замѣчательно также указаніе Полевого на бѣдность журналистики работниками. Полевой все дѣлаетъ самъ: «Строки дать перевести некому. Что ни дашь сдѣлать, все долженъ переработать самъ».

И вотъ на эту тѣнь журналистики, прессы, литературы, не имѣющей прежде всего читателя, обрушиваются громы цензурныхъ уставовъ, конфиденціальныхъ сообщеній, запрещеній и циркуляровъ! Помилуйте, что стоило угнести и даже совсѣмъ съ лица земли стереть любому столоначальнику то, что никому почти въ цѣлой Россіи было не нужно, непонятно, скучно, что цѣнили немногіе знатоки и рѣдкіе любители? Читая цензурныя постановленія николаевскаго времени, можно подумать, что страна переполнена бушующей мыслью, громадная, мощная литература и журналистика, полчища писателей владѣютъ умами, направляютъ общественное мнѣніе. Можно подумать, что горсть

сановниковъ и чиновниковъ — цензоровъ, борется съ могучей ратью литераторовъ, съ большой силой. Можно изумиться и всемогуществу этихъ немногихъ чиновниковъ, накладывающихъ колодки на мысль цѣлаго народа. Но, вглядѣвшись, разсмотрѣвъ тогдашнюю прессу, литературу, журналистику, видишь, что наши администраторы шли на муху съ обухомъ. Что, повторяемъ, стоило угнести, замучить, раздавить то, что никому не было нужно, за что не поднималось почти голосовъ въ защиту? Угрюмъ-Бурчеевъ у Щедрина пытался запрудить широкую рѣку. Это было грандіозно. Но вѣдь на самомъ дѣлѣ не было никакой рѣки. Была скудная струйка влаги, сочившаяся въ необозримой песчаной степи и чуть журчавшая. Что стоило затоптать ее ботфортой перваго попавшагося фельдъегеря?

Да, были мастера словеснаго искусства, отдѣльные, изумительные артисты. Но литературы и прессы, какъ органа мышленія страны и общества, какъ обширнаго, постояннаго учрежденія, отвѣчающаго мощной потребности массы читателей, владѣющей арміей работниковъ, не было. Число читателей въ 1830 годахъ надо исчислить въ десять тысячъ подписчиковъ. Половину ихъ взяла себѣ «Библіотека» Сенковскаго, четверть— «Сѣверная Пчела» Булгарина, — въ захолустьяхъ провинціи газету не читали, а любили разъ въ мѣсяцъ получить толстый томъ, гдѣ все есть,—остальныя двѣ съ половиной тысячи разбирали прочія «повременныя» изданія — худосочные газеты и журналы. И для такой жалкой прессы сочиняли Шишковъ съ Шихматовымъ свой инквизиторскій уставъ! Они боролись съ призракомъ. Въ Россіи надо было опекать просвѣщеніе, всѣми силами покровительствовать ему, ибо задуть его ничего не стоило. То былъ сальный огарокъ. Два поляка удовлетворяли всей умственной потребности крѣпостной Россіи 1830 годовъ.

Литературы, прессы не было. Былъ зато обширный цензурный уставъ, многолюдный цензурный комитетъ, сотни добровольцевъ — доносителей, десятки вельможъ подавителей и гасителей...

Николай Полевой говорилъ:

— Куда ни оглянемся, вездѣ литература отечественная представляетъ обширную степь, изрѣдка покрытую ковылемъ, кустарникомъ и немногими деревьями, сиротѣющими въ обширности пустынной[1]).

Также и Надеждину наша словесность представлялась безплоднымъ пустыремъ, на которомъ только изрѣдка возникаютъ прекрасные цвѣты, почти приводящіе въ недоумѣніе своимъ появленіемъ. Древняя русская жизнь представлялась ему, какъ и Чаадаеву, дремучимъ лѣсомъ безличныхъ именъ, толкущихся въ пустотѣ безжизненнаго хаоса.— И онъ даже спрашиваетъ: имѣемъ ли мы прошедшее? жилъ ли подлинно народъ русскій въ это длинное тысячелѣтіе? Возникновеніе умственной жизни Надеждинъ начинаетъ только съ Петра, и литература или вся образованность съ тѣхъ поръ казалась ему только слабой копіей европейскаго просвѣщенія, гдѣ «все европейское забрасывается къ намъ рикошетомъ, чрезъ тысячи скачковъ и переломовъ, и потому долетаетъ въ слабыхъ, издыхающихъ отголоскахъ»[2]).

— Да, у насъ нѣтъ литературы! — заявляетъ и юный Бѣлинскій въ «Литературныхъ мечтаніяхъ». Но то же высказывалъ и Ѳаддей Булгаринъ: «Наша литература есть литературная невидимка! Всѣ говорятъ о ней, и никто ея не видитъ»[3]).

Эту мысль высказывалъ и Иванъ Кирѣевскій въ своемъ «Европейцѣ»:

«Если просвѣщенный европеецъ, развернувъ передъ нами всѣ умственныя сокровища своей страны, спроситъ насъ: «Гдѣ литература ваша? Какими произведеніями можете вы гордиться передъ Европою?» — что будемъ отвѣчать ему?.. Будемъ безпристрастны и сознаемся, что у насъ еще нѣтъ полнаго отра-

---

[1]) «Московскій Телеграфъ», № 3, 1825 г., стр. 255.

[2]) Пыпинъ. Бѣлинскій, I, 95 и дал.

[3]) «Сѣверная Пчела», 1830 г., № 3.

женія умственной жизни народа, у насъ еще нѣтъ литературы». «Наша литература — ребенокъ, который только начинаетъ чисто выговаривать» [1]).

Въ Россіи цензурное вѣдомство возникло раньше литературы и прессы. Этимъ и объясняется, что оно имѣло возможность разбирать каждую строку, каждый стихъ. Что было дѣлать цензорамъ? Литература и пресса были такъ ничтожны, что самъ монархъ имѣлъ время читать все и отмѣчать непочтительность какого нибудь фельетониста «Пчелки» къ петербургской полиціи и извозчикамъ.

VIII.

Герценъ называетъ время съ 1825 г. по 1855 г. «моровой полосой».

Дѣйствительно, благодаря роковой ошибкѣ декабристовъ, съ 1825 года крѣпостническая партія беретъ верхъ. Ошибка же декабристовъ была въ томъ, что, имѣя основной задачей ниспроверженіе крѣпостной зависимости, они думали опереться на общество, когда именно общество-то и было источникомъ крѣпостничества и деспотизма; ошибка декабристовъ была въ томъ, что вмѣсто того, чтобы искать опоры въ самодержавной власти, которая всегда смотрѣла на крѣпостное право какъ на временно допущенное зло, они шли противъ нея.

Въ этомъ роковомъ недоразумѣніи лежала причина гибели столькихъ благородныхъ людей, цвѣта общества. Они погубили себя, погубили или надолго затормозили дѣло освобожденія, приготовили торжество бюрократовъ и крѣпостниковъ, своей безтактностью прямо обезсилили власть монарха, обезсилили въ смыслѣ тщетности всѣхъ его освободительныхъ попытокъ.

---

[1]) Обозрѣніе русской словесности за 1829 и 1831 г. Соч. Ив. Кирѣевскаго, I, стр. 44 и 86.

«Верхнее теченіе,—говоритъ Шелгуновъ,—создавшее освобожденіе крестьянъ, было только руками великой идеи, явившейся много раньше и со времени Екатерины II переходившей по наслѣдству отъ одного царствованія къ другому. И императоръ Николай не оставлялъ мысли о «преобразованіи» крѣпостного права, но ему не пришлось довершить того, что въ теченіе двадцати пяти лѣтъ онъ начиналъ каждый годъ... Императоръ Николай былъ окруженъ защитниками крѣпостного права» (Соч., т. 2-й., стр. 637—638).

Послѣ перелома 1825 года нравственный уровень общества палъ, развитіе было прервано, все передовое, энергичное вычеркнуто изъ жизни. Остальные — испуганные, слабые, потерянные—были мелки, пусты.

«Сначала, — говоритъ Никитенко въ своемъ дневникѣ отъ 15 апрѣля 1843 г.,—мы судорожно рвались на свѣтъ, но когда увидали, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что талантъ и умъ осуждены въ насъ цѣпенѣть и гноиться на днѣ души, обратившейся для нихъ въ тюрьму; что всякая смѣлая мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, когда, однимъ словомъ, намъ объявили, что люди образованные считаются въ нашемъ обществѣ паріями; что оно пріемлетъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать,—тогда все юное поколѣніе вдругъ оскудѣло. Всѣ его высокія чувства, всѣ идеи, согрѣвавшія его сердце, воодушевлявшія его къ добру, къ истинѣ, сдѣлались мечтами безъ всякаго практическаго значенія, а мечтать людямъ умнымъ смѣшно».

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Россія будущаго существовала только между нѣсколькими мальчиками, только что вышедшими изъ дѣтства. Ихъ мысль лихорадочно работала, ихъ совѣсть была потрясена глубокимъ противорѣчіемъ между воспитаніемъ и нравами, которое нигдѣ ни доходило до такихъ размѣровъ, какъ въ дворянской Россіи. Шершавый нѣмецкій

студентъ, въ круглой фуражкѣ на седьмой части головы, съ міросокрушительными выходками, былъ въ сущности плотъ отъ плоти того бюргера, надъ которымъ глумился. Французскій collègien, исхудалый отъ честолюбія и соревнованія, былъ en herbe l'homme raisonnable qui exploite sa position. Это—хризалида, скрывающая въ себѣ алчнаго буржуа. Въ крѣпостной Россіи число воспитанныхъ людей было очень незначительно; но тѣ, которые воспитывались, получали, если и не объемистое, то все же общее и гуманное воспитаніе. Съ дѣтства окруженные французами и нѣмцами—гувернерами, они знали прекрасно языки и пристращались къ чтенію. Сокровищница западной образованности была передъ ними открыта. Они путешествовали и входили въ непосредственное общеніе съ лучшими умами Европы, и съ какими умами! Воспитаніе очеловѣчивало честнѣйшихъ изъ дворянской молодежи, очеловѣчивало всякій разъ, когда принималось. Но человѣка-то именно и не нужно было ни для іерархической пирамиды, ни для преуспѣянія помѣщичьяго быта.

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Разочарованіе Пушкина въ «любви народной».—Одиночество генія. — Писатель безъ читателя. — Возведеніе такого явленія въ основу «ars poetica».—«Чортъ меня догадалъ родиться въ Россіи съ умомъ и талантомъ!» — Отношеніе публики 30-хъ годовъ къ «Ревизору». — «Судъ глупца». — Рецензіи Булгарина и Сенковскаго.—Всеобщее невѣжество, движущей столицей.— Всѣ противъ писателя.—«Невѣжественная раздражительность».— Агонія Николая Полевого.— «Скопище мерзостей» въ литературѣ.— Банкротство Смирдина.— Полевой дѣлается «санкюлотомъ».— Совершенный упадокъ журналовъ.—Кончина журналиста Полевого.—Исторія «Москвитянина». — Слишкомъ ясенъ русскій духъ и много православія!—Неблагонамѣренность такого направленія.—Статистика «образованныхъ читателей». — Два анекдота о чиновникахъ.— Предложеніе Бенкендорфа запретить «Москвитянинъ». — Заступничество Уварова.—«Но впредь не отвѣчаю!»—Славянскій вопросъ. — Неуспѣхъ «Москвитянина». — «Молодой Москвитянинъ».—Сотрудники, питающіеся акридами.—Шесть цѣлковыхъ за листъ. — Странное слѣдствіе появленія въ журналѣ Островскаго, Писемскаго и др.—«Университетская жизнь» «Некрасова».— Процвѣтаніе «Отеч. Записокъ». — «Современникъ». — Аудиторія Бѣлинскаго.—Зима 1847—1848 года.—«Моровая полоса» (1848—1855 гг.). — Бутурлинскій негласный комитетъ. — Агонія литературы. Изъ переписки Плетнева съ Гротомъ.— Общіе выводы. — Воспріимчивая читательная среда—устой литературы.—«Эзоповскій языкъ.—И. С. Аксаковъ о цензурѣ.— Ограниченіе цензуры, развивающейся литературою.—«Свободное слово».

I.

Въ 1830 году, въ статьѣ о Баратынскомъ, Пушкинъ задается вопросомъ: почему первыя юношескія произведенія поэта были нѣкогда приняты съ восторгомъ, послѣднія же, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли малый успѣхъ? Конечно, Пушкинъ имѣлъ при этомъ въ виду и свою судьбу, такъ какъ въ это время наивысшаго подъема и зрѣлости творчества геніальнаго поэта онъ испыталъ непонятное охлажденіе публики, предпочитавшей ему Бенедиктова и Кукольника, и грубую ругань всѣхъ журналовъ, такъ еще недавно величавшихъ поэта «представителемъ современнаго человѣчества».

Первою причиною такого страннаго на первый взглядъ явленія Пушкинъ ставитъ «самое совершенствованіе» поэта, самую зрѣлость его произведеній.

«Понятія, чувства 18-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженныя ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ—юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются—пѣсни его уже не тѣ, а читатели его все тѣ же, и развѣ только холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало-по-малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ». Эту же мысль выражаетъ Баратынскій въ письмѣ къ Пушкину (1828): «Я думаю, что у насъ въ Россіи поэтъ только въ первыхъ незрѣлыхъ своихъ опытахъ можетъ надѣяться на большой успѣхъ: за него всѣ молодые люди, находящіе въ немъ почти свои чувства, почти свои

мысли, облеченныя въ блистательныя краски. Поэтъ развивается, пишетъ съ большею обдуманностью, съ большимъ глубокомысліемъ: онъ скученъ офицерамъ, а бригадиры съ нимъ не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза».

Но этого мало. «У насъ литература не есть потребность народная».

Непониманіе, низкій, неразвитый вкусъ публики мучили Пушкина не менѣе цензурныхъ стѣсненій. Онъ понималъ, что самовластіе цензуры есть результатъ невѣжества общества, которому писатель нуженъ очень мало; разъ въ странѣ не создалась еще потребность въ литературѣ, въ хлѣбѣ духовномъ, столь же насущная, какъ и потребность въ булкѣ, съ писателемъ любой столоначальникъ можетъ сдѣлать все, что только пожелаетъ. Писатель, только будучи или юнъ, незрѣлъ, или пошлъ, легкомысленъ, — пріятенъ толпѣ. Зрѣлый, вдумчивый, глубокій и серьезный писатель — тяжелъ, скученъ, труденъ для пониманія и потому человѣкъ лишній и беззащитный. Обиліе цензурныхъ стѣсненій, чрезвычайная власть «евнуховъ Парнаса», обширные уставы, безчисленные циркуляры, все это не составляетъ признака обилія и мощи литературы. Какъ разъ наоборотъ: чѣмъ ничтожнѣе и ненужнѣе литература, чѣмъ слабѣе общественная сознательность и потребность мыслить, тѣмъ писатель беззащитнѣе и безправнѣе, тѣмъ шире опека надъ нимъ.

Въ тридцатыхъ годахъ Пушкинъ рѣзче, чѣмъ когда-либо, проповѣдуетъ самодовлеемость творчества и презрѣніе къ суду «черни», къ «народной любви», къ «смѣху толпы холодной», къ «суду глупцовъ». Если въ 20-хъ годахъ онъ съ горечью воскликнулъ:

Паситесь, мирные народы!
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Зачѣмъ стадамъ дары свободы?
Ихъ надо рѣзать или стричь.
Наслѣдство ихъ, изъ рода въ роды,
Ярмо съ гремушками и бичъ,—

то теперь онъ говоритъ:

Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра:
Если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ пронзительно-унылый
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой—
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой...

(«Отвѣтъ анониму»).

Съ особенной силой заявляетъ Пушкинъ о свободѣ творческаго замысла отъ «земныхъ кумировъ» въ одномъ изъ набросковъ:

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшенъ,
На пень гнилой? Спроси его!
Зачѣмъ арапа своего
Младая любитъ Дездемона,
Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?
Затѣмъ, что вѣтру и орлу,
И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
Гордись! Таковъ и ты, поэтъ,
И для тебя закона нѣтъ.
Исполненъ мыслями златыми,
Непонимаемый никѣмъ,
Передъ кумирами земными
Проходишь ты, унылъ и нѣмъ.
Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
Ни нуждъ, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупецъ кричитъ: Куда? Куда?
Дорога здѣсь! Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекутъ

Мечтанья тайныя. Твой трудъ
Тебѣ награда! имъ ты дышишь,
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ, рабынѣ суеты.

Тотъ же упрекъ людскому непониманію выраженъ въ великолѣпныхъ, заключительныхъ словахъ оды «Полководецъ»:

«О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха! жрецы минутнаго, поклонники успѣха! Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ, надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ, но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!»

Конечно, пребываніе въ гордомъ уединеніи отъ общества, народа, «толпы», «черни»—совершенно неестественно для писателя. Пушкинъ какъ бы анастезировалъ свою болѣзненную душу этимъ холодомъ вершинъ жреческаго искусства. Но истинныя чувства прорвались въ восклицаніи: «Чортъ меня догадалъ родиться въ Россіи съ умомъ и талантомъ!»

II.

Умственный и нравственный уровень публики 30-хъ годовъ особенно ярко сказался во время представленія безсмертной комедіи Гоголя. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1836 года 19-го апрѣля, подъ рубрикой «Зрѣлища» было напечатано: «Сегодня 19-го апрѣля, на Александринскомъ театрѣ въ первый разъ «Ревизоръ», оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ». Это была пробирная бумага для реактива русской публики. Уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ (публика была избранная въ полномъ смыслѣ слова), словно никто не зналъ, какъ должно думать о картинѣ, только что представленной. Недоумѣніе это возрастало потомъ съ каждымъ актомъ. Какъ будто находя успокоеніе въ одномъ предположеніи, что дается фарсъ, большинство зрителей, выбитое изъ всѣхъ театральныхъ ожиданій и привычекъ, остановилось

на этомъ предположеніи съ непоколебимой рѣшимостью. Однако же въ этомъ фарсѣ были черты и явленія, исполненныя такой жизненной истины, что раза два, особенно въ мѣстахъ, наименѣе противорѣчащихъ тому понятію о комедіи вообще, которое сложилось въ большинствѣ зрителей, раздавался общій смѣхъ. Совсѣмъ другое произошло въ четвертомъ актѣ: смѣхъ, по временамъ, еще перелеталъ изъ конца залы въ другой, но это былъ какой-то робкій смѣхъ, тотчасъ же и пропадавшій; апплодисментовъ почти совсѣмъ не было; зато напряженное вниманіе, судорожное, усиленное слѣдованіе за всѣми оттѣнками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей. По окончаніи акта прежнее недоумѣніе уже переродилось почти во всеобщее негодованіе, которое довершено было пятымъ актомъ. Многіе вызывали автора потомъ за то, что написалъ комедію, другіе за то, что виденъ талантъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, простая публика за то, что смѣялась; но общій голосъ, слышавшійся по всѣмъ сторонамъ избранной публики, былъ: «Это — невозможность, клевета и фарсъ» [1]).

«Комедія Гоголя «Ревизоръ» надѣлала много шуму, — писалъ въ дневникѣ Никитенко,— ее безпрестанно даютъ, почти черезъ день. Государь былъ на первомъ представленіи, хлопалъ и много смѣялся. Государь даже велѣлъ министрамъ ѣхать смотрѣть «Ревизора». То же свидѣтельствуетъ и Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Ревизоръ» Гоголя имѣлъ успѣхъ колоссальный, но въ первыя минуты этого успѣха никто даже изъ самыхъ жаркихъ поклонниковъ Гоголя не понималъ вполнѣ значенія этого произведенія и не предчувствовалъ, какой огромный переворотъ долженъ совершить авторъ этой комедіи. Кукольникъ послѣ представленія «Ревизора» только иронически ухмылялся и, не отрицая таланта въ Гоголѣ, замѣчалъ: «А всетаки это фарсъ, недостойный искусства».

---

[1]) Воспоминанія Анненкова, I, 198.

Наиболѣе или даже единственно распространенные и вліятельные въ то время органы петербургской журналистики — «Сѣверная Пчела» и «Библіотека для Чтенія» — вторили тревожнымъ опасеніямъ и презрительнымъ недоумѣніямъ высшаго петербургскаго чиновничества.

— «Комедія ли это?—спрашивалъ Булгаринъ.—Нѣтъ. На злоупотребленіяхъ административныхъ нельзя основать настоящей комедіи. Надобны противоположности и завязка, нужны правдоподобіе, натура, а ничего этого нѣтъ въ «Ревизорѣ». Весьма жаль, если кто-нибудь изъ зрителей, не знающихъ нашихъ провинцій, подумаетъ, будто можетъ быть въ Россіи существуютъ такіе нравы, и будто въ самомъ дѣлѣ есть городъ, въ которомъ нѣтъ ни одной честной души и порядочной головы... Нѣтъ спора, и въ маленькихъ отдѣльныхъ городишкахъ есть люди, смѣшные для человѣка столичнаго общества. Но все это является въ другихъ формахъ, именно не въ тѣхъ, въ какихъ злое и смѣшное представлено въ «Ревизорѣ».

«Проѣзжайте всю Россію вдоль и поперекъ,—распинается далѣе Ѳаддей, — вы не услышите слова взятки. Берутъ, но умно; даютъ еще умнѣе. Но «Ревизоръ» нравится публикѣ, то-есть, публика смѣется и хлопаетъ. Да и нельзя не хохотать! Это презабавный фарсъ, рядъ смѣшныхъ каррикатуръ, которыя должны непремѣнно заставить васъ смѣяться».

«Литературному кругу», къ которому принадлежалъ тогда Гоголь, и въ составъ котораго входили Жуковскій, Пушкинъ, Плетневъ, Аксаковы, князь Одоевскій, Шевыревъ, князь Вяземскій и др., Булгаринъ предлагаетъ такія наставленія:

«Друзья должны сказать откровенно автору «Ревизора», что онъ не знаетъ сцены и долженъ изучать драматическое искусство». Они должны посовѣтовать ему, чтобы онъ не преувеличивалъ до невѣроятности смѣшного или порочнаго въ характерахъ; то-есть чтобы изображалъ характеры въ натурѣ, а не каррикатурно, если хочетъ писать комедіи, а не фарсы... Друзья автора комедіи «Ревизоръ» оказали бы ему и публикѣ

величайшую услугу, еслибъ могли убѣдить его отказаться отъ цинизма въ языкѣ, которымъ,упитана не только комедія, но и всѣ вообще произведенія этого молодого и притомъ талантливаго писателя. Покойный Нарѣжный (романистъ начала вѣка, умершій въ 20-хъ годахъ, авторъ «Бурсака»), Пиго-ле-Бренъ и Поль-де Кокъ, по языку, суть красныя дѣвицы въ сравненіи съ авторомъ «Ревизора». Подобнаго цинизма мы никогда не видывали на русской сценѣ и въ литературѣ... Въ языкѣ автора «Ревизора» такъ много противоизящнаго, что мы не понимаемъ, какъ онъ могъ рѣшиться на это. Теперь порядочный лакей не скажетъ: «супъ воняетъ», «чай воняетъ рыбой», а скажетъ: «дурно пахнетъ», «пахнетъ рыбой». Ни одинъ писатель со вкусомъ не напишетъ: «ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ» и т. д.

Ѳаддей не замѣчаетъ, что тутъ «писатель со вкусомъ» у него идетъ въ пару «порядочному лакею»...

Онъ далѣе утверждаетъ, что Гоголь рисовалъ не великоруссовъ, а своихъ земляковъ. «Вообще авторъ «Ревизора», желая представить русскій уѣздный городокъ, съ его нравами, изобразилъ городокъ малороссійскій или бѣлорусскій, «купцы его не русскіе люди, а просто (?) жиды».

Разборъ «Ревизора», написанный Сенковскимъ, появился въ майской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» (томъ XVI, отд. V, стр. 1 – 44), и Гоголь прочелъ эту статью до отъѣзда за границу. Указывая нѣкоторыя «превосходныя сцены» въ «Ревизорѣ», Сенковскій воспроизводитъ, однако, въ своей рецензіи мысли, высказанныя о комедіи Булгаринымъ:

«У г. Гоголя идеи нѣтъ никакой. Его сочиненіе даже не имѣетъ въ предметѣ нравовъ общества, безъ чего не можетъ быть настоящей комедіи: его предметъ—анекдотъ старый, всѣмъ извѣстный, тысячу разъ напечатанный, разсказанный и обдѣланный въ разныхъ видахъ и на разныхъ языкахъ... О картинахъ русскаго общества и говоритъ нечего: самый анекдотъ выдуманъ не въ Россіи».

«Критика придаетъ мнѣ крылья,—писалъ Гоголь въ ноябрѣ 1842 г. Шевыреву.—Мнѣ даже критика Булгарина приноситъ пользу, потому что я, какъ нѣмецъ, снимаю плеву со всякой дряни». Тѣмъ не менѣе толки, вызванные «Ревизоромъ» въ высшемъ петербургскомъ обществѣ и въ петербургскихъ журналахъ, глубоко потрясли Гоголя. Булгаринъ и Сенковскій въ 30-хъ годахъ несомнѣнно руководили мнѣніемъ русской публики.

Но комедію судили и осудили не только какъ явленіе литературное. Гоголь недаромъ называлъ Булгарина «государственнымъ мужемъ». На голову писателя посыпались обвиненія чуть не въ государственномъ преступленіи; онъ слышалъ вокругъ себя зловѣщіе возгласы: «либералъ! революціонеръ! клеветникъ на Россію! въ Сибирь его!» Казалось, паническій страхъ овладѣлъ Гоголемъ. Его первою мыслью было «удалиться» изъ Россіи [1]).

15 мая 1836 года Гоголь писалъ Погодину: «Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь; не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня; не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты. Но грустно мнѣ все это всеобщее невѣжество, движущее столицей; грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него, и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него.

«Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!» И кто же это говоритъ? Это говорятъ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные, люди, которые должны бы имѣть на сколько-нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди,

---

[1]) Соч. Гоголя. Ред. Тихонравова. Изд. 10-е. II. 788.

которые считаются образованными, и которыхъ свѣтъ,—по крайней мѣрѣ, русскій свѣтъ,—называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи: «зачѣмъ выводить на сцену плутовъ?» Пусть сердятся плуты. Но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ.

«Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы... я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы, меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны. Но жизнь петербургская ясна передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники?»

Нѣсколько ранѣе, 29 апрѣля, Гоголь писалъ Щепкину: «Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ лицахъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея».

Вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора» «опозоренный» писатель спѣшилъ «разгулять свою тоску» за границею: онъ желалъ «забыться», простое упоминаніе друзей о «Ревизорѣ» раздражало его и поднимало въ немъ желчь. Онъ и слышать о немъ не хотѣлъ. Даже въ концѣ января 1837 года поэтъ писалъ Прокоповичу изъ Парижа: «Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья проситъ душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съѣла всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мнѣ въ теченіе долгаго

времени ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова,—я бы благодарилъ судьбу».

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что изъ выраженныхъ здѣсь скорбныхъ движеній души геніальнаго поэта и развилась та страшная болѣзнь духа, которая и погубила его. Та «моль», которую призывалъ поэтъ, скоро явилась, въ видѣ приподнятаго ханжества и почти mania religiosa.

Для нашихъ цѣлей огромное значеніе имѣетъ разительная характеристика русскаго общества и положенія въ немъ писателя, которую даетъ Гоголь.

«Всеобщее невѣжество, движущее столицей»,—вотъ стихія, съ которой сталкивается писатель.

«Невѣжественная раздражительность» возбуждается каждымъ честнымъ, прямымъ, искреннимъ словомъ писателя. Эта «невѣжественная раздражительность»—корень и источникъ доносовъ, подкоповъ, репрессій и цензурнаго гнета. Эта «невѣжественная раздражительность», признакъ «глубокаго» невѣжества, «разлитаго», по выраженію Гоголя, въ высшихъ классахъ русскаго народа, дѣлаетъ то, что общественнымъ мнѣніемъ управляетъ презрѣнный шутъ, котораго само же общество опозорило и оплевало. «Глупѣйшее мнѣніе» этого шута «водитъ за носъ» общество, потому что оно хочетъ обманываться, отворачивается отъ истины, стремится со своими язвами, болячками, пролежнями въ тѣнь и въ темь.

«Всѣ противъ меня,—съ скорбнымъ изумленіемъ свидѣтельствуетъ Гоголь,—чиновники кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня». Въ результатѣ этого «невѣжественнаго раздраженія» литераторовъ, въ родѣ Кукольника, купцовъ, полицейскихъ и чиновниковъ—«хлопоты о запрещеніи», о соотвѣтственномъ «циркулярѣ», воздѣйствіе «снизу вверхъ», которое въ данномъ случаѣ уравновѣсилось противодѣйствіемъ «сверху внизъ»—«высокое заступничество» государя спасло автора и пьесу.

«Всѣ противъ писателя, и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него».

Передъ нами то же «фамусовское» общество, та же «невѣжественная раздражительность», гонящая умъ, сердце и талантъ. Гоголь, уѣзжая изъ Россіи, могъ съ полнымъ правомъ повторить монологъ Чацкаго:

Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ! всѣ клянутъ! мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ.
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ—
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышитъ воздухомъ однимъ,
И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ.

III.

Опустошеніе, которое произвело несчастное 14-е декабря въ рядахъ русскаго общества, сказалось страшнымъ пониженіемъ его нравственнаго и умственнаго уровня. Это оскудѣніе царило въ 30-хъ и захватило начало 40-хъ годовъ. Только въ промежуткѣ съ 1844 по 1848 годы включительно возрастаетъ вліяніе Бѣлинскаго, и проповѣдь его приготовляетъ довольно обширную аудиторію въ русскомъ обществѣ, которая уже не удовлетворяется «двумя ляхами», Сенковскимъ и Булгаринымъ.

Въ первой половинѣ 40-хъ годовъ разыгрывается агонія публициста романтическихъ 20-хъ—несчастнаго Николая Полевого. Опутанный долгами, онъ бьется въ судорогахъ подневольнаго, срочнаго труда и безуспѣшно. Въ то же время, выступивъ, какъ драматургъ, онъ имѣетъ выдающійся успѣхъ на сценѣ «Александринки» и даже снискиваетъ своими патріо-

тическими пьесами благоволеніе монарха. Это, однако, не помогаетъ ему въ литературныхъ его предпріятіяхъ.

«Сынъ Отечества» не шелъ, и книжки запаздывали, опережали одна другую. Такъ, 5 декабря 1839 года Полевой пишетъ брату: «Необходимость работы по «Сыну Отечества» заставила меня бросить все другое. Я сидѣлъ ночи по двѣ до 3-хъ часовъ, хотя встаю всегда въ шесть часовъ утра... Что мнѣ много работы, суди по тому, что X-й нумеръ теперь почти конченъ, и XI-й... въ декабрѣ выдамъ; января 1-го положено выдать I-й нумеръ, а къ 10-му XII-й. У меня голова кружится»...

Предположенія эти, однако, не осуществились. 10-го апрѣля 1840 года Полевой пишетъ: «XI-й нумеръ выйдетъ, думаю, завтра (25 листовъ!) (а предположено было выдать въ декабрѣ 1839 года. Ник. Э.), XII-й вполнѣ готовъ (25 листовъ) и въ половину напечатанъ (предполагалось выдать 10-го января 1840 года. Ник. Э.); V-й и VI-й выданы, VII-й готовъ матеріаломъ, хотя напечатать до Святой не успѣютъ, но на Ѳоминой явится (ежемѣсячныя книжки были раздѣлены на двѣ). Если положить по 12 листовъ—36, да въ двухъ—50, итого въ мѣсяцъ исписалъ я самъ и приготовилъ къ печати болѣе 75 листовъ печатныхъ».

«Литература русская, здѣсь, по крайней мѣрѣ,—скопище мерзости, спекуляцій, обмановъ, безталантности, безсмыслія и гадостей. Не виню самого предмета. Что святѣе религіи? Но чѣмъ больше торговали, и какая исторія представляетъ чернаго и отвратительнаго болѣе исторіи христіанства? Я рѣшительно не нашелъ здѣсь ни одного человѣка, у котораго соединялось бы знаменіе таланта съ душею. Есть добряки, но дрянь, и все при томъ испорчено такъ, что смотрѣть и грустно, и жалко. Не говорю о молодцахъ, каковы Краевскій и Булгаринъ, шарлатанахъ, какъ Кукольникъ... Здѣсь все обращается въ интригу, средство, расчетъ, лощится, кроется лакомъ, и тѣмъ-то все является отвратительнѣе».

«Отечественныя Записки» должны нынѣшній (1840) годъ

упасть; имъ страшный убытокъ! Журналовъ время кончилось,—по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, началомъ которой былъ «Телеграфъ», а концомъ будутъ «Отечественныя Записки». Иные дни, иные годы!»

Дѣйствительно, въ первые годы изданія «Отечественныя Записки» не шли, и лишь усилія Бѣлинскаго ниспровергли пессимистическое предсказаніе Полевого.

Въ 1841 году «все обстоитъ попрежнему, глупо, гадко и мерзко, какъ по журнальной, такъ и по книжной части»... «Да и чего ждать?»—восклицаетъ Полевой.

«Я до того стѣсненъ въ нынѣшнемъ году,—писалъ онъ отъ 27-го іюля 1841 года,—что иногда по нѣсколько дней сижу безъ копейки, и недавно чуть было не остался безъ обѣда потому, что мясникъ не отпустилъ мяса, а лавочникъ—зелени и пр., и я принужденъ былъ на прокормленіе заложить въ 150 рубляхъ мою медвѣжью шубу. Что дѣлать? Терпѣть, молиться и работать. Только однимъ и могу я заглушить всю тягость настоящаго, едва выносимаго положенія моего—работою!» Всѣ упованія при переѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ Полевой, отягченный долгами и преслѣдуемый ростовщиками, возложилъ на книгопродавца Смирдина. Но въ 1841 году уже обнаружилось, что дѣла послѣдняго совершенно запутаны, и онъ наканунѣ полнаго банкротства. «Несчастный Смирдинъ увѣренъ и даже обѣщаетъ въ сентябрѣ со всѣми расплатиться,—пишетъ Полевой,—расплатиться! А онъ долженъ сотни тысячъ... Все у него рѣшительно захвачено и обобрано... Мнѣ тяжело и грустно видѣть его, точно добраго, хотя и безтолковаго человѣка, но главное, отца многочисленнаго семейства, на краю гибели, видѣть и не имѣть средствъ спасти его... Иногда, уходя отъ Смирдина, я не могу удержать слезъ моихъ, но повторяю—что дѣлать?» «Дѣла Смирдина не улучшаются, но, кажется, ухудшаются. Онъ дошелъ до послѣдней крайности... Долговъ его счетъ потерянъ», писалъ Полевой въ ноябрѣ того же года. Положеніе его самого было не менѣе трагическое: «Горе свалило

наконецъ бѣдную жену: она занемогла—занемогъ и мой Петръ (маленькій сынъ)—мнѣ не съ чѣмъ было послать въ аптеку за лѣкарствомъ—заложить рѣшительно нечего!... Мнѣ было даже смѣшно иногда: поѣхалъ я однажды—ось пополамъ у дрожекъ; я упалъ и не ушибся, но вотъ бѣда: лопнули панталоны на колѣняхъ, а они одни только у меня и были, и мнѣ не въ чемъ послѣ того было даже въ люди показаться, ибо я сдѣлался совершеннымъ санкюлотомъ... И въ это-то время надобно было работать, думать, усиливать трудъ, писать «исторію» и «критику»... Вотъ въ будущемъ году мнѣ 46 лѣтъ, и ровно 25 лѣтъ, какъ я началъ печатать. Что же принесло прошедшее? Бывши 25 лѣтъ сидѣльцемъ въ табачной лавочкѣ, можно бы хоть не умирать съ голоду»...

Но энергія Полевого была неистощима. Онъ взялъ у Глинки его тощій и захудалый «Русскій Вѣстникъ». «Журналы въ совершенномъ упадкѣ,—разсчитывалъ онъ.—Время для хорошаго журнала прекрасное». Началась работа: «Иногда совершенно дурѣю,—писалъ Полевой,—особливо, при нестерпимо-стѣснительномъ состояніи моемъ. Въ другое время я какая-то самопишущая машина, которую какъ будто кто-нибудь заводитъ, а она пишетъ, что угодно: драму, повѣсть, исторію, критику. Иногда, какъ одеревенѣлый, работаешь, чтобы ни о чемъ не думать, а заглушить всякое человѣческое ощущеніе. Какъ выдерживаетъ здоровье—самъ не понимаю... Какъ наполнилъ я шесть книжекъ «Р. В.» за сей годъ—не постигаю! Ни гроша денегъ на расходы, ни строчки статей». Напрасно, однако, Полевой истощалъ всѣ усилія своей колоссальной талантливости, забывалъ сонъ, пищу—все; успѣха не было. На «Вѣстникъ» едва было 500 подписчиковъ. Роковая цифра для всѣхъ изданій, за исключеніемъ одного, попавшаго «въ тонъ» русской публики и поглотившаго всѣ симпатіи. Полевой горько жалуется на «убійственность безконечнаго и безполезнаго труда» и на «злость и безсовѣстность людей». «Вѣстникъ», возбудивши всетаки одобреніе публики, возбудилъ и всѣ ненависти

литературныя и подозрѣнія, что Полевой хочетъ что-то шевелить опять по журналистикѣ. «Я все еще не думалъ,—писалъ Полевой,—чтобы литература и литераторы дошли до такого униженія, гнусности, эгоизма, корыстолюбія—стыдно, истинно стыдно называться литераторомъ, а еще болѣе журналистомъ. Наконецъ, сказать ли, что въ послѣднее время я дошелъ до послѣдней степени и бѣдности и недостатковъ. Если бы не «Елена Глинская» (драма), которая дала мнѣ до 3.000 рублей,—я не зналъ бы, куда мнѣ дѣваться, и что ѣсть. И Боже, до какого уничиженія упалъ я! Я радовался не успѣху «Елены», не созданію ея, ибо зналъ и знаю, что она глупа и нелѣпа... Нѣтъ, мой другъ и братъ! Если ты разсмотришь и сообразишь все, все, что я тебѣ здѣсь говорю, ты пожалѣешь о мнѣ». «Вѣстникъ» не окупилъ бумаги и печати. «Не знаю, какъ пережилъ я послѣдніе мѣсяцы прошлаго года и начало нынѣшняго?—писалъ Полевой 19-го февраля 1843 года,—оскорбленій, потерь, разочарованій, крайности, до которой я былъ доведенъ, когда между тѣмъ видѣлъ все разрушеннымъ, все погибшимъ впереди, вмѣстѣ съ моимъ здоровьемъ». Въ началѣ 1844 года уже, казалось, ничто не могло спасти Полевого отъ долговой тюрьмы, а между тѣмъ нужды жизни, требованіе существовать съ семействомъ, необходимость работать, какъ на каторгѣ, изъ-за куска хлѣба, тьма другихъ огорченій, которыя всѣ сошлись толпою—наконецъ, онъ и работать не могъ. И все-таки выбился изъ тенетъ, чтобы дотянуть до 1846 года. «Съ 3-го февраля (1846. года) я упалъ, какъ будто пораженный какимъ-то громовымъ ударомъ, на диванъ,—разсказываетъ Полевой въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ брату,—лишился сна, пищи, и впалъ въ какое-то небытіе, нравственное и тѣлесное. Жизнь моя, можно сказать, сдѣлалась чѣмъ-то между жизнью и смертью... Заниматься я не только не могу, но не могу даже читать, и у меня голову обноситъ, когда я только о чемъ нибудь подумаю». Письмо это писалъ старшій сынъ Ни-

колая Алексѣевича; оно имъ только подписано. Встревоженный братъ не успѣлъ выѣхать изъ Москвы, какъ пришло извѣстіе о смерти несчастнаго журналиста.

IV.

Такъ погибъ Полевой—большая литературная сила. Что же дѣлалось въ московской журналистикѣ?

Въ первый день новаго 1841 года вышелъ первый нумеръ «Москвитянина» Погодина.

«Направленской» статьей его былъ «Взглядъ русскаго на образованіе Европы» Шевырева...

«Западъ и Россія,—говорилъ другъ Погодина,—стоятъ лицомъ къ лицу! Увлечетъ ли насъ онъ въ своемъ всемірномъ стремленіи? Или устоимъ мы въ своей самобытности? Образуемъ міръ особый, по началамъ своимъ, а не тѣмъ же европейскимъ?.. Въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ мы не примѣчаемъ, что имѣемъ дѣло какъ будто съ человѣкомъ, носящимъ въ себѣ злой, заразительный недугъ... Мы цѣлуемся съ нимъ, обнимаемся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувства... и не замѣчаемъ скрытаго яда въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потѣхѣ пира будущаго трупа, которымъ онъ уже пахнетъ... Но если мы и вынесли нѣкоторые неизбѣжные недостатки отъ сношеній нашихъ съ Западомъ, зато мы сохранили въ себѣ чистыми три коренныя чувства, въ которыхъ сѣмя и залогъ нашему будущему развитію. Мы сохранили наше древнее чувство религіозное... Второе чувство, которымъ крѣпка Россія... есть чувство ея государственнаго единства... Третье коренное чувство наше есть сознаніе нашей народности... Объ это чувство разбиваются всѣ частныя безплодныя усилія нашихъ соотечественниковъ привить къ намъ то, что нейдетъ къ русскому уму и къ русскому сердцу». Въ той же книжкѣ И. И. Давыдовъ напечаталъ разсужденіе: «Возможна ли у насъ германская фило-

софія?» въ которомъ доказывалъ преблагополучно, что невозможна, и что въ Россіи должна быть философія русская, а никакъ не германская.

Стихотвореніе «серафическаго» Ѳ. Н. Глинки «Москва» замыкало «направленскую» часть книжки знаменитыми куплетами:

Кто царь-колоколъ подниметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?

Казалось бы, трудно представить было журналъ съ болѣе благонамѣреннымъ «направленіемъ». А между тѣмъ князь Вяземскій писалъ Шевыреву: «Продолжайте, и мы будемъ имѣть журналъ. Только, ради Бога, будьте осторожны, бдительны, зорки, догадливы... Журналисту нуженъ необыкновенно тонкій тактъ. Въ Москвѣ очень трудно въ этомъ отношеніи издавать журналъ. Вы тамъ руководствуетесь благоразуміемъ и совѣстью, и думаете, что довольно! Ничуть! Есть еще тысяча необходимыхъ условій».

Въ своемъ «Дневникѣ» Погодинъ записываетъ свой разговоръ съ графомъ А. П. Толстымъ: «Журналъ вашъ запретятъ,—сказалъ онъ,—потому что въ немъ слишкомъ ясенъ русскій духъ и много православія. Есть какая-то невидимая, тайно дѣйствующая сила, которая мѣшаетъ всякому добру въ Россіи» [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, въ третьей книжкѣ «Москвитянина» было напечатано нѣсколько совершенно невинныхъ анекдотовъ. «Съ самаго начала я сдѣлалъ планъ,—объяснялъ по поводу нихъ Погодинъ, — чтобъ десять печатныхъ листовъ посвящать дѣльному и серьезному, а остальные, отъ пяти до десяти, всякой всячинѣ, которая удовлетворяетъ большинству подписчиковъ... Иначе журналъ остался бы при образованныхъ

[1]) Барсуковъ. Погодинъ. Книга 6-я. Стр. 53.

однихъ читателяхъ, которыхъ счетомъ сто въ Петербургѣ, сто въ Москвѣ и сто въ губерніяхъ».

Любопытное признаніе для журнала, въ которомъ Шевыревъ заявлялъ претензію на самобытную русскую культуру, а Давыдовъ даже на самодѣльную россійскую философію, чуждую германскимъ мудрованіямъ.

По поводу-то «всякой всячины», которою думалъ сдабривать свой журналъ Погодинъ, немедленно было получено Уваровымъ отъ графа Бенкендорфа офиціальное письмо: «Въ третьей части журнала «Москвитянинъ», издаваемаго М. Погодинымъ, въ отдѣленіи «Смѣсь» напечатаны два анекдота о чиновникахъ... Статьи такого рода показываютъ недостатокъ уваженія издателя къ образованной публикѣ и желаніе угодить ими самому развратному классу людей; сверхъ сего, подобные анекдоты выказываютъ въ издателѣ не одно безвкусіе, но и злоупотребленіе довѣрія, которымъ, какъ журналиста, облекло его правительство, ибо выставлять чиновниковъ въ такомъ невѣроятномъ и отвратительномъ видѣ, клеветать ихъ поступками и дѣйствіями, въ сословіи чиновниковъ въ настоящее время не существующими, и придавать имъ безобразные характеры есть преступленіе предъ правительствомъ, коего чиновники суть органы... Этихъ причинъ, по мнѣнію моему, было бы весьма достаточно, чтобы воспретить г. Погодину изданіе «Москвитянина».

Уваровъ заступился за Погодина, однако предупреждалъ: «На этотъ разъ я могу этотъ шумъ прекратить; впередъ не отвѣчаю». Итакъ, достаточно было проявить журналу опредѣленную физіономію, въ какомъ духѣ—все равно, чтобы встревожить властей. Недаромъ извѣстный Даль находилъ, что въ «Москвитянинѣ» есть «цвѣтъ, краски, видишь повременное изданіе, видишь, что издатель держится цѣли, маяка, знаешь, чего искать».

Одной изъ несомнѣнныхъ заслугъ «Москвитянина» надо признать то, что въ немъ поднятъ былъ вопросъ о славянствѣ и

славянскихъ земляхъ, а также выказывалось сочувствіе къ малорусской литературѣ.

Надеждинъ въ это время путешествовалъ по славянскимъ землямъ. Въ «Москвитянинѣ» появилось его письмо, гдѣ онъ говоритъ: «Вопросъ восточный, до сихъ поръ занимавшій собою исключительно умы политиковъ и столбцы газеты, теперь смѣнился вопросомъ словенскимъ. Со всѣхъ концовъ Германіи бьютъ тревогу, распускаютъ слухи, подозрѣнія, страхи; проповѣдуютъ всеобщее ополченіе противъ какого-то страшилища, окрещеннаго мистическимъ именемъ «панславизма»... Возрожденіе словенизма, которое производитъ столько шуму и толковъ, есть собственно не что иное, какъ возрожденіе словенской литературы. Естественность и законность этого движенія словенской народности очень хорошо понимается тамъ, гдѣ вещи обсуживаются прямѣе и свѣтлѣе. Нынѣшній король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV уже декретировалъ учрежденіе каѳедры словенскихъ языковъ при университетахъ Берлинскомъ и Бреславскомъ. Въ Австріи, гдѣ словене составляютъ двѣ трети всего народонаселенія имперіи, разумѣется, возрожденіе ихъ ощутительнѣе... Труды и усилія чеховъ слишкомъ извѣстны. Имъ подаютъ теперь руку кроаты, подъ предводительствомъ пламеннаго патріота Гая. Гай дѣйствуетъ точно какъ нашъ Новиковъ: онъ завелъ въ Загребѣ типографію и сыплетъ въ народъ книгами на родномъ языкѣ... Этого было довольно, чтобы зашумѣть о панславизмѣ! Впрочемъ само правительство оказываетъ благосклонность, даже покровительствуетъ патріотическому рвенію Гая. Онъ безъ труда получилъ привилегію на открытіе типографіи... Вукъ, давній житель Вѣны, приготовилъ новое изданіе своего собранія сербскихъ народныхъ пѣсенъ, этого истинно безцѣннаго сокровища не для однихъ сербовъ, но для всего словенскаго міра»[1]).

Въ свою очередь Погодинъ заявилъ, что онъ ставитъ «своей

---

[1]) Барсуковъ. Погодинъ. Книга 6-я, стр. 141.

миссіей распространять въ Россіи свѣдѣнія о племенахъ словенскихъ». Этого было достаточно, чтобы московскій попечитель, графъ С. Г. Строгановъ, обратился къ Уварову съ письмомъ такого содержанія: «Въ послѣдніе годы нѣкоторые журналы, и въ особенности «Москвитянинъ», приняли за особенную тему выставлять живущихъ подъ владычествомъ Турціи и Австріи славянъ, какъ терпящихъ особое угнетеніе... Согласно ли будетъ съ настоящими видами правительства нашего: возбуждать участіе къ политическому порабощенію нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, представлять имъ Россію, какъ главу, отъ которой могутъ они ожидать лучшаго направленія къ будущности своей, и явно рукоплескать порывамъ ихъ къ эмансипаціи. Я чувствую, что слабость самихъ писателей, принявшихъ это направленіе, дѣлаетъ и пропаганду неопасною; но здѣсь просто вопросъ приличія въ своевременности».

Уваровъ, однако, высказалъ, что «при извѣстной благонамѣренности обоихъ издателей «Москвитянина», профессоровъ Погодина и Шевырева, можно надѣяться на то, что они «не подадутъ повода къ нареканіямъ».

Если, однако, Погодинъ и Шевыревъ пользовались нѣкоторымъ расположеніемъ Уварова, зато противъ нихъ былъ главный начальникъ московской цензуры, графъ С. Г. Строгановъ, и шефъ жандармовъ, графъ А. Х. Бенкендорфъ. Цензоры поступали съ несчастнымъ журналомъ, какъ хотѣли. Никакого суда надъ ними найти было невозможно. Долгое время былъ цензоромъ Фроловъ, гувернеръ дѣтей Строганова.

«Москвитянинъ» никакого успѣха не имѣлъ, едва-едва сводилъ концы съ концами, и Шевыревъ удивлялся, какъ онъ еще существуетъ. Между тѣмъ у «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго въ 1843 году было уже три тысячи подписчиковъ, что давало ему въ годъ 150,000 рублей. Гоголь въ одномъ письмѣ къ Языкову такъ отозвался о журналѣ Погодина: «Москвитянинъ, издаваясь уже четыре года, не вывелъ ни одной сіяющей

звѣзды на словесный небосклонъ. Высунули носы какіе-то допотопные старики, поворотились и скрылись».

И всѣ славянофилы (Хомяковъ, Аксаковы, Кирѣевскій, Самаринъ) были недовольны «Москвитяниномъ». Въ 1844 году журналъ задумалъ взять въ свои руки И. В. Кирѣевскій, съ цѣлью убить всѣ петербургскіе журналы. Но изъ этого ровно ничего не вышло. Кирѣевскій издалъ только три нумера «Москвитянина» за 1845 г. и передалъ его обратно Погодину.

Между тѣмъ этому переходу «Москвитянина» въ руки новаго редактора радовались не только славянофилы, но и западники. Кирѣевскій желалъ привлечь къ участію въ журналѣ Грановскаго и Герцена. Въ немъ начали было помѣщать свои произведенія Жуковскій, князь Вяземскій, А. И. Тургеневъ. Герценъ, однако, подтрунивалъ надъ обновленнымъ «Москвитяниномъ», въ конторѣ котораго обрѣтетъ исцѣленіе «гибнущая Европа», что, «нося въ груди своей черныя пророчества А. С. Хомякова, утопая въ безстыдствѣ знанія, въ алчномъ себялюбіи, заставляющемъ европейцевъ жертвовать собою наукѣ, идеямъ, человѣчеству, ищетъ совѣта и помощи»...

Герцену «смерть стало жаль» стараго «Москвитянина». «Бывало, трунилъ онъ, ждешь съ нетерпѣніемъ какъ-нибудь въ февралѣ декабрьской книжки, и знаешь напередъ: будетъ чѣмъ душу отвести, вѣрно будетъ отрывокъ изъ «Путевого дневника» Погодина. Читаешь и, кажется, будто самъ ѣдешь осенью по фашиннику».

Герценъ точно напророчилъ. Черезъ три мѣсяца «новый» Москвитянинъ опять смѣнился «старымъ».

Однако и для «Москвитянина» настала пора расцвѣта. Еще въ 1844 году Погодинъ въ немъ помѣстилъ «Переводы изъ Горація», первый поэтическій трудъ А. А. Шеншина-Фета. Годомъ раньше тамъ же сталъ участвовать пріятель лирика, Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ, помѣщая стихи подъ псевдонимомъ А. Трисмегистова. Наконецъ, съ 1850 года «Москвитянинъ» вступаетъ въ новую эру.

Въ немъ усиленно сталъ работать кружокъ даровитыхъ писателей, получившій впослѣдствіи названіе «молодого Москвитянина»: А. Н. Островскій, Т. И. Филипповъ, Е. Н. Эдельсонъ, Б. Н. Алмазовъ, А. А. Григорьевъ, А. Ѳ. Писемскій, графиня Е. П. Ростопчина. Актеръ П. М. Садовскій и позднѣе И. Ѳ. Горбуновъ дополняли этотъ кружокъ.

Поэтъ Алмазовъ дебютировалъ въ «Москвитянинѣ» съ большимъ успѣхомъ остроумными пародіями на Некрасова и Панаева, подъ псевдонимомъ Эраста Благонравова. Въ томъ же 1850 году выступилъ въ «Москвитянинѣ» съ повѣстью «Тюфякъ» Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій.

Эта горячая, чрезвычайно даровитая, искренно преданная идеѣ молодежь питалась «акридами и дивіимъ медомъ», и матеріальное положеніе членовъ кружка «молодого Москвитянина» было вполнѣ бѣдственнымъ. Плата за литературный трудъ у Погодина полагалась ничтожная. Безкорыстіе писателей (кромѣ кулака—Писемскаго, заключавшаго съ Погодинымъ письменные контракты) было поразительное. Семейные люди, какъ Эдельсонъ и Григорьевъ, получали по 15 рублей за печатный листъ. Филипповъ не бралъ ничего. Одинъ только Алмазовъ непостижимой силой могъ всегда почти исторгнуть изъ мошны скопидома-Погодина 20 и даже 30 рублей!.. Вотъ что писалъ Погодину 31-го ноября 1851 г. А. Григорьевъ: «Посылаю вамъ Вильгельма Мейстера и съ величайшей радостью отдаю его «Москвитянину», гдѣ для него приличнѣе мѣсто, чѣмъ въ «Запискахъ»... Условія, разумѣется, обыкновенныя: при настоящемъ положеніи «Москвитянина» я больше шести цѣлковыхъ за листъ считаю нечестнымъ и требовать»[1]).

Критика ученыхъ сочиненій въ «Москвитянинѣ» была обезпечена, благодаря участію спеціалистовъ и между прочимъ М. М. Стасюлевича, въ 1851 г. возведеннаго на степень доктора всеобщей исторіи за диссертацію «Ликургъ Аѳинскій». На пред-

---

[1]) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. XI, стр. 92.

ложеніе гонорара Стасюлевичъ отвѣчалъ Погодину: «Экземпляръ вашего журнала будетъ для меня служить и гонораромъ, потому что въ денежномъ вознагражденіи я не нуждаюсь»[1]).

Что же, оказалъ хоть какое-либо вліяніе на подписку этотъ приливъ молодыхъ силъ, яркихъ талантовъ (драматургъ Островскій, романистъ Писемскій), идеалистовъ, пылкихъ и преданныхъ безкорыстно идеѣ, публицистовъ (критикъ Григорьевъ, Эдельсонъ), поэтовъ (Фетъ, Алмазовъ) и многихъ ученыхъ спеціалистовъ Московскаго университета (докторъ всеобщей исторіи, почтенный Стасюлевичъ)? Да ровно никакого.

Такъ, 16-го февраля 1851 года, Погодинъ писалъ М. А. Максимовичу: «Москвитянинъ» идетъ скверно; не знаю, что и дѣлать, и что за причина. Видишь самъ, что онъ улучшается, всѣ хвалятъ, а толку нѣтъ. До сихъ поръ нѣтъ шестисотъ подписчиковъ, а деньги страшныя (!!?) выдаются сотрудникамъ». Въ другомъ письмѣ: «Журналъ въ нынѣшнемъ году шелъ еще слабѣе: вмѣсто 850, не было и 750. Я тянусь, тянусь, и мочи не станетъ. Разумѣется, это уже послѣдній опытъ». Наконецъ, въ дневникѣ своемъ, подъ 4-мъ декабря 1851 г., Погодинъ записываетъ: «Записка изъ конторы, что подписчиковъ только семь, и пріунылъ».

Итакъ, историческій фактъ: «Москвитянинъ», послѣ того, какъ въ немъ явились Островскій, Писемскій, Аполл. Григорьевъ, Эдельсонъ, Фетъ, Алмазовъ, Стасюлевичъ—пошелъ еще слабѣе... Что же было нужно русскому читателю? Подведемъ итоги. Около 1843 года русская печать выражалась въ слѣдующихъ главныхъ цифрахъ.

«Библіотека для Чтенія» .	до	3.000	подписчиковъ.
«Сѣверная Пчела» . . .	»	3.000	»
«Отечественныя Записки».	»	3.000	»

---

[1]) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. XI, стр. 423.

«Сынъ Отечества» . . .	каждые не свыше 500 подписчиковъ, а всего 3.000.
«Русскій Вѣстникъ» . .	
«Москвитянинъ»	
«Современникъ»	
«С.-Петерб. Вѣд.» . . .	
«Московск. Вѣд.» . . .	

Итакъ, общая цифра читателей въ Россіи выражалась цифрою 12—15 тысячъ подписчиковъ...

V.

Въ 1839—1841 годахъ шла «университетская жизнь», недоросля изъ дворянъ и вольнослушателя Некрасова. «Ровно три года,—разсказывалъ потомъ поэтъ, — я чувствовалъ себя постоянно, каждый день, голоднымъ. Приходилось ѣсть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день». Выгнанный хозяиномъ квартиры, поэтъ ночуетъ въ 15-й линіи Васильевскаго острова съ нищими и пишетъ прошеніе за 15 копеекъ. Затѣмъ начинается жизнь пролетарія-писателя, добывающаго гроши рецензіями, повѣстушками въ тогдашней жалкой, чахоточной журналистикѣ...

Какъ было сказано выше, уже къ 1843 году «Отеч. Записки» стали прочно. Годы, которые работалъ Бѣлинскій въ этомъ журналѣ, были и лучшими его годами. Шесть лѣтъ трудовъ Бѣлинскаго и его друзей доставили журналу господство въ литературѣ, а также и прекрасное, по тогдашнему времени, положеніе матеріальное. Направленіе и содержаніе журнала, дѣйствительно, представляло высшій уровень русской образованности, насколько она могла только тогда проявляться въ литературѣ[1]).

---

[1]) Пыпинъ. Бѣлинскій, II, 227.

Между тѣмъ здоровье измѣняло труженику-критику.

Осенью 1845 г. онъ опасно занемогъ. Журнальная работа становилась ему невыносима. Стали и разстраиваться отношенія съ Краевскимъ. Въ началѣ 1846 года Бѣлинскій прекратилъ сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ томъ же году вышелъ «Петербургскій Сборникъ» Некрасова, гдѣ появились всѣ «западники» и беллетристы «натуральной школы». Появленіе этого альманаха возвѣщало расколъ «Отеч. Зап.». «Утомленный, измученный, усталый», разошелся Бѣлинскій съ А. А. Краевскимъ, жалуясь, что онъ сдѣлалъ изъ него чернорабочаго, водовозную лошадь, заставлялъ его писать даже объ азбукахъ, пѣсенникахъ, гадальныхъ книжкахъ, брошюркахъ «о клопахъ». Скоро въ газетахъ и журналахъ появилось объявленіе, въ которомъ, между прочимъ, заявлено было, что «Современникъ», основанный А. С. Пушкинымъ, а впослѣдствіи съ высочайшаго соизволенія перешедшій въ распоряженіе П. А. Плетнева, съ 1847 года подвергается совершенному преобразованію. Редакція «Современника» съ разрѣшенія господина министра народнаго просвѣщенія переходитъ къ профессору (и цензору С.-Петербургскаго университета) А. В. Никитенку. Изданіе же сего журнала, по взаимному соглашенію и условію съ прежнимъ издателемъ и редакторомъ, приняли на себя И. И. Панаевъ и Н. А. Некрасовъ. Въ спискѣ сотрудниковъ—вся литература. Однако, по свидѣтельству многихъ, и между прочимъ, К. Д. Кавелина, Бѣлинскій былъ обойденъ и новой редакціей: «Что Панаевъ сталъ редакторомъ «Современника», это было еще понятно,—онъ далъ деньги. Но какимъ образомъ Некрасовъ, тогда малоизвѣстный и не имѣвшій ни гроша, сдѣлался тоже редакторомъ, а Бѣлинскій, изъ-за котораго мы были готовы оставить «Отеч. Зап.», остался наемникомъ на жалованіи,—этого фокуса мы не могли понять».

«Фокусъ» на нашъ взглядъ объясняется удовлетворительно тѣмъ, что Некрасовъ былъ практическій, оборотистый человѣкъ, «мыслящій реалистъ», а Бѣлинскій —чахоточный, близ-

кій къ смерти идеалистъ-романтикъ, въ житейскихъ дѣлахъ чистое дитя.

«Отечественныя Записки» не остались безъ сотрудниковъ. Грановскій находилъ, что такъ какъ «Отечественныя Записки» въ одномъ духѣ съ «Современникомъ», то онъ очень радъ, что у насъ вмѣсто одного—два хорошихъ журнала, и готовъ помогать обоимъ.

«Девять лѣтъ издаетъ Краевскій «Отечественныя Записки», — писалъ Бѣлинскій: — начались онѣ плохо, безъ всякаго направленія, я спасъ ихъ... Съ третьяго (1841) года начали онѣ поправляться денежно; на четвертый (1842) Краевскій былъ въ барышахъ... Тягаться «Современнику» съ «Отечественными Записками» трудно. Краевскій въ сорочкѣ родился. Сколько подарили ему статей Боткинъ и Герценъ!.. Примѣра подобнаго не бывало въ русской литературѣ. Какой-нибудь Гречъ и тотъ не даромъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность, а что-нибудь да сдѣлалъ. А Краевскій.. ни ума, ни таланта, ни убѣжденій, ни знаній, ни образованности, а издаетъ журналъ, бывшій лучшимъ русскимъ журналомъ, и доселѣ одинъ изъ лучшихъ, журналъ слишкомъ съ четырьмя тысячами подписчиковъ».

Однако «Современникъ» имѣлъ тоже успѣхъ. Кромѣ Бѣлинскаго, въ первыхъ книжкахъ его явились Герценъ («Кто виноватъ?»), Гончаровъ («Обыкновенная исторія»), Тургеневъ («Записки охотника»), повѣсти Григоровича, Дружинина, Достоевскаго, стихотворенія Некрасова.

«Современника» теперь расходится болѣе двухъ тысячъ экземпляровъ,—писалъ Плетневъ Жуковскому.—Конечно, много въ сравненіи съ тѣмъ, что и пятьсотъ не расходилось. Двѣ причины помогаютъ новымъ издателямъ: помѣщеніе глупыхъ (Жоржъ-Зандъ?) романовъ или своихъ въ томъ же родѣ (sic), да главное — умѣнье публиковать (?), чѣмъ я совсѣмъ не занимался»[1]).

---

[1]) Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, III, 583.

Причиной было то, что трудами Николая Полевого и Вяземскаго въ 20-хъ годахъ, Надеждина въ 30-хъ и наконецъ Бѣлинскаго въ 40-хъ наконецъ создалось ядро образованной публики, читателей, объединенныхъ общимъ духомъ, образовалась аудиторія, которая и подѣлилась между двумя прогрессивными журналами передъ роковымъ 1848 годомъ.

Мучительно тянулась зима 1847—1848 года для больного Бѣлинскаго. Все какъ-то душнѣе и мрачнѣе становилось кругомъ его. Статьи его разсматривались все строже и строже. Наконецъ онъ «вызывается, «какъ одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ русской литературы», единственно для того, чтобы «лично познакомиться съ начальникомъ цензурнаго вѣдомства», «хозяиномъ» русской литературы... Но Бѣлинскій уже умиралъ, и это пріятное знакомство не состоялось. Въ 6-мъ часу 26-го мая 1848 года его не стало. Нѣсколько словъ некролога, и затѣмъ до самаго 1856 года имя его не было ни разу названо въ литературѣ. Глухо упоминалось только о какомъ-то «критикѣ сороковыхъ годовъ» [1]).

VI.

Теперь мы вступаемъ воистину въ «моровую полосу» тяжкаго восьмилѣтія (1848—1855). Учрежденъ негласный комитетъ, такъ называемый «бутурлинскій». Учреждено сразу до двадцати различныхъ цензуръ. Европейская реакція сказывается у насъ съ такою силою, что не остается сомнѣнія въ принадлежности «самобытной» Россіи къ концерту европейскихъ державъ. 24-го октября 1849 года въ университеты прислано «наставленіе», гдѣ говорится: «Ректоры и деканы будутъ тщательно отсѣкать въ разсматриваемыхъ ими программахъ и запрещать въ устномъ преподаваніи съ каѳедръ все, что можетъ даже и косвенно содѣйствовать къ распространенію у насъ разруши-

---

[1]) Пыпинъ. Бѣлинскій, II, 334.

тельныхъ началъ сенсимонизма, фурьеризма, соціализма и коммунизма или служить имъ нѣкоторой опорой».

«Общество быстро погружается въ варварство», — писалъ Никитенко отъ 28-го марта 1850 года.—«Положеніе наше становится нестерпимѣе день ото дня; всякое движеніе на Западѣ отзывается у насъ стѣснительною мѣрою. Доносы идутъ тысячами», — писалъ Грановскій. Русскому писателю болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, приходилось не выяснять свою мысль, но закутывать ее въ непроницаемый туманъ. Процвѣло «чистое искусство». Романисты изображаютъ безвольныхъ и безсильныхъ нытиковъ, «проводя» идейку, что теперь честному остается только бездѣйственно изнывать.

Литература съ 1848 по 1855 годъ такъ характеризуется историкомъ: «Безусловное запрещеніе публицистики особенно сильно отразилось на газетной прессѣ, которая едва влачила существованіе въ видѣ жалкихъ сѣренькихъ листочковъ: «Сѣверной Пчелы» Ѳ. Булгарина, «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Очкина, «Полицейскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Инвалида» и «Московскихъ Вѣдомостей» Захарова. Газеты выходили безъ передовыхъ статей и политическихъ корреспонденцій, довольствуясь сообщеніемъ опубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, безцвѣтными фельетонами, трактующими о кондитерскихъ, гуляньяхъ... Журналы принимаютъ характеръ безцвѣтныхъ сборниковъ, ничѣмъ почти не отличаясь одинъ отъ другого, тѣмъ болѣе, что многіе изъ сотрудниковъ являются у нихъ общіе. Прежде всего, конечно, беллетристы и поэты... Выдающіеся критики того времени: Дружининъ, Анненковъ, Ап. Григорьевъ, постоянно кочуютъ изъ одного органа въ другой или же участвуютъ разомъ въ нѣсколькихъ... Журналы начали наполняться необъятно длинными, сухими и спеціальнѣйшими учеными трактатами... Въ критическихъ сферахъ въ свою очередь на первый планъ выступила библіографія, начались кропотливыя изслѣдованія». Наконецъ, въ моду вошли безконечные, сказочные великосвѣтскіе романы съ идеальными героями.

Но какъ относилось общество къ реакціи 1848—1855 годовъ? Пассивно, а въ лицѣ даже лучшихъ своихъ людей донельзя покладливо, съ истинно рабьей уклончивостью и лицемѣріемъ, оберегая прежде всего личный свой интересъ. Такъ, въ роковомъ 1848 году Плетневъ пишетъ Я. Гроту: «Ты доискиваешься причины тѣхъ безумствъ, которыя нынѣ потрясаютъ Европу. Эти причины въ постепенности, съ которою безостановочно по странному ослѣпленію всѣ стремились въ нынѣшнемъ столѣтіи къ уничтоженію такъ называемыхъ «авторитетовъ» во всемъ: въ религіи, въ политикѣ, въ наукахъ и въ литературѣ. Дерзость возстала съ такимъ безстыдствомъ, что достоинству оставалось только отстраниться. Въ нашей литературѣ слегка приступилъ къ этому Булгаринъ (?), испугавшійся послѣ самъ, и теперь за то страждущій отъ послѣдователей (?). Но во всемъ блескѣ развито это ученіе Полевымъ, Сенковскимъ (?) и Бѣлинскимъ».

«Въ Западной Европѣ оно плодовитѣе и безпощаднѣе... Такъ, теперь и дошли европейцы до послѣдней степени разладицы, имъ помогали безнравственные честолюбцы и корыстолюбцы, какъ у насъ Краевскій (!) и подобные ему (!) десять лѣтъ сѣютъ растлѣніе въ публикѣ»[1]).

И такой жалкій, дикій и чадный бредъ пишетъ не кто-нибудь—Плетневъ, замѣчательный писатель-эстетикъ, другъ Пушкина и Гоголя, ректоръ университета, вообще человѣкъ благороднѣйшій. Какая узость, слѣпота и странная непросвѣщенность въ этомъ сопоставленіи именъ Булгарина, Полевого, Сенковскаго, Бѣлинскаго, Краевскаго и затѣмъ журнальной, скудной дѣятельности ихъ съ могучимъ движеніемъ западно-европейской мысли! И сейчасъ мы увидимъ, что вовсе не убѣжденіе водило тутъ перомъ Плетнева, а мелочное пристрастіе и нелюбовь къ названнымъ лицамъ. До того атрофировалось даже у лучшихъ людей чувство гражданское, что едва начинали они

---

[1]) Переписка, т. III, стр. 208, № 38.

разсуждать, сейчасъ въ сердцѣ поднималась та «невѣжественная раздражительность», о которой говорилъ еще Гоголь...

Гротъ, повидимому, раздѣляетъ воззрѣнія друга, однако отъ 12-го ноября 1849 года Плетневъ пишетъ: «Противъ намѣренія твоего печататься въ «Отечественныхъ Запискахъ» юридически сказать мнѣ нечего. Однако же, нравственно какъ-то это не вяжется. Краевскій публично объявлялъ (и не разъ), что онъ меня съ тобою считаетъ за пометъ въ литературѣ, и мы станемъ искать у него мѣста[1])?»

«Несправедливо, — возражаетъ Гротъ, — чтобы Краевскій когда-нибудь выразилъ обо мнѣ такое презрительное мнѣніе, какъ ты говоришь. Напротивъ, сперва «Отечественныя Записки» всегда меня очень хвалили — болѣе, нежели какой-либо другой журналъ. Они отозвались съ большой похвалой о «Фритіофѣ», и потомъ называли прекрасными всѣ статьи мои о Финляндіи... Сверхъ того, прежде критикомъ «Отечественныхъ Записокъ» былъ Бѣлинскій, котораго уже нѣтъ; нынѣшній же рецензентъ не обнаруживаетъ враждебнаго духа къ партіи бывшаго «Современника». Вотъ почему я рѣшительно не нахожу затрудненія участвовать въ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ въ лучшемъ изъ нынѣшнихъ журналовъ. Гораздо труднѣе было бы мнѣ участвовать въ нынѣшнемъ «Современникѣ», который въ рецензіи моей послѣдней книжки не устыдился показать самую скверную сторону личной критики».

Итакъ, Гротъ не прочь писать у Краевскаго, «сѣющаго растлѣніе въ публикѣ». Онъ только затрудняется работать въ «Современникѣ». Однако, уже отъ 15-го февраля 1852 г. Плетневъ пишетъ: «Некрасовъ говорилъ мнѣ, что по совѣту моему онъ писалъ къ тебѣ, приглашая участвовать въ «Современникѣ». Ты только не церемонься съ этими господами — и, отдавъ статью въ ихъ журналъ, аккуратно требуй, чтобы, по

---

[1]) Ibid., № 100, стр. 488.

выходѣ книги, гдѣ помѣщена будетъ статья твоя, немедленно они посылали деньги»[1]).

«Редакція «Современника», — жалуется Гротъ отъ 29-го апрѣля, — поступаетъ со мной очень странно. На вызовъ ея изъявилъ я поспѣшно свое согласіе; она же съ тѣхъ поръ и не думаетъ мнѣ отвѣчать»[2]).

По смерти Бѣлинскаго и съ усиленіемъ цензурныхъ гоненій, «Современникъ», однако, сталъ терять подписку.

«Журналъ все время (по 1855 годъ) висѣлъ на волоскѣ, безъ денегъ, безъ подписчиковъ, подъ непосредственнымъ Дамокловымъ мечомъ цензуры... Съ 1853 года положеніе «Современника» сдѣлалось еще болѣе критическимъ: началась война, которая убавила число подписчиковъ, и безъ того довольно скудное; однимъ было не до чтенія журналовъ въ это мрачное время, другіе предпочли журналу газету. Въ 1856 году Некрасовъ предпринялъ было изданіе своихъ стихотвореній, но изданіе это было безусловно запрещено»[3]).

VII.

Изучая цензурныя условія николаевскаго времени и сопоставляя ихъ съ внутренней жизнью литературы и печати, мы должны придти къ выводу, что массивный обухъ — множество бдительныхъ цензуръ, поддерживаемыхъ многочисленными добровольцами, постоянные циркуляры и ограничительныя распоряженія—подняты были на ничтожную муху—русскую литературу. Мы должны признать, что у насъ цензура возникла раньше литературы. Литературы, печати, какъ органа общественной и народной мысли, еще не было, а мощное государ-

---

[1]) Ibid., 573.

[2]) Ibid., 584.

[3]) Стихотворенія Н. А. Некрасова. Изд. 1879 г., т. 1-й, LXVIII—LXIX.

ство организовало уже бдительнѣйшій надзоръ, такъ что печатный станокъ почти былъ отмѣненъ, и рукопись ходила по рукамъ вмѣсто печатной страницы. Литературы, какъ народной потребности, не было. Были великіе мастера слова, это правда, слагавшіе возвышенные, праздничные гимны. Но литература не выполняла своей будничной обязанности, постояннаго толкованія жизни и возникающихъ запросовъ ея.

Въ крѣпостной Россіи народная масса оставалась въ условіяхъ первобытныхъ формъ общиннаго своего строя, лишь поверхностно соприкасаясь съ своими помѣщиками. Среди торговаго крестьянства и купечества были и грамотеи, но потребности ихъ въ чтеніи удовлетворялись примитивной, лубочной и суздальской литературой, высшее созданіе которой были патріотическіе романы Загоскина. Они почитывали «божественное», духовныя книги, читали и Ломоносова, и что-нибудь новѣйшее съ одинаковымъ неспѣшнымъ «вниканіемъ». Въ столицахъ и университетскихъ городахъ были кружки образованныхъ и даже высоко образованныхъ людей, но ихъ Погодинъ исчислялъ тремя стами: сто—въ Петербургѣ, сто—въ Москвѣ, сто—въ провинціи. Кромѣ того, въ провинціи многія помѣщичьи усадьбы являлись центрами, гдѣ выписывался журналъ, читаемый всѣмъ домомъ. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ этотъ журналъ долженъ былъ представлять аккуратно высылаемый каждый мѣсяцъ изъ Петербурга толстый томъ — пухлый сборникъ, въ которомъ легкимъ, фельетоннымъ слогомъ были бы изложены всѣ «искусства и науки», «моды и смѣсь». Для хозяйки дома — моды и романы, для барышень — стихи, для хозяина дома—статья о сельскомъ хозяйствѣ, для молодыхъ помѣщиковъ — хлесткая, острословная критическая статейка. Великолѣпными кухмистерами такой «жирной журнальной стряпни» явились Булгаринъ и Сенковскій. Но уже къ 1843 г. усилія образованности, пламенная проповѣдь Бѣлинскаго создали въ городахъ и помѣщичьихъ усадьбахъ болѣе высокую и требовательную аудиторію, которая съ 3.000 возросла къ

концу 40-хъ годовъ до 6.000 подписчиковъ «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ».

Но и эта аудиторія, въ сущности, проявляла всѣ признаки, что ея непосредственнымъ родителемъ была аудиторія Сенковскаго. Вкусъ былъ у нея выше, но все же «серьезнаго» она не выносила. Вдумчивый, но популярный фельетонъ—вотъ чего она требовала. Публицистъ долженъ былъ говорить съ увлеченіемъ, съ «честнымъ» направленіемъ, но ясно, общедоступно, легко о вопросахъ исторіи, науки, искусства, жизни. Затѣмъ романъ—оригинальный и переводный. Вотъ и все.

Эта аудиторія, привыкнувъ къ извѣстному журналу и направленію, большаго и новаго не искала, и хотя бы «молодой Москвитянинъ», достойный примѣчанія, остался внѣ сферы ея вниманія. Во всякомъ случаѣ, это былъ уже значительный шагъ впередъ.

Сопоставляя исторію цензуры съ исторіей литературы, мы видимъ, что цензура запрещала чаще всего журналы, не имѣвшіе подписки, то-есть нѣчто, уже окончательно никому не нужное, хотя бы это и были начинанія блестящихъ талантовъ и умовъ. Несмотря на всѣ стѣсненія, немногіе органы, сколько нибудь нужные, имѣвшіе подписку, держались. Такимъ образомъ, степень цензурныхъ стѣсненій и запрещеній является мѣриломъ съ одной стороны слабости печати, а съ другой стороны ничтожности потребности общества въ печатномъ словѣ. Читая постановленія, распоряженія и циркуляры цензуры Николаевскаго времени, можно составить себѣ совершенно ложное мнѣніе о тогдашней мысли и словѣ. Можно подумать, что дѣйствіе вызывало равносильное противодѣйствіе, что циклопическія плотины воздвигались противъ глубокаго, стремительнаго полноводнаго потока. Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не было. Цензорамъ нечего было дѣлать. Потому лишь они и могли корпѣть надъ каждой строчкой, надъ каждыми ничтожными стишками, и самъ монархъ имѣлъ возможность замѣтить крохотную дерзость фельетонной букашки, проявленную на

одномъ изъ трехъ-четырехъ сѣренькихъ листочковъ чахоточныхъ газетокъ. Даже при современномъ развитіи журналистики въ Россіи и наличномъ числѣ органовъ печати, физически немыслима подобная бдительность. Важно усвоить ту истину, вытекающую изъ фактовъ, что цензура потому лишь и была безпощадна, что литература прежде всего количествомъ органовъ, капиталами и числомъ была слаба и ничтожна. И на органы слабѣйшіе, не въ смыслѣ уровня талантовъ и умовъ сотрудниковъ, а въ смыслѣ подписки, падали самые безпощадные громы. Управлять мыслью страны можно лишь до тѣхъ поръ, пока страна не мыслитъ, или очень мало мыслитъ. До тѣхъ поръ беззащитенъ писатель, пока онъ совсѣмъ не нуженъ или очень мало нуженъ читателю. И надо помнить, что даже между Бѣлинскимъ и его аудиторіей связь исчерпывалась тѣмъ присловьемъ, которое еще въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія повторялъ Щедринъ: «писатель — пописываетъ, а читатель — почитываетъ». Пересталъ почему-либо писать писатель. Читатель скажетъ: «жаль! жаль!» и перейдетъ въ другой органъ, станетъ «почитывать» другого писателя. Нравственной, живой связи между читателемъ и писателемъ не устанавливалось. Читатель вовсе не считалъ обязаннымъ защищать писателя, вовсе не былъ съ нимъ солидаренъ, какъ на Западѣ всякій органъ имѣетъ за собой партію. Положимъ, читатель 25 лѣтъ «почитывалъ» писателя и соглашался съ нимъ. Это не значило, что въ роковую минуту онъ сочтетъ своимъ нравственнымъ долгомъ поддержать его. Нѣтъ, стряслась бѣда съ писателемъ—дальше платоническихъ соболѣзнованій не шло.

«Читатель представляетъ собой тотъ устой, на которомъ всецѣло зиждется дѣятельность писателя; онъ—единственный объектъ, ради котораго горитъ писательская мысль. Убѣжденность писателя питается исключительно увѣренностью въ воспріимчивости читателей, и тамъ, гдѣ этого условія не существуетъ, литературная дѣятельность представляетъ собою не что иное, какъ безпредѣльное поле, поросшее волчецомъ, на

обнаженномъ пространствѣ котораго безцѣльно раздается голосъ, вопіющій въ пустынѣ».

«Даже несомнѣннѣйшіе литературные шуты — и тѣ чувствуютъ себя неловко, утрачиваютъ бойкость пера, ежели видятъ, что читатель не помираетъ со смѣху въ виду ихъ кривляній. Даже тутъ, въ этой клоакѣ человѣческой мысли, чувствуется потребность поддержки со стороны читателя».

«Ежели въ странѣ уже образовалась воспріимчивая читательская среда, способная не только прислушиваться къ трепетаніямъ человѣческой мысли, но и свободно выражать свою воспріимчивость,—писатель чувствуетъ себя бодрымъ и сильнымъ. Но онъ глубоко несчастливъ тамъ, гдѣ масса читателей представляетъ собой бродячее человѣческое стадо, мятущееся подъ игомъ давленій внѣшняго свойства».

«Звуча на удачу, рѣчь писателя превращается въ назойливое сотрясеніе воздуха. Слово утрачиваетъ ясность, внутреннее содержаніе мысли ограничивается и суживается. Только одинъ вопросъ стоитъ вполнѣ опредѣленно: къ чему растрачивается пламя души? кого оно грѣетъ? на кого проливаетъ свой свѣтъ?» [1]).

VIII.

Источникомъ цензурной нетерпимости была прежде всего та «невѣжественная раздражительность», на которую указывалъ Гоголь, свойственная всѣмъ слоямъ общества. Смѣлое, свободное слово, умъ и геній возбуждали въ обществѣ эту «раздражительность» и поднимали волну воздѣйствій на цензуру «снизу вверхъ». И въ средѣ читателей, и въ литературной средѣ находилось достаточно добровольцевъ-доносителей. И въ 1825 г., и въ 1848 г. добровольческіе доносы шли тысячами.

При беззащитности писателя, онъ могъ ждать подвоха со стороны любого сановника и подвергался самымъ прихотли-

---

[1]) Соч. Щедрина. Изд. 3-е 1895. Томъ пятый, стр. 145 и 146.

вымъ капризамъ сильныхъ людей. Отсюда циркуляры, доходящіе до игривости.

Мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ монархъ защищалъ писателя отъ цензуры, сановниковъ и общества. Иногда писатель попадалъ между двухъ противоположныхъ силъ—благоволилъ одинъ сановникъ и запрещалъ другой.

Бенкендорфъ защищалъ Полевого. Уваровъ его топилъ. Уваровъ покровительствовалъ Погодину. Бенкендорфъ желалъ запретить его журналъ.

Собственно, цензура никогда не руководилась неизмѣннымъ уставомъ. Такъ какъ «виды правительства» постоянно мѣнялись, то наибольшее удобство представляла система циркуляровъ, которые рождались по иниціативѣ и воздѣйствію самыхъ разнообразныхъ лицъ, учрежденій и вѣдомствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ цензура никогда не представляла единаго и независимаго учрежденія. Было столько же цензуръ, сколько сильныхъ людей и сколько заинтересованныхъ въ молчаніи печати вѣдомствъ.

Если въ александровское время «перемѣна видовъ» правительства черезъ каждое пятилѣтіе обращала все дозволенное однимъ пятилѣтіемъ въ недозволенное, неблагонамѣренное и прямо преступное другимъ пятилѣтіемъ, то въ николаевское время замѣчалась постоянная нетерпимость ко всему имѣющему опредѣленный, яркій цвѣтъ, и «однообразная красивость» окрашенной въ два цвѣта казенной будки или не бьющій въ глаза цвѣтъ охры на всѣхъ зданіяхъ представляли идеалъ, къ которому стремилась цензура. «Западники» и «славянофилы» подвергались однимъ запрещеніямъ. Недостатокъ патріотизма скорѣе прощался, чѣмъ излишняя пламенность его. Излишекъ «православія» внушалъ недовѣріе.

Настолько печать должна была во всякую минуту слѣдить за настроеніями правящихъ сферъ и подлаживать свой голосъ къ настроенію минуты, что издавать вліятельный органъ въ Москвѣ было немыслимо, и еслибы Полевой издавалъ свой

«Телеграфъ» въ Петербургѣ, журнала не запретили бы, потому что онъ успѣлъ бы вынуть изъ книжки безтактную статью, да, можетъ быть, и не написалъ бы ея.

Берне сказалъ: «Многіе господа не хотятъ свободы печати, потому что думаютъ, что вѣтеръ дуетъ туда, куда вертитъ флюгеръ, а не наоборотъ». Литература не создаетъ требованій жизни. Но по мѣрѣ того, какъ эти требованія, — въ данномъ случаѣ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости,— жизнью выдвигаются, становятся въ ней ясны, врываются во всѣ двери, на литературу накладываются бо́льшія и бо́льшія запрещенія, чтобы она пальцемъ не указала на стоящаго у порога гостя, не назвала его громко, во всеуслышаніе. Литература николаевскихъ временъ, однако, ни о чемъ другомъ никогда и не говорила, какъ объ основномъ требованіи жизни — освобожденіи.

Она превратилась въ шифръ, ключемъ котораго владѣлъ только читатель. Она создала особый «эзоповскій» языкъ, которымъ съ нимъ и объяснялась.

«Мы поминаемъ лихомъ,—писалъ И. С. Аксаковъ въ газетѣ «День» 11 сентября 1865 г., — мы не можемъ, мы не должны не помянуть лихомъ того страшнаго стѣсненія, которому такъ долго подвергалась русская печать, равно какъ не можемъ и не должны оставлять безъ рѣшительнаго осужденія всякій положительный, существенный вредъ, наносимый духовному развитію русскаго общества, всякое посягательство на истину и извращеніе правды».

«Прежній цензурный порядокъ внесъ кривду въ область самого печатнаго слова. Мало было намъ кривды во всемъ строѣ нашего общественнаго развитія,—мы добились до того, что самыя слова искривились у насъ въ своемъ значеніи и получили иносказательный смыслъ, что писатель искусился и успѣвалъ проводить свою мысль въ публику, такъ сказать, воровски, между строкъ, что между читателемъ и авторомъ установился условный языкъ обиняковъ, намековъ, вразумительный только

имъ обоимъ и недоступный даже для цензуры. Авторъ, садясь за работу, думалъ уже не о томъ, чтобы какъ можно яснѣе выразить свое искреннее убѣжденіе, или чтобъ какъ можно полнѣе и отчетливѣе передать на общій судъ свою доктрину, а только о томъ, чтобы какъ-нибудь протащить свою мысль контрабандой сквозь цензурную стражу,—и мысль тихонько прокрадывалась, закутанная въ двусмысленные обороты рѣчи! Понятно, что чѣмъ благонамѣреннѣе была мысль, чѣмъ сильнѣе сознавалъ писатель ея правоту, чѣмъ выше ставилъ достоинство истины, которой служилъ, тѣмъ невыносимѣе былъ для него этотъ унизительный путь — годный и приличный только для лжи, для кривды, для ночного вора. Весь пріемъ сочинительства носилъ на себѣ отраженіе существующаго порядка; мысль была запугана, умъ сталъ робокъ, и его полетъ невольно соразмѣрялся короткому размѣру той привязи, на которой держала его своенравная прихоть цензора. Нравственныя пытки, которымъ при предварительной цензурѣ подвергался писатель, могутъ быть сравнены развѣ только съ пыткой художника кисти или карандаша, когда непрошенный цѣнитель мазнетъ толстымъ пальцемъ по его свѣжему рисунку и невысохшимъ краскамъ. Писатель зависѣлъ не отъ какихъ-нибудь общихъ, однажды установленныхъ правилъ, — которыя и установить для живой, какъ міръ разнообразной, какъ море волнующейся человѣческой мысли нѣтъ никакой возможности,—а зависѣлъ отъ чужого ума, чужого вкуса, на казенномъ жалованьи приставленнаго къ нему въ опекуны и судьи. Языкъ, слогъ, внѣшняя форма выраженія — все систематически стушевывалось, обезцвѣчивалось, изувѣчивалось, теряло, такъ сказать, свою мужескую силу подъ операціей, производимой надъ сочиненіемъ усердной рукой чиновника».

«Слово изъ-подъ цензорскихъ рукъ, послѣ долгой и упорной изъ-за него борьбы автора съ цензоромъ, вырывалось на свѣтъ Божій взъерошенное, растрепанное, искалѣченное, помятое — и привѣтствовалось публикою, какъ тріумфъ побѣды,

вкушалось съ жадностью, какъ запрещенный, тайный, заманчивый плодъ...

«Стѣсненіе слова имѣло необъятныя послѣдствія для нашего общественнаго развитія. Нуженъ теперь уже не мерцающій, не мигающій, а прочный свѣтъ свободы для того, чтобъ излѣчить весь тотъ вредъ, который проникъ, благодаря этому стѣсненію, въ самый духовный составъ русскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ даже до сихъ поръ наша періодическая литература, на которой, какъ извѣстно, воспитывались преимущественно наши молодыя поколѣнія за послѣднія 15 — 20 лѣтъ? Какіе-то лоскутья, обрѣзки знаній и мнѣній, предлагавшіеся въ видѣ журнальныхъ статей».

«Правды, правды! — вотъ чего намъ недостаетъ, вотъ что намъ особенно нужно!» [1]).

«Мысль, слово, — это не «прерогативы», а неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное. Безсмысленны и безсловесны только скоты. Посягать на жизнь разума и слова въ человѣкѣ значитъ не только совершать святотатство божьихъ даровъ, но посягать на божественную сторону человѣка, на самый Духъ Божій, пребывающій въ человѣкѣ, на то, чѣмъ человѣкъ—человѣкъ, и безъ чего человѣкъ—не человѣкъ» [2]).

«Государство въ видахъ собственнаго сохраненія должно предоставить полнѣйшую свободу дѣятельности общественному сознанію. Если государство желаетъ жить, то должно соблюдать непремѣнныя условія жизни, внѣ которыхъ — смерть и разрушеніе; условіе жизни государства есть жизнь общества; условіе жизни общества есть свобода слова, какъ орудія общественнаго сознанія» [3]).

---

[1]) Соч. И. С. Аксакова. Томъ четвертый. Изд. 1886 г., стр. 432, 433, 434, 438.

[2]) Ibid. Томъ пятый. Стр. 11 и 12.

[3]) Ibid. Томъ IV. Стр. 366, 367, 368.

«Пора уже прямо поставить себѣ вопросъ,—писалъ Аксаковъ 28-го августа 1872 г. въ газетѣ «Русь»,—что безвкуснѣе и потому менѣе опасно: плодъ дозволенный или плодъ запрещенный? что вреднѣе: ядъ ли, выступившій изнутри наружу, или ядъ, вогнанный внутрь? что желательнѣе для правительства: прозрачность и гласность со всѣми ея подчасъ неизбѣжными неудобствами или совершенная темь, глушь и безмолвіе? Что согласнѣе съ интересами власти: вѣдать или не вѣдать ходъ и развитіе мысли въ разныхъ слояхъ русскаго общества?.. Вовсе не признавать никакого общественнаго мнѣнія страны, которое только тогда вѣдь и годно, то-есть, тогда лишь и способно сослужить полезную службу правительству и странѣ, когда слову вообще предоставлена возможность выражаться свободно и искренно[1])?

«Намъ необходима свобода умственной жизни, иначе мы не добудемъ самосознанія и не достигнемъ полноты развитія народнаго духа, слѣдовательно, не исполнимъ своего долга,—да и правительство нуждается для своей дѣятельности не въ умственныхъ малолѣткахъ, а въ взрослыхъ развитыхъ гражданахъ. Свобода слова есть цѣль,—къ которой необходимо стремиться,—непремѣнное условіе общественнаго развитія, добро, которое надо неуклонно насаждать, холить, беречь, растить непрерывно, хотя бы и не торопливо, воспитывать съ любовью, хотя бы и строгою... Если вы хотите искренности въ словѣ, такъ должны допустить каждому право говорить своимъ голосомъ, какъ бы даже грубъ и неблагозвученъ онъ ни былъ; гдѣ нельзя говорить своимъ голосомъ, тамъ не можетъ быть и искренной рѣчи, и вмѣсто нея будетъ раздаваться одна благонамѣренная фистула.

«Стѣсненіе печати есть стѣсненіе жизни общественнаго разума,—оно парализуетъ всѣ духовныя отправленія общества, осуждаетъ всѣ его дѣйствія на безсиліе, удерживаетъ общество

[1]) Ibid., IV, 512.

въ вѣчной незрѣлости, обрекаетъ мертворожденности всѣ исчадія его духовной производительности. Никакія самоуправленія, никакія реформы, никакіе благодѣтельные законы не только не принесутъ добра, но даже и не привьются къ общественной жизни, если общество будетъ лишено существенныхъ условій жизни—свободы мысли и слова»[1]).

Еще 6-го января 1864 года Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ написалъ въ «Днѣ»: «Просторъ слова—нужнѣе всѣхъ реформъ, послѣ освобожденія двадцати милліоновъ русскихъ крестьянъ, нужнѣе и земскихъ, и другихъ учрежденій, ибо въ немъ, въ этомъ просторѣ, заключается условіе жизненности для всѣхъ этихъ учрежденій, и безъ него—они едва ли взойдутъ».

Просторъ слова есть цѣль, къ которой должно стремиться, благо, которое надо неуклонно насаждать; ростить непрерывно, хотя бы и не торопливо воспитывать — эта мысль И. С. Аксакова чрезвычайно глубока. И дѣйствительно, сама жизнь неуклонно насаждаетъ, ростить и воспитываетъ свободу слова въ обществѣ. По мѣрѣ накопленія и расширенія въ различныхъ классахъ и слояхъ потребности мыслить, потребности въ печатномъ словѣ, по мѣрѣ увеличенія потребителей печатнаго слова, становится нужнѣе и нужнѣе писатель. Газета является уже насущной потребностью десятковъ и сотенъ тысячъ лицъ и, какъ предметъ ежедневной необходимости, можетъ быть запрещена только по особо важнымъ причинамъ. Мало-по-малу, произволъ личнаго вкуса, недоброжелательства или антипатіи отдѣльныхъ лицъ, имѣющихъ власть воздѣйствовать на цензуру и печать, побороается тѣмъ, что печать становится всѣмъ нужна и этимъ сильна, этой общей насущной потребностью общества защищена. Съ одной стороны—по мѣрѣ развитія просвѣщенія—является терпимость, масса идей входитъ въ обращеніе, теряетъ свою новость, ослабляется и та «раздражительность», которая раньше была причиной давленія «снизу

[1]) Ibid. T. IV. 443, 467, 485, 496.

вверхъ», самого общества на цензуру. Наконецъ, самое развитіе прессы, обиліе органовъ дѣлаетъ физически немыслимымъ то вчитываніе и вглядываніе въ каждую строку печатную, которое характеризовало старую цензуру. Такъ цензуровать теперь уже невозможно, потому что людей на это не хватитъ, бюджетъ цензурнаго вѣдомства не выдержитъ содержанія арміи чиновниковъ, корпящихъ надъ всякой буквой, словомъ, стихомъ, выраженіемъ. Однимъ словомъ, постепенно, но неуклонно разрастаясь, литература, печать становится органомъ общественнаго мышленія, необходимымъ для организма государства, и тѣмъ самымъ расширяетъ просторъ для своей плодотворной работы, увеличиваетъ предѣлы довѣрія къ себѣ. Но рядомъ съ этимъ естественнымъ, самой жизнью развиваемымъ процессомъ ограниченія цензуры возникающей литературою, конечно, должны быть и сознательныя мѣры правящихъ сферъ къ насажденію того святого блага, которое ведетъ къ общественной правдивости и честности и о которомъ съ такой проникновенной силой сказалъ поэтъ:

Ты чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя,
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведёшь—
Свободное слово!

ЦЕНЗУРА ВЪ ЭПОХУ ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ.

(1855—1875).

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Цензура «эпохи великихъ реформъ» (1855—1875).—Теоретическая разработка принципа терпимости.—«Передовыя» И. С. Аксакова.—«Цензура опасна для государства!»—Какъ это надо понимать?—Pia desideria.—Мы всѣхъ перещеголяемъ свободой.—Что же говорятъ факты?—«Ареопагитика».—Убить книгу то же, что убить человѣка.—1644 г. и 1868 г.—Поучительные уроки изъ исторіи западной цензуры.—Цензура и патріотизмъ.—Цензура и финансы.—Гоненія мысли въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ на Западѣ и послѣдствія ихъ.—Высшій надзоръ за «духомъ и направленіемъ» въ Россіи.—Карикатурно-печальные факты.—«Система» цензора Фрейганга.—Уничтоженіе «негласнаго» комитета 6 декабря 1855 г.—Исторія десятилѣтней подготовки закона о печати 6 апрѣля 1865 г.—«Лицомъ къ лицу съ закономъ».—«Газетная» и «Пѣсни о свободномъ словѣ» Некрасова.—Предусмотрительный гимнъ «осторожности».—«Валуевская» свобода печати.—Ея специфическія качества.—Сто семьдесятъ семь предостереженій.—Пятьдесятъ двѣ пріостановки.—Печать на судѣ «гласномъ, скоромъ и милостливомъ».—«Реакціи» 1858, 1862, 1868 и 1872 гг.—Общій набросокъ цензурной эволюціи разсматриваемыхъ двадцати лѣтъ.

I.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ мы останавливаемся преимущественно на эпохѣ съ 1855 по 1865 годъ—переходномъ времени смѣны двухъ системъ, и затѣмъ на 1865—1875 годахъ,—времени, когда введена была и укрѣплялась новая «карательная» система цензурнаго досмотра.

Это двадцатилѣтіе (1855—1875) и является «эпохой великихъ реформъ»: 20-го ноября 1857 года, 19-го февраля и 2-го марта 1861 г. — освобожденіе крестьянъ; 17-го апрѣля 1863 г.—отмѣна тѣлесныхъ наказаній; 18-го іюня 1863 г.—университетскій уставъ; 20-го ноября 1864 г. — судебные уставы; 7-го февраля 1865 г.—открытіе земскихъ учрежденій; 6-го апрѣля 1865 г.—уничтоженіе предварительной цензуры; 1870 г.—городовое положеніе; 1874 г.—уставъ о воинской повинности; 1875 г.—открытіе послѣднихъ земскихъ учрежденій. Всѣ реформы логически истекали изъ великаго акта 19-го февраля и севастопольскаго погрома. Такимъ образомъ наша работа дѣйствительно обнимаетъ цензуру «эпохи великихъ реформъ».

Реформы вносили въ народную жизнь идеи, которыми давно уже жили лучшіе умы русской литературы,—законности, гуманности, гласности, равноправности, личной свободы, самоуправленія. Эти идеи претворялись въ плоть и кровь, въ законы и учрежденія, становились творческими началами жизни общественной и народной. Насколько же широко могла войти въ жизнь тогда идея терпимости, гласности, свободы духа, слова, совѣсти?

Теоретическую разработку принципа терпимости въ эпоху реформъ находимъ прежде всего въ передовыхъ статьяхъ Ивана Сергѣевича Аксакова. Такъ, въ «Днѣ» отъ 12 мая 1862 года онъ писалъ: «Стѣсненіе печати гибельно для самого государства, въ видахъ собственнаго сохраненія должно предоставить

полнѣйшую свободу дѣятельности общественнаго сознанія, выражающейся преимущественно въ литературѣ... Если государство желаетъ жить, то должно соблюдать непремѣнныя условія жизни, внѣ которыхъ смерть и разрушеніе; условіе жизни государства есть жизнь общества; условіе жизни общества есть свобода слова, какъ орудія общественнаго сознанія. Поэтому цензура, какъ орудіе стѣсненія словъ, есть опасное (курсивъ подлинника) для государства учрежденіе, ибо, не будучи въ силахъ остановить дѣятельность мысли, сообщаетъ ея развитію характеръ раздраженнаго противодѣйствія и вноситъ въ область печатнаго слова начало лжи и лицемѣрія» [1]).

Чтобы правильно понять эти слова Аксакова, надо принять во вниманіе, что, говоря: «цензура есть учрежденіе, опасное для государства», онъ имѣлъ въ виду только цензуру «предупредительную», а отнюдь не «карательную», которую считалъ совершенно необходимой, ибо «свобода слова не есть свобода сквернословія».

«Если законодатель,—пишетъ ниже Аксаковъ,—относится къ свободѣ слова непріязненно, его законы будутъ имѣть характеръ притязательнаго контроля и не только не помогутъ общественному развитію, но нарушатъ миръ и правильность отправленій общественнаго организма и приведутъ общество и всю страну, по крайней мѣрѣ, къ упадку. Если же законодатель относится къ свободѣ вполнѣ сочувственно, и искренно желаетъ ея водворенія въ своемъ отечествѣ,—его законы напишутся въ духѣ покровительствованія свободѣ и дадутъ обществу надежную опору противъ злоупотребленій печати» [2]).

Итакъ, «свобода слова», несомнѣнно, понимается Аксаковымъ, какъ замѣна «предварительной» цензуры цензурою «карательною», въ духѣ французскаго законодательства Наполеона III-го, въ каковой онъ видитъ «опору противъ злоупо-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій. Томъ четвертый, 362.
[2]) Ibid., 365.

требленій печати». Въ самомъ дѣлѣ, въ передовой «Дня» отъ 19 мая 1862 года Аксаковъ пишетъ: «Прежде всего необходимымъ кажется намъ постановить твердое правило, которое и внести въ I томъ Св. зак., разд. 1, главу 1,—слѣдующаго содержанія: «Свобода печатнаго слова есть неотъемлемое право каждаго подданнаго Россійской имперіи, безъ различія званія и состоянія».

Аксаковъ затѣмъ проектируетъ «постановленія, утверждающія это право на незыблемомъ основаніи и въ то же время предохраняющія частныя лица и государство отъ злоупотребленій сего права,—постановленія, какъ полицейскія, такъ и судебныя».

Въ основу этихъ постановленій Аксаковъ желаетъ положить три слѣдующихъ принципа:

«Во-первыхъ, признавая за каждымъ безусловно право на свободу рѣчи изустной и печатной, мы полагаемъ необходимымъ, чтобы каждый несъ и отвѣтственность за свое слово такъ же, какъ онъ несетъ отвѣтственность и за всякое общественное дѣйствіе. Такое требованіе общественной честности должно быть неуклонно выполняемо».

«Во-вторыхъ, преступныя дѣйствія въ области публичнаго слова должны подлежать единственно вѣдѣнію (юрисдикціи) тѣхъ же судебныхъ учрежденій, которымъ подлежатъ и всякія другія преступныя дѣйствія».

«Въ-третьихъ, по самому свойству этихъ преступленій, принадлежащихъ преимущественно къ сферѣ нравственной и духовной, по невозможности съ точностью опредѣлить положительными законами все разнообразіе неправды и вреда, допускаемое дѣятельностью слова,—судъ надъ преступными дѣяніями въ предѣлахъ свободы слова немыслимъ безъ суда присяжныхъ» [1]).

При всей широтѣ воззрѣній Аксаковъ вовсе не желаетъ

---

[1]) Ibid., 366, 367 и 368.

«анархіи печати», а при всемъ своемъ славянофильствѣ не выходитъ изъ сферы либеральныхъ понятій французскаго, т. е. наполеоновскаго, законодательства объ «отвѣтственной» свободѣ слова.

Въ передовой «Дня» отъ 24 ноября 1862 года Аксаковъ приводитъ благородныя слова Хомякова: «Общественная критика необходима для самого общества, ибо безъ нея общество лишается сознанія, а правительство лишается всего общественнаго ума. Честное перо требуетъ свободы для своихъ честныхъ мнѣній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ. Когда по милости слишкомъ строгой цензуры вся словесность бываетъ наводнена выраженіемъ лести и явнаго лицемѣрія въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, честное слово молчитъ, чтобы не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ или не сдѣлаться предметомъ подозрѣнія по своей прямодушной рѣзкости; лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла, все поле дѣйствія предоставляется продажнымъ и низкимъ душамъ; душевный развратъ, явный или кое-какъ прикрытый, проникаетъ во всѣ произведенія словесности; умственная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ, и мало-помалу въ обществѣ растетъ то равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру, котораго достаточно, чтобъ отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія, за нимъ слѣдующія» [1]).

Въ передовой «Дня» отъ 23-го января 1863 года Аксаковъ писалъ:

«Естественный голосъ человѣческаго общества въ наше время есть печать. Стѣсненіе печати есть стѣсненіе жизни общественнаго разума, оно парализуетъ всѣ духовныя отправленія общества, осуждаетъ всѣ его дѣйствія на безсиліе, удерживаетъ общество въ вѣчной незрѣлости, обрекаетъ мертворожденности всѣ исчадія его духовной производительности».

«Никакія самоуправленія, никакія реформы, никакіе благо-

---

[1]) Ibid., 389.

дѣтельные законы не только не принесутъ добра, но даже и не привьются къ общественной жизни, если общество будетъ лишено существенныхъ условій жизни—свободы мысли и слова. Поэтому во всякой странѣ общество остается совершенно безучастнымъ ко всѣмъ либеральнымъ нововведеніямъ, встрѣчаетъ ихъ съ убійственнымъ равнодушіемъ, пока продолжаетъ чувствовать, ощущать и слышать свою мысль и слово придавленными, угнетенными и скованными».

«Возможно ли, чтобъ оно повѣрило въ свою гражданскую и политическую свободу, когда оно не свободно въ мысли и словѣ?»

«Мы полагаемъ, что именно въ Россіи, именно при ея формѣ правленія, можетъ и должна существовать такая свобода печати, какая немыслима во Франціи и въ другихъ государствахъ Европейскаго материка».

«Свободное мнѣніе въ Россіи есть надежнѣйшая опора свободной власти, ибо въ союзѣ этихъ двухъ свободъ заключается обоюдная крѣпость земли и государства. Всякое стѣсненіе области духа внѣшнею властью, всякое ограниченіе свободы нравственнаго развитія подрываетъ нравственныя основы государства, нарушаетъ взаимное довѣріе и то равновѣсіе, ту взаимную равномѣрность обѣихъ силъ, которыхъ дружное, согласное дѣйствіе составляетъ необходимое условіе благого и правильнаго хода русской народной и государственной жизни»[1]).

Эти, проникнутыя идеализмомъ, утвержденія Аксакова фактами не оправданы. Реформы, въ противность его предсказаніямъ, прочно привились, несмотря на то, что главнѣйшія изъ нихъ (крестьянская, судебная и земская) проводились подъ гнетомъ предварительной цензуры всѣхъ заинтересованныхъ сановниковъ и вѣдомствъ. «Немыслимая» во Франціи и въ другихъ государствахъ Европы степень «свободы печати» свелась на дѣлѣ къ весьма своеобразной формѣ «карательной» цензуры,

---

[1]) Ibid., стр. 400 и 401.

дѣйствующей не путемъ гласныхъ преслѣдованій въ судѣ съ присяжными, а помощью угрожающихъ предостереженій, пріостановокъ и конфиденціально сообщаемыхъ органамъ печати къ обязательному исполненію циркуляровъ. Въ сущности, это смѣсь двухъ системъ—«предупредительной»(обязательные циркуляры) и «карательной» (предостереженія и пріостановки).

II.

Въ журналѣ Тиблена «Современное Обозрѣніе» на 1868 годъ былъ напечатанъ переводъ рѣчи Мильтона о свободѣ печати, обращенной къ англійскому парламенту, въ 1644 году, знаменитой «Ареопагитики». Къ переводу присовокуплено слѣдующее характерное «примѣчаніе» редакціи:

«Появленіе статьи Мильтона на страницахъ періодическаго изданія настоящаго времени можетъ показаться нѣсколько страннымъ; но предметъ ея принадлежитъ къ разряду тѣхъ, о которыхъ «Современное Обозрѣніе» считаетъ покуда по многимъ причинамъ гораздо болѣе удобнымъ и полезнымъ говорить устами классическихъ и иностранныхъ писателей, нежели писателей отечественныхъ».

Мильтонъ разсматриваетъ законъ о предварительной цензурѣ книгъ. «Такое постановленіе,—говоритъ онъ,—неизбѣжно отниметъ смѣлость у всѣхъ, кто занимается наукой, и воспрепятствуетъ распространенію истины, не только притупляя наши дарованія и лишая ихъ возможности совершенствоваться въ извѣстныхъ уже намъ областяхъ науки, но и непосредственно пріостанавливая открытія, которыя могли бы быть сдѣланы на поприщѣ религіознаго и свѣтскаго знанія»[1]).

«Книги не могутъ быть вполнѣ причислены къ неодушевленнымъ вещамъ: онѣ содержатъ въ себѣ жизненную силу, которая въ нихъ такъ же проявляется и дѣйствуетъ, какъ та

---

[1]) Іюнь 1868 г., 526.

душа, которая создала ихъ; даже еще болѣе—въ нихъ, какъ въ сосудѣ, заключается чистѣйшее начало, экстрактъ произведшаго ихъ живого разума... Убить хорошую книгу—то же, что убить хорошаго человѣка; тотъ, кто убиваетъ человѣка, убиваетъ разумное созданіе, подобіе Божіе; но тотъ, кто уничтожаетъ хорошую книгу, убиваетъ самый разумъ, дѣйствительное, истинное подобіе Божіе».

«Хорошая книга есть жизненный сокъ высокаго разума, который, набальзамированный и сохраняемый, могъ бы служить для цѣлаго ряда поколѣній... Часто всевозможныя превращенія въ теченіе цѣлыхъ эпохъ не возвращаютъ уничтоженной истины, недостатокъ которой заставляетъ цѣлые народы испытывать много непріятнаго... Тутъ уничтожается вполнѣ созрѣвшая человѣческая жизнь, обнаруживающаяся и неизмѣнно хранящаяся въ книгѣ. И здѣсь можетъ имѣть мѣсто не только убійство, но и мучительство; а если это гоненіе простирается на всю печать, тутъ уже явится поголовное избіеніе, въ которомъ отнимается не только земная жизнь, но гибнетъ квинтъ-эссенція, духъ самаго разума: однимъ словомъ—здѣсь убивается скорѣе безсмертіе, чѣмъ жизнь.

«Книжная цензура порождена самымъ противохристіанскимъ учрежденіемъ — инквизиціей, наиболѣе тираническимъ изъ всѣхъ судилищъ, которыя когда либо существовали. До тѣхъ поръ книги могли такъ же свободно появляться, какъ и все рожденное на свѣтѣ; произведеніе мозга такъ же не стѣснялось, какъ и произведеніе чрева».

Свою геніальную рѣчь вѣщій пѣвецъ «Потеряннаго Рая» заключаетъ такими глубокими словами:

«Истина нѣкогда явилась въ міръ со своимъ Божественнымъ Учителемъ и представляла тогда совершенную и прекрасную форму; но когда Онъ вознесся на небо, а апостолы Его предались покою, тогда явилось поколѣніе злоумышленныхъ обманщиковъ, которые изрубили прекрасное тѣло дѣвственной истины на тысячу частей и развѣяли ее по всѣмъ вѣтрамъ. Съ

этого времени несчастные друзья ея ходятъ повсюду и собираютъ членъ за членомъ вездѣ, гдѣ только могутъ найти ихъ. Мы отыскали еще далеко не всѣ члены ея и не увидимъ ихъ въ полной совокупности, пока во второй разъ не придетъ къ намъ Господь нашъ. Онъ сложитъ ихъ въ безсмертную форму красоты и совершенства. Не позволяйте же этимъ цензурнымъ уставамъ искать всякаго случая останавливать и тревожить тѣхъ, кто не перестаетъ отыскивать изрубленное на части тѣло нашего мученика... Лорды и общины Англіи! взгляните внимательнѣе на тотъ народъ, къ которому вы принадлежите, и которымъ вы управляете: это — нація съ умомъ не лѣнивымъ и не тупымъ, а живымъ, острымъ и проницательнымъ; она искусна въ изобрѣтеніи, прилежна и сильна въ изслѣдованіи и не лишена возможности достигать высшихъ точекъ, до которыхъ доходятъ способности человѣка... Но важнѣе всего то, что мы имѣемъ полное основаніе полагать, что Господь особенно и видимо благоволитъ къ намъ. Развѣ тотъ народъ не избранъ предъ всѣми другими, если изъ среды его, какъ изъ Сіона, по всей Европѣ гремитъ и разносится трубный звукъ реформаціи? И естьбы не упорное сопротивленіе нашихъ прелатовъ дивному и божественному уму Виклефа и стремленіе подавить его, какъ еретика и новатора, быть можетъ, ни богемцы Гуссъ и Іеронимъ, ни даже Лютеръ и Кальвинъ никогда бы не были извѣстны: слава религіозной реформы для всѣхъ нашихъ сосѣдей принадлежала бы исключительно намъ. Но благодаря закоснѣлости нашего духовенства, съ насиліемъ и жестокостью относившагося къ этому дѣлу, мы стали отсталыми учениками въ этомъ дѣлѣ, тогда какъ Богъ назначилъ насъ быть учителями... Взгляните на этотъ обширный городъ, убѣжище гонимыхъ и жилище свободы! Не молотками и наковальнями вырабатываются здѣсь орудія защиты истины, осажденной врагами; этими орудіями служатъ перья и умы тѣхъ, которые сидятъ по ночамъ, при свѣтѣ своихъ труженическихъ лампадъ, обдумывая, изслѣдуя, вырабатывая новыя убѣжденія и идеи, которыми они

привѣтствуютъ приближающуюся реформацію... Умственнымъ очамъ моимъ является доблестная и могущественная нація, просыпающаяся бодрой и свѣжей отъ сна, подобно сильному человѣку, разомъ вставшему и тряхнувшими кудрями!»

Этотъ образъ націи, просыпающейся отъ сна, употребленный Мильтономъ въ 1644 году, конечно, прилагался русскими читателями 1868 года къ Россіи.

III.

Однако, несмотря на заявленіе «Современнаго Обозрѣнія», что по вопросу о свободѣ печати «отечественнымъ писателямъ» выступать не совсѣмъ-то удобно, въ 1869 году вышла книга подъ заглавіемъ: «Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати». Эта замѣчательная книга въ слѣдующемъ же 1870 году вышла вторымъ изданіемъ. Авторъ примѣрами изъ исторіи западной цензуры доказывалъ всю эфемерность борьбы съ духомъ времени и растущею мыслью.

Свобода рѣчи не можетъ ускорить распространенія политическихъ идей, а стѣсненіе рѣчи не можетъ его замедлить; все, что можетъ сдѣлать свобода, состоитъ въ томъ, что она распространяетъ идеи въ болѣе зрѣломъ видѣ, при стѣсненіи же онѣ принимаютъ характеръ непрактическихъ восторженныхъ мечтаній, и развитіе государства дѣлается болѣзненнымъ и сопровождается потрясеніями. Стѣсненіе рѣчи порождаетъ въ народѣ страсть къ заносчивой политикѣ и въ то же время совершенную неспособность приноситъ жертвы, необходимыя не только для заносчивой, но даже для самой умѣренной политики; упадокъ патріотизма въ народѣ прямо пропорціоналенъ степени стѣсненія слова. Между различными классами общества стѣсненіе слова порождаетъ чувства не примиримыя и не совмѣстимыя, а потому безвыходную вражду.

Точно также свобода слова—единственное средство для уничтоженія религіозной и національной вражды.

Въ теченіе XVII вѣка въ Англіи воздвигалось самое грубое гоненіе противъ свободнаго выраженія своихъ чувствъ и мыслей, и Англія была мѣстомъ постоянныхъ заговоровъ и открытыхъ возстаній. Карлъ I погубилъ себя. Кромвель могъ отсрочить революцію только до своей смерти, а Іаковъ II долженъ былъ позорно бѣжать изъ страны. Франція въ теченіе всего XVIII-го вѣка продолжала преслѣдовать всякое свободное проявленіе слова и чувства до тѣхъ поръ, пока надъ нею не разразились громы революціи.

Одно изъ поразительнѣйшихъ доказательствъ непреоборимости мысли—крушеніе системы Меттерниха.

Меттернихъ могъ видѣть, какъ вездѣ, гдѣ господствовало нетерпимое управленіе, начинался процессъ разложенія. Испанія и Португалія потеряли лучшія свои владѣнія и лишились большей части государственной территоріи. Несмотря на самое безжалостное преслѣдованіе свободы слова, въ народѣ распространялись самые нелѣпые и утопическіе взгляды. Для распространенія основательныхъ идей нужно свободное разъясненіе, а для распространенія мечтаній достаточно одной готовности воспринимать ихъ.

Въ концѣ XVIII-го столѣтія мадьярскій языкъ почти вымеръ. Языкъ этотъ ожилъ, распространился, создалъ изъ венгерцевъ объединенную, крѣпкую національность, которою они никогда не были до того времени, и все это въ то время, когда Меттернихъ дѣлалъ всѣ усилія для германизаціи венгерцевъ.

Замѣчательно, что Меттернихъ ясно видѣлъ невозможность успѣха своей системы и былъ убѣжденъ въ неизбѣжности неуспѣха. Во время управленія Меттерниха, несмотря на цензуру и на всѣ мѣры для уменьшенія политическаго развитія, политическія идеи продолжали распространяться.

IV.

Свобода слова заставляетъ народъ серьезно смотрѣть на свою жизнь, порождаетъ въ немъ мужество и патріотизмъ. Стѣсненіе слова порождаетъ политическую мечтательность, разливаетъ въ народѣ нравственную дряблость и умственную лѣнь, лишаетъ его мужества и ослабляетъ патріотизмъ. Меттернихъ хотѣлъ помѣшать появленію новыхъ политическихъ идей и чувствъ и сохранить уже существующія на неопредѣленное время. Исторія показываетъ намъ, однако же, что еслибы ему и всѣмъ тѣмъ государственнымъ людямъ, которые раздѣляли его мнѣнія, могло удасться достигнуть этой цѣли, то они непремѣнно погубили бы свои государства.

Свобода рѣчи не только не имѣетъ способности порождать внезапные государственные и соціальные перевороты, но, напротивъ, она ихъ дѣлаетъ невозможными. Еслибы у насъ въ сороковыхъ годахъ существовала свобода рѣчи, неужели возможна была бы севастопольская катастрофа, неужели могло бы случиться, чтобы наша армія столкнулась лицомъ къ лицу съ могущественнымъ непріятелемъ безъ надлежащаго оружія и безъ достаточнаго числа способныхъ офицеровъ? Еслибы возможно было энергически нападать на дѣйствія бывшаго тогда военнаго министра, то развѣ могла бы у насъ такъ долго держаться мысль, что хорошее вооруженіе негодно для нашего войска, и что ему суждено одерживать побѣды и при плохомъ оружіи? Жалкая мысль, въ которой намъ такъ горько пришлось раскаиваться[1]).

Во всѣхъ государствахъ, гдѣ правительство имѣло слабость

---

[1]) «Мы не два года ведемъ войну — мы вели ее тридцать лѣтъ, содержа милліонъ войскъ и безпрестанно грозя Европѣ. Къ чему все это? Какія выгоды и какую славу пріобрѣла отъ того Россія?» 27 августа 1855 года. Дневникъ Никитенка. Томъ второй. Спб. 1893. Стр. 17.

зажимать ротъ непріятнымъ голосамъ, мы видимъ одинаково повторяющійся фактъ. Высшія сословія тамъ одинаково не понимали, что заносчивая внѣшняя политика требуетъ большихъ жертвъ, что для того, чтобы гордо выступать на международномъ поприщѣ, нужно много платить, и что поэтому гораздо выгоднѣе и достойнѣе великаго народа держать себя скромнѣе. Они постоянно настаивали на самой заносчивой политикѣ. Поэтому всѣ подобныя государства приходили къ банкротству, повторяющемуся разъ за разомъ, и къ совершенному разоренію народа. Недостатокъ денегъ и разстроенные финансы были всюду причиной, вынуждавшей къ изданію конституцій. Исторія Австріи, напримѣръ, есть исторія самой заносчивой и въ то же время самой жалкой политики. Прославившаяся въ исторіи система постоянныхъ банкротствъ и обмановъ своихъ кредиторовъ кончилась тѣмъ, что въ австрійскомъ бюджетѣ, въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1848 по 1858 годъ, оказался дефицитъ въ 1.181 милліоновъ флориновъ. Напротивъ, государства Европы, даже тогда, когда они только до извѣстной степени расширяли свободу рѣчи, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда поправляли и свои финансы. Свобода слова не способна порождать крутые переломы и необыкновенно быстрые переходы, — къ этому способны только государства съ стѣсненнымъ словомъ. Въ странахъ съ свободнымъ словомъ иногда даже поразительно долго держатся устарѣлыя учрежденія.

Въ государствахъ, гдѣ общество не находится подъ вліяніемъ свободнаго и самостоятельнаго движенія мысли, мы видимъ въ населеніи рядомъ съ крайней политическою заносчивостью крайнее легкомысліе. Первый характеристическій признакъ человѣка, воспитаннаго въ странѣ, гдѣ отсутствуетъ свобода рѣчи, состоитъ въ томъ, что онъ не понимаетъ, какъ нужно поступать, чтобы избѣгать отношенія безвыходной вражды [1]).

---

[1]) Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати. Изданіе второе. Спб. 1870, стр. 11, 15, 19, 20, 40, 41, 46.

Въ Англіи производилось несравненно менѣе соціальныхъ реформъ, чѣмъ на материкѣ Европы, и реформы эти были несравненно менѣе радикальны. Министерства въ теченіе длинныхъ періодовъ времени занимались почти исключительно внѣшней политикой. По отношенію къ внутреннимъ дѣламъ соціальные вопросы обращали на себя несравненно болѣе вниманія, чѣмъ политическіе. Ни одинъ изъ журналовъ, распространенныхъ во всѣхъ слояхъ общества, не чуждался ихъ, и половина занималась ими исключительно. Тамъ, гдѣ господствуютъ газеты и періодическія изданія, при полной свободѣ высказываться по самымъ существеннымъ интересамъ, образъ мысли людей принимаетъ несравненно болѣе однообразныя формы. Руководящія статьи газетъ одного направленія поютъ въ одну ноту и ихъ читатели пріучаются думать точно такъ же. Это единообразіе придаетъ силу народнымъ убѣжденіямъ. Наканунѣ 1848 г. Луи-Филиппъ писалъ королю бельгійскому, что если онъ не обуздаетъ прессы и не подавитъ радикально народнаго движенія въ странѣ, то онъ погубитъ себя и свое королевство, но король бельгійскій и не думалъ слѣдовать такому совѣту,—движеніе разрослось, и руководители его получили власть конституціоннымъ путемъ; оказалось, что охотникъ до подавленія прессы и народныхъ движеній, Луи-Филиппъ, лишился престола, а король бельгійскій безмятежно царствовалъ въ то время, когда надъ всей Европой разразилась буря.

Разсматривая исторію, приходимъ къ выводу, что всего болѣе пострадали не тѣ страны, гдѣ духъ нетерпимости боролся совершенно безуспѣшно, и не тѣ, гдѣ послѣ кровавой борьбы онъ долженъ былъ болѣе или менѣе уступить, а тѣ, гдѣ онъ царилъ спокойно и безраздѣльно, гордый своимъ могуществомъ. Такъ, отъ движенія 1848 года всего болѣе пострадали не тѣ страны, гдѣ были возстанія и революціи, а тѣ, гдѣ стѣсненіе народной мысли и народныхъ стремленій было вполнѣ успѣшно, и страны оставались спокойными. Германія въ теченіе XVI и XVII вв. покрывалась грудами кровавыхъ развалинъ; она оди-

чала и опустѣла, и, несмотря на эту ужасную борьбу, только половина ея населенія осталась въ католичествѣ. Въ окончательномъ же результатѣ, кромѣ Англіи, отъ религіозныхъ гоненій всего менѣе пострадала Германія. Самыя ужасныя послѣдствія сосредоточились на Испаніи, гдѣ нетерпимость царила безраздѣльно. Въ XV вѣкѣ Пиренейскій полуостровъ былъ гораздо богаче и населеннѣе Франціи; въ теченіе XVI и XVII вв. его населеніе уменьшилось на двѣ трети и страна пришла въ такое ужасное положеніе, что въ теченіе XVIII и XIX вв. не могла даже достигнуть той густоты населенія, которою она пользовалась прежде. Въ свою очередь Франція до реформаціи была гуще населена чѣмъ Англія, ея промышленность была гораздо болѣе развита и работники ея были гораздо искуснѣе. Послѣ двухъ вѣковъ религіозной борьбы первенство на промышленномъ рынкѣ перешло на сторону Англіи. Нетерпимость погубила Польшу. Національная и религіозная ненависть —это извращеніе чувствъ и верхъ нелѣпости, это плодъ грубаго эгоизма немногихъ, которые пользуются слабостями народовъ. Есть одно средство для излѣченія отъ этой болѣзни — это свобода рѣчи. Вездѣ, гдѣ водворяется свобода рѣчи, религіозная и національная вражда блекнетъ и исчезаетъ. Только одно свободное слово способно доводить до терпимости и внутренняго мира государства съ населеніемъ, принадлежащимъ къ различнымъ національностямъ и къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ. Степень нетерпимости, натянутыхъ отношеній внутри государства и неизбѣжнаго послѣдствія всего этого — внѣшней слабости, прямо соотвѣтствуетъ стѣсненію свободы рѣчи. Великіе уроки исторіи научаютъ народы понимать, что противъ религіозной и національной вражды свобода рѣчи—единственное и радикальное средство. Національная и религіозная вражда—чувства такія ложныя, безцѣльныя и безусловно зловредныя, что они не могутъ не пасть отъ дуновенія свѣжей струи свободнаго слова. Свобода слова не въ состояніи создать идеальнаго счастья и разомъ перенести страну въ среду совершенныхъ политическихъ

и соціальныхъ учрежденій, но она увеличиваетъ внѣшнюю ея безопасность, даетъ ей спокойное и правильное внутреннее развитіе, поднимаетъ упавшіе финансы страны, развиваетъ патріотизмъ, смягчая и уничтожая междусословную, національную и религіозную вражду, возноситъ авторитетъ верховной власти и государственныхъ началъ. Сверхъ того, свобода слова весьма полезна, а иногда неизбѣжна для правильнаго дѣйствія и усовершенствованія различныхъ учрежденій. При внесеніи свободнаго слова и гласности въ самые странные и устарѣлые институты и учрежденія, они получаютъ способность еще долго держаться. Ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что гласное и устное судопроизводство во всѣхъ случахъ есть благодѣяніе. Судопроизводство это приноситъ мало пользы и составляетъ судъ весьма несовершенный вездѣ, гдѣ дѣятельность судей не находится подъ контролемъ общественнаго мнѣнія или потому, что печать стѣснена, или потому, что не вездѣ, гдѣ производится судъ, имѣются мѣстные органы печати, защищающіе интересы различныхъ партій. Точно также, при отсутствіи свободной прессы, выборы и представительныя собранія почти утрачиваютъ свое значеніе[1]).

V.

Таковы тѣ идеалы терпимости и гласности, которыми проникнуты были въ эпоху великихъ реформъ передовые люди Россіи. Если мы просмотримъ журнальныя и газетныя статьи этого времени по вопросу о преобразованіи цензуры, то увидимъ, что требованія отъ практическаго осуществленія этихъ идеаловъ были весьма умѣренны[2]).

---

[1]) Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати. Стр. 49, 51, 53, 61, 64, 66, 69, 73 и 74.

[2]) Укажемъ здѣсь библіографію вопроса. Журнальныя статьи: «Библіотека для Чтенія», 1862 г., № 3, т. CLXX, 83—99; 1863 г., № 2, т. CLXXV, 69—92. «Отечественныя Записки», 1862 г.

Трудно было требовать многаго, когда малѣйшій просвѣтъ свободы мысли достигался долгими чрезвычайными усиліями, такъ грандіозны были толщи мыслебоязни и нетерпимости.

Вскорѣ уже послѣ введенія въ дѣйствіе цензурнаго устава 1828 года, а именно, въ 1831 году, возникли особыя недоразумѣнія. Ихъ разсматривали Васильчиковъ, Нессельроде, Дашковъ и Бенкендорфъ. Лица сіи во всеподданнѣйшей запискѣ изъяснили, что недоразумѣнія должно отнести «къ недостатку въ главномъ управленіи цензуры свѣдѣній о настоящемъ расположеніи умовъ и о соотношеніяхъ между обстоятельствами времени и стремленіемъ людей неблагонамѣренныхъ».

Въ 1848 году «цензоры объясняютъ, что еслибы правительству извѣстны были всѣ сочиненія или мѣста въ статьяхъ, которыя ими воспрещены къ печатанію, то оно, усмотрѣвъ, сколько вредныхъ книгъ и мыслей остановлено, отдало бы еще похвалу усердію и предусмотрительности цензоровъ».

«Объясненія сіи показываютъ, говоритъ секретное циркулярное распоряженіе министра народнаго просвѣщенія отъ 14-го мая 1848 года, что дѣйствіе цензоровъ ограничивается единственно тѣмъ, что они возвращаютъ писателямъ преступныя

№ 4 и 7, 204—207; 1—15; № 8, CXLIII, 384—415. «Современникъ», 1862 г., № 3, 59—65; 1865 г., № 8, 174—197. «Вѣстникъ Европы». 1869 г., № 4 и 6, т. 2-й и 3-й, 794—811; 732—790. «Русское Слово», 1865 г., № 5. «Русскій Вѣстникъ», 1860 г., № 1 и 2, т. XXV, 111—122. «Библіографъ», 1869 г., т. I, № 2 и 3. Газетныя статьи: «Голосъ», 1865 г., №№ 105, 106, 244 и 300; 1866 г., №№ 22 и 23; 47—49; 65 и 72; 87; 91; 107; 138; 156; 169; 1867 г., №№ 32 и 33; 48; 172 и 203; 241; 354 и 357; 1869 г., № 306 и 309; 336; 245. «Биржевыя Вѣдомости», 1865 г., №№ 93, 190, 280; 1870 г., № 271. «Московскія Вѣдомости», 1862 г., №№ 89 и 90; 1865 г., №№ 44, 65, 276, 281; 1868 г., № 170; 1869 г., № 216, 202, 270. «Сѣверная Почта», 1865 г., №№ 81—87; 189—190; 1867 г., №№ 279 и 280. «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1865 г., № 229, 254; 1866 г., №№ 12, 129, 158; 1869 г., №№ 104 и 105; 299. «Судебный Вѣстникъ», 1866 г., №№ 41 и 36; 1860 г., №№ 247 и 249.

сочиненія, или уничтожаютъ въ нихъ нѣкоторыя мѣста, а сами писатели остаются не только безъ взысканія, но даже въ неизвѣстности правительству, тогда какъ многіе изъ нихъ въ сочиненіяхъ своихъ обнаруживаютъ самый вредный образъ мыслей».

«Государь императоръ высочайше повелѣть изволилъ, дабы тѣ изъ воспрещаемыхъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ въ писателѣ особенно вредное въ политическомъ или нравственномъ отношеніи направленіе, были представляемы отъ цензоровъ негласнымъ образомъ въ III Отдѣленіе съ тѣмъ, чтобы послѣднее, смотря по обстоятельствамъ, или принимало мѣры къ предупрежденію вреда, могущаго происходить отъ такого писателя, или учреждало за нимъ наблюденіе» [1]).

Встревоженный революціоннымъ движеніемъ на Западѣ въ 1848 году, Николай Павловичъ, по докладу графа Орлова, приказалъ составить особый комитетъ, чтобы, гдѣ найдетъ какія упущенія журналовъ, цензуры и министерства народнаго просвѣщенія, «съ доказательствами донести».

Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ князя Меньшикова, обозрѣлъ всѣ тогдашніе журналы и представилъ замѣчанія свои о направленіи и духѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Тогда-то былъ 2-го апрѣля 1848 года учрежденъ постоянный негласный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, для высшаго надзора. Комитетъ этотъ, кромѣ предсѣдателя, состоялъ изъ трехъ членовъ, семи помощниковъ ихъ и правителя дѣлъ.

Въ основаніе обязанностей комитета положены были слѣдующія главныя начала:

1) Цѣль комитета есть высшій въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ надзоръ за духомъ и направленіемъ нашего книгопечатанія.

---

[1]) Записка о цензурѣ коллежскаго ассесора Фукса. 1862 г., приложеніе Г., стр. 71 и 72.

2) Комитетъ, не касаясь предварительной цензуры, разсматриваетъ единственно то, что уже вышло въ печать, и о всѣхъ наблюденіяхъ и замѣчаніяхъ своихъ доводитъ до высочайшаго свѣдѣнія.

3) Какъ установленіе неофиціальное, комитетъ не имѣетъ самъ по себѣ никакой власти и всѣ его заключенія вступаютъ въ силу лишь чрезъ высочайшее ихъ утвержденіе.

Въ дополненіе къ сему, государь императоръ, лично передавая членамъ комитета волю свою, между прочимъ объяснилъ, «что какъ его величеству нельзя самому читать всего выходящаго у насъ въ печать, то они, члены, будутъ его глазами, пока это дѣло иначе устроится» [1]).

VI.

Однако скоро изъята была изъ круга дѣйствій комитета вся духовная литература, потомъ всѣ сочиненія на восточныхъ и еврейскомъ языкахъ. Потомъ повелѣно: единогласныя заключенія комитета приводить въ дѣйствіе собственною его властью. Потомъ былъ учрежденъ особый комитетъ для разсматриванія заключеній Бутурлинскаго. Въ 1854 году, въ число членовъ комитета назначенъ и министръ народнаго просвѣщенія. Послѣдняя мѣра объясняется невыносимымъ положеніемъ несчастнаго министра Ширинскаго-Шихматова.

«Министерство (просвѣщенія) оказалось, такъ сказать, ущемленнымъ между негласнымъ архи-цензурнымъ комитетомъ 2-го апрѣля и между комитетомъ для пересмотра постановленій послѣдняго, подъ предсѣдательствомъ Блудова. Подъ министерство подкапываются со всѣхъ сторонъ. Оно сдѣлалось какою-то сомнительною отраслью государственнаго управленія, а пред-

---

[1]) Проектъ устава о книгопечатаніи. Спб. 1862. Раздѣлъ первый. Историческій обзоръ цензурныхъ установленій въ Россіи. Стр. 49.

ставитель его, министръ, скорѣе отвѣтное лицо передъ допросомъ, чѣмъ государственный чиновникъ» [1]).

Въ то же время расплодилось свыше двадцати различныхъ спеціальныхъ цензуръ всевозможныхъ вѣдомствъ. Мы видимъ здѣсь съ одной стороны цензуру «предупредительную»—цензурный комитетъ и цензуры вѣдомствъ, чрезъ которыя проходила всякая написанная строка. При этомъ кара постигала только пропустившаго «неблагонамѣренную» статью цензора:

Авторъ правъ, чего смотрѣлъ цензоръ!

Съ другой—учреждена и «карательная цензура». Во-первыхъ, каждому цензору предоставлено право покарать любого автора, возмутившаго его доставленной рукописью. Писатели, проявившіе особо вредное направленіе въ своихъ рукописяхъ, могли быть «представляемы отъ цензоровъ» въ III-е Отдѣленіе. Во-вторыхъ, учреждена была «карательная» цензура въ видѣ «негласнаго комитета» надъ печатными, пропущенными чрезъ всѣ виды и разновидности цензуры «предварительной», книгами и журналами.

Обѣ системы дѣйствовали одновременно.

Что же изъ этого получилось?

«Общество быстро погружается въ варварство, писалъ очевидецъ. Спасай, кто можетъ, свою душу» [2]).

«Въ Европѣ напроказятъ, а русскихъ бьютъ по спинѣ» [3]).

«Общество должно обновиться въ свѣжихъ и свѣтлыхъ вѣрованіяхъ, иначе развратъ пожретъ его» [4]).

Никитенко характеризуетъ цѣлымъ рядомъ каррикатурныхъ фактовъ дѣятельность «негласнаго» комитета:

«Получена отъ министра конфиденціальная бумага, по за-

---

[1]) 5-го мая 1853 г. Записки Никитенка, I, 552.

[2]) 28-го марта 1850 г. Записки Никитенка, I, 519.

[3]) 11-го апрѣля 1850 г. Записки Никитенка, I, 519.

[4]) 24-го февраля 1852 г. Записки Никитенка, I, 529.

просу верховнаго или, какъ его называютъ, негласнаго комитета, слѣдующаго содержанія: «Вышла гадальная книга. Отъ цензурнаго комитета требуютъ, чтобы онъ донесъ, кто авторъ этой книги и почему этотъ авторъ думаетъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на судьбу людей?» На это комитетъ отвѣчалъ, что «книгу эту напечаталъ новымъ, вѣроятно, сотымъ изданіемъ какой-то книгопродавецъ, а почему онъ думаетъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на судьбу людей,—комитету это неизвѣстно».

«Кажется, наша литература,—прибавляетъ Никитенко,—въ послѣднее время ужъ очень скромна, такъ скромна, что люди образованные, начавшіе было почитывать по-русски, теперь опять вынуждены обращаться къ иностраннымъ, особенно французскимъ книгамъ. Однако Анненковъ (смѣнившій Бутурлина) въ какихъ-то книжкахъ и журнальныхъ статьяхъ набралъ шестнадцать обвинительныхъ пунктовъ противъ нея, разумѣется, все изъ отдѣльныхъ фразъ, и приготовилъ докладъ. М. А. Корфъ успѣлъ доказать нелѣпость этихъ придирокъ, но принужденъ былъ уступить въ двухъ пунктахъ. Корфъ говорилъ своему брату, что все, что дѣлаеття въ негласномъ комитетѣ, приводитъ его въ омерзѣніе, и что онъ давно бѣжалъ бы оттуда, еслибъ не надежда иногда что-нибудь устроить въ пользу преслѣдуемыхъ» [1]).

«Графъ А. С. Уваровъ разсказывалъ мнѣ на-дняхъ, какъ онъ боролся съ цензурою при печатаніи своей книги, недавно вышедшей: «О греческихъ древностяхъ, открытыхъ въ южной Россіи». Надо было, между прочимъ, перевести на русскій языкъ нѣсколько греческихъ надписей. Встрѣтилось слово: демосъ—народъ. Цензоръ никакъ не соглашался пропустить это слово и замѣнилъ его словомъ: граждане. Автору стоило большого труда убѣдить его, что это былъ бы не переводъ, а искаженіе подлинника. Еще цензоръ не позволялъ говорить о римскихъ

---

[1]) 18-го марта 1850 г. Записки Никитенка, I, 517 и 518.

императорахъ убитыхъ, что они убиты, а велѣлъ писать: погибли» и т. д. [1]).

Въ Парижѣ выдумали какой-то танецъ и назвали «мазепой». Въ фельетонѣ «Академическихъ Вѣдомостей» объ этомъ сказано нѣсколько словъ, съ замѣчаніемъ, что этотъ танецъ, вѣроятно, распространится вездѣ. Министру показалось, что тутъ скрывается насмѣшка надъ Россіей. Онъ позвалъ къ себѣ бѣднаго Очкина и сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ, съ угрозой отдать его подъ судъ [2]).

VII.

Хотя самъ Никитенко былъ и профессоръ, и цензоръ, однако не менѣе бывшаго министра народнаго просвѣщенія, классика Уварова, терпѣлъ отъ цензуры.

«Былъ вчера у цензора Фрейганга съ моей статьей о Жуковскомъ... Онъ замѣтилъ... два слова: «движеніе умовъ». Отъ Фрейганга я услышалъ дивныя вещи о цензурѣ: о томъ, какъ Елагинъ не пропускалъ въ физикѣ выраженія: «силы природы»; о шпіонствѣ разныхъ прислужниковъ, о тысячѣ притѣсненій... Фрейгангъ въ мое время считался однимъ изъ самыхъ мнительныхъ цензоровъ, теперь же слыветъ за самаго снисходительнаго» [3]).

«Я почти не спорилъ, сознавая, что иначе и нельзя по той системѣ, которой держатся нынѣ благоразумнѣйшіе цензора, въ родѣ Фрейганга. Объ остальныхъ и говорить нечего: тѣ не держатся никакой системы и слѣдуютъ только внушеніямъ страха. Система же первыхъ въ томъ, чтобы угадывать, какъ могутъ истолковать данную статью враги литературы и просвѣщенія. Фрейгангъ откровенно мнѣ въ томъ сознался» [4]).

---

[1]) 11-го января 1852 г. Записки Никитенка. Томъ первый, Стр. 524.

[2]) 16-го февраля 1852 г. Дневникъ Никитенка, I, 526.

[3]) 27-го ноября 1852 г. Дневникъ Никитенка, I, 537.

[4]) 22-го декабря 1852 г. Дневникъ Никитенка, I, 539.

«Дѣйствія цензуры превосходятъ всякое вѣроятіе. Чего этимъ хотятъ достигнуть? Остановить дѣятельность мысли? Но вѣдь это все равно, что велѣть рѣкѣ плыть обратно. Вотъ изъ тысячи фактовъ нѣкоторые самые свѣжіе. Цензоръ Ахматовъ остановилъ печатаніе одной ариѳметики, потому что между цифрами какой-то задачи тамъ помѣщенъ рядъ точекъ. Онъ подозрѣваетъ здѣсь какой-то умыселъ составителя ариѳметики. Цензоръ Елагинъ не пропустилъ въ одной географической статьѣ мѣста, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ. Онъ мотивировалъ свое запрещеніе необходимостью, чтобы это извѣстіе предварительно получило подтвержденіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ» [1]).

6-го декабря 1855 года, уже въ первый годъ царствованія императора Александра II-го, негласный комитетъ 2-го апрѣля, по докладу предсѣдателя барона Корфа, былъ упраздненъ. Въ докладѣ Корфъ объяснилъ:

«Въ настоящее время, послѣ восьмилѣтняго почти существованія комитета, дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ:

«1) Въ писателяхъ и цензорахъ окончательно водворена та весьма дѣйствительная увѣренность, что надъ ними всегда, неусыпно, неослабно дѣйствуетъ глазъ правительства.

«2) Цензурныя постановленія приведены въ должную опредѣлительность и средства цензуры усилились и обезпечены въ полную соотвѣтственность кругу ея дѣйствій.

«3) Во главѣ министерства народнаго просвѣщенія находится лицо, пользующееся монаршимъ довѣріемъ (sic!).

«Въ семъ положеніи» комитетъ 2-го апрѣля «окончательно совершилъ свое назначеніе». «Осмѣлюсь сказать еще болѣе: комитетъ въ настоящее время не только пересталъ быть полезнымъ, но и сдѣлался вреднымъ».

«Во всѣхъ законодательствахъ принято за основаніе, что представленіе авторомъ книги въ цензуру избавляетъ его отъ

---

[1]) 25-го февраля 1853 г. Дневникъ Никитенка, I, 545.

всякаго личнаго преслѣдованія; опасеніе же авторовъ, что они, несмотря на пропускъ цензора, могутъ подвергнуться взысканію безъ истребованія отъ нихъ сперва объясненій, доводитъ иногда до цѣли совершенно противоположной: распространяется рукописная литература, гораздо болѣе опасная, ибо она читается съ жадностью, и противъ нея безсильны всѣ полицейскія мѣры» [1]).

VIII.

Уничтоженіе «негласнаго комитета», этого инквизиціоннаго трибунала, который создали, пользуясь европейской революціей 1848 года и опасеніями императора Николая Павловича [2]), графъ Строгановъ и баронъ Корфъ съ единственной, чисто личной цѣлью свергнуть министра народнаго просвѣщенія Уварова, было учинено по докладу самого участника интриги, Корфа, сейчасъ по смерти Уварова. Бывшій министръ Уваровъ умеръ 4-го сентября 1855 года и Корфъ доложилъ, что «негласный» комитетъ «окончательно совершилъ свое назначеніе и черезъ три мѣсяца послѣ смерти Уварова, 6-го декабря 1855 года, комитетъ былъ упраздненъ! Въ жертву честолюбія и мщенія, прикрываясь личиной казеннаго интереса, Корфъ и Строгановъ принесли въ жертву русскую науку, просвѣщеніе, литературу [3])!

Съ 6-го декабря 1855 года по 6-е апрѣля 1865 года, т. е. отъ уничтоженія «негласнаго» комитета до уничтоженія «предварительной» цензуры, прошло цѣлое десятилѣтіе. Въ своей извѣстной книгѣ «Эпоха великихъ реформъ» Джаншіевъ говоритъ:

«Исторія подготовки, составленія и примѣненія закона о печати 6-го апрѣля 1865 года представляетъ много своеобраз-

---

[1]) Проектъ устава о книгопечатаніи, 1862 г., Стр. 53.

[2]) Во всѣхъ такихъ случаяхъ государь восклицалъ: «Ah! c'est mes amis de quatorze!» Гибельная ошибка декабристовъ!

[3]) См. Дневникъ Никитенка, I, 493.

наго и поучительнаго сравнительно съ другими законоположеніями эпохи великихъ реформъ».

Для подготовки и редактированія такого громаднаго и по объему, и по важности затрагиваемыхъ интересовъ законодательнаго акта, какъ Положеніе о крестьянахъ 19-го февраля, потребовалось съ небольшимъ три года (съ 20-го ноября 1857 года по 19-е февраля 1861 года).

Образцовое по внѣшности и заключавшее полное переустройство сверху до низу всего судебнаго строя законодательство, какъ судебные уставы 20-го ноября 1864 года, было составлено тоже въ три года.

Еще менѣе времени потребовалось для выработки органическихъ законоположеній о земскомъ и университетскомъ самоуправленіи 1862 и 1864 годовъ.

На подготовительныя же работы закона о печати ушло десять лѣтъ, при чемъ составлялось нѣсколько проектовъ, образовалось нѣсколько комиссій. Успѣли смѣниться четыре министра народнаго просвѣщенія (Норовъ, Ковалевскій, Путятинъ, Головнинъ). Даже само дѣло цензурнаго надзора успѣло въ это время перейти изъ одного вѣдомства въ другое — изъ министерства народнаго просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Въ результатѣ усиленныхъ десятилѣтнихъ работъ, заключаетъ Джаншіевъ, получился крайне неудовлетворительный законъ 6-го апрѣля 1865 года, никого, кромѣ автора, министра внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуева, не удовлетворившій и одобренный государственнымъ совѣтомъ съ оговоркою, что законъ вводится, какъ «временная, переходная мѣра» [1]).

4-го сентября 1865 года, впервые за все время существованія русской печати, вышли въ свѣтъ, въ силу закона 6-го апрѣля 1865 г., произведенія печатнаго слова безъ предварительнаго цензурнаго просмотра и одобренія.

---

[1]) Джаншіевъ: «Эпоха великихъ реформъ». Изд. 6-е, М., 1896, стр. 321 и 322.

«Сѣверная Почта», офиціальный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, привѣтствовала законъ, подчеркивая, однако, что «свобода обязываетъ» (№ 189, 1865 г.). В. Ѳ. Коршъ ликовалъ: «Крѣпостная зависимость наша отъ цензуры... кончилась... мы будемъ зависѣть съ настоящаго дня отъ нашей собственной воли... мы очутились, какъ люди свободные, лицомъ къ лицу съ закономъ» и т. д. [1]).

Отмѣненный старый цензурный порядокъ помянулъ Некрасовъ, написавшій въ 1865 году поэму «Газетная» и «Пѣсни о свободномъ словѣ».

Здѣсь являются типографскій разсыльный Минай, отставной цензоръ, «фельетонная букашка».

Разсыльный Минай восклицаетъ»:

Баста ходить по цензурѣ!
Ослобонилась печать,
Авторы наши въ натурѣ
Стали статейки пущать.

Некрасовъ вымещаетъ старую боль на отставномъ цензорѣ, этомъ всегда виноватомъ «стрѣлочникѣ» цензурной мыслебоязни:

Подъ огромнымъ газетнымъ листомъ,
Видишь, тощій сидитъ человѣчекъ,
Съ озабоченнымъ, блѣднымъ лицомъ,
Весь исполненъ тревогою страстной,
По движеньямъ похожъ на лису,
Старъ и глухъ; и въ рукахъ его красный
Карандашъ и очки на носу.
Въ ѳны годы служилъ онъ цензурѣ
И донынѣ привычку сберегъ,
Все, чтó прежде чиркáлъ въ корректурѣ,

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1865 г., № 229.

Отмѣчать...
— Ужасаюсь, читая журналы!
Гдѣ я? Гдѣ? Цѣпенѣетъ мой умъ!
Чтó ни строчка — скандалы, скандалы!
Вотъ взгляните — мой собственный кумъ
Обличенъ! Моралистъ-проповѣдникъ,
Цыцъ!.. Умолкни, журнальная тварь!..
Онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ...

Въ свою очередь «фельетонная букашка» повѣствуетъ о своихъ былыхъ злоключеніяхъ:

Мою любимую идейку,
Что въ Петербургѣ климатъ плохъ,
И ту не въ каждую статейку
Вставлять я безъ боязни могъ...
Но, претерпѣвъ судьбы удары,
Подъ старость счастье я узналъ:
Курилъ на улицахъ сигары
И безъ цензуры сочинялъ!

Однако, настоящіе литераторы говорятъ разно:

Три друга обнялись при встрѣчѣ,
Входя въ какой-то магазинъ.
«Теперь пойдутъ иныя рѣчи!» —
Замѣтилъ весело одинъ.
— Теперъ насъ ждутъ просторъ и слава! —
Другой восторженно сказалъ,
А третій посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ!

«Пѣсни о свободномъ словѣ» заканчиваются гимномъ «осторожности»:

Оправдаться есть возможность,
Да не спросятъ — вотъ бѣда!
Осторожность! Осторожность!
Осторожность, господа!

Не прошло и двухъ недѣль со дня введенія новаго закона, какъ 18-го сентября послѣдовало первое изъ первыхъ предостереженій.

Оно было дано «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» за полемическую статью противъ «Сѣверной Почты», въ которой высказано было мнѣніе, что осуществленіе предположеннаго, по газетнымъ извѣстіямъ, проекта о залогѣ части государственныхъ имуществъ и о второмъ выпускѣ 5% банковыхъ билетовъ невозможно безъ выкупа перваго выпуска, который обезпеченъ государственными имуществами.

Послѣ небольшой передышки предостереженія посыпались отъ П. А. Валуева съ новою силою, въ которой явственно слышалась нота личнаго раздраженія. Не прошло и года со времени введенія новаго закона, какъ подъ предостереженіями очутились журналы и газеты самыхъ различныхъ, часто противоположныхъ направленій.

Предостереженія, мотивированныя самыми разнообразными соображеніями (изъ коихъ далеко не всѣ приводились офиціально), были даны: радикальнымъ «Современнику» и «Русскому Слову», умѣренно-либеральнымъ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» и «Голосу», дворянской «Вѣсти», славянофильскимъ «Дню» и «Москвѣ»; не миновала чаша сія и «Московскихъ Вѣдомостей». «Голосу» давалось предостереженіе и за непочтительный отзывъ о туркестанской администраціи, и за неуважительный о Наполеонѣ и остзейскихъ баронахъ. Въ первые два года существованія безцензурной печати дано было 24 предостереженія.

«С.-Петербургскія Вѣдомости», «Голосъ», «Москва», «Московскія Вѣдомости» пріостановлены были послѣ третьяго предостереженія. Прекращены были: «Современникъ», Русское Слово», «Москва».

Тимашевъ наслѣдовалъ новую систему отъ Валуева. Она укрѣпилась и упорядочилась. Всего съ 1865 г. по 1880 г., за

пятнадцать лѣтъ ея существованія, дано было 177 предостереженій и сдѣлано 52 пріостановки [1]).

Рядомъ съ административными взысканіями шли судебныя преслѣдованія журналовъ и газетъ [2]).

IX.

Цензура есть равнодѣйствующая общественной нетерпимости. Нетерпимость же прямо пропорціональна невѣжеству. Нетерпимость и есть, употребляя выраженіе Гоголя, «невѣжественная раздражительность».

Почему предполагать, что въ эпоху реформъ (1855 — 1875 гг.) было меньше невѣжества и нетерпимости, чѣмъ наканунѣ этой эпохи? Реформы посягали на интересы крѣпостниковъ, казнокрадовъ, взяточниковъ — подъячихъ, тупыхъ бюрократовъ, свирѣпыхъ фронтовиковъ.

Тьма невѣжества и озлобленной нетерпимости поднялась, ополчилась на все свѣтлое, входившее въ общество. Въ результатѣ — ужасающій цензурный гнетъ рядомъ съ попустительствомъ. Постоянныя, спорадическія реакціи проходятъ черезъ все двадцатилѣтіе.

Каждому поступательному шагу реформъ предшествуетъ ослабленіе цензурнаго гнета.

Каждому поступательному шагу реформъ послѣдуетъ усиленіе цензурнаго гнета.

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1880 г., № 6.

[2]) Замѣчательнѣйшіе изъ этихъ процессовъ: противъ Суворина (за книгу «Всякіе. Очерки современной жизни»); о снятіи ареста съ книги профессора Сѣченова: «Рефлексы головного мозга»; противъ Гайдебурова за книгу Вундта: «Душа человѣка и животныхъ»; противъ Павленкова за статьи Писарева во II томѣ сочиненій: «Бѣдная русская мысль» и «Русскій Донъ-Кихотъ»; А. Н. Пыпина и Юлія Жуковскаго за статью въ «Современникѣ»: «Вопросъ молодого поколѣнія», обвиняемыхъ въ оскорбленіи чести всего дворянскаго сословія, и друг.

Въ первомъ случаѣ государь присоединялся къ прогрессивному «меньшинству».

Во второмъ случаѣ государь уступалъ ретроградному «большинству».

Литература за все служила козломъ отпущенія. На ней вострили зубы и вымещали свою злобу ретрограды. Реакціи падали на годы 1858, 1862, 1868, 1872. Всего за два десятилѣтія четыре реакціи: двѣ при дѣйствіи старой «предварительной» системы, двѣ по введеніи системы «послѣдовательной». Въ сущности Валуевско-Тимашевская система не была чисто «карательной», но смѣшеніемъ двухъ системъ.

Судебныя кары и административныя взысканія, т. е. тюрьма, штрафы и предостереженія, пріостановки,— карательная «послѣдовательная» система.

Обязательные циркуляры, для исполненія объявляемые конфиденціально редакціямъ и исходящіе единственно отъ воли министра внутреннихъ дѣлъ,— цензура «предварительная». Послѣдняя была сохранена для народныхъ изданій и книгъ, объемомъ менѣе десяти печатныхъ листовъ.

Изъ судебныхъ преслѣдованій, однако, ничего не вышло путнаго. Почему? Да просто потому, что судъ не могъ найти въ книгахъ и статьяхъ русскихъ литераторовъ тѣхъ преступленій, которыя въ нихъ видѣло министерство внутреннихъ дѣлъ.

Приговаривали къ незначительнымъ штрафамъ или немногодневнымъ арестамъ больше изъ любезности. Обвиняемый былъ героемъ дня. Все общество ему сочувствовало, да и судъ былъ на его сторонѣ.

Дѣла эти только компрометировали министра.

Замѣтимъ, что въ первую половину разсматриваемой эпохи, съ 1855 по 1865 годъ, число спеціальныхъ цензуръ не уменьшилось, а наоборотъ разрослось. Уничтоженный въ 1855 году «негласный» комитетъ возникъ было опять въ 1859 году, но быстро и закрылся. Въ 1862 году было рѣшительно приступлено

къ преобразованію цензуры. Но оказалось, что раньше введенія судебной реформы это преобразованіе произвести нельзя.

Въ 1864 году суды преобразуются, и сейчасъ же, въ началѣ 1865 года, послѣдовало отмѣненіе предварительной цензуры.

Какова была цензура Тимашева можно заключить изъ восклицанія Никитенка въ 1872 году, что цензура не хуже «николаевской».

Ошибаются тѣ, кому «эпоха великихъ реформъ» представляется временемъ полной свободы мысли. Въ настоящее время мы пользуемся, во всякомъ случаѣ, не меньшей свободой.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Кончина императора Николая I-го.—Записка Погодина «О царскомъ времени».—Новая инстанція—общее мнѣніе.—Гласность въ предѣлахъ благоразумной осторожности.—Оживленіе журналистики.—Безденежье и безсодержательность новыхъ журналовъ.—«Чиновникъ» Соллогуба.—«Обличительное» направленіе.—Князь П. А. Вяземскій во главѣ цензуры. «Великій хаосъ въ ней!»—Панинъ, Брокъ и Чевкинъ.—Реакція 1858 г.—Статья Кавелина и злоключенія «Современника».—Гласность по вопросамъ финансоваго вѣдомства.—Появленіе уличныхъ листковъ.—Гоненіе на нихъ.—Запрещеніе слова «прогрессъ».—Возстановленіе «негласнаго комитета».—«Пѣнящееся» юношество.—«Свистокъ» и Розенгеймъ.—Письмо о цензурѣ Тютчева.—«Почетный караулъ».—Неудача «негласнаго» комитета и вторичное его упраздненіе.—«Дурное направленіе» гласности.—Переходъ карательной цензуры въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.—Раздвоеніе цензуры.—Валуевъ и Головнинъ.—Реакція 1862 г.—О чемъ говорила печать съ 1855 по 1862 г.?—«Колоколъ» Герцена.—Его значеніе и упадокъ.—Появленіе «передовыхъ статей» въ 1862 г.—Павелъ Якушкинъ «сидитъ въ части за любовь къ народности».—Катковъ провозглашаетъ «начало свободы».—Молчаніе печати въ день объявленія «воли».—Общая характеристика литературныхъ направленій разсмотрѣннаго періода.

I.

Въ первомъ часу дня, 18-го февраля 1855 года, скончался императоръ Николай I-й и 5-го марта былъ погребенъ.

Историкъ Погодинъ подалъ молодому государю Александру Николаевичу, сейчасъ по его воцареніи, записку о «Царскомъ времени».

«Время царское дороже всего на свѣтѣ, — говорилъ онъ.— Оно должно быть сберегаемо и соблюдаемо до послѣдней минуты для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ государственныхъ, для размышленія о существенныхъ предметахъ управленія».

«Занимать царя частностям и иподробностями, развлекать формами и церемоніями есть величайшее гражданское преступленіе».

«Несчастная система, низведшая во гробъ, вмѣстѣ съ внѣшними неожиданными ударами, покойнаго императора Николая Павловича! Въ порывѣ неограниченнаго своего усердія ко благу отечества онъ хотѣлъ дѣлать все самъ»...

«Первая... задача государственному совѣту въ наше время— разобрать и опредѣлить, какія дѣла должны быть представляемы на высочайшее воззрѣніе, и какія, безъ малѣйшаго нарушенія самодержавной власти, могутъ быть рѣшаемы разными отдѣльными высшими вѣдомствами».

«Вторая задача — опредѣлить, въ какой степени можетъ быть допущена гласность, въ видахъ предохраненія правительственныхъ и прочихъ рѣшеній отъ произвольности и учрежденія надъ ними новой необходимой инстанціи— бдительнаго общаго мнѣнія, безъ котораго само правительство остается часто во тьмѣ. Эта гласность, въ предѣлахъ благоразумной осторожности, доставитъ... средство узнавать людей» [1]).

24-го августа 1855 г. началось послѣднее бомбардированіе Севастополя, продолжавшееся три дня...

27-го августа въ 10 часовъ пополудни князь М. Д. Горчаковъ отправилъ къ государю слѣдующую депешу:

---

[1]) Историко-политич. письма и записки. М. 1874. 310—313.

«Войска вашего императорскаго величества защищали Севастополь до крайности, но болѣе держаться въ немъ за адскимъ огнемъ, коему городъ подверженъ, было невозможно... Враги найдутъ въ Севастополѣ однѣ окровавленныя развалины».

Окончилась кровавая одиннадцати-мѣсячная эпопея!

Такимъ образомъ, моментъ отдачи Севастополя совпадаетъ съ моментомъ сознанія необходимости «гласности», «въ предѣлахъ благоразумной осторожности», «новой инстанціи—бдительнаго общаго мнѣнія».

Вся эта страшная севастопольская исторія случилась какъ-то вдругъ, неожиданно; неожиданно началась война, неожиданно палъ Севастополь; но когда эта громада пала, когда оказалось, что Россія не имѣетъ ни денегъ, ни людей, чтобы продолжать борьбу, когда двѣ такія неожиданности, какъ смерть императора Николая (18-го февраля) и павшій Севастополь (27-го августа), точно два громовыхъ удара повторились одинъ за другимъ,—Россія точно проснулась отъ летаргическаго сна[1]).

Тогда всѣми, сверху до низу, овладѣлъ одинъ общій жизненный порывъ, въ началѣ инстинктивный, какъ глубокій вздохъ послѣ летаргическаго сна, какъ первое свѣтлое пробужденіе послѣ горячки; но затѣмъ, послѣ безсознательнаго, инстинктивнаго душевнаго движенія, является понемногу свѣтлое состояніе сознанія; въ каждомъ и во всѣхъ пробудилась критическая мысль, каждый и всѣ начали думать.

6-го декабря 1855 г. былъ уничтоженъ Бутурлинскій «негласный» комитетъ.

Оживленіе общественной мысли обнаружилось закипѣвшей издательской дѣятельностью.

«Еще никогда не бывало въ Россіи такой массы листковъ, газетъ и журналовъ, какая явилась въ 1856—1858 годахъ. Изданія являлись какъ грибы, хотя точнѣе было бы сказать,

---

[1]) Н. В. Шелгуновъ. Соч., т. II-й. Спб. 1891. Стр. 639.

какъ водяные пузыри въ дождь, потому что какъ много ихъ появлялось, такъ же много и исчезало. Одними объявленіями объ изданіяхъ можно было бы оклеить башню московскаго Ивана Великаго. Изданія были всевозможныхъ фасоновъ, размѣровъ и направленій, большія и малыя, дешевыя и дорогія, серьезныя и юмористическія, литературныя и научныя, политическія и вовсе не политическія. Появились даже летучіе, уличные листки»[1]).

Впрочемъ, качественное достоинство журналистики далеко не отвѣчало ея количественной объемистости:

«Нынче у насъ расплодилась масса періодическихъ изданій. Пересматривать всѣ становится просто непосильнымъ, да, правду сказать, и безполезнымъ трудомъ. Всѣ эти изданія не даютъ ничего. Умственными кормильцами общества попрежнему остаются: «Русскій Вѣстникъ», «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Библіотека для Чтенія», а изъ газетъ—«С.-Петербургскія Вѣдомости»[2]).

Необходимо оговориться: свидѣтельство Шелгунова о «массѣ листковъ, газетъ и журналовъ» въ 1856—1858 гг. не точно. Послѣ застоя николаевской эпохи общее оживленіе начала новаго царствованія естественно въ воспоминаніи очевидца, пережившаго громадное впечатлѣніе перемѣны, приняло гиперболическіе размѣры. На самомъ дѣлѣ точныя цифры не слишкомъ велики. Такъ, по указателю г. Лисовскаго, въ 1856 г. было разрѣшено всего десять новыхъ изданій, изъ нихъ половина (пять) — спеціальныхъ (Записки Виленской археологической комиссіи; Записки Сибирскаго отдѣла И. Г. О.; Протоколы засѣданій общ. русскихъ врачей; «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ» М. Раппопорта и «Художественный журналъ для юношества»). Изъ остальныхъ три изданія совершенно незна-

---

[1]) Шелгуновъ. Воспоминанія. Стр. 652.

[2]) 23-го января 1859 г. Дневникъ Никитенка, II, 126.

чительныя: «Живописная Библіотека» Ксенофонта Полевого и «Сынъ Отечества» подъ редакціей Старчевскаго, изданія еженедѣльныя; наконецъ, полубульварное «Собраніе иностранныхъ романовъ» Ахматовой.

Изъ собственно принадлежащихъ литературѣ основаны въ 1856 г. два журнала, и оба въ Москвѣ: «Русская Бесѣда» А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова и «Русскій Вѣстникъ» М. Н. Каткова. Въ Петербургѣ въ этомъ году ничего серьезнаго основано не было. Въ 1857 г. были основаны Енисейскія, Иркутскія, Тобольскія и Томскія Губернскія Вѣдомости и одиннадцать спеціальныхъ изданій («Училище благочестія», «Сандрильона» и «Сѣверный Цвѣтокъ» — журналы модъ, «Инженерный журналъ», «Извѣстія императорскаго археологическаго общества», «Библіотека медицинскихъ наукъ» д-ра Хана и нѣкоторыя другія). Затѣмъ явились попытки новыхъ газетъ и журналовъ, кончившіяся ничѣмъ: «Журналъ для акціонеровъ» К. В. Трубникова, «Молва», «Литературная Газета», «Общезанимательный Вѣстникъ», «Золотое Руно», еженедѣльная газета золотопромышленности, «Посредникъ», газета «промышленности, хозяйства и реальныхъ наукъ» (вышло 151 №№). Изъ серьезныхъ изданій надо упомянуть «Экономическій Указатель» Вернадскаго, «Педагогическій Вѣстникъ» Н. Выгнеградскаго и «Листокъ знакомыхъ», «журналъ карикатуръ съ литературными приложеніями» Н. А. Степанова, безсрочно вышли 12 №№. Вотъ и все. Наконецъ, въ 1858 г. возникло до 19 спеціальныхъ изданій. Изъ собственно литературныхъ возникъ «Атеней» Е. Ф. Корша, прекратившійся съ апрѣльской книжкой 1859 г., «Библіографическія Записки» Аѳанасьева, просуществовавшія 1858, 1859 и послѣ перерыва 1861 г. — оба изданія погибли «въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики». Основался «Журналъ землевладѣльца», котораго вышло 24 №№; еженедѣльная «Русская Газета» выпустила за два года 8 №№; выходили еще «Листокъ для всѣхъ», «Газета реальныхъ знаній» и «Промы-

шленный листокъ». Имѣла успѣхъ издававшаяся до 1863 г. включительно «Иллюстрація», «всемірное обозрѣніе», Вл. Зотова и Н. С. Курочкина, сыгравшая извѣстную роль. Наконецъ Плюшаръ предпринялъ подъ редакціей О. И. Сенковскаго и Як. Ив. Григорьева «Весельчакъ», «журналъ всякихъ разныхъ разностей свѣтскихъ, литературныхъ, художественныхъ и иныхъ» (1858 — 1859 г.). Появленіе «Весельчака» вызвало множество подражаній — такъ называемыхъ «уличныхъ листковъ». Въ 1859 г. основано до 20 спеціальныхъ изданій; затѣмъ вышло два номера «Паруса» и двѣ книжки «Московскаго Обозрѣнія». Основаны провинціальныя газеты: «Кіевскій Телеграфъ», «Кронштадтская Газета», «Остзейскій Вѣстникъ» и три прочныхъ литературныхъ изданія: «Развлеченіе», «Искра» и «Русское Слово». Итакъ, въ общемъ журналистика оживилась, но все-же не такъ, какъ представляется Шелгунову. Ивана Великаго не только объявленіями о нихъ, но, пожалуй, и полными экземплярами нельзя было бы оклеить!

Предложеніе во всякомъ случаѣ превышало спросъ и уже отъ 22-го ноября 1861 года Никитенко отмѣчаетъ: «Многимъ журналамъ и газетамъ на будущій годъ угрожаетъ банкротство. Такъ плохо идетъ подписка. Ни у кого нѣтъ денегъ» (Дневникъ, II, 295). Это стремленіе издавать журналы, столь многихъ тогда обуявшее, отмѣчено и Писемскимъ въ «Взбаламученномъ морѣ». Въ юмористическомъ свѣтѣ описываетъ тогдашнее литературное оживленіе Достоевскій въ «Бѣсахъ»:

«Она позвала литераторовъ—и къ ней ихъ тотчасъ же привели во множествѣ. Потомъ уже приходили и сами, безъ приглашенія; одинъ приводилъ другого. Никогда еще она не видывала такихъ литераторовъ. Они были тщеславны до невозможности, но совершенно открыто, какъ бы тѣмъ исполняя обязанность. Иные (хотя и далеко не всѣ) являлись даже пьяные, но какъ бы сознавая въ этомъ особенную, вчера только открытую, красоту. Всѣ они чѣмъ-то гордились до странности. На всѣхъ лицахъ было написано, что они сейчасъ только от-

крыли какой-то чрезвычайно важный секретъ. Они бранились, вмѣняя себѣ это въ честь. Довольно трудно было узнать, что именно они написали; но тутъ были критики, романисты, драматурги, сатирики, обличители... Говорили объ уничтоженіи цензуры и буквы ъ, о замѣненіи русскихъ буквъ латинскими, о вчерашней ссылкѣ такого-то, о какомъ-то скандалѣ въ Пассажѣ, о полезности раздробленія Россіи по народностямъ съ вольною федеративною связью, объ уничтоженіи арміи и флота, о возстановленіи Польши по Днѣпръ, о крестьянской реформѣ и прокламаціяхъ, объ уничтоженій наслѣдства, семейства, дѣтей и священниковъ, о правахъ женщины, о домѣ Краевскаго, котораго никто и никогда не могъ простить господину Краевскому, и пр. и пр. Ясно было, что въ этомъ сбродѣ новыхъ людей много мошенниковъ, но несомнѣнно было, что много и честныхъ, весьма даже привлекательныхъ лицъ, несмотря на нѣкоторые все-таки удивительные оттѣнки. Честные были гораздо непонятнѣе безчестныхъ и грубыхъ; но неизвѣстно было, кто у кого въ рукахъ. Когда Варвара Петровна (богатая провинціалка) объявила свою мысль объ изданіи журнала, то къ ней хлынуло еще больше народу, но тотчасъ же посыпались въ глаза обвиненія, что она капиталистка и эксплуатируетъ трудъ. Безцеремонность обвиненій равнялась только ихъ неожиданности».

II.

Никитенкѣ казалось, что «настала пора положить предѣлъ этому страшному гоненію мысли, этому произволу невѣждъ, которые дѣлали изъ цензуры съѣзжую и обращались съ мыслями, какъ съ ворами и пьяницами» (20-го марта 1855 г.). «Теперь только открывается, какъ ужасны были для Россіи прошедшія 29 лѣтъ. Администрація въ хаосѣ; нравственное чувство подавлено; умственное развитіе остановлено; злоупотребленіе и воровство выросли до чудовищныхъ размѣровъ. Все это плодъ

презрѣнія къ истинѣ и слѣпой вѣры въ одну матеріальную силу» (6-го октября того же года). Занося въ дневникъ, что Клейнмихель, у котораго ума было настолько, чтобы быть надзирателемъ тюрьмы, а судьба сдѣлала изъ него всевластнаго вельможу, при всеобщей радости, «палъ и уничтожился», Никитенко отмѣчаетъ, что въ обществѣ начинаетъ прорываться стремленіе къ лучшему порядку вещей. «Многіе у насъ теперь,—пишетъ онъ,—даже начинаютъ толковать о законности и гласности, о замѣнѣ бюрократіи въ администраціи болѣе правильнымъ отправленіемъ дѣлъ. Лишь бы все это не испарилось въ словахъ!.. До сихъ поръ мы изображали въ Европѣ только огромный кулакъ, которымъ грозили ея гражданственности, а не великую силу, направленную на собственное усовершенствованіе и развитіе» (16-го октября 1855 г.).

Благодаря либеральному направленію нѣкоторыхъ цензоровъ и вѣдомствъ, въ печать начало попадать болѣе жизненныхъ вопросовъ. Но вѣдь предварительная цензура все же разсматривала каждую написанную строчку.

Послѣ упраздненія «негласнаго» комитета видимъ ежегодные потуги что-то сдѣлать, долгое время ровно ни къ чему не приводящіе. Въ апрѣлѣ 1855 г. рѣшено отставить старыхъ цензоровъ—Елагинъ завѣдывалъ прежде у Шихматова конюшнею, Ахматовъ сдѣланъ былъ цензоромъ въ возмѣщеніе долга ему начальника, и т. п.—и опредѣлить новыхъ просвѣщенныхъ людей. Никитенко представляетъ записку о цензурѣ для представленія при личномъ докладѣ министра государю, составляетъ проектъ наставленій цензорамъ, въ которомъ «произволъ цензоровъ обузданъ, литературѣ данъ просторъ и указаны мѣры противъ злоупотребленій». Какой же результатъ? Ровно никакого. Дѣло о цензурѣ застряло въ канцеляріи.

29-го февраля слѣдующаго 1856 г. на домашнемъ спектаклѣ у великой княгини Маріи Николаевны давали пьесу графа Соллогуба «Чиновникъ», первую тенденціозную пьесу «обличительнаго» направленія.

Государь сказалъ Плетневу:

— Не правда ли, пьеса очень хороша?

— Она не только хороша, ваше величество,—отвѣчалъ Плетневъ,— но составляетъ эру въ нашей литературѣ. Въ ней говорится о состояніи нашихъ общественныхъ нравовъ то, чего прежде нельзя было и подумать, не только сказать во всеуслышаніе.

— Давно бы пора говорить это,—замѣтилъ государь.

Въ пьесѣ идеальный чиновникъ Надимовъ заявлялъ, что на всю Россію надо крикнуть: пора «искоренить зло съ корнями», т.-е. взяточничество.

За «Чиновникомъ» появилась комедія Львова «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей». Ее запретили въ Москвѣ, а въ Петербургѣ велѣно было давать ее рѣже. Публика отъ нея была въ восторгѣ. Власти осыпали Львова похвалами и въ то же время гнали пьесу со сцены.

Такимъ образомъ, въ началѣ 1856 года «обличительное» направленіе было одобрено словами государя. Съ этого момента оно начинаетъ развиваться въ видѣ обличенія разныхъ непорядковъ. Хотя не должно забывать, что каждое «обличеніе» появлялось въ печати не прежде, какъ пройдя строжайшую цензуру того вѣдомства, котораго касалось. Иными словами, въ сущности, вѣдомства сами себя обличали, поощренныя къ тому словами государя: «Давно бы пора говорить это!» Но поощреніе «обличительному» направленію было спорадическое; оно не переходило въ сущности въ открытую «гласность», хотя бы и «въ предѣлахъ благоразумія». Положеніе цензуры было прежнее.

Никитенко отмѣчаетъ вечеръ у Кавелина, гдѣ были Дмитрій Алекс. Кавелинъ, Ешевскій, Капустинъ. Читался проектъ Кавелина объ освобожденіи крестьянъ посредствомъ выкупа съ землей. Но тутъ же подводитъ грустный итогъ трехлѣтнихъ сношеній съ министромъ Норовымъ. Онъ убѣждалъ дать разумное и сообразное съ требованіями просвѣщенія направленіе цензурѣ, для чего замѣнить неспособныхъ цензоровъ способными

и дать имъ въ дополненіе къ уставу наказъ, который, предлагая имъ, по возможности, опредѣленныя руководящія правила, обуздывалъ бы ихъ произволъ и давалъ бы больше простора литературѣ. Что же выходило? Канцелярія, точно крючьями, оттягивала осуществленіе этихъ идей и повергала ихъ въ тьму кромѣшную, а министръ поговоритъ, поговоритъ — и довольно.

Въ февралѣ 1857 года поэту-арзамасцу, князю П. А. Вяземскому, было поручено главное наблюденіе надъ цензурой.

Вяземскій просилъ Никитенка заняться проектомъ объ устройствѣ цензуры, «ибо великій хаосъ въ ней». Никитенко повторилъ ему то же, что сто разъ уже говорилъ и ему, и министру, именно, что тутъ нужно прежде всего сдѣлать три вещи: a) дать инструкціи цензорамъ; b) освободить цензуру отъ разныхъ предписаній, особенно накопившихся съ 1848 года, которыя по ихъ крайней нераціональности и жестокости не могутъ быть исполняемы, а между тѣмъ висятъ надъ цензорами, какъ Дамокловъ мечъ, c) уничтожить правило, обязующее цензоровъ сноситься съ каждымъ вѣдомствомъ, котораго касается литературное произведеніе по своему роду или содержанію.

Приступъ къ эмансипаціи представляли рескрипты императора Александра II-го, напечатанные въ 1867 году въ газетахъ. «Сдѣлавъ этотъ шагъ,— писалъ тогда же Никитенко,— мы вступили на путь многихъ реформъ, значеніе которыхъ нельзя съ полною вѣроятностью опредѣлить. Сила потока, въ который мы ринулись, увлечетъ насъ туда, куда мы не можемъ предвидѣть».

«Обличительное» направленіе пришлось многимъ не по нраву. Такъ, К. В. Чевкинъ, главноуправляющій путями сообщенія, встрѣтивъ въ январѣ 1858 года литератора Панаева, доказывалъ ему, что «нынѣшнее направленіе литературы, заключающееся въ преслѣдованіи всякихъ крадствъ, вредно». Въ какой-то статьѣ были задѣты путейскіе чиновники.

«Вообще, многимъ изъ нынѣшнихъ главныхъ начальствъ,—

пишетъ Никитенко, —не нравится литературное бичеваніе мерзостей, совершающихся въ ихъ вѣдомствахъ. Они находятъ, что это поселяетъ неуваженіе къ правительству. Гласность и усиленіе общественнаго мнѣнія въ дѣлахъ общественныхъ они находятъ вреднымъ, особенно графъ Панинъ» (Дневникъ, II, 72).

«Панинъ (министръ юстиціи), Брокъ и Чевкинъ, — отмѣчаетъ Никитенко 21-го января 1858 г.,—кажется, помѣшались на томъ, что всѣ революціи на свѣтѣ бываютъ отъ литературы; они не хотятъ понять, что литература — только эхо образовавшихся въ обществѣ понятій и убѣжденій».

Когда въ засѣданіи комитета министровъ 16-го января 1858 г. министръ народнаго просвѣщенія Норовъ прочиталъ составленную ему княземъ Вяземскимъ записку о необходимости дѣйствовать по цензурѣ въ смягчительномъ духѣ, возсталъ Панинъ. Бѣдный Норовъ сбился, Панинъ и съ нимъ реакція одолѣли, «цензурѣ велѣно быть строже». Панинъ затѣмъ сталъ предлагать одну за другой новыя стѣснительныя цензурныя мѣры. 6-го февраля 1858 года состоялось первое засѣданіе комитета, учрежденнаго для пересмотра стараго и составленія новаго цензурнаго устава. Была прочитана записка князя П. А. Вяземскаго о направленіи литературы съ замѣчаніями на нее государя. Записка оправдывала литературу отъ возводимыхъ на нее обвиненій. Государь одобрялъ нѣкоторыя мѣста въ запискѣ, къ другимъ относился недовѣрчиво и въ замѣчаніяхъ его проглядывало какъ бы нерасположеніе къ литературѣ и сомнѣніе въ ея благонамѣренности. Онъ признавалъ необходимымъ бдительное цензурное наблюденіе за нею.

Во второмъ засѣданіи Никитенко читалъ изложеніе «основныхъ началъ цензуры», которое онъ написалъ съ цѣлью «дать литературѣ побольше простора въ сужденіяхъ о дѣлахъ общественныхъ». «Все это только начало труда,—замѣчаетъ Никитенко, — будетъ пропасть работы. Къ чему она опять приведетъ, — не знаю. Горько становится, когда подумаю, сколько

разъ уже моя работа въ этомъ направленіи пропадала даромъ!.. А все не хочется отстать»[1]).

Предчувствія Никитенка оправдались. Черезъ нѣсколько дней Норовъ и князь Вяземскій подали въ отставку. Мѣсто Норова занялъ Евграфъ Петровичъ Ковалевскій. 7-го апрѣля 1858 года Никитенко заноситъ въ свой дневникъ: «Былъ у новаго министра. Рѣчь о цензурѣ. Государь сильно озабоченъ ею. Въ немъ поколебали расположеніе къ литературѣ и склонили его не въ пользу ея. Теперь онъ требуетъ отъ цензуры ограниченій, хотя и не желаетъ стѣснить мысль. Какъ это согласить?»—Это дѣло,—сказалъ министръ — падаетъ на двухъ людей: на васъ и на меня. Разумѣется, ни вы, ни я не можемъ дѣйствовать въ стѣснительномъ духѣ». Государь требовалъ отъ министра рѣшенія цензурной задачи. Казалось, было ясно, что стѣсненіемъ не направишь и не сдержишь умовъ. А предоставленная самой себѣ литература, конечно, не замедлила бы изъ своей же среды выдвинуть критическіе, трезвые умы, которые отрезвляющимъ словомъ продуманнаго убѣжденія обуздали бы нестройныя силы хаотическаго увлеченія. Что могъ Никитенко сказать министру новаго помимо повторенія одного и того же, а именно, что «литературѣ необходимо дать болѣе простора»; что «въ другомъ духѣ нынче и думать нельзя писать устава»; что этого требуютъ и справедливость, и политическое благоразуміе; что если этого не сдѣлать, то пойдетъ въ ходъ писанная литература, слѣдить за которою нѣтъ никакой возможности.

«Да, трудно, очень трудно обезпечить свободу мысли,—пишетъ Никитенко отъ 10-го апрѣля 1858 года, — мы хотимъ улучшеній и думаемъ, что можно достигнуть ихъ безъ помощи общественнаго мнѣнія, посредствомъ той же бюрократіи, которая такъ погрязла въ крадствѣ. А между тѣмъ, правительству, очевидно, полезнѣе и безопаснѣе союзъ съ печатью, чѣмъ

[1]) Дневникъ, II, стр. 80.

война съ нею. Если положить на печать путы, она начнетъ дѣйствовать скрытыми путями и сдѣлается недоступною никакому контролю. Никакая сила не въ состояніи услѣдить за тайно подвизающеюся мыслью, раздраженною и принужденною быть лукавою. Вѣдь мы не знаемъ еще, чѣмъ кончится страшная система полицейскаго преслѣдованія мысли и слова во Франціи. Но и тамъ все-таки опредѣленная система, а у насъ хотятъ позволить и не позволить, стѣснить и не стѣснить».

III.

Оглянемся на пройденный нами первый этапъ эпохи великихъ реформъ съ 1855 года по 1858. Онъ завершается реакціей. Какъ бы первые, брезжащіе лучи новой, наступающей эпохи видимъ въ словахъ записки Погодина: «Въ какой степени можетъ быть допущена гласность?... Новая необходимая инстанція — бдительное общее мнѣніе... Гласность въ предѣлахъ благоразумной осторожности».

6-го декабря 1855 года уничтожается «негласный» комитетъ, ибо онъ «въ настоящее время не только пересталъ быть полезнымъ, но и сдѣлался вреднымъ».

Затѣмъ видимъ своеобразную «эволюцію».

29-го февраля 1856 года слова государя: «Давно бы пора говорить это!» открываютъ «обличительную» полосу эпохи великихъ реформъ.

7-го апрѣля 1858 года въ настроеніи государя замѣтно измѣненіе: «въ немъ поколебали расположеніе къ литературѣ и склонили не въ пользу ея».

Однако министръ еще довольно твердо заявляетъ либеральный образъ мыслей: «Разумѣется, ни вы, ни я не можемъ дѣйствовать въ стѣснительномъ духѣ». Но уже партія ретроградная—Панинъ, Брокъ и Чевкинъ—рѣшилась «обуздать» печать, т. е. цензоровъ и вѣдомства, пропускавшія обличительныя статьи, потому что по собственному желанію литераторовъ онѣ

не увидѣли бы никогда свѣта. Все подвергалось, не забудемъ, предварительной цензурѣ въ рукописи. Первый періодъ эпохи великихъ реформъ закончился совершенно неожиданно возстановленіемъ «негласнаго» комитета, уничтоженнаго въ его началѣ.

Въ апрѣлѣ 1858 года еще видимъ колебанія. Съ одной стороны, за пропускъ статьи Кавелина «О первыхъ условіяхъ сельскаго быта», напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Современника», данъ выговоръ князю Щербатову, съ другой— новый министръ финансовъ А. М. Княжевичъ испросилъ у государя разрѣшеніе, чтобы позволено было писать и печатать о финансахъ все безпрепятственно, кромѣ опроверженій или возраженій на состоявшіяся уже мѣры и постановленія правительства.

Объясненіе исторіи со статьей Кавелина находимъ въ запискѣ редакціи журнала «Современникъ», поданной по начальству въ 1862 году.

«Бѣда обрушивалась, читаемъ здѣсь, обыкновенно на статьи, совершенно пустыя, которыя и напечатаны были въ журналѣ только для наполненія книжки, за недостаткомъ лучшаго матеріала,—статьи, которыя съ удовольствіемъ бросила бы редакція, еслибы воображала, что хотя кому-нибудь чѣмъ-нибудь могутъ онѣ не понравиться,—статьи, за которыя былъ совершенно спокоенъ цензоръ, до самаго возникновенія исторіи изъ-за нихъ. Но иногда навлекали на цензора и на журналъ сильныя непріятности и такія статьи, которыя были написаны съ обдуманною цѣлью расположить общественное мнѣніе къ реформѣ, совершаемой самимъ правительствомъ. Каждая важная реформа имѣетъ противниковъ, представителями которыхъ часто служатъ и нѣкоторыя изъ лицъ, занимающихъ важныя мѣста. Свою досаду на правительство за реформу они вымещали на беззащитной литературѣ».

«Черезъ нѣсколько времени по обнародованіи рескриптовъ объ освобожденіи крестьянъ, когда было разрѣшено свободно разсуждать объ устройствѣ этого дѣла, «Современникъ» (въ

№ 4-мъ, 1858 г.) напечаталъ извлеченіе изъ записки г. Кавелина, которая доказывала надобность освободить крестьянъ съ землею. Лица, желавшія освободить крестьянъ безъ земли, выставили эту записку революціоннымъ памфлетомъ, а ея напечатаніе въ «Современникѣ» злостнымъ нарушеніемъ цензурныхъ правилъ... Тогдашній предсѣдатель С.-Петербургскаго цензурнаго комитета (князь Щербатовъ) разрѣшилъ напечатать статью, когда изъ нея исключены были мѣста, на пропускъ которыхъ не согласился тогдашній цензоръ министерства внутреннихъ дѣлъ (Тройницкій). Такъ постоянно дѣлалось тогда и дѣлается до сихъ поръ: если редакція выбрасываетъ мѣста, не пропускаемыя спеціальнымъ цензоромъ, то общая цензура собственной властью разрѣшаетъ печатать остальную статью за выпускомъ этихъ мѣстъ. Что же касается направленія записки г. Кавелина, довольно сказать, что мнѣніе, имъ защищаемое, было, какъ мы полагаемъ, всегдашнимъ мнѣніемъ государя императора и окончательно восторжествовало, хотя имѣло противниковъ». «Противившіеся желанію государя императора освободить съ землею находили полезнымъ для себя запугать литературу и для этой цѣли обрушились на статью г. Кавелина, которую преимущественно предъ другими, подобными ей, выбрали по разнымъ личнымъ отношеніямъ» [1]).

Статья Кавелина начиналась прославленіемъ императора Александра II: «Уже одно только дѣло уничтоженія крѣпостного права благословляетъ времена Александра II славою, высочайшею въ мірѣ. Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчиваетъ Александра II счастіемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы, — счастіемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ» [2]).

---

[1]) Мнѣнія разныхъ лицъ о преобразованіи цензуры. Февраль, 1862 г., стр. 91 и 92.

[2]) «Современникъ» 1858 г., № 2, стр. 393.

«Изъ этого можно видѣть, что журналъ не имѣлъ недостатка въ самой безусловной привязанности къ правительству. Но за статьи, одушевленныя этимъ чувствомъ, онъ выданъ былъ на казнь противникамъ намѣреній правительства. Онъ долженъ былъ замолчать на нѣкоторое время о крестьянскомъ вопросѣ. Потомъ опять сталъ печатать о немъ статьи, но уже совершенно безцвѣтныя» [1]).

Три вещи занимали въ 1858 году мыслящихъ людей въ Россіи: освобожденіе крестьянъ, печатная гласность и публичное судопроизводство. Правительство колебалось. Либеральные чиновники «попускали», а ультра-консерваторы пятились. «Въ настоящую минуту,—отмѣчаетъ Никитенко 9-го мая,—эта партія сильна... Она дѣйствуетъ запретительно на печать. Она затягиваетъ рѣшеніе вопроса крестьянскаго». Въ главномъ управленіи училищъ генералъ-губернаторъ нападалъ на несчастные листки, которыхъ развелось тогда множество [2]). Они продавались на улицахъ по пяти копеекъ. Это генералъ-губернатора пугало. Листки уничтожили. Между тѣмъ, въ этихъ листкахъ ничего не было ни умнаго, ни опаснаго. Имъ строго воспрещалось печатать что-нибудь относящееся къ общественнымъ вопросамъ. Это была пустая болтовня для утѣхи гостино-

---

[1]) Мнѣнія разныхъ лицъ о преобразованіи цензуры. Стр. 94.

[2]) Всего до 30 различныхъ наименованій, какъ-то: «Бардадымъ»; «Безсонница»; «Безструнная Балалайка, листокъ забавнаго смѣхословія и потѣшнаго пустословія»; «Всякая всячина»; «Говорунъ»; «Дядя, шутъ гороховый, со племянниками чепухой и дребеденью, жалкотворный журналъ, безъ никого и ничего появляется на свѣтъ, какъ мать родила»; «Ералашъ» и др.; «Пустозвонъ», «Пустомеля», «Раекъ» и др.; «Смѣхъ Смѣховичъ и Смѣхъ подъ орѣхомъ, смѣхъ № 0 и смѣхъ № 00»; «Сплетни», «Турусы на колесахъ», «Фантазеръ», «Фонарь», «Шутникъ», «Щелчекъ» и «Юмористъ». Все это были маленькіе, пустые листочки, въ наше время замѣненные въ портерныхъ большими юмористическими изданіями («Шутъ», «Осколки» и др.) и маленькими газетками.

дворцевъ, грамотныхъ дворниковъ и пр. 31-го мая 1858 года запрещено употреблять въ печати слово «прогрессъ».

Министръ Ковалевскій сталъ колебаться. На словахъ рѣшалъ одно, а на дѣлѣ другое.

Повторилась исторія Норова. Шаткость, безхарактерность, неспособность къ какой либо мѣрѣ, выходящей изъ канцелярской рутины, отрицаніе сегодня того, что за нѣсколько времени передъ тѣмъ онъ утверждалъ торжественно и горячо. Проектъ Никитенко былъ отданъ на «истязаніе» какому то чиновнику. Явилась мысль, по примѣру Франціи, учредить «наблюдательно-послѣдовательную» цензуру, оставивъ неприкосновенной и старую «предупредительную». Къ концу года состоялось изумительнѣйшее учрежденіе для сдерживанія писателей—нѣчто въ родѣ французскаго bureau de presse, передѣланнаго на русскій ладъ по почину Панина, Чевкина и др. Вздумали создать комитетъ, который бы любовно, патріархально и разумно направлялъ литературу, особенно журналистовъ. Въ то же время и въ обществѣ, и въ чиновничествѣ воцарился хаосъ. «У насъ нынѣ настоящее царство хаоса. Хаосъ во всемъ: въ администраціи, въ нравственныхъ началахъ, въ убѣжденіяхъ,—писалъ Никитенко, — хаосъ въ головахъ тѣхъ, которые думаютъ управлять общественнымъ мнѣніемъ». «Бѣда въ совершенномъ отсутствіи всякаго организующаго начала, въ отсутствіи характеровъ и высшихъ нравственныхъ убѣжденій. И вотъ еще бѣда: нѣтъ ни одной вчерашней мысли, которая уже сегодня не казалась бы старою. Жаръ, съ которымъ вчера принимали такую-то мѣру, сегодня уже остылъ. Каждый день что-нибудь начинается, а на другой—только что начатое бросается недоконченнымъ... У насъ столько же партій, сколько самолюбій».

«И юношество пѣнится, но, къ сожалѣнію, не всегда, какъ шампанское, а подчасъ, какъ настоящій откупной сиволдай».

IV.

Мы видимъ, что «обличительное» направленіе пришлось многимъ не по нраву. «Литературное бичеваніе мерзостей, творящихся въ вѣдомствахъ», обличеніе «крадствъ» и взяточничествъ подняло въ 1858 году противъ себя такую силу, какъ министръ юстиціи, графъ Панинъ. Такимъ образомъ, это направленіе по третьему году отъ своего возникновенія встрѣтило реакцію. Замѣчательно, что и въ прогрессивномъ «Современникѣ» въ 1858 году началась реакція противъ «обличительнаго» направленія, конечно, въ томъ смыслѣ, что на однихъ обличеніяхъ остановиться нельзя. Жертвой этой двойной реакціи сталъ поэтъ Розенгеймъ. Затѣмъ «Свистокъ» Добролюбова провозгласилъ новаго «демона», осмѣявшаго первые шаги русскаго прогресса.

Не оцѣнилъ онъ Розенгейма,
Ростопчину онъ осмѣялъ,
На все возвышенное клейма
Какой-то пошлости онъ клалъ.
Весь нашъ прогрессъ, всю нашу гласность,
Громъ обличительныхъ статей,
И журналистовъ нашихъ страстность,
И даже самый «Атеней»—
Все жертвой грубаго глумленья
Содѣлалъ желчный этотъ бѣсъ...

Розенгеймъ — воспитанникъ 1-го корпуса, откуда вышелъ Рылѣевъ. Гражданская нота его стихотвореній еще въ началѣ сороковыхъ годовъ ополчила на поэта цензуру. Такъ, стихотворенія «Памятникъ» и «Старый городъ» не были тогда пропущены и появились лишь въ 1860 годахъ. Они ходили по рукамъ въ спискахъ. Съ 1840 года по 1858 годъ Розенгеймъ не напечаталъ ни строки. Стихи его ходили по рукамъ, но часто приписывались перу другихъ поэтовъ. Наконецъ, его гражданская элегія: «Что ты вздыхаешь, читая газету», безъ вѣдома

поэта, попала въ «Русскій Вѣстникъ» и, какъ «обличительное» стихотвореніе, имѣла большой успѣхъ. Тотчасъ же Дудышкинъ, редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», Старчевскій, редакторъ «Сына Отечества», и Писемскій — «Библіотеки для Чтенія», предложили ему сотрудничать въ своихъ органахъ, и не безъ колебанія, послѣ 20-ти-лѣтняго молчанія, Розенгеймъ выступилъ въ качествѣ юмориста-обличителя. Появились «Воевода», «Недоимки», «Русская элегія — плачъ откупщика», «Акція» (по поводу акціонерной горячки). По времени эти гражданскія стихотворенія имѣли колоссальный успѣхъ и читались на публичныхъ эстрадахъ. Наконецъ, весною 1858 года, друзья поэта приступили къ изданію книжки его стихотвореній. Она, однако, попала въ моментъ реакціи. еле прошла черезъ цензуру и явилась въ самомъ жалкомъ видѣ, не говоря уже о томъ, что въ книжку, по безпечности поэта, не слѣдившаго совсѣмъ за ея составленіемъ, попали многія слабыя вещи, которыя онъ и не думалъ видѣть въ печати. Почти всѣ пьесы, которыя считалъ поэтъ лучшими, не были дозволены. Книжка была принята недружелюбно критикой. Дружининъ искалъ и не нашелъ въ ней «художественности». Добролюбовъ безжалостно высмѣялъ ее, какъ запоздалый протестъ, хотя книжку только что помяли цензурные когти [1]).

Добролюбовъ находилъ, что стихи Розенгейма «не совсѣмъ ароматное пойло, настоенное на гноѣ общественныхъ ранъ и на гнилой клубничкѣ».

---

[1]) Неужели Добролюбову было неизвѣстно, что стиховъ Розенгейма цензура тогда не пропускала? И какъ могла пропустить, когда отъ 10 мая 1853 года Ѳаддей Булгаринъ писалъ въ отчаяніи по поводу стиховъ для «Сѣверной Пчелы»: «Послѣднія поправки цензора Крылова принять нельзя, потому что не будетъ мѣры въ стихѣ. Выраженіе «сладостная молитва» вредно, по мнѣнію цензуры!!! О Боже, гдѣ мы живемъ!» Ну, какъ же могъ тогда Розенгеймъ печатать свои стихи, какъ этого требуетъ Добролюбовъ?..

«Нѣсколько (?) лѣтъ тому назадъ появленіе стихотвореній г. Розенгейма было невозможно, до того литература наша стояла далеко отъ вопросовъ, которымъ посвящена значительная часть этихъ стихотвореній. Появись эта книжка въ то безплодное, глухое время (до 1856 года?), когда литература наша какъ будто рѣшилась отречься отъ всякой мысли и занималась только различными сладенькими чувствованьицами да книжными мелочами, появись она среди всеобщей литературной нѣмоты и вялости, она бы навѣрное произвела фуроръ неслыханный».

«Въ недавнее время (1856—1857 гг.?) отъ этихъ стиховъ всѣ пришли бы въ восторгъ, не требуя отъ нихъ ни поэзіи, ни силы выраженія, ни звучности стиха, ни правильной риѳмы, или, лучше сказать, всѣ эти качества сумѣли бы найти въ нихъ въ благодарность за смѣлость и откровенность основной мысли. Теперь (1868 годъ) — далеко не то. Стихотворенія г. Розенгейма не возвышаются по идеямъ своимъ надъ уровнемъ современной литературы, давно уже (и всего то третій годъ!) обратившей серьезное вниманіе на общественные вопросы, и они уже не могутъ насъ поразить такъ, какъ поразили бы прежде».

«И проза, и поэзія послѣдняго времени постоянно изъ кожи лѣзли, чтобы внушить намъ правила честности и безкорыстія, соблюденіе святости присяги, любовь къ правдѣ и закону, отвращеніе къ лѣни, обжорству, лжи, воровству и тому подобнымъ злоупотребленіямъ... Пресловутые поэты и ученые, въ родѣ гг. Бенедиктова, Вернадскаго, Кокорева, Львова, Семевскаго, Соллогуба и т. п., протрубили намъ уши, вопія о правдѣ, гласности, взяткахъ, свободѣ торговли, вредѣ откуповъ, гнусности угнетенія и проч.».

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ»... «Въ то безплодное, глухое время, когда»... «Въ недавнее время»... «Теперь — далеко не то»... Поразительная аберрація времени у Добролюбова! На самомъ дѣлѣ, всего три года назадъ царилъ «негласный ко-

митетъ». «То глухое» время, которое представляется Добролюбову за горами, всего было еще въ 1855 году. «Недавнее время» было въ прошломъ году буквально. Соллогубъ и Львовъ явились въ 1866 и 1867 годахъ, а «теперь», когда «далеко не то», т. е. въ 1868 году, литература стояла уже на порогѣ реакціи и возстановленія «негласнаго» комитета. Тѣ вопли о правдѣ, гласности, взяткахъ и проч., которые будто бы протрубили уши публикѣ, уже успѣли скопить тучу обскурантизма, и стихи Розенгейма еле пробрались черезъ цензуру.

Выходило, что своими нападками на юную гласность и гражданско-обличительную мысль, Добролюбовъ, самъ не зная того, какъ бы поддерживалъ обскурантовъ. Но, конечно, Добролюбовъ стоялъ на точкѣ зрѣнія совсѣмъ особой. Ему казалось, что общество успокоится на красивыхъ словахъ и словесныхъ обличеніяхъ. Полный нетерпѣнія Добролюбовъ восклицаетъ: «Вѣдь — безобразіе. Каждая статьишка фельетонная, хоть бы то было о привилегированной ваксѣ, непремѣнно начинается стереотипной фразой: «Въ настоящее время, когда у насъ возбуждено такъ много общественныхъ вопросовъ»... Сколько ужъ лѣтъ (?! и всего-то третій годъ!) это идетъ... Все вопросы задаютъ... Вотъ, подумаешь, ватага глухихъ собралась: одинъ другого спрашиваетъ, а никто ни разслышать, ни отвѣтить не можетъ. Да и вопросы-то все такіе мудреные: красть или не красть? бить въ рожу или не бить? молчать или говорить?.. И кто скажетъ: не бить или говорить, — передъ тѣмъ всѣ сейчасъ и кинутся на колѣни. Ахъ говорятъ, какъ ты уменъ, какъ ты благороденъ, какъ ты великъ!.. Ну, что это за безобразіе!»

Между тѣмъ, цензурный вопросъ оставался на точкѣ замерзанія.

Въ 1857 году поэтъ Тютчевъ написалъ, въ видѣ письма къ князю Горчакову записку о цензурѣ, которая тогда ходила въ рукописныхъ спискахъ и, можетъ быть, немало содѣйствовала болѣе разумному и свободному взгляду на назначеніе печатнаго слова въ нашихъ правительственныхъ сферахъ.

Вотъ какъ характеризовалъ Тютчевъ результаты николаевской цензуры: «Если среди многихъ другихъ существуетъ истина, которая опирается на полнѣйшей очевидности и на тяжеломъ опытѣ послѣднихъ годовъ, то эта истина есть несомнѣнно слѣдующая: намъ было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы безусловное и слишкомъ продолжительное стѣсненіе и гнетъ, безъ существеннаго вреда для всего общественнаго организма. Видно, всякое ослабленіе и замѣтное умаленіе умственной жизни въ обществѣ неизбѣжно влечетъ за собою усиленіе матеріальныхъ наклонностей и гнусно-эгоистическихъ инстинктовъ. Даже сама власть съ теченіемъ времени не можетъ уклониться отъ неудобствъ подобной системы. Вокругъ той сферы, гдѣ она присутствуетъ, образуется пустыня и громадная умственная пустота, и правительственная мысль, не встрѣчая извнѣ ни контроля, ни указанія, ни малѣйшей точки опоры, кончаетъ тѣмъ, что приходитъ въ смущеніе и изнемогаетъ подъ собственнымъ бременемъ еще прежде, чѣмъ бы ей было суждено пасть подъ ударами злополучныхъ событій. Къ счастію, этотъ жестокій урокъ не пропалъ даромъ. Здравый смыслъ и благодушная природа царствующаго императора уразумѣли, что наступила пора ослабить чрезвычайную суровость предшествующей системы и вновь даровать умамъ недостававшій имъ просторъ. (Le pouvoir lui-même n'échappe pas à la longue aux inconvénients d'un pareil régime. Un désert, un vide intellectuel immense se fait autour de la sphère, ou il réside, et la pensée dirigeante, ne trouvant en dehors d'elle même ni contrôle, ni indication, ni un point d'appui quelconque, finit par se troubler et par s'affaisser sous son propre poids, avant même que de succomber sous la fatalité des événements. Heureusement cette rude leçon n'a pas été perdue. Le sent droit et la nature bienveillante de l'empereur regnant ont compris qu'il y avait lieu à se relâcher de la rigeur excessive du système précédent et à rendre aux intelligences l'air qui leur manquait)» [1]).

[1]) Lettres sur la censure en Russie, p. 604. Соч. Изд. 1900.

Въ этомъ же 1857 году. Тютчевъ занялъ мѣсто предсѣдателя С.-Петербургскаго комитета иностранной цензуры. Объ этомъ онъ самъ писалъ:

Велѣнью высшему покорны,
У мысли стоя на часахъ,
Не очень были мы задорны,
Хоть и со штуцеромъ въ рукахъ.
Мы имъ владѣли неохотно,
Грозили рѣдко, и скорѣй
Не арестантскій, а почетный
Держали караулъ при ней[1]).

V.

Между 1855 и 1858 г. на 1857 годъ падаетъ моментъ наивысшаго подъема освободительныхъ стремленій, а на 1858-й реакція. Затѣмъ между 1858 и 1862 годами на 1861 г. падаетъ 19-е февраля—величайшая изъ реформъ—освобожденіе двадцати двухъ милліоновъ народа, а на 1862 г. уже опять реакція, вторая въ эпоху реформъ. Это явленіе объясняется борьбою прогрессивнаго меньшинства съ крѣпостническимъ большинствомъ. Но реформы лежали въ порядкѣ вещей, были неотвратимы. Разъ совершался шагъ впередъ, свое безсиліе и злобу ретроградная партія вымещала на неповинной литературѣ. И все же это ни къ чему не вело. Духъ времени, необоримый, дѣлалъ свое.

Участіе всѣхъ вѣдомствъ въ цензурномъ дѣлѣ болѣе и болѣе усиливалось и не только сдѣлалось наконецъ весьма обременительнымъ для авторовъ и редакторовъ, но, сверхъ того, возбуждало постоянно самыя непріятныя столкновенія между представителями различныхъ вѣдомствъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ

---

[1]) Экспромтъ. Въ альбомъ Ваккара, члена комитета иностранной цензуры, въ то время какъ Тютчевъ былъ предсѣдателемъ онаго. Октябрь 1870.

1858 года послѣдовало повелѣніе о назначеніи довѣренныхъ отъ разныхъ вѣдомствъ чиновниковъ для непосредственныхъ сношеній съ общею цензурою при разсмотрѣніи статей. Упраздненъ былъ и военно-цензурный комитетъ. Несмотря на всѣ сіи мѣры періодическая литература, вслѣдствіе возбужденныхъ правительствомъ важныхъ государственныхъ вопросовъ, стала все болѣе и болѣе преодолѣвать цензурныя препятствія и высказывать независимыя мнѣнія по всѣмъ возбуждаемымъ обстоятельствами времени вопросамъ. Правительство признало необходимымъ, посредствомъ особаго учрежденія, само давать направленіе общественному мнѣнію. Съ сею цѣлію по высочайшему повелѣнію 24 января 1859 года вновь учрежденъ былъ негласный комитетъ по дѣламъ книгопечатанія[1]).

Комитетъ состоялъ изъ тайнаго совѣтника Муханова и генералъ-адъютантовъ: графа Адлерберга 2-го и Тимашева. Комитетъ обязанъ былъ имѣть «неофиціальный надзоръ за направленіемъ литературы, соотвѣтственно видамъ правительства».

Но «видовъ правительства» было два: прогрессивнаго меньшинства, сильнаго голосомъ монарха, и партіи крѣпостниковъ-ретроградовъ.

За чѣмъ же наблюдать былъ поставленъ новый «негласный комитетъ»?

Крестьянская реформа разрабатывалась въ комиссіяхъ. Освобожденіе не могло произойти иначе какъ съ землей, такъ какъ если не юридически, то въ силу обычнаго права всегда считалась за крестьянами особая крестьянская земля. Литература не могла сказать чего-либо, расходящагося съ «видами правительства». Она высказывала только противное «видамъ» извѣстной партіи въ правительствѣ. Отсюда ложное положеніе «негласнаго» комитета, облеченнаго чрезвычайными, хотя и «неофиціальными» полномочіями.

Комитету было предоставлено «въ случаѣ надобности тре-

[1]) Проектъ устава о книгопечатаніи. Спб. 1862 г., стр. 55.

бовать личной явки въ оный цензоровъ, равно и журналистовъ и литераторовъ».

Комитетъ 24-го января существовалъ недолго; въ томъ же году, въ октябрѣ, члены комитета во всеподданнѣйшей запискѣ представили мнѣніе свое о необходимости измѣненія устройства комитета. Вотъ что говорится въ запискѣ:

«Поставленный неофиціальнымъ положеніемъ внѣ общей системы правительственныхъ учрежденій и въ то же время обязанный участвовать въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ общественныхъ, именно вопросовъ умственныхъ, комитетъ долженъ былъ затрогивать самыя щекотливыя стороны администраціи, общественнаго мнѣнія и печати, что дало ему видъ какого-то чрезвычайнаго, контролирующаго и, по его уединенности, видъ устрашающаго постановленія, несмотря на употребленные имъ всевозможные способы къ отстраненію всякихъ поводовъ къ подобному взгляду».

«Съ первыхъ дней своего существованія комитетъ ощутилъ невыгодныя послѣдствія возбудившихся недоразумѣній и сталъ въ какое-то странное положеніе въ средѣ, гдѣ ему надлежало дѣйствовать. Почти всеобщее нерасположеніе быстро устремилось навстрѣчу первыхъ шаговъ его».

Результаты занятій комитета выразились въ признаніи слѣдующаго:

«Администрація цензуры лишена правильнаго устройства. Ей недостаетъ самостоятельности и сосредоточенности».

12-го ноября 1859 года послѣдовало высочайшее повелѣніе: главное управленіе цензуры отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія и составить особое офиціальное государственное учрежденіе для исключительнаго и непосредственнаго завѣдыванія цензурою въ имперіи и царствѣ Польскомъ.

Барону Корфу было поручено составить «соображеніе». Корфъ въ докладѣ предлагалъ: образовать главное управленіе книгопечатанія; участіе всѣхъ прочихъ вѣдомствъ въ цензурѣ произведеній книгопечатанія впредь прекратить.

Всѣ эти предположенія не получили окончательнаго утвержденія и самая мысль объ образованіи отдѣльнаго государственнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія была оставлена, а вмѣсто того сдѣланы въ 1860 году нѣкоторыя измѣненія въ составѣ цензуры[1]).

Отъ 29-го января 1859 года, Никитенко передаетъ разговоръ государя съ попечителемъ Н. В. Исаковымъ, который желалъ узнать, какому направленію въ цензурѣ онъ долженъ слѣдовать. «Я убѣжденъ,—сказалъ Исаковъ,—что гласность необходима».— «И я тоже,—отвѣчалъ государь,—только у насъ дурное направленіе».

Отъ 8-го ноября того же года, Никитенко положительно удостовѣряетъ, что государь «оказывается сильно нерасположеннымъ къ литературѣ», «предубѣжденный ревнителями молчанія и безмыслія».

«Цензуру намѣреваются отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія... Хуже всего то, что этимъ правительство совершенно отдѣлится отъ мыслящей и просвѣщенной части общества. Отдавъ интересы ея подъ надзоръ... оно тѣмъ прямо противопоставитъ ее себѣ. Тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о соглашеніи, о разумномъ уравновѣшеніи. Съ одной стороны—лозунгъ: держи, останавливай, съ другой—прорывайся, обходи, ухищряйся, словомъ, дѣйствуй всѣми средствами, позволенными и не позволенными. Это весьма неудачное подражаніе французскому порядку»[2]).

1-го марта 1859 года Никитенко былъ высочайше утвержденъ директоромъ дѣлопроизводства комитета по дѣламъ книгопечатанія.

Отъ 22-го ноября 1859 года онъ писалъ: «Оторванная отъ министерства народнаго просвѣщенія, цензура сдѣлается добычею всякаго искателя власти и вліянія. Теперь уже многіе за-

[1]) Проектъ, стр. 67.

[2]) Дневникъ Никитенка, II, 169.

рятся на нее... Вообще она сдѣлалась, болѣе чѣмъ когда либо, игралищемъ случайностей».

Отъ 27-го ноября 1859 года: «Министръ объяснилъ мнѣ, какъ произошло отдѣленіе цензуры отъ министерства народнаго просвѣщенія. Это — иниціатива самого государя, а внушеніе графа С. Г. Строгонова».

Наконецъ, отъ 7-го февраля 1860 года, Никитенко пишетъ: «Для литературы настала эпоха весьма неблагопріятная. Главное, государь сильно противъ нея вооруженъ» [1]).

Вѣрнѣе, однако, предположить, что государь уступалъ настояніямъ партіи консервативной. Самое привлеченіе въ комитетъ Никитенка и аудіенція, данная ему монархомъ, свидѣтельствуютъ о широкой терпимости и свѣтлыхъ взглядахъ Царя-Освободителя. Какъ бы то ни было, но надо было тѣмъ или инымъ путемъ вывести цензурное дѣло изъ летаргическаго состоянія.

Въ 1862 году, указомъ 10-го марта, главное управленіе цензуры упразднено, наблюденіе возложено на министерство внутреннихъ дѣлъ. Цензурное вѣдомство раздѣлилось на двѣ части: наблюдательная и преслѣдовательная власть предоставлена министру внутреннихъ дѣлъ, а цензурно-предупредительная обязанность осталась въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

Въ началѣ 1862 года Никитенко пишетъ о положеніи цензуры: «Странное положеніе нынѣ цензуры; она какъ-то раздвоилась: одною ногою стоитъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а другою — въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. За первымъ собственно остается власть предваряющая, цензурующая; другому принадлежитъ наблюдательная, контролирующая, и, какъ говорятъ, впослѣдствіи будетъ принадлежать и карательная» [2]).

«Министръ внутреннихъ дѣлъ (Валуевъ) собралъ сегодня, въ

---

[1]) Дневникъ Никитенка, II, 173.

[2]) 28-го марта 1862 года. Дневникъ Никитенка, II, 318.

два часа, всѣхъ принадлежащихъ къ наблюдательному вѣдомству по дѣламъ книгопечатанія. Ну, право же, большая нелѣпость и весь этотъ наблюдательный синклитъ, и самая идея наблюденія, и все это нынѣшнее состояніе цензуры. Вотъ Валуевъ какъ попался со своимъ проектомъ преобразованія цензуры! Онъ хотѣлъ установить карательную цензуру, взялся за это, не сумѣлъ сдѣлать и проволочилъ дѣло до появленія на сцену Головнина (министра народнаго просвѣщенія)—этотъ теперь его и обошелъ. Сущность цензуры Головнинъ забралъ себѣ, а ея темную, невыгодную сторону оставилъ Валуеву» [1]).

Однако, вскорѣ Никитенко даетъ такую характеристику Головнина, которая показываетъ, что онъ едва ли способенъ былъ въ самомъ дѣлѣ «обойти» кого либо: «Что у насъ за странный министръ! Онъ рѣшительно не приходитъ ни къ какому опредѣленному результату, а все вертится на одномъ мѣстѣ, то одну ногу подниметъ, то другую, сдѣлаетъ движеніе рукой, сладко улыбнется — вотъ и все» [2]).

Студенческія волненія 1861 года, тревожное состояніе деревни, пожары лѣтомъ 1862 года приводятъ ко второй реакціи эпохи великихъ реформъ.

12-го іюня 1862 года, Никитенко пишетъ: «Вотъ она и реакція, какъ и слѣдуетъ быть... Журналы «Современникъ» и «Русское Слово» закрыты на восемь мѣсяцевъ. Но главное неудобство всякой реакціи, а особенно нашей, будетъ въ томъ, что тутъ правое потерпитъ наравнѣ съ виноватымъ. Мысли грозитъ опять застой и угнетеніе, а мыслящимъ людямъ, писателямъ, ученымъ — непріязненныя нападки невѣждъ и ретроградовъ».

---

[1]) 13-го апрѣля 1862 года. Дневникъ Никитенка, II, 320.
[2]) 28-го апрѣля 1862 года. Дневникъ, II, 322.

VI.

Такимъ образомъ, съ 1855 года по 1862 годъ видимъ все время толченіе на одномъ мѣстѣ. Сущность системы цензурной не измѣняется. Количество цензуръ не сократилось, но увеличилось. Цензуровали буквально всѣ вѣдомства. Но такъ какъ въ нихъ проявлялись теперь либеральныя стремленія, то они попускали и поощряли появленіе статей по вопросамъ, прежде немыслимымъ для печати.

Уничтоженный «негласный» комитетъ вновь воскресаетъ и вновь умираетъ.

Собственно реакціи 1858 и 1862 годовъ ведутъ борьбу не съ литературой, которая вѣдь вся подцензурна, а съ либеральными цензурами вѣдомствъ. Наконецъ совершенъ рѣшительный шагъ — цензура переходитъ въ вѣдѣніе министра внутреннихъ дѣлъ Валуева.

Главными мѣстами изданій, какъ и главными очагами русской мысли въ періодъ съ 1855 по 1862 годъ были Москва и Петербургъ.

Какъ только явилась возможность говорить, возникли въ Москвѣ полуславянофильскіе органы. Въ поддержку «Русской Бесѣдѣ» Кошелева возникъ «Парусъ» Ив. С. Аксакова. Но та же Москва создала и солидный органъ на западно-европейской подкладкѣ — «Русскій Вѣстникъ», основанный въ 1856 г. въ умѣренно-либеральномъ направленіи и сразу завоевавшій популярность дѣльностью содержанія. Но уже въ 1857 году возникъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» расколъ по вопросу о централизаціи, и часть его сотрудниковъ, отдѣлившись, основала «Атеней», гдѣ писались статейки «о сухихъ туманахъ», погибшій скоро «въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики». Эта фраза сдѣлалась классической!..

Въ Москвѣ же издавали безыменные сотрудники независимый критическій органъ «Московское Обозрѣніе».

Но все же Петербургъ былъ главою движенія. Первое мѣсто между журналами занималъ «Современникъ». За нимъ стояли «Отечественныя Записки» и «Библіотека для Чтенія». Петербургъ не уступалъ Москвѣ, а превзошелъ ее обиліемъ и разнообразіемъ новыхъ органовъ. Тамъ явился «Экономическій Указатель», проповѣдывавшій свободу торговли, неограниченную конкурренцію и личную поземельную собственность. В. Курочкинъ съ цѣлой компаніей поэтовъ и юмористовъ основалъ «Искру», а въ 1858 г. стало выходить «Русское Слово» графа Кушелева-Безбородка».

Обсужденіе внутреннихъ дѣлъ не допускалось впродолженіе 50-хъ годовъ.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» былъ заведенъ отдѣлъ «Современная Лѣтопись», но онъ состоялъ въ первые годы, большею частью, изъ свода мелкихъ статей разныхъ авторовъ по частнымъ предметамъ. Только съ 1858 года, когда приступлено было къ крестьянской реформѣ, «Русскій Вѣстникъ» получилъ возможность объяснять реформу и крестьянскій вопросъ.

Катковъ высказывался въ смыслѣ дарованія крестьянамъ гражданской полноправности, освобожденія крестьянъ съ землею и осуществленія операціи выкупа съ помощью правительства.

Статьи эти печатались только съ конца апрѣля по іюль 1858 года; по «независящимъ обстоятельствамъ» онѣ затѣмъ прекратились, какъ и въ «Современникѣ».

По вопросу о будущемъ положеніи дворянства послѣ осуществленія крестьянской реформы писалъ въ 1858 и 1859 гг. Безобразовъ («О сословныхъ интересахъ», «Аристократія и интересы дворянства»). Главною опорою сословія признавалось самоуправленіе.

Обращали вниманіе на себя также обличительныя статьи Громеки (о взяткахъ, о предѣлахъ полицейской власти, о полицейскомъ дѣлопроизводствѣ, о полиціи внѣ полиціи, послѣднее слово о полиціи и тому подобное).

Это тотъ Громека, котораго Добролюбовъ упоминаетъ въ «Свисткѣ»:

... Громека съ силой адской
Все о полиціи писалъ...

Западническая либеральная печать Москвы и Петербурга дѣйствовала заодно съ заграничной, свободной печатью въ пятидесятыхъ годахъ.

То былъ «Колоколъ» Герцена съ эпиграфомъ: Vivos voco, mortuos plango, fulgura frango («призываю живыхъ, оплакиваю мертвыхъ, сокрушаю молнію» — средневѣковая колокольная надпись). «Колоколъ» до польскаго повстанья лежалъ на столѣ всѣхъ русскихъ сановниковъ и самого государя...

Первыя лондонскія изданія Герцена начались въ 1853 году, когда онъ завелъ русскую типографію.

«Колоколъ», вслѣдъ возобновленной «Полярной Звѣздѣ», начался съ іюля 1857 года. Первый годъ Герценъ выпускалъ по одному номеру въ мѣсяцъ, а съ 1858—еженедѣльно. Спросъ на изданіе усилился настолько, что въ началѣ 60-хъ годовъ «Колоколъ» расходился въ 2.500 экземплярахъ. Но въ 1863 г., когда началось польское повстанье, продажа «Колокола» упала сразу до 500 экземпляровъ. Время «Колокола» кончилось, а съ нимъ и наиболѣе яркій періодъ значенія и популярности Герцена [1]).

Причиной было непониманіе Герценомъ польскаго вопроса, этого чисто «шляхетскаго дѣла», которое раздѣляли и многіе русскіе люди тогда. Но вѣрный инстинктъ національный сразу пробудился въ русскомъ обществѣ.

Отъ 12-го января 1864 года, Никитенко писалъ:

«На-дняхъ разнесся слухъ, что Герценъ умеръ, а теперь говорятъ, что это ложь. Умеръ ли, живъ ли онъ, впрочемъ, теперь, на мой взглядъ, рѣшительно все равно для Россіи. Врядъ

[1]) Шелгуновъ. Воспоминанія, 678.

ли отнынѣ отъ него можетъ быть для нея польза или вредъ Съ польскаго возстанія онъ такъ упалъ въ общественномъ мнѣніи, что о его существованіи можно почти и позабыть».

Чрезвычайно любопытную характеристику русской журналистики въ эпоху польскаго «повстанья» находимъ въ изданномъ въ 1865 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ «Собраніи матеріаловъ о литературныхъ направленіяхъ».

«Преобладаніе ежедневныхъ и еженедѣльныхъ журналовъ въ минувшемъ году было послѣдствіемъ не только того направленія, которое литература получила у насъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, съ начала 1857 года, но и сосредоточенія общественнаго вниманія на такъ рѣзко выдавшихся съ начала весны минувшаго года политическихъ событіяхъ и государственныхъ преобразованіяхъ. Изящная литература и техническіе вопросы были почти забыты въ виду польскаго возстанія, проекта земскихъ учрежденій, преобразованія учебныхъ заведеній, законодательства по дѣламъ прессы и другихъ важныхъ предметовъ внутренняго управленія, равно какъ крестьянской реформы, не перестававшей служить одною изъ главныхъ темъ для періодической прессы»[1]).

«Въ концѣ 1862 года, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ одновременно преобразовались или создались главныя изъ тѣхъ ежедневныхъ періодическихъ изданій, на долю которыхъ выпала дѣятельность, дозволяющая періодическую литературу нашу назвать на 1863 годъ по преимуществу газетной... Замѣчательнѣйшіе изъ редакторовъ нашихъ: г. Катковъ въ Москвѣ и г. Краевскій въ Петербургѣ, удержавъ за собою прежнія свои ежемѣсячныя изданія «Русскій Вѣстникъ» и «Отечественныя Записки», предприняли новыя, ежедневныя, а именно, первый — «Московскія Вѣдомости», второй—газету «Голосъ». Въ то же

---

[1]) Собраніе матеріаловъ. Отчетъ о дѣятельности совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія съ 22-го іюня по 31-е декабря 1863 года, стр. 203.

самое время и «С.-Петербургскія Вѣдомости», собственность академіи наукъ, ежедневная газета, имѣвшая прежде большую извѣстность, но бывшая въ 1862 году въ упадкѣ, перешла въ руки новой редакціи и подверглась коренному преобразованію. Независимо отъ сего и «Инвалидъ»... и «Биржевыя Вѣдомости»... пять, можно сказать, новыхъ ежедневныхъ газетъ, съ болѣе или менѣе серьезными средствами выступили на сцену почти въ одинъ и тотъ же моментъ»[1]).

«Собраніе матеріаловъ, между прочимъ, отмѣчаетъ важный моментъ въ русской исторіи газетной публицистики — появленіе особаго рода статей, такъ называемыхъ «руководящихъ» или «передовыхъ обозрѣній», и появленіе въ газетахъ такъ называемыхъ «передовиковъ» — высшаго рода газетнаго словеснаго искусства».

«Въ прошедшіе годы вообще, а въ минувшемъ году преимущественно, развился у насъ еще особый родъ литературы, свойственный исключительно ежедневнымъ газетамъ, — такъ называемыя руководящія статьи по предметамъ внѣшней и внутренней политики. Эти статьи стали рѣшительно необходимостью сколько-нибудь замѣтной политической русской газеты. Въ этихъ статьяхъ газеты стремятся заявлять собственные свои взгляды и направленія».

«Въ заключеніе должно упомянуть о «Сѣверной Пчелѣ», пришедшей въ 1863 году въ упадокъ по скудости матеріальныхъ средствъ»[2]).

---

[1]) Собраніе матеріаловъ. О направленіи періодической литературы вообще и замѣчательныхъ періодическихъ изданій въ особенности въ 1863 году, стр. 205 и 206.

[2]) Ibid., стр. 226.

VII.

Одинъ изъ характернѣйшихъ эпизодовъ журналистики пятидесятыхъ годовъ—это приключеніе съ Павломъ Якушкинымъ, котораго въ 1856 году продержали десять дней въ отвратительномъ и гнусномъ помѣщеніи при псковской полиціи за то только, что онъ былъ одѣтъ по-мужицки, чего требовала инструкція, данная ему редакторомъ «Русской Бесѣды», съ цѣлью изученія особенностей быта Псковской губерніи, собранія пѣсенъ, сказокъ и преданій. По поводу этого «сидѣнія въ части за любовь къ народности» тогда возгорѣлась ярая «обличительная» полемика[1]).

Въ 1861 году «Современная Лѣтопись» отдѣляется отъ «Русскаго Вѣстника» и обращается въ дополнительное къ нему изданіе. Это какъ бы еженедѣльная газета. Отдѣлъ внутренняго обозрѣнія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» превращается въ журнальное обозрѣніе.

Въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ 1861 года Катковъ почти не пускается въ обсужденіе внутреннихъ вопросовъ на-

---

[1]) «Проницательность и усердіе губернской полиціи». Письмо П. И. Якушкина, съ предисловіемъ редакціи «Русской Бесѣды» 1859 г., № 5, стр. 107—122. «Отвѣтъ на статью господина Якушкина». В. Гемпеля (полицеймейстера), «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1859 года, № 239. «Отвѣтъ господину псковскому полицеймейстеру, П. Якушкина, «Московскія Вѣдомости» 1859 г., № 266. «Послѣдняя страница въ дѣлѣ господина Якушкина съ псковской полиціей», отъ редакціи «Русской Бесѣды» 1859 г., № 6, стр. 101—136. «Разсказъ о приключеніи съ господиномъ Якушкинымъ. Господинъ Гемпель передъ судомъ гласности», «Русскій Вѣстникъ» 1859 г., №№ 17 и 20, стр. 92—103 и 385—402. «Господинъ Якушкинъ и псковская губернская полиція», П. Лебедевъ 3-й, «Русскій Инвалидъ» 1859 г., № 239 (офиціальное описаніе дѣла со всѣми подлинными документами). «Строгость законовъ и великодушное самоуправство чиновниковъ» П. Унковскаго, «Московскія Вѣдомости» 1859 г., № 261. «Дополнительная замѣтка» А. Унковскаго, «Московскія Вѣдомости» 1859 г., № 270.

шей политической жизни. Онъ заявляетъ, правда, что «великое пріобрѣтеніе нашего времени» состоитъ въ томъ, что «начало свободы», которое было главною движущею силою новѣйшей исторіи, перестало быть пугаломъ, грозою, тревогой, смутой. Оно все болѣе и болѣе становится началомъ консервативнымъ, въ истинномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Оно для современныхъ обществъ не есть уже что-то странное, чуждое, приходящее издали, вносящее тревогу въ жизнь и дурной энтузіазмъ въ умы; для современныхъ обществъ оно становится необходимымъ условіемъ жизни; оно уже не пришелецъ, а почти хозяинъ («Современная Лѣтопись» 1861 года, № 1, стр. 14).

Но на практикѣ русская публицистика пока не придерживалась упомянутаго начала и хранила почти безусловное молчаніе относительно большей части явленій внутренней жизни.

Когда Аксаковъ, въ концѣ октября мѣсяца 1861 года, приступилъ къ изданію газеты «День», онъ укорялъ печать, что она болѣе занимается Лондономъ и Парижемъ, чѣмъ Тулою и Рязанью.

Между тѣмъ, только подлежащія «вѣдомства» могли позволить печати свободно говорить о такихъ опасныхъ вещахъ, какъ Рязань и Тула.

5-го марта 1861 года, въ день объявленія «воли», въ газетахъ Москвы и Петербурга не было ни строки объ этомъ событіи.

Можно было подумать, что онѣ издавались за границею.

5-го марта читаютъ въ Петербургѣ манифестъ.

Въ печати ничего или почти ничего.

Съ 4-го по 6-е марта «Московскія Вѣдомости» не выходили. Въ № отъ 7-го марта, за помѣткою «сообщено», — офиціальное свѣдѣніе о чтеніи манифеста въ московскихъ церквахъ и о молебствіи. Только въ глухомъ углу газеты, въ библіографіи, гдѣ говорилось о книгѣ Тройницкаго — «Крѣпостное населеніе по 10-й ревизіи» — газета помѣстила нѣсколько прочувствованныхъ строкъ о событіи дня...

Такимъ образомъ этотъ первый и самый яркій періодъ эпохи

реформъ, съ 1855 по 1858 и съ 1858 по 1862 годъ, въ сущности былъ временемъ глухой, придавленной предварительной цензурой мысли. Но дѣло въ томъ, что съ одной стороны надо было дать выходъ общественному броженію, которое въ противномъ случаѣ перешло бы въ писанную и подпольную, ускользающую отъ наблюденія, литературу. Съ другой, само правительство нуждалось въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія, такъ какъ ему приходилось бороться съ сильной крѣпостнической партіей, матеріальные интересы которой были затронуты. Необходимо было и приготовлять общество къ реформамъ, которыя не могли же падать, какъ снѣгъ на голову.

Это заставляло смотрѣть сквозь пальцы на распространеніе въ русскомъ обществѣ «Колокола» Герцена.

Наконецъ, во всѣхъ вѣдомствахъ были прогрессивная и ретроградная партіи. Понятно, что цензура вѣдомствъ была двойственна. Разрѣшала и попускала прогрессивная партія сегодня, запрещала ретроградная завтра.

Эпоха великихъ реформъ, въ воспоминаніи пережившихъ ее, обыкновенно порождаетъ хронологическую неопредѣленность.

Часто, говоря о шестидесятыхъ годахъ, въ сущности вспоминаютъ пятидесятые, ибо періодъ съ 1855 по 1862 годъ составляетъ нѣчто цѣльное, полное единымъ духомъ и порывомъ. Да, это былъ грандіозный порывъ къ освобожденію всей страны всѣхъ слоевъ общества. Всѣ силы напрягались въ одну сторону, били въ одну точку — перевалить рубиконъ — 19-е февраля. Камертонъ былъ въ рукахъ Герцена и лондонскаго «Колокола».

Во главѣ петербургской. прогрессивной печати стоялъ «Современникъ» и въ немъ Чернышевскій. Во главѣ передовой московской — «Русскій Вѣстникъ» и Катковъ.

Не только все, что противилось реформѣ, но и все, что было къ ней равнодушно или отвлекало отъ нея, — клеймилось и осмѣивалось. Такъ, критика осмѣивала эстетическое наслажденіе, боясь, чтобы оно не отвлекло вниманіе общества отъ единой

великой задачи. Но 19-е февраля было пройдено. Теперь уже не требовалось такого сосредоточенія силъ, ибо остальныя реформы логически истекали изъ экономическаго переворота въ странѣ. У общества поэтому открылась возможность разсѣять свое вниманіе на разные предметы, тѣмъ болѣе, что устремленіе въ одну точку и могло быть непродолжительно. Но разъ теченіе разбилось на отдѣльныя струи, сила его напора ослабѣла, и въ немъ стали тонуть слишкомъ много запросившіе у своего времени передовые публицисты. Добролюбовъ умеръ еще въ 1861 году, Чернышевскій былъ арестованъ въ 1862 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ 1862 годъ былъ особенно богатъ работами въ цензурной области, медленную эволюцію преобразованія которой мы имѣемъ предметомъ въ этихъ очеркахъ. Строго говоря, фактически въ 1862 году цензура въ Россіи пришла къ окончательному хаотическому состоянію.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Записка о цензурѣ коллежскаго ассесора Фукса. — «Сущность карательной системы».—Радостныя перспективы и суровая проза дѣйствительности. — Записка отъ редакцій журналовъ 1862 г.— Комиссія кн. Оболенскаго.—Проектъ устава о книгопечатаніи.— «Произволъ и насиліе, неизбѣжное свойство цензурныхъ установленій».—Попытка ограничить «слово», «письмо» и «печать».— Декретъ Наполеона 17-го февраля 1852 г., какъ основаніе русской цензурной системы. — «Вредное направленіе». — Комиссія отказывается опредѣлить безспорные признаки онаго.—Циркуляры 1863 г.— Ограниченіе «обличительныхъ» статей и малороссійскаго языка.— Прохожденіе проектомъ мытарствъ.—Отзывы Головнина и барона Корфа.—Они требуютъ свободы печати.—Законъ 6-го апрѣля 1865 г.—«Шагъ впередъ».—«Лютая» судьба литературы.—Хочешь или не хочешь, а эмансипируйся!—«Конфиденціальная инструкція цензорамъ».—Литературный терроръ 1863—1868 годовъ.—Подверженные «сивушной гибели» литераторы.—Состояніе. именуемое «послѣ вчерашняго».—«Потрясающія фигуры» журналистики.—«Темныя» изданія и «темные» издатели.—Издатель, жующій овесъ.—Умираніе «Современника».—Полемическая оргія.—Антоновичъ и Щедринъ противъ Писарева, Зайцева и Благосвѣтлова.—Verba novissima!—«Лукошко», «водяной настой на фигѣ», «бутербродъ гнилой и заразительный» и проч.—Борьба Валуева съ Катковымъ.—The foremost journal in Russia.— Побѣда «Московскихъ Вѣдомостей».—Выстрѣлъ Каракозова.—Послѣдствія злодѣянія.—«Современникъ» и «Русское Слово» гибнутъ.—Паденіе Валуева въ 1868 г.—Тимашевъ «намѣренъ слѣдовать системѣ своего предшественника».

I.

Съ переходомъ «карательной» цензуры во власть министра внутреннихъ дѣлъ полное преобразованіе всей цензурной системы стало лишь дѣломъ времени. Эта система превратилась въ хаосъ. Но до введенія новыхъ судовъ не находили возможнымъ введеніе наполеоновской системы, сколкомъ съ которой и былъ проектъ министра Валуева. Предполагалось, что судебныя взысканія явятся столь же дѣйствительнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ печатью, какъ и взысканія административныя. Практика потомъ показала невѣрность этого теоретическаго соображенія.

Въ періодъ съ 1862 г. по 1868 годъ громадное вліяніе на общество и правительство имѣли два событія: польское повстанье 1863—1864 гг. и покушеніе Каракозова 1866 г. Между ними падаетъ моментъ перехода цензуры отъ «предупредительной» системы къ «карательной» въ началѣ 1865 г. Понятно, что напуганное событіями правительство могло имѣть въ виду одну задачу—подавленіе печати. Послѣдовало запрещеніе «Современника», «Русскаго Слова», и къ 1868 г. назрѣла такая реакція, которая оставляетъ за собою позади реакціи 1858 и 1862 гг., когда дѣйствовала одна ретроградная партія, явно безсильная остановить реформы. Реакція 1868 года, дѣйствительно, могла указать на такія событія, которыя показывали наличность въ обществѣ темныхъ страстей и нездоровыхъ ученій. Но недаромъ эти ученія и страсти Достоевскій назвалъ «бѣсами», скопившимися за годы крѣпостного права и аракчеевщины всѣхъ видовъ въ «великомъ больномъ»—нашей Россіи. Десятки лѣтъ закупоренная подъ свинцовой крышей цензуры мысль вырождалась и разлагалась. Яды этого разложенія могли бы все-таки нейтрализироваться, еслибы реформы съ 1855 по 1862 проходили при свободѣ слова. Но нѣтъ,—старая цензурная система оставалась въ силѣ.

Мысль, возбужденная реформами и лишенная свободнаго развитія, уродовалась, искривлялась и превращалась въ односторонніи, фанатическія мечтанія. «Дурное направленіе» мысли было результатомъ цензурнаго гнета, какъ уродливая нога китаянки—слѣдствіе повязокъ на ней. Но разсуждали иначе. Мысль уродлива, значитъ мы правы, значитъ надо еще туже затянуть повязки!

Законъ о печати 1865 г. подготовлялся долго и медленно вызрѣвалъ. Однако, въ 1862 году уже ясно было невозможное положеніе цензуры рѣшительно для всѣхъ. Учрежденіе дѣйствовало совершенно хаотически и безъ всякаго общаго, осмысленнаго плана.

«Правительство,—читаемъ въ «Запискѣ о цензурѣ» коллежскаго ассесора Фукса (1862),—особенно въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, употребило всѣ зависящія отъ него мѣры для прочнѣйшей организаціи предупредительнаго принципа. Всѣ правительственныя вѣдомства, въ лицѣ своихъ делегатовъ, давно уже призваны къ бдительному надзору почти за каждымъ печатнымъ словомъ; мало того, учреждено даже было наблюденіе и за напечатанными произведеніями путемъ разныхъ верховныхъ комитетовъ и главнаго управленія цензуры: однимъ словомъ, къ предупредительной системѣ примѣнена вся сила карательной, и тѣмъ не менѣе законодательство по цензурѣ не перестаетъ у насъ колебаться... Пройдя въ теченіе полувѣка чрезъ безконечный рядъ неудачныхъ попытокъ, оно не могло отыскать себѣ незыблемаго основанія»[1]).

Коллежскій ассесоръ Фуксъ восхищается «сущностью карательной системы»: «Преслѣдованіе идетъ законнымъ, строго опредѣленнымъ порядкомъ и совершается, смотря по мѣрѣ вины, въ полицейскихъ или судебныхъ учрежденіяхъ разныхъ инстанцій. Здѣсь администрація строго отдѣлена отъ суда; первая заявляетъ фактъ, обвиняетъ, но не судитъ; вторая судитъ,

---

[1]) Записка, стр. 38.

но не обвиняетъ; здѣсь обвиняемый подчиняется законамъ, ему извѣстнымъ, можетъ защищаться самъ или чрезъ другое, закономъ для сего предназначаемое, лицо. Здѣсь дѣло не подлежитъ проволочкѣ... наказанія же (пріостановка и прекращеніе из да нія, денежныя пени и разнаго рода личные аресты) основаны на мѣрѣ вины»[1]).

Однако, Фуксъ прибавляетъ: «Противъ карательной системы совершенно справедливо замѣчаніе, что она отличается крайнею жестокостью, что при ней авторы и издатели гораздо чаще и значительнѣе подвергаются отвѣтственности, нежели при системѣ предупредительной».

Въ самомъ дѣлѣ, при старой системѣ все зависѣло отъ цензора, который соображался съ «видами», а эти «виды» постоянно мѣнялись. Такимъ образомъ, въ удобный моментъ многое могло проскользнуть въ печать. Фуксъ восхищается порядкомъ судебныхъ и административныхъ взысканій съ печати при новой «карательной» системѣ, ибо эти взысканія основаны «на мѣрѣ вины». Къ несчастію, точное опредѣленіе этой мѣры— вещь совершенно невозможная. Чрезвычайно трудно юридически разработать понятіе литературной вины, разъ оно выходитъ изъ предѣловъ грубаго сквернословія, порнографіи, пасквиля, клеветы.

Для нетерпимости, для раздражительныхъ невѣждъ самый фактъ существованія мысли и литературы есть вина ея. Если «вина» есть потрясеніе «авторитетовъ», то для невѣждъ и тунеядцевъ «авторитетъ» есть простое statu quo, со всѣми наростами и безобразіями, искажающими этотъ авторитетъ. Мысль всегда виновна у такихъ людей, ибо она есть свѣтъ. А при свѣтѣ видно не только добро, но и зло. Потому и ненавидятъ свѣтъ. Въ концѣ концовъ литературная вина подводится подъ чрезвычайно широкое и неопредѣленное понятіе «вреднаго направленія».

---

[1]) Записка, стр. 45.

И, тѣмъ не менѣе, переходъ отъ системы «предварительной» цензуры къ системѣ цензуры «послѣдовательной» является шагомъ впередъ. Необходимое слѣдствіе его — большій просторъ для печатнаго слова. Слово можетъ быть сказано, можетъ явиться въ печати, хотя бы за нимъ и слѣдовала кара. При цензурѣ рукописей это немыслимо. Положеніе литературы тѣмъ было затруднительнѣе, что надъ нею тяготѣла масса въ разное время изданныхъ циркуляровъ.

«Произволъ и противорѣчія встрѣчаются на каждомъ шагу въ рядѣ цензурныхъ уставовъ, циркуляровъ и повелѣній, ежедневно нарушаемыхъ самимъ правительствомъ и невозможныхъ для исполненія на дѣлѣ. Еслибъ кто сталъ держаться буквально этихъ наставленій, то рѣшительно ни одна строчка не могла бы пройти въ печати».

«Спеціальныя цензуры въ послѣднее время расплодились въ такомъ множествѣ, что общіе цензоры затрудняются, кого изъ нихъ признавать законнымъ и кого считать самозванцами. Такъ, напримѣръ, неизвѣстно, слѣдуетъ ли признавать право цензуры за вѣдомствомъ попечительнаго совѣта, за вѣдомствомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и за вѣдомствомъ пріютовъ... Но, кромѣ ихъ, съ недавняго времени на право спеціальной цензуры претендуютъ еще слѣдующія вѣдомства: почтовое, Публичной библіотеки, сибирскій и кавказскій комитеты, вѣдомство межевое, статсъ-секретаріаты царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго, государственной канцеляріи и проч., и проч.»...

«Безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что исторія человѣческой мысли нигдѣ и никогда не представляла такого жалкаго примѣра цензурныхъ учрежденій, какъ въ настоящее время у насъ, и нигдѣ подъ внѣшней формой закона не скрывалось столько самоуправства, какъ въ нашемъ цензурномъ уставѣ»[1]).

[1]) Записка, представленная отъ редакціи журналовъ: «Отечественныя Записки», «Русское Слово», «Время», «Сѣверная

Все, что касалось внѣшней политики, подвергалось особой цензурѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Эта цензура не пропускала малѣйшей критики дѣяній Наполеона III. Что свободно проходило въ французской прессѣ, задерживалось у насъ, такъ что можно было сказать, наша цензура была plus napoleonienne que Napoleon lui-même... Одно время почтовое вѣдомство испросило гласность для своей области. Но едва въ печати появилось нѣсколько «обличительныхъ» статеекъ о непорядкахъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, какъ оно перепугалось и издало постановленіе для редакторовъ и цензоровъ, чтобы всѣ статьи о почтовыхъ непорядкахъ, минуя печать, отсылались непосредственно въ почтовое вѣдомство для разслѣдованія...

II.

Комиссіею (первою) 8-го марта 1862 г. для пересмотра, измѣненія и дополненія по дѣламъ книгопечатанія, подъ предсѣдательсвомъ статсъ-секретаря князя Оболенскаго, при членахъ: тайномъ совѣтникѣ Цеэ, генералъ-майорѣ Штюрмерѣ, академикѣ Веселовскомъ, членѣ главнаго управленія училищъ Вороновѣ, профессорѣ Андреевскомъ и правителѣ дѣлъ Галанинѣ былъ выработанъ обширный и мотивированный «Проектъ устава о книгопечатаніи». 29-го января 1863 года Никитенко получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ предписаніе о назначеніи его членомъ въ высочайше утвержденную комиссію (вторую) для разсмотрѣнія законовъ о печати, подъ предсѣдательствомъ князя Димитрія Александровича Оболенскаго. Въ комиссіи собрано было почти все, что было писано по поводу цензуры въ Германіи, Франціи, Англіи и Бельгіи, равно какъ и всѣ законо-

Пчела», «Русскій Инвалидъ», «Экономистъ», «Разсвѣтъ», «Иллюстрированный Листокъ» и «Энциклопедическій Словарь». «Мнѣнія разныхъ лицъ о преобразованіи цензуры». Февраль, 1862, стр. 60.

дательства по этой части. У Оболенскаго также сосредоточилось множество бумагъ, сообщенныхъ изъ министерства народнаго просвѣщенія по дѣламъ цензуры.

Проектъ устава такъ мотивируетъ преобразованіе:

«Необходимость въ неотлагательномъ преобразованіи законодательства о книгопечатаніи признается одновременно и правительствомъ, и литературой... Неизбѣжное свойство цензурныхъ установленій есть произволъ и насиліе (курсивы подлинника). Установленія сіи сдѣлались безсильными и представились анахронизмомъ съ той поры, какъ измѣнилась окружавшая ихъ среда. Вотъ первая причина, вызывающая потребность реформы.

«Вторая причина... заключается въ справедливомъ желаніи правительства не оставлять безнаказанными публичное распространеніе вредныхъ ученій и публичное оскорбленіе должностныхъ и частныхъ лицъ» [1]).

Мы видимъ, что проектъ выражается чрезвычайно рѣшительно. «Произволъ» и «насиліе» признаны «неизбѣжнымъ свойствомъ цензурныхъ установленій, т. е. цензуры «предварительной». Какія цѣли ставитъ правительство, приступая къ преобразованію цензуры?

«Правительство, приступая къ реформѣ законодательства о книгопечатаніи, имѣетъ цѣлью: во-первыхъ, удерживать литературу мѣрами дѣйствительными, практически исполнимыми, въ предѣлахъ, необходимыхъ для спокойствія государства и частныхъ лицъ; во-вторыхъ, силою закона и законнымъ порядкомъ карать виновныхъ въ нарушеніи установленныхъ правилъ, и, въ третьихъ, образовать учрежденія, которыя вѣдали бы дѣла по вопросамъ о книгопечатаніи собственною властью, независимо отъ случайнаго вмѣшательства высшихъ государственныхъ установленій» [2]).

---

[1]) Проектъ устава о книгопечатаніи 1868 г. Введеніе.
[2]) Ibid. Введеніе.

Итакъ, основная цѣль новой цензуры—удерживать и карать литературу. Отъ чего удерживать? За что карать? Точно не опредѣляется. Проектъ затѣмъ входитъ и въ положеніе литераторовъ. Хотя, если съ самаго начала ставится мысль о необходимости отъ чего то удерживать и за что-то карать, то, очевидно, литература является предметомъ, главнѣйше безпокоящимъ и непріятно безпокоящимъ, «предварительно» заподозрѣннымъ, какъ что-то само въ себѣ ядовитое, опасное, безразсудное, бунтовское.

«Поводы, побуждающіе литературу желать реформъ въ законахъ о книгопечатаніи, суть иного рода. Задача цензурныхъ постановленій — предупреждать предполагаемый вредъ отъ мысли, не высказанной еще публично, сама по себѣ такъ трудна, что исключаетъ всякую возможность разрѣшить ее въ формѣ хотя сколько нибудь опредѣлительнаго правила. Доказательствомъ... нашъ цензурный уставъ со всѣми... дополненіями: въ нихъ испробованы, такъ сказать, всѣ формы и всѣ обороты рѣчи для уясненія мысли законодателя, которая, тѣмъ не менѣе, остается неуловимою при примѣненіи ея къ частному случаю. Самый предметъ, по существу своему, не вмѣщается ни въ какія рамки положительнаго закона, какую бы форму ни придумывали для сихъ рамокъ, и мы не имѣемъ даже въ законодательствахъ другихъ народовъ ни одного образца для подражанія, ибо вездѣ мертвая буква закона была признана безсильною начертать руководство для оцѣнки живой и безконечно измѣнчивой мысли, выражаемой словомъ». «На этотъ неисправимый и существенный недостатокъ цензурнаго законодательства падаетъ первое обвиненіе со стороны литературы. Пока литература наша, частью вслѣдствіе искусственныхъ преградъ, а частью отъ собственной незрѣлости, занимала въ общественной жизни второстепенное мѣсто, пока сама эта общественная жизнь относилась совершенно безучастно къ вопросамъ государственнымъ, — до тѣхъ поръ произволъ цензора въ примѣненіи цензурнаго правила не возбуждалъ такого сильнаго негодованія

въ литературѣ и въ обществѣ. Теперь же, когда вопросы общественные возбудились силою неотразимыхъ обстоятельствъ, когда прежнее безучастіе общества обратилось въ тревожную заботливость, увлекающую за собою и литературу, когда мнѣнія, убѣжденія и ученія стремятся наперерывъ другъ передъ другомъ высказываться съ лихорадочною торопливостью,—обязанность цензора въ этомъ спорѣ и столкновеніи различныхъ мнѣній, убѣжденій и ученій получаетъ политическое значеніе, и всякая неизбѣжная ошибка его въ оцѣнкѣ стремленія спорящихъ даетъ огромное превосходство одному мнѣнію или ученію передъ другимъ. Къ сожалѣнію, опытъ показываетъ, что это превосходство не всегда дается истинѣ. Прикрытая таинственностью и полунамеками, ложь неуловимо является на свѣтъ и обличить ее тѣмъ труднѣе, чѣмъ строже цензура, ограждающая ее отъ преслѣдованія. Независимому голосу истины цензура уже однимъ своимъ существованіемъ даетъ значеніе обвинительнаго акта и оставляетъ противному мнѣнію законную отговорку облекать ученіе свое въ заманчивый покровъ таинственности»[1]).

Повидимому, въ этихъ словахъ выражаются чрезвычайно свѣтлые взгляды, видно пониманіе основного зла, вносимаго въ общество нетерпимостью.

Переходя затѣмъ къ проекту самой реформы, комиссія находитъ много затрудненій.

«Замѣна предупредительнаго цензурнаго законодательства преслѣдовательнымъ, карательнымъ, условливается существованіемъ правильно устроенныхъ судовъ и органовъ преслѣдованія. Этого перваго и самаго существеннаго условія въ настоящее время (1862 г.) мы пока еще не имѣемъ. Ожидаемое преобразованіе судовъ въ Россіи, при всей неотложности, едва ли можетъ осуществиться прежде двухъ лѣтъ»[2]).

«Внезапный и безусловный переходъ» «едва ли возмо-

---

[1]) Проектъ устава о книгопечатаніи 1863 г. Введеніе. V.
[2]) Ibid. Введеніе. VI.

женъ», «комиссія поставила себѣ цѣлью» — «проложить путь, по которому правительство могло бы, идя послѣдовательно, безъ крутыхъ переворотовъ и крайнихъ мѣръ, прійти со временемъ, и даже въ неотдаленномъ будущемъ, къ возможности принять другую, болѣе правильную систему огражденія общества отъ злоупотребленія печати»[1]).

При такой робости, комиссія задается совершенно неисполнимой, сколь и грандіозной, задачей — ограничить «условіями положительнаго закона» рѣшительно всѣ проявленія духа человѣческаго!.. Вотъ что говоритъ проектъ:

«Слово, письмо и печать суть три способа выраженія мысли человѣка. Свобода проявленія мысли въ сихъ трехъ видахъ должна быть ограничена условіями положительнаго закона».

«Мысль, стѣсненная въ печатномъ проявленіи, имѣетъ въ живомъ словѣ, въ письмѣ и въ тайной литографіи неуловимый способъ переступать за предѣлъ дозволеннаго»[2]).

Если всѣ усилія организовать цензуру печати ни къ чему незыблемому не приводили, то какъ же уловить живое слово? Какъ ограничить и контролировать «письмо», когда собрались отмѣнять старую цензурную систему, разсматривавшую рукописи, т. е. именно «письмо»? Комиссія сама видитъ трудность задачи:

«Какъ указать предѣлы дозволеннаго и сдѣлать перечень всѣмъ человѣческимъ знаніямъ, мыслямъ и мнѣніямъ, о которыхъ дозволяется разсуждать?»[3]).

«Правильная система огражденія общества отъ злоупотребленій печати»!

Но «злоупотребленіями» называютъ «обличенія» вѣдомствъ въ непорядкахъ и «крадствахъ»; статьи объ условіяхъ осво-

---

[1]) Ibid. Введеніе. VII.
[2]) Ibid. Введеніе. VIII.
[3]) Ibid. Введеніе. IX.

божденія крестьянъ, всѣ попытки печати разъяснить обществу смыслъ вещей, духъ времени, реформы,—все называлось въ свое время «злоупотребленіями» печати!

«Свобода проявленія мысли въ словѣ, письмѣ и печати должна быть ограничена»!

Лучшая система ограниченія «слова»—обѣтъ молчанія. Ибо какъ ограничить уже высказанное слово? Надо остановить его рожденіе въ видѣ мысли. Надо заставить не думать. Но въ этомъ успѣвали одни аскеты, боровшіеся съ «прилогами». Ограничить «письмо»! Но предварительная цензура рукописей и пыталась это сдѣлать. При либеральной внѣшности, комиссія была полна инквизиціоннаго духа.

III.

Затѣмъ комиссія проектируетъ положительный законъ: «Всѣ изданія, относящіяся къ области наукъ, словесности и искусствъ и объемомъ въ двадцать и болѣе печатныхъ листовъ, могутъ печататься и выходить въ свѣтъ безъ предварительной цензуры». Постановленіе новое[1]).

Комиссія рѣшилась принять за основаніе предполагаемаго изъятія отъ предварительной цензуры объемъ. Всѣмъ извѣстно, что легкія брошюры, отдѣльные листки и тетради распространяются гораздо быстрѣе и въ большемъ количествѣ, чѣмъ книги извѣстнаго объема, чтеніе которыхъ требуетъ болѣе времени и труда и которыя поэтому попадаются въ руки болѣе серьезныхъ и досужихъ читателей. Мѣра эта встрѣчается почти во всѣхъ иностранныхъ законодательствахъ, гдѣ переходъ отъ системы предварительной цензуры къ законодательству преслѣдовательному совершался съ нѣкоторою постепенностью. Что касается повременныхъ изданій, т. е. газетъ и журналовъ, то для нихъ оставалась старая «предупредительная» цензура.

---

[1]) Проектъ устава о книгопечатаніи 1862 г. Положенія общія. § 1.

Комиссія постановляла: «Всѣ повременныя изданія, какого бы они объема ни были, подвергаются прежде печатанія и выхода въ свѣтъ цензурѣ. Постановленіе новое» [1])

Мотивировка этого постановленія чрезвычайно интересна:

«Почти вся современная литература сосредоточена въ повременныхъ изданіяхъ... Свобода слова даетъ жизнь свободнымъ учрежденіямъ и въ нихъ находитъ надежное обезпеченіе своему существованію. Свобода печати въ Россіи должна развиваться соразмѣрно постепенному ходу либеральнаго преобразованія другихъ учрежденій. Поэтому внезапный переходъ отъ строгой цензуры періодическихъ изданій къ свободѣ немыслимъ... Въ государствѣ, которое только что вступаетъ въ эпоху либеральныхъ преобразованій, новые законы о печати... долго не будутъ поняты и исполняемы надлежащимъ образомъ... Неудобства внезапнаго освобожденія періодическихъ изданій отъ цензуры встрѣчались во всѣхъ государствахъ. Во Франціи и въ большей части Германіи цензура періодической прессы оставалась во всей силѣ въ то время, когда прочія изданія уже были освобождены отъ оной. Во Франціи, въ промежутокъ времени отъ 1811 до 1830 года, цензура періодической прессы восемь разъ уничтожалась и возстановлялась... Періодическая литература можетъ выжидать болѣе благопріятнаго времени для снятія преградъ къ ея полному освобожденію».

Съ одной стороны комиссія признаетъ, что «почти вся литература сосредоточена въ повременныхъ изданіяхъ», т.-е. журналахъ и газетахъ; къ этому она присоединяетъ еще книги и брошюры, объемомъ до двадцати печатныхъ листовъ. Теперь ужь передъ нами дѣйствительно вся литература. И всей литературѣ комиссія предлагаетъ «выжидать болѣе благопріятнаго времени», а пока оставаться подъ предварительной цензурой. Освобождены отъ предварительной цензуры только книги, объемомъ превосходящія двадцать печатныхъ листовъ, то-есть от-

[1]) Проектъ закона о книгопечатаніи. Положенія общія. § 4.

дѣльныя изданія авторовъ. Но многотомный романъ сперва, по условіямъ русскаго книжнаго рынка, долженъ появиться въ журналѣ, равно какъ и всякое изслѣдованіе. А повременныя изданія всякаго объема остаются подъ предварительной цензурой. Итакъ, всякое произведеніе неминуемо пройдетъ черезъ предварительную цензуру. Ясно, что всѣ проекты комиссіи на практикѣ сводились къ однѣмъ фразамъ. Все оставалось по-старому. Это называлось: «Идя послѣдовательно, безъ крутыхъ переворотовъ и крайнихъ мѣръ, прійти со временемъ, и даже въ неотдаленномъ будущемъ, къ возможности принять другую, болѣе правильную систему огражденія общества отъ злоупотребленій печати». Правда, для постепеннаго осуществленія этой «системы огражденія» комиссія вводила статью:

«Газеты, журналы, сборники и другія повременныя изданія могутъ быть, по просьбѣ самихъ издателей, освобождаемы отъ предварительной цензуры, съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ». Постановленіе новое [1]).

Затѣмъ комиссія пользуется для установленія системы взысканій декретомъ Наполеона III-го. Это совершенно понятно, потому что въ это время среди русской администраціи царило восхищеніе законодательной мудростью Наполеона. Комиссія указываетъ, что во Франціи порядокъ административныхъ взысканій установленъ закономъ 17 февраля 1852 года и обязателенъ для всѣхъ повременныхъ изданій. Правительство французское предоставило себѣ право, кромѣ судебнаго преслѣдованія, дѣлать издателямъ періодическихъ органовъ офиціальныя предваренія два раза и по третьему прекращать на время или вовсе запрещать изданіе. Австрійское законодательство приняло французскую систему по уничтоженіи въ 1848 г. предварительной цензуры закономъ 27-го мая 1852 г. Высочайше утвержденными 12-го мая 1862 г. временными правилами предоставлено и въ Россіи право министрамъ внутреннихъ дѣлъ

---

[1]) Проектъ. Положенія общія. § 5.

и народнаго просвѣщенія, по взаимному соглашенію, въ случаѣ вреднаго направленія какого-либо періодическаго изданія, прекращать его на срокъ не болѣе восьми мѣсяцевъ.

Основываясь на этихъ прецедентахъ, комиссія вводитъ въ свой проектъ слѣдующія постановленія:

«Ежели въ повременномъ изданіи, освобожденномъ, на основаніи § 5 настоящаго устава, отъ предварительной цензуры, замѣчено будетъ вредное направленіе, то главное управленіе по дѣламъ книгопечатанія можетъ таковыя изданія подвергать административнымъ взысканіямъ» [1]).

Взысканія сіи заключаются:

1) въ двукратномъ публичномъ предвареніи; 2) въ подчиненіи изданія вновь цензурѣ, или 3) въ совершенномъ запрещеніи дальнѣйшаго изданія онаго [2]).

Но какъ опредѣлить точно преступленія печати? Комиссія останавливается на выраженіи «вредное направленіе», при чемъ поясняетъ: «Словами вредное направленіе выражается мысль общая». «Нѣтъ никакой возможности даже приблизительно опредѣлить безспорные признаки вреднаго направленія» [3]).

Между прочимъ, комиссія указывала совершенно основательно, что «нѣтъ ни одного государства, въ которомъ бы распоряженія по цензурѣ объявлялись отъ имени верховной власти. Во время существованія цензуры во Франціи, Германіи и другихъ государствахъ, никогда запрещенія статей или взысканія за оныя не дѣлались отъ имени монарха. Взысканія, исходя отъ верховной власти, всегда принимаются за выраженіе личной оцѣнки государемъ императоромъ достоинствъ или недостатковъ извѣстнаго ученія, мнѣнія или направленія» [4]).

---

[1]) Проектъ. Раздѣлъ четвертый. Объ административныхъ взысканіяхъ. § 143. Стр. 330.

[2]) Проектъ. Ibid. § 144.

[3]) Проектъ. Стр. 335.

[4]) Проектъ. Стр. 73.

Въ самомъ дѣлѣ, въ сороковыхъ годахъ высочайшимъ именемъ объявлялись выговоры «Сѣверной Пчелѣ» за непочтительный фельетонъ о петербургскихъ легковыхъ извозчикахъ. Невольно являлась мысль: неужели монарху есть время углубляться въ газетные фельетоны? Такимъ образомъ, къ личности монарха относили подчасъ совершенно курьезныя распоряженія вѣдомствъ, какъ будто онъ цензоръ. Императоръ Николай I, дѣйствительно, сказалъ Пушкину: «я самъ буду твоимъ цензоромъ». Но здѣсь онъ имѣлъ въ виду защиту великаго поэта отъ ретроградной партіи. Покровительствомъ Николая Павловича спасся въ обществѣ, напитанномъ «невѣжественной раздражительностью» нетерпимости, и Гоголь. Благодаря тому, что у насъ всѣ цензурныя распоряженія шли отъ имени монарховъ, съ ихъ именами связались всѣ цензурныя преслѣдованія первой половины XIX-го вѣка. Мы говоримъ поэтому— «николаевская», «александровска» цензура. Но для второй половины вѣка: «валуевская», «тимашевская», «толстовская» цензура.

Никитенко указывалъ на особыя трудности перехода отъ старой цензуры къ новой.

«Главная трудность для цензурной администраціи будетъ состоять въ томъ, какъ формулировать тѣ уклоненія печати, которыя подлежать будутъ разсмотрѣнію судовъ. Уклоненія эти часто ускользаютъ отъ яснаго опредѣленія ихъ смысла».

Между тѣмъ продолжали выходить циркуляры. Нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно характерны для того времени. Предлагалось «обращать вниманіе не только на отдѣльныя мысли, мнѣнія и факты, но и на общее направленіе» [1]).

«Относительно обличительныхъ статей гг. цензоры должны

---

[1]) Сборникъ распоряженій по дѣламъ печати. Съ 1863 по 1 сент. 1865 г. Спб. 1865. Циркулярное предложеніе министру внутреннихъ дѣлъ по цензурному вѣдомству, января 29, 1863 г., № 8.

имѣть въ виду допускать такихъ статей въ печать менѣе и менѣе, если не будутъ рядомъ съ ними помѣщаемы другія статьи въ противоположномъ духѣ, такъ какъ систематическое заявленіе однихъ недостатковъ, при совершаемыхъ нынѣ правительствомъ улучшеніяхъ во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія, обнаруживаетъ не стремленіе къ раскрытію истины, а систематическое же стараніе возбуждать умы и вселять въ нихъ недовѣріе» (ibid., циркулярное предложеніе 29 іюля 1863 г., № 7106).

Польское повстанье отозвалось сепаратистическими тенденціями въ Малороссіи. Это побудило къ изданію особаго «секретнаго отношенія»:

«Давно уже идутъ споры въ нашей печати о возможности существованія самостоятельной малороссійской литературы. Поводомъ къ этимъ спорамъ служили произведенія нѣкоторыхъ писателей, отличившихся болѣе или менѣе замѣчательнымъ талантомъ или своею оригинальностью. Въ послѣднее время вопросъ о малороссійской литературѣ получилъ иной характеръ вслѣдствіе обстоятельствъ чисто политическихъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ интересамъ собственно литературнымъ. Прежнія произведенія на малороссійскомъ языкѣ имѣли въ виду лишь образованные классы Южной Россіи, нынѣ же приверженцы малороссійской народности обратили свои виды на массу не просвѣщенную... Никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ (sic!), нарѣчіе, употребляемое простонародіемъ, есть тотъ же русскій (sic!) языкъ, только испорченный вліяніемъ Польши (sic!); общерусскій языкъ такъ же понятенъ для малороссовъ, какъ и для великороссіянъ, и даже гораздо понятнѣе, чѣмъ теперь сочиняемый для нихъ нѣкоторыми малороссами и въ особенности поляками такъ называемый украинскій языкъ».

«Сдѣлать... распоряженіе, чтобы къ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы; пропускомъ же книгъ

на малороссійскомъ языкѣ, какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, пріостановиться» [1]).

IV.

Съ начала 1863 года руководство цензурною реформою перешло къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуеву. 14-го января имъ была образована «вторая» комиссія подъ предсѣдательствомъ князя Оболенскаго. Въ ея составъ вошли Никитенко, Ржевскій, Бычковъ, Гиляровъ-Платоновъ, Погорѣльскій, Ѳеоктистовъ (впослѣдствіи начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати) и Фуксъ. Въ іюнѣ 1863 года проектъ устава о книгопечатаніи, существенно измѣненный министромъ П. А. Валуевымъ, былъ разосланъ, до внесенія въ государственный совѣтъ, на заключеніе министровъ и главноуправляющихъ. В. А. Головнинъ вообще высказалъ сочувствіе «свободѣ печати» и подчиненію ея «судебному режиму». Но онъ высказался рѣшительно противъ «административныхъ взысканій». «Опытъ убѣждаетъ, говорилъ Головнинъ, что, подобно предварительной цензурѣ, система административныхъ взысканій возбуждаетъ въ обществѣ то раздраженіе, тотъ духъ упорной и преднамѣренной оппозиціи, устраненіе которыхъ должны имѣть преимущественно въ виду» [2]).

Обстоятельный разборъ проекта находится въ обширной запискѣ главноуправляющаго II-мъ Отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи барона М. Н. Корфа (64 печатныхъ страницъ in folio). Баронъ Корфъ ставитъ въ вину комиссіи князя Оболенскаго, что она не обратила вниманія на необходимость коренного измѣненія законодательства, въ смыслѣ перехода отъ системы предварительной цензуры къ

---

[1]) Ibid., 8-го іюля 1863 г. № 394.

[2]) Отзывъ Головнина. Стр. 48—49. Джаншіевъ. Стр. 334.

карательной. «Какъ въ крѣпостномъ правѣ,—писалъ баронъ Корфъ,—по вѣковой къ нему привычкѣ, многіе видѣли основаніе стойкости нашего государственнаго организма, и мысль объ упраздненіи его возбуждала чувство безотчетнаго страха, такъ и цензура глубоко вросла въ наши обычаи, и немало людей готовы думать, что ею единственно держится общественный порядокъ» [1]).

Баронъ Корфъ прямо заявлялъ, что переломъ, происшедшій въ послѣдніе (60-е) годы въ направленіи внутренней политики, привелъ къ необходимости дать печати полный просторъ, такъ какъ убѣдились, что только при содѣйствіи свободнаго общественнаго мнѣнія возможно плодотворное движеніе и осуществленіе законодательныхъ реформъ, и само высшее правительство, предавшее на литературное сужденіе свои проекты, не могло не оцѣнить услугъ, оказанныхъ литературою. На опытѣ правительство убѣдилось, что только въ свободѣ печати находится противоядіе противъ злоупотребленій печати.

Въ частности относительно «предостереженій» баронъ Корфъ писалъ: «Административныя взысканія — это новая язва, заключающая въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ протестовали и протестуютъ всѣ благомыслящіе люди... Система административныхъ взысканій еще болѣе заражена произволомъ и несправедливостью, нежели предупредительная цензура, ибо наказываетъ за вину, непредвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ».

Валуевъ «остался при своемъ мнѣніи».

Въ январѣ 1865 г. департаментъ законовъ государственнаго совѣта приступилъ къ обсужденію проекта Валуева въ составѣ членовъ: Норова, барона Корфа, Литке, кн. Долгорукова, Бахтина, Буткова, кн. Горчакова, Валуева, Головнина, Замятина, при статсъ-секретарѣ Зарудномъ. Единственный членъ, сдѣлавшій серьезную оппозицію проекту, былъ бывшій министръ

---

[1]) Отзывъ барона Корфа. Стр. 59. Джаншіевъ. Стр. 335.

народнаго просвѣщенія Норовъ, вооруженный запискою академика А. В. Никитенко.

Норовъ возражалъ противъ смѣшенія предупредительной и карательной цензуры и видѣлъ въ такомъ смѣшеніи доказательство «нестойкости мнѣній при начертаніи устава». Однако, Никитенко отмѣтилъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Совѣтъ началъ и продолжалъ стремленіемъ ограничить неограниченную власть министра внутреннихъ дѣлъ».

Тѣмъ не менѣе, проектъ Валуева прошелъ въ департаментѣ почти цѣликомъ. Валуевъ проектировалъ спеціальный судъ присяжныхъ для печати. Предложеніе Валуева поддержали: бар. М. А. Корфъ, гр. В. Н. Панинъ и кн. С. Н. Урусовъ. Несмотря, однако, на столь авторитетную поддержку, департаментъ законовъ не принялъ предложенія Валуева. Въ началѣ марта 1865 г. проектъ Валуева изъ общаго собранія государственнаго совѣта поступилъ обратно въ департаментъ законовъ.

6-го апрѣля 1865 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе, гласившее такъ: «Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства, мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ переходномъ положеніи судебной части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, перемѣны и дополненія».

По мысли законодателя, законъ 6-го апрѣля составлялъ только первый шагъ по пути освобожденія печати. Самъ по себѣ, по замѣчанію проф. Фойницкаго, онъ стоитъ ниже даже реакціонныхъ законодательствъ: прусскаго 1851 г. и австрійскаго 1852 г. И все же это былъ шагъ впередъ! [1]).

Никитенко, однако, встрѣчалъ реформу въ самомъ пессимистическомъ настроеніи. Онъ писалъ:

«Литературу нашу, кажется, ожидаетъ лютая судьба. Ва-

---

[1]) Сборникъ государственныхъ знаній, проф. Фойницкаго. Т. II, стр. 433.

луевъ достигъ своей цѣли. Онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ. Худшаго господина она не могла получить. Сколько я могу судить по нѣкоторымъ убѣдительнымъ даннымъ, онъ, кажется, замыслилъ огромный планъ— уничтожить въ ней всякія «нехорошія поползновенія» и сдѣлать ее «вполнѣ благонамѣренной», т.-е. сдѣлать то, чего не въ состояніи были, да едва ли и хотѣли, сдѣлать раньше (до 1855 года)... Уставъ о печати, который долженъ быть введенъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отдаетъ ему въ полное распоряженіе всякое печатное проявленіе мысли. Изданіе журналовъ съ освобожденіемъ ихъ отъ предварительной цензуры становится дѣломъ крайне затруднительнымъ. Прежде журналы зависѣли отъ произвола цензора, который все-таки не могъ вполнѣ пренебрегать тѣмъ, что о немъ «скажутъ въ обществѣ». Оттого онъ былъ до нѣкоторой степени принужденъ дѣйствовать умѣренно и снисходительно. Издатели въ извѣстной мѣрѣ освобождались отъ отвѣтственности подъ его щитомъ. Теперь не то. Цензора нѣтъ. Но взамѣнъ его надъ головами писателей и редакторовъ повѣшенъ Дамокловъ мечъ, въ видѣ двухъ предостереженій и третьяго, за которымъ слѣдуетъ пріостановка изданія. Мечъ этотъ находится въ рукѣ Валуева: онъ опускаетъ его, когда ему заблагоразсудится, и даже не обязанъ мотивировать свой поступокъ... Понятно, что вся пишущая братія сильно переполошилась» [1]).

Журналисты, которые рѣшились бы подчиняться попрежнему правительственной цензурѣ, «жестоко ошибутся». «Если они захотятъ остаться подъ цензурою, сказалъ Валуевъ, то и получатъ ее, но такую, которая будетъ несравненно сильнѣе (дореформенной). Волею или неволею они должны будутъ эмансипироваться» [2]).

По указу 6-го апрѣля 1865 г. освобождались отъ предва-

---

[1]) 16-го мая 1865 г. Дневникъ Никитенка. III. 28.
[2]) Ibid.

рительной цензуры: а) въ обѣихъ столицахъ: 1) всѣ выходящія донынѣ въ свѣтъ повременныя изданія, коихъ издатели сами заявятъ на то желаніе; 2) всѣ оригинальныя сочиненія, объемомъ не менѣе 10-ти печатныхъ листовъ, и 3) всѣ переводы, объемомъ не менѣе 20-ти печатныхъ листовъ [1]).

V.

Въ дополненіе къ закону 6-го апрѣля 1865 г., въ томъ же году, 23-го августа, министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ была утверждена особая «Конфиденціальная инструкція цензорамъ столичныхъ цензурныхъ комитетовъ». Въ этой «инструкціи» говорилось:

«На основаніи именного высочайшаго указа... въ 6 день минувшаго апрѣля, освобождаются въ обѣихъ столицахъ, съ 1-го сентября сего года, отъ предварительной цензуры: а) всѣ выходящія донынѣ въ свѣтъ повременныя изданія, коихъ издатели сами заявятъ на то желаніе, б) и т. д.

«Съ освобожденіемъ означенныхъ изданій отъ цензуры, измѣняются существенно лежащія нынѣ на цензорахъ обязанности. Вмѣсто предварительнаго разсмотрѣнія предназначенныхъ къ печатанію произведеній, они должны будутъ разсматривать уже отпечатанныя произведенія.

«Существо обязанностей цензора заключается въ наблюденіи, чтобы пресса не выходила изъ круга дѣятельности, предоставленнаго ей по закону въ видахъ государственной, общественной и частной пользы. Въ отношеніи къ предварительному просмотру цензоръ дѣйствуетъ предупредительною властію, въ смыслѣ предупрежденія нарушенія законовъ; въ отношеніи къ изъятымъ отъ предварительнаго просмотра произведеніямъ онъ дѣйствуетъ властью преслѣдовательною, въ смыслѣ

---

[1]) Изложеніе постановленій о цензурѣ и печати. Спб. 1865. Ст. 19-я.

пресѣченія совершеннаго уже нарушенія закона и преслѣдованія виновныхъ въ семъ нарушеніи. Въ первомъ случаѣ цензоръ несетъ болѣе сложныя обязанности».

«Инструкція» требовала отъ цензора не только «прямого разрѣшенія представившейся юридической задачи», но «соображеній, основанныхъ на внутреннихъ мотивахъ совершеннаго преступленія, на современномъ состояніи умовъ и политическихъ отношеній страны и, наконецъ, на заботѣ, чтобы вчинаемое преслѣдованіе, съ одной стороны, не было признано несостоятельнымъ судебными учрежденіями, что можетъ повести къ поколебанію правительственнаго авторитета, а, съ другой стороны, не послужило бы для виновныхъ нерѣдко ими самими избираемымъ способомъ для пріобрѣтенія незаслуженной популярности, или косвенной пропаганды, посредствомъ болѣе общаго оглашенія преслѣдуемаго факта».

«Новыя отношенія, которыя, на основаніи законоположеній 6-го апрѣля, устанавливаются между правительствомъ и прессою вообще», опредѣлены такъ «инструкціей»: «Съ 1858 года правительство признало и возможнымъ, и полезнымъ расширить сферу частной прессы, облегчивъ существовавшія дотолѣ цензурныя правила. Опытъ доказалъ, что расширеніе свободы печатнаго слова должно быть соразмѣряемо со степенью личной отвѣтственности издателей, редакторовъ и сочинителей, и что подобное соотвѣтствіе не можетъ быть установлено при исключительномъ господствѣ предупредительной цензуры, по существу которой отвѣтственными лицами считаются цензоры, въ лицѣ же ихъ и само правительство, а издатели, редакторы и сочинители, огражденные цензорскимъ разрѣшеніемъ, остаются внѣ всякаго преслѣдованія. Это обстоятельство послужило исходною точкою для послѣдовавшаго нынѣ освобожденія нѣкоторыхъ изданій отъ цензуры, съ отвѣтственностью за оныя издателей, редакторовъ и авторовъ».

«Цензоръ обязанъ проводить отличительную черту между указаніемъ на ошибки или злоупотребленія, нерѣдко усколь-

зающія отъ наблюденія подлежащихъ властей, и между такимъ способомъ и видомъ изложенія подобныхъ указаній, который явно заключаетъ въ себѣ намѣренное оскорбленіе правительственныхъ лицъ и учрежденій».

«Относительно повременныхъ изданій постоянно должно имѣть въ виду ихъ отличительное свойство непрерывныхъ проводниковъ впечатлѣній на публику. Посему они могутъ сообщать свои взгляды и стремиться къ своимъ цѣлямъ, но выражая ихъ рядомъ намековъ, недоговоровъ, повтореній и другихъ редакторскихъ или издательскихъ (?) пріемовъ. При наблюденіи за новременными изданіями цензоры обязаны прежде всего изучить господствующіе въ нихъ виды и оттѣнки направленія и, усвоивъ себѣ такимъ образомъ ключъ къ ближайшему уразумѣнію содержанія каждаго изъ нихъ, разсматривать съ этой точки зрѣнія отдѣльныя статьи журналовъ и газетъ. Всѣ тѣ нарушенія законовъ, которыя при такомъ наблюденіи окажутся сознательными со стороны редакціи какъ бы средствомъ для поддержанія или уясненія въ глазахъ читателей предвзятаго направленія повременнаго изданія, должны быть постоянно заявляемы и строго преслѣдуемы, если сказанное направленіе есть въ какомъ либо отношеніи вредное или противоправительственное. Если при этомъ не всякое нарушеніе закона можетъ быть формулировано съ достаточною, для судебнаго преслѣдованія, ясностію, то оно во всякомъ случаѣ не должно быть предаваемо забвенію, ибо масса подобныхъ нарушеній съ теченіемъ времени составитъ, наконецъ, основаніе для положительнаго судебнаго преслѣдованія».

«Независимо отъ этихъ общихъ соображеній, надлежитъ при наблюденіи за повременною прессою обращать особое вниманіе, во-первыхъ, на самый характеръ каждаго изданія. Журналы и газеты, наиболѣе распространенные, должны вызывать сугубое вниманіе цензоровъ, равно какъ изданія энциклопедическія, учебныя, педагогическія и тѣ, которыя предназначены для простого народа... во-вторыхъ, на прошедшее и на

личный составъ редакціи каждаго изданія. Литературное и политическое прошедшее сотрудничествующихъ въ нихъ лицъ очень часто составляетъ знамя редакціи, дающее достаточный матеріалъ для опредѣленія направленія газетъ и журналовъ. Въ-третьихъ, на обобщеніе или преувеличеніе частныхъ случаевъ административныхъ ошибокъ или злоупотребленій и на оскорбленіе правительственныхъ мѣстъ и лицъ».

Такимъ образомъ «инструкція» цѣль цензуры ставитъ въ «наблюденіи», чтобы пресса не выходила изъ «круга дѣятельности, предоставленной ей по закону».

Но гдѣ же законъ, очертившій этотъ «кругъ дѣятельности», совершенно юридически неописуемый?

Новая система точнѣе опредѣляла цѣль цензуры, какъ «пресѣченіе» совершеннаго уже нарушенія закона и «преслѣдованіе» виновныхъ въ этомъ нарушеніи.

«Исходной точкой» новой системы ставится то обстоятельство, что при предварительной цензурѣ «редакторы и сочинители» остаются «внѣ всякаго преслѣдованія», а страдаютъ одни цензора.

«Кругъ дѣятельности» по закону, «наблюденіе», «пресѣченіе», «преслѣдованіе» редакторовъ и сочинителей, вышедшихъ за черту этого таинственнаго круга; «исходная точка» карать въ судебномъ и административномъ порядкѣ вышедшихъ изъ «круга» редакторовъ и сочинителей.

Но при этомъ требуется, чтобы «вчинаемое преслѣдованіе» ни въ какомъ случаѣ «не было признано несостоятельнымъ судебными учрежденіями», ибо это «можетъ повести къ поколебанію правительственнаго авторитета». Значитъ, надо всегда дѣйствовать навѣрняка, напередъ зная, что отвѣтчикъ проиграетъ дѣло.

Какъ же этого достигать? Найти «ключъ» къ каждому органу печати, изучивъ господствующіе въ прессѣ «виды и оттѣнки направленія», вчиная иски по совокупности.

Масса тонкихъ нарушеній, съ теченіемъ времени скоплен-

ная, составитъ, наконецъ, основаніе для положительнаго судебнаго преслѣдованія...

Очевидно, цензура погружалась въ тонкое судейское крючкотворство и казуистику.

«Валуевъ надѣется подавить все «вредное» въ нашей печати»,—отмѣчалъ 8 ноября 1865 г. Никитенко.

«Министръ смотритъ на вопросы мысли и печати, какъ полицейскій чиновникъ, предсѣдатель совѣта есть ничтожнѣйшее существо, готовое подчиниться всякому чужому вліянію... Дѣло цензуры, пожалуй, никогда еще не было въ такихъ дурныхъ, т. е. невѣжественныхъ и враждебныхъ мысли рукахъ» [1]).

«Министерство очень щедро на предостереженія. Имъ, кажется, вполнѣ овладѣла мысль уничтожить тѣ пріобрѣтенія, которыя сдѣлала печать въ послѣднее десятилѣтіе, — пріобрѣтенія, изъ которыхъ многія утверждены и гарантированы высочайшею волею. Разумѣется, все, что имѣетъ видъ пресѣченія злоупотребленій въ печати. Но въ томъ то и дѣло, что то, что кажется министру внутреннихъ дѣлъ злоупотребленіемъ, то составляетъ только естественное послѣдствіе совершившагося факта и настоятельную потребность общества, допущенную самимъ правительствомъ» [2]).

Отъ 4 октября 1866 г. Никитенко писалъ:

«Валуевская администрація, кажется, видитъ въ печати личнаго своего врага, она съ каждымъ днемъ все больше и больше противъ нея озлобляется» [3]).

«Управленіе по дѣламъ печати идетъ совершенно ложнымъ путемъ. Оно усвоило себѣ только одинъ элементъ силы—элементъ полицейскій... Управленіе рѣшилось дѣйствовать совершенно наперекоръ величайшему изъ властителей земныхъ—

---

[1]) Декабря 1865.—Никитенко.—III. 69.
[2]) Никитенко. 15 января 1866.
[3]) III. 116.

духу времени, который неотразимо требуетъ свободы мысли и слова... Валуевъ человѣкъ не безъ ума, но съ ногъ до головы бюрократъ, который понимаетъ государственныя дѣла не иначе, какъ канцелярскія отношенія и рапорты, хотя и говоритъ иногда пышно и кудряво» [1]).

VI.

1866 годъ былъ роковымъ для нашей печати, освобожденной отъ предварительной цензуры. Почти ровно черезъ годъ, послѣ выхода закона 6 апрѣля 1865 г., прогремѣлъ безумный выстрѣлъ Каракозова 4 апрѣля 1866 года. Результатъ гнуснаго преступленія политическаго маніака—запрещеніе «Современника» и «Русскаго Слова», страшная реакція, достигшая кульминаціоннаго пункта къ 1868 году, когда печать оказалась почти стертой съ лица земли. Уже 1862 г., когда былъ арестованъ Чернышевскій, и повстанье 1863 — 1864 годовъ привели печать, особенно петербургскую, къ чрезвычайному пониженію уровня интересовъ.

Время съ 1862 по 1866 г. было эпохой литературнаго скандала и крайне неприличной и безсмысленной полемики. Писарева и Зайцева съ Антоновичемъ и Щедринымъ. Время управленія печатью Валуевымъ съ 1863 года по 1868 годъ является эпохой непрестаннаго литературнаго террора. Вотъ какъ характеризуетъ это время въ своей автобіографіи Гл. Ив. Успенскій: «Одиночество было полное. Съ крупными писателями (школы 40-хъ годовъ) я не имѣлъ никакихъ связей, а мои товарищи—люди, старшіе меня лѣтъ на десять—почти всѣ безъ исключенія погибали на моихъ глазахъ, такъ какъ пьянство было почти чѣмъ-то неизбѣжнымъ для тогдашняго талантливаго человѣка. Всѣ эти подверженные сивушной гибели люди были уже извѣстны въ литературѣ (Помяловскій, Рѣшетниковъ)... Спив-

[1]) 3 декабря 1866 г. III. Стр. 127 и 128.

шихся съ кругу талантливыхъ людей было множество, начиная съ такой потрясающей въ этомъ отношеніи фигуры, какъ П. И. Якушкинъ».

«Несомнѣнно, народъ этотъ былъ душевный, добрый и глубоко талантливый; но питейная драма, питейная болѣзнь, похмелье и вообще разслабленное состояніе, извѣстное подъ названіемъ «послѣ вчерашняго», занимали въ ихъ жизни слишкомъ большое мѣсто. Не было у нихъ читателя, они писали неизвѣстно для кого, хвалили только другъ друга. Одиночество талантливыхъ людей вело ихъ къ трактирному оживленію и шуму. Ко всему этому надо прибавить, что въ годы 1863—1868 все въ журнальномъ мірѣ падало, разрушалось, валилось. «Современникъ» сталъ тусклъ и упалъ во мнѣніи живыхъ людей, отводя по полъ-книгѣ на безплодныя литературныя распри, а потомъ и былъ закрытъ. Закрыто и «Русское Слово», и вообще всѣ мало-мальски видные дѣятели разбрелись, исчезли. Начали появляться какія-то темныя изданія съ темными издателями... Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, когда пришли описывать его за долги, сталъ на глазахъ пристава ѣсть овесъ, прикинувшись помѣшаннымъ» [1]).

Въ 1862 году «Современникъ» и «Русское Слово» были по высочайшему повелѣнію пріостановлены на 8 мѣсяцевъ, а Чернышевскій арестованъ. Со смертью Добролюбова, исчезновеніемъ съ литературнаго горизонта Чернышевскаго и съ закрытіемъ «Современника» въ 1866 году кончился первый и самый яркій литературный періодъ 60-хъ годовъ. Возникшія затѣмъ въ 1868 году «Отечественныя Записки» новой редакціи (Некрасовъ, Щедринъ, Елисѣевъ) были уже иными и по составу сотрудниковъ, и по содержанію, и по направленію.

«Русское Слово» было журналомъ «подрастающаго» поколѣнія, въ отличіе отъ «Современника», который считался жур-

[1]) Скабичевскій. Исторія новѣйшей русской литературы. Изд. 4-е, стр. 253.

наломъ поколѣнія просто «молодого». Читатели «Современника» смотрѣли на «Русское Слово» съ оттѣнкомъ нѣкотораго высокомѣрія, какъ на журналъ начинающихъ писателей для начинающихъ читателей. Между «шестидесятниками» много было считающихъ себя умственно обязанными во всемъ «Современнику», и у которыхъ для «Русскаго Слова» не сохранилось никакихъ благодарныхъ воспоминаній. «Современникъ» началъ занимать свое руководящее положеніе въ 1855 году, когда «Русское Слово» еще не существовало. Когда же «Русское Слово» начало пріобрѣтать значеніе, т.-е. когда въ 1860—1861 годахъ въ немъ явились Писаревъ и Зайцевъ, Добролюбовъ уже умеръ, освобожденіе крестьянъ совершилось, а вскорѣ выбылъ изъ «Современника» и Чернышевскій. Такимъ образомъ, эти журналы принадлежатъ разному времени. Въ 1866 году Благосвѣтловъ на развалинахъ своего «Русскаго Слова» основалъ «Дѣло». Журналистика тогда напоминала утлый челнъ, получившій пробоину. «Современникъ» и «Русское Слово» были закрыты окончательно; остались только совершенно безцвѣтные органы: «Вѣстникъ Европы», на первыхъ порахъ носившій характеръ спеціальнаго, историческаго журнала, пухлыя, старыя «Отечественныя Записки», «Литературная Библіотека», тощая «Библіотека для Чтенія», «Женскій Вѣстникъ», «Всемірный Трудъ». Въ Москвѣ боролся съ Валуевымъ «Русскій Вѣстникъ» Каткова. Писаревъ разошелся съ Благосвѣтловымъ. Съ 1868 года «Отечественныя Записки» стали выходить подъ редакціей Некрасова, при новомъ составѣ сотрудниковъ. Въ число ихъ вступилъ было и Писаревъ, но лѣтомъ же утонулъ, купаясь въ Дуббельнѣ.

Въ 1866 году «Современникъ» и «Русское Слово» были запрещены совсѣмъ, но это было лишь видимою смертью двухъ главныхъ представителей журналистики 60-хъ годовъ. «Современникъ» уже умеръ со смертью Добролюбова и удаленіемъ Чернышевскаго. «Русское Слово» жило дольше, потому что жить начало позже. Въ 1861 году въ Петербургѣ сталъ было

издаваться новый, прекрасный журналъ «Время», въ которомъ главную роль игралъ Ѳ. М. Достоевскій. Журналъ имѣлъ успѣхъ, но выходилъ недолго. Съ выпускомъ апрѣльской книги 1863 года «Время» прекратилось. За статью Косицы (Н. Н. Страхова) о польскихъ отношеніяхъ, обличенную Катковымъ, журналъ былъ запрещенъ навсегда. Въ 1864 году Мих. Достоевскій (братъ романиста) попытался издавать «Эпоху», но дѣло не пошло, и журналъ закрылся на февральской книжкѣ 1865 года. Начиная съ 1862 года, Писаревъ, Зайцевъ, Николай Соколовъ и Благосвѣтловъ въ «Русскомъ Словѣ» пошли въ походъ на преемниковъ Добролюбова и Чернышевскаго въ «Современникѣ»—Антоновича и Щедрина. Полемика по красотѣ и выразительности скоро достигла почти уровня заборной письменности... Она любопытна, какъ признакъ полнаго вырожденія и измельчанія журналистики въ эпоху выработки и проведенія закона о «свободѣ печати». Щедринъ называетъ Зайцева и Писарева—пишущихъ въ «невинномъ, но разухабистомъ органѣ невинной нигилистической ерунды»—«вислоухими».

Редакція «Русскаго Слова» не замедлила отвѣтить, что фельетонистъ «Современника» доказалъ, что «его чаша полна», но что въ ней заключается «не нектаръ», а какая-то «желтая жидкость». Отъ остротъ Щедрина «пахнетъ саломъ курдюцкаго барана». Затѣмъ Писаревъ назвалъ Антоновича «лукошкомъ глубокомыслія».

Антоновичъ отвѣчалъ, что Тургеневъ (романомъ «Отцы и Дѣти») показалъ «Русскому Слову» «фигу», а оно стало «цѣловать эту фигу» и «водянымъ настоемъ этой фиги» стало разбалтывать свою критику, которую онъ, Антоновичъ, отнынѣ будетъ называть «бутербродомъ глубокомыслія», бутербродомъ гнилымъ и заразительнымъ. Эта грязная пошлятина достигла апогея въ 1865 году. «Любить и прощать—прекрасное занятіе,—восклицалъ Писаревъ, разбирая романъ Помяловскаго,—но иного подлеца не мѣшаетъ по мордѣ треснуть».

На особой страницѣ въ «Русскомъ Словѣ» Зайцевъ и Пи-

саревъ обращались къ «Современнику»: «Маски долой! Некрасовъ и П—инъ, хозяева! Кто изъ васъ настрочилъ такой шельмецкій пасквиль!?» Намекая на то, что Благосвѣтловъ получилъ журналъ отъ графа Кушелево-Безбородко, Антоновичъ писалъ: «Вы, г. Благосвѣтловъ, нѣкогда въ графской передней почивали, на связкѣ парадныхъ гербовыхъ ливрей...». «По истинѣ, вы—бутербродъ и больше ничего!.. Бутербродъ съ размазней, да еще гнилой!»[1]).

«Ахъ, вы, лгунишка! Ахъ вы, сплетникъ литературный!—вопитъ Благосвѣтловъ,—вы собираетесь посадить меня на ладонь и показать публикѣ, а я совѣтовалъ бы вамъ спрятаться куда-нибудь въ сапогъ и не показывать вашихъ безстыжихъ глазъ ни въ редакціи «Современника», ни своимъ знакомымъ».

Антоновичъ затѣмъ сообщаетъ какое-то темное извѣстіе: «Опасно полемизировать съ тѣми, которые могутъ послать на вашу квартиру двухъ огромныхъ дѣтинъ-гайдуковъ для вашего вразумленія», которые «прибѣгаютъ къ такимъ краснорѣчивымъ увѣщаніямъ, что для удержанія ихъ требуются дворники и городовые»[2]).

Кто посылалъ или собирался послать гайдуковъ изъ полемизировавшихъ, осталось неяснымъ.

Перебранка продолжалась:

«О недоносокъ Благосвѣтловскій! О скудоумный Писаревъ!»...—ревѣлъ Антоновичъ[3]).

Въ отвѣтной статьѣ Писаревъ признавался, что «полемика приняла характеръ дикой оргіи»[4]).

Въ «Отеч. Зап.» Заринъ далъ подробное обозрѣніе всѣхъ стадій этой непристойной полемики въ радикальномъ лагерѣ (1865 г., т. CLXI, Verba novissima). А газета Аксакова «День»

---

[1]) «Современникъ», 1865 годъ, февраль, Глуповцы въ «Русскомъ Словѣ».

[2]) «Современникъ», 1865 г., мартъ, Литературныя мелочи, 216.

[3]) «Современникъ», 1865 г., іюль, Лже-реалисты.

[4]) «Русское Слово», 1865 г., сентябрь, «Посмотримъ».

сказала, что новый духъ, вѣющій изъ «Современника»,—только духота отъ міазмовъ его разложенія.

Въ 1866 году и «Современникъ», и «Русское Слово» были закрыты, при чемъ Некрасовъ въ апрѣльской книжкѣ «Современника» помѣстилъ стихи «Осипу Ивановичу Комиссарову», а въ «Современное Обозрѣніе» подпустилъ патріотизма. Это журналъ не спасло, только запачкало Некрасова.

VII.

Такимъ образомъ, петербургская печать въ періодъ 1862 по 1868 годъ представляла печальную картину «свистопляски», грубой ругани, вообще какого-то разнузданнаго кабака. Такое состояніе ея объясняется цензурнымъ терроромъ, который преслѣдовалъ всякую серьезную мысль. Отъ «нечего писать» журналисты изругались, какъ пьяные бурсаки. Въ то же время Валуевъ велъ упорную борьбу съ націоналистической печатью Москвы, органами Каткова и Аксакова. Еще въ 1862 году Катковъ и Леонтьевъ представлялись государю и получили въ аренду «Московскія Вѣдомости». Уже въ 1862 году газета имѣла около 6.000 подписчиковъ. Переходъ «Московскихъ Вѣдомостей» къ Каткову почти совпалъ съ началомъ польскаго мятежа. Событія, сопровождавшія это возстаніе, вызвали рядъ одушевленныхъ искреннимъ патріотизмомъ статей Каткова; вся земская Россія съ большимъ сочувствіемъ внимала страстной рѣчи публициста; его статьи обратили на себя также вниманіе европейской прессы—и Катковъ сдѣлался знаменитостью. Петербургское дворянство представило 26-го марта адресъ, въ которомъ высказывалось энергически за сохраненіе цѣлости Русскаго государства. 31-го марта 1863 года, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, отъ петербургскаго городского общества. а затѣмъ и со всѣхъ сторонъ посыпались адреса. Катковъ составилъ адресъ старообрядцевъ-безпоповцевъ, гдѣ были слова: «Въ новизнахъ твоего царствованія старина наша слышится».

Обстоятельства 1862—1866 гг. заставили Каткова поднять національное знамя. О Катковѣ спорили въ иностранной прессѣ. The foremost journal in Russia (органъ, дающій направленіе въ Россіи), писалъ въ 1865 году корреспондентъ «Times'»а про «Московскія Вѣдомости».

«Въ нашей газетѣ,—возражалъ Катковъ,—хотятъ видѣть органъ партіи, которую называютъ русскою, ультра-русскою, исключительно русскою. Мы предоставляемъ всякому судить, въ какой мѣрѣ можетъ итти рѣчь о русской партіи въ Россіи. Принадлежать къ русской партіи въ Россіи не значитъ ли одно и то же, что быть русскимъ подданнымъ, быть гражданиномъ Русскаго государства?»[1]).

Съ Катковымъ воевалъ консервативный органъ старо-помѣщичьей партіи «Вѣсть». Но и начавшійся въ 1863 г. «Голосъ» сталъ самымъ ярымъ врагомъ Каткова. «Голосъ» обвинялъ Каткова въ сепаратизмоманіи, въ томъ, что ему постоянно мерещится призракъ разъяренныхъ стихій, что онъ имѣетъ въ виду запугиваніе общества.

Въ 1865—1866 годахъ подписка «Московскихъ Вѣдомостей» достигла 12.000.

Завѣдывавшій «Московскими Вѣдомостями», во время борьбы съ полонизмомъ, цензоръ Петровъ дрожалъ отъ страха, когда носилъ печатные столбцы отъ Каткова назадъ въ типографію, для окончательнаго напечатанія.

«Штрафовъ, писалъ Катковъ, взыскано было съ насъ шесть въ теченіе одного мѣсяца, всего на сумму 950 рублей». Наконецъ, газетѣ было дано предостереженіе за «возбужденіе недовѣрія къ правительству»[2]).

«Московскія Вѣдомости» были четвертымъ изъ органовъ печати, навлекшихъ на себя предостереженіе по изданіи новаго закона о печати. Первыми постигла административная кара

---

[1]) «Моск. Вѣдомости», 1865 г., № 195.

[2]) «Сѣверная Почта», 1866 г., № 66.

«Современникъ» и «Русское Слово», органы соціалистической окраски; потомъ она задѣла по пути консервативную «Вѣсть» и устремилась противъ руссофильскаго направленія Каткова. Такимъ образомъ, въ спискѣ предостереженій сошлись люди и органы самыхъ противоположныхъ, самыхъ ненавистныхъ другъ другу взглядовъ.

Катковъ отказался напечатать предостереженіе, предложилъ правительству взять это предостереженіе назадъ и объявилъ, что онъ прекратитъ изданіе «Московскихъ Вѣдомостей». Объявилъ свое рѣшеніе Катковъ 3-го апрѣля 1866 г., а на слѣдующій день, 4-го апрѣля, произведено было Каракозовымъ покушеніе. 14-го апрѣля графъ Д. А. Толстой былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Въ «Сѣверной Почтѣ», офиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, были напечатаны объясненія главнаго управленія по дѣламъ печати по поводу статьи Каткова, отъ 3-го апрѣля. Одни изъ членовъ высказались за судебное преслѣдованіе противъ «Московскихъ Вѣдомостей», другіе — за второе предостереженіе. Было прибавлено, что министръ не принимаетъ ни того, ни другого рѣшенія, въ уваженіе къ нынѣшнему настроенію общественнаго мнѣнія.

11-го апрѣля, въ Москвѣ произошла патріотическая манифестація студентовъ. Подойдя къ дому университетской типографіи, студенты шесть разъ пропѣли народный гимнъ и кричали Каткову: «не прекращайте вашей дѣятельности»[1]).

Валуевъ далъ Каткову 2-е предостереженіе 6-го мая, и на слѣдующій день, 7-го—третье, съ пріостановкой на два мѣсяца. Съ 9-го по 18-е мая «Московскія Вѣдомости» не выходили: 18-го появился прощальный номеръ. Издатели говорили: «До сихъ поръ въ исторіи этого столѣтняго изданія было только два случая перерыва: одинъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, во время чумы; другой въ 12-мъ году—при нашествіи фран-

[1]) «Московскія Вѣдомости», 1866 г., № 76.

цузовъ; третьему случаю суждено было осуществиться въ настоящее время, по нашей винѣ».

Но 25-го мая Александръ II посѣтилъ Москву. Катковъ получилъ аудіенцію, и 25-го іюня, ранѣе истеченія срока положеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ запрещенія, Катковъ возобновилъ изданіе. Общественное сочувствіе къ Каткову по поводу его возвращенія къ публицистической дѣятельности выразилось обѣдомъ, даннымъ ему въ университетскомъ залѣ 17-го іюля 1866 года.

VIII.

Въ борьбѣ съ Валуевымъ перевѣсъ остался на сторонѣ Каткова, тѣмъ болѣе, что теперь у него была сильная рука въ лицѣ министра графа Толстого. Славянофилы же были систематически подавляемы Валуевымъ.

Выстрѣлъ Каракозова 4-го апрѣля 1866 г. страшно поразилъ все общество. Герценъ въ появившейся 1-го мая 1866 года въ «Колоколѣ» статьѣ: «Иркутскъ и Петербургъ»,—осудилъ это преступленіе. «Мы поражены при мысли объ отвѣтственности, которую взялъ на себя этотъ фанатикъ,—писалъ Герценъ,—только у варварскихъ народовъ или у стоящихъ на склонѣ цивилизаціи существуетъ стремленіе прибѣгать къ убійствамъ».

Руководство слѣдствіемъ по Каракозовскому дѣлу было возложено на бывшаго виленскаго генералъ-губернатора графа Муравьева. «Мои силы уже слабы, я боленъ и старъ,—заявилъ Муравьевъ на обѣдѣ, данномъ ему 10-го апрѣля Петербургскимъ англійскимъ клубомъ, по случаю его назначенія,—но я скорѣе лягу костьми, чѣмъ оставлю неоткрытымъ это зло, зло не одного человѣка, а многихъ, дѣйствующихъ въ совокупности». Послѣ обѣда графъ Муравьевъ воспользовался присутствіемъ издателя «Современника» Некрасова, чтобы указать на вредныя ученія, распространяемыя въ обществѣ, на ядъ, прививаемый молодому поколѣнію.

«Всѣ эти лжеученія,—писалъ Катковъ,—всѣ эти дурныя направленія родились и пріобрѣли силу посреди общества, не знавшаго ни науки свободной, уважаемой и сильной, ни публичности въ дѣлахъ, касающихся самыхъ дорогихъ для насъ интересовъ,—посреди общества, находящагося подъ цензурой и полицейскимъ надзоромъ во всѣхъ сферахъ своей жизни. Всѣ эти лжеученія и дурныя направленія, на которыя слышатся теперь жалобы, суть плодъ мысли подавленной, неразвитой, рабской во всѣхъ своихъ инстинктахъ, одичавшей въ своихъ темныхъ трущобахъ»[1]).

Только благодаря особому покровительству императора Александра II-го, «Московскія Вѣдомости» не были запрещены, и во всякомъ случаѣ ярко окрашенный органъ Каткова не погрузился въ молчаніе. Такимъ образомъ, все время дѣятельности Валуева съ 1863 г. по 1868 г., въ самомъ началѣ котораго его звѣзда закатилась, періодъ «свободы печати» и введенія новой цензурной системы, является эпохой гнетущаго террора въ литературѣ. Въ предыдущій періодъ съ 1855 по 1862 годъ реакція и репрессія печати опирались только на партію крѣпостниковъ — обскурантовъ. Въ періодъ съ 1862 по 1868 г., къ несчастію, темныя подпольныя дѣянія давали безконечно болѣе основаній для реакціи и цензурнаго террора.

Отъ 4-го марта 1868 г. Никитенко помѣтилъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Валуевъ оставилъ министерство, или министерство оставило его. Мѣсто его занялъ Тимашевъ». 16-го марта Никитенко провожаетъ Валуева слѣдующей предикой:

«Валуевъ дурно распорядился своею судьбою: притѣсненіемъ земскихъ учрежденій, неблагоразумными и опрометчивыми дѣйствіями по дѣламъ печати онъ вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе, а страннымъ индифферентизмомъ къ голоду онъ далъ противъ себя оружіе въ руки враждебной ему партіи». Во всякомъ случаѣ, Валуевъ провелъ законъ, который

---

[1]) «Московскія Вѣдомости», 1866 г., № 205.

учеными юристами пранизется за «шагъ впередъ»; онъ что-то сдѣлалъ; перевалилъ черезъ роковую черту, около которой всевозможныя комиссіи толклись ровно десять лѣтъ, и все не рѣшались ее перешагнуть.

Отъ 15-го апрѣля 1868 г. Никитенко пишетъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Новый министръ даетъ знать, что онъ въ дѣлахъ печати намѣренъ слѣдовать системѣ своего предшественника».

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

«Старички» 1868 г. — Упадокъ популярности писателей школы 1840-хъ годовъ.—Торжество «крайнихъ».—Нигилистическія «краткія формулы».—Мнѣніе людей сороковыхъ годовъ о «шестидесятникахъ».—«Отлученіе» ихъ.—Великія идеи реформъ.—«Люди, говорящіе свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ».—Результаты цензурнаго террора 1862—1868 гг.—«Разрушеніе эстетики».—Писаревъ о призваніи поэта. — «Ковявки, копающіяся въ цвѣточной пыли».—«Собраніе матеріаловъ о направленіи русской словесности» 1862 г.— «Секретная» эстетика.—Истинная среда изящнаго и ея независимость.—Художество внѣ времени, мѣста и почвы.—Казенная классификація русскихъ поэтовъ.—«Перелагатели пауперизма».—«Нигилисты, эпиграмматисты и пасквилисты».—Язва «протеста».—Вѣроятные результаты казенной теоріи «чистаго искусства».—Нарушеніе равновѣсія въ обществѣ и въ правительствѣ.—Періодъ 1865—1868 гг. въ Россіи и 1852—1867 гг. во Франціи. — Копированіе наполеоновской системы.—Положительные результаты закона 6-го апрѣля 1865 г.—Судебная практика по дѣламъ печати.—Особое положеніе прокурорскаго надзора. — Волокита этого рода дѣлъ. — Послѣдующія ограничительныя законоположенія. — Modus vivendi. — Реакція 1872 г.—«Уставъ вольнаго союза пѣнкоснимателей» Салтыкова-Щедрина.—Статистика взысканій по печати за время съ 1865 по 1880 г.—Причины развитія системы административныхъ взысканій. — Польза и опасность цензуры. — Нетерпимость и сквернословіе.—Ихъ общая почва—невѣжество. — Задачи просвѣщенной цензуры.

I.

Въ журналѣ Тиблена «Современное Обозрѣніе» на 1868 г. была помѣщена статейка подъ заглавіемъ «Старички».

Въ ней анонимный авторъ трунилъ надъ первымъ выпускомъ «Бесѣдъ въ обществѣ любителей россійской словесности при императорскомъ Московскомъ университетѣ». На засѣданіяхъ общества собирались ветхіе остатки Арзамаса, члены, какъ кн. Вяземскій и Ѳ. Н. Глинка, вступившіе въ среду «любителей» съ 1816 года, или какъ Лажечниковъ съ 1819 г., и т. д. Молодой журналъ трунитъ надъ старенькими словесниками «золотого вѣка» поэзіи и называетъ ихъ зубрами литературной Бѣловѣжской пущи.

Въ концѣ статейки, молодой «шестидесятникъ» не утерпѣлъ, чтобы не задѣть и главу школы «сороковыхъ годовъ». На сцену внезапно выѣзжаетъ каминъ, у котораго въ картинной позѣ стоитъ самъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, «скрестивъ ненужныя руки на безполезной груди» (фраза изъ «Довольно»), какъ его изобразили тогда въ какомъ-то нѣмецкомъ иллюстрированномъ журналѣ.

Въ первый періодъ эпохи великихъ реформъ съ 1855 по 1862 г. мы видимъ писателей сороковыхъ годовъ во главѣ движенія и на верху успѣха и популярности. Для Тургенева тріумфомъ былъ выходъ «Дворянскаго гнѣзда» (1859 г.), но и «Наканунѣ» (1860 г.) встрѣчено было съ громаднымъ сочувствіемъ. Съ появленія «Отцовъ и дѣтей» въ 1862 г. популярность Тургенева пошатнулась и стала быстро падать. Но за нимъ подвергались прямо гоненію Писемскій, Гончаровъ, большое нерасположеніе заслужилъ даже Достоевскій. Однимъ словомъ, въ періодъ съ 1862 по 1868 г. всѣ первыя силы нашей литературы утратили популярность и передовое значеніе свое въ обществѣ и у молодежи.

Этотъ расколъ глубоко проникъ русское общество. Всѣ благоразумные, умѣренные элементы его потеряли кредитъ, были

скомпрометированы, почислены «отсталыми». Все же крайнее, радикально-разнузданное, лишенное «задерживательныхъ центровъ», возобладало, стало у руля общественнаго мнѣнія. Въ этомъ глубокая разница двухъ періодовъ эпохи великихъ реформъ: перваго съ 1855 по 1862 г. и второго съ 1862 по 1868 г. Нарушилось равновѣсіе. Крайніе восторжествовали, и, конечно, если среди молодежи руководителями явились крайніе нигилизма, то въ правительственныхъ сферахъ возобладали крайніе ретроградства. Все «умѣренное», все благоразумное утратило кредитъ. Чему приписать это явленіе?

Мы рѣшительно объясняемъ его цензурнымъ терроромъ, который перенесла русская литература въ правленіе министра Валуева.

Тургеневъ, Писемскій, Гончаровъ, Достоевскій, Герценъ, Майковъ, Фетъ, гр. Алексѣй Толстой и прочіе художники и первые умы почислены были за штатомъ, имена ихъ стали произноситься съ усмѣшкой, вмѣстѣ съ тѣмъ началось гоненіе на художественность вообще, на искусство, провозглашалось отреченіе отъ Пушкина, Рафаэля, Бетховена, Шекспира, даже Гёте презрительно именовали «тайнымъ совѣтникомъ». Распространились «краткія формулы» нигилизма, которыми выпаливали передовые «новые люди» и «развиватели»: «любовь исчерпывается половымъ влеченіемъ»; «жертва есть сапоги въ смятку»; «фотографія выше искусства»; нравственно все, что естественно»; «человѣкъ есть животное»; «брюхо — центръ міра» и т. д. На эти «формулы» указываетъ Н. К. Михайловскій въ статьѣ «Идолопоклонство и реализмъ» (1869 г.). Въ области политическихъ мнѣній тоже возобладали «краткія формулы», въ родѣ—«цѣль оправдываетъ средства», «десять тысячъ головъ во благо человѣчества» и т. д.

Равномѣрно, люди сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ выражали недовѣріе къ «шестидесятникамъ».

Всякій безпристрастный изслѣдователь, историкъ эпохи шестидесятыхъ годовъ, непремѣнно будетъ пораженъ этимъ фак-

томъ: рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ этому времени (именно съ 1862 г.) положительно всѣхъ тогда жившихъ великихъ художниковъ и умовъ нашихъ, выразившимся въ цѣломъ рядѣ произведеній, гдѣ «новые люди» и ихъ понятія, вкусы, стремленія положительно высмѣиваются достаточно зло и безповоротно рѣзко.

Эти писатели школы сороковыхъ годовъ—Писемскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, гр. Левъ Ник. Толстой, Герценъ, наконецъ Щедринъ-Салтыковъ въ сатирахъ, имъ въ это время написанныхъ, Хвощинская (Крестовскій). Мы не считаемъ молодыхъ, тогда выступавшихъ писателей—Лѣскова, Клюшникова, Авенаріуса, Всеволода Крестовскаго, Кущевскаго (злая, подъ видомъ добродушія, сатира на 60-е годы: «Николай Негоревъ, или благополучный россіянинъ», хотя и появившаяся въ «Отечественныхъ Запискахъ») и т. д. Въ 1862 г. явились «Отцы и дѣти»; въ 1863 г. — «Взбаламученное море»; въ 1864 г. — «Марево» и драма Полонскаго «Разладъ»; въ 1865 г.— «Некуда»; въ 1867 г.—«Дымъ»; въ 1868 г.—«Обрывъ»; въ 1870 г.—«На ножахъ»; въ 1871 г.—«Бѣсы»; въ 1876 г.— «Новь». Все это сатиры на 60-е годы. Мнѣніе Герцена о «шестидесятникахъ» появилось въ посмертномъ XI томѣ его сочиненій (1870 г.).

Какъ же объяснить тотъ фактъ, что такіе умы, какъ Тургеневъ и Достоевскій Герценъ и Писемскій такъ безпощадно рѣзко отнеслись къ «шестидесятникамъ»?

Безпристрастный изслѣдователь, конечно, не удовлетворится пріемомъ, примѣненнымъ г. Скабичевскимъ въ его «Исторіи».

Тотъ вышелъ изъ затрудненія весьма просто. Тургеневъ, «усвоивъ обстоятельно гегелевскую философію», «не успѣлъ впослѣдствіи усвоить новое положительное міросозерцаніе», то же было и съ Гончаровымъ. Что касается Достоевскаго, то по идейному содержанію его литературная дѣятельность раздѣляется на два «періода, какъ и большинства беллетристовъ сороковыхъ годовъ»: періодъ прогрессивный до половины шести-

десятыхъ годовъ, а затѣмъ до конца жизни (sic!)—агрессивный и реакціонный».

Наконецъ Писемскій тоже «опростоволосился», употребляя любимое выраженіе Писарева.

«Нельзя сказать,—признаетъ на 198 страницѣ четвертаго изданія своей «Исторіи» г. Скабичевскій,—чтобы Писемскій въ романѣ своемъ («Взбаламученное море») умышленно или по незнанію искажалъ дѣйствительность», но «въ политическомъ отношеніи» романъ Писемскаго «былъ въ неизмѣримой степени вреднѣе для друзей русскаго прогресса, чѣмъ еслибы Писемскій налгалъ въ немъ съ три короба»... Романъ «тѣмъ ужасенъ, что обнаруживалъ дѣйствительныя язвы, какія коренились въ движеніи».

Вообще г. Скабичевскій признаетъ, что школа беллетристовъ сороковыхъ годовъ «представляетъ цѣлую плеяду могучихъ талантовъ, обогатившихъ русскую литературу несмѣтнымъ количествомъ первостепенныхъ произведеній, и безспорно является замѣчательнѣйшимъ явленіемъ (является явленіемъ... гм!) не только въ русской жизни, но и въ обще-европейской»; «нѣтъ ничего удивительнаго, по мнѣнію г. Скабичевскаго, что Европа въ настоящее время взапуски переводитъ на всѣ свои языки произведенія этой школы, и чѣмъ болѣе ихъ переводитъ, тѣмъ болѣе удивляется ихъ совершенству, проникается ихъ идейнымъ содержаніемъ, подражаетъ имъ, и вообще ставитъ ихъ въ ряду высшихъ проявленій европейскаго искусства».

Но при всемъ томъ «преобладаніе въ беллетристахъ сороковыхъ годовъ скептическаго анализа и отрицательнаго отношенія къ жизни повело къ тому, что въ шестидесятые годы, когда наступила эпоха новыхъ людей, новыхъ идей и идеаловъ, когда восторженные послѣдователи этого движенія ожидали отъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, что они не замедлятъ стать во главѣ его, облекутъ въ величественные и блестящіе образы новые идеалы, беллетристы обманули общія ожиданія».

«Молодежь» шестидесятыхъ годовъ «не узнала себя» въ изображеніяхъ нашихъ великихъ художниковъ.

«Всѣ они,—добродушно прибавляетъ г. Скабичевскій,—были вслѣдствіе этого обвинены въ измѣнѣ, ренегатствѣ, но это совершенно неправильно и напрасно» — беллетристы сороковыхъ годовъ «заслуживаютъ снисхожденія». Надо думать, не разсмотрѣли старики что такое передъ ними, привыкли относиться къ явленіямъ жизни въ крѣпостную эпоху съ «скептическимъ отрицаніемъ», да къ тому же гдѣ имъ было понять «новые идеалы», «новыя идеи» и «новыхъ людей», когда они испортили свои умственныя способности Гегелемъ. Европѣ въ этомъ дѣлѣ не разобраться. Это дѣло домашнее. Но такъ какъ Тургеневы и Достоевскіе «обманули общія ожиданія», не «облекли въ величественные и блестящіе образы» новыхъ людей, то за это и взялась другая «школа». Эта другая школа въ Европѣ не прогремѣла, правда, зато удостоилась аттестаціи въ полной «направленской» благонадежности въ «исторіи».

А на дѣлѣ произошло нѣчто высоко комическое. Эти «новые люди», эти «шестидесятники» уподобились господамъ, идущимъ снимать свои портреты къ великому художнику. Тотъ рисуетъ человѣка, какъ онъ есть. «Натура» подходитъ затѣмъ къ мольберту и преисполняется глубокаго изумленія: «Помилуйте, что же это такое? Брюшко, узенькіе глазки, обыкновеннѣйшее выраженіе лица, носъ изрядно курносъ, волосы въ родѣ мочалы... Да развѣ это «мы»? Развѣ это я? Гдѣ же ростъ, молодецкіе мускулы, очи соколиныя, брови соболиныя? Что это такое?! Объясните-съ».

— Это? — спокойно отвѣчаетъ художникъ, — это художественный реализмъ.

— Нѣтъ-съ, это измѣна... Тѣмъ вреднѣе вашъ портретъ въ политическомъ отношеніи, что онъ вѣренъ и художественъ. Вы компрометируете движеніе! Вы подрываете авторитетъ идеи! Вы—ренегатъ.

И «натура» уходитъ, хлопая дверью, и идетъ къ «своему»

художнику, который и «богомазъ», и вывѣски писывалъ. Этотъ знаетъ, какъ «потрафить». Въ лицо суетъ «Марса» или «Юпитера», подъ руку кладетъ книгу съ крупной надписью на корешкѣ:

«Всегда стоялъ за правду» и т. д.

— Вотъ это «нашъ»! Этотъ «пребылъ вѣрнымъ» направленію! Этотъ облекъ «въ величественные и блестящіе образы» новыхъ людей новаго движенія.

Казалось бы, беллетристы сороковыхъ годовъ, давшіе «аннибалову клятву» бороться до конца съ крѣпостнымъ строемъ, стояли за тѣ самые идеалы и идеи, которые воплотились въ жизни, въ дѣлѣ, въ учрежденіяхъ 19-го февраля и послѣдующихъ реформахъ. Эти идеи облеклись плотью и кровью, перешли въ то состояніе, о которомъ говоритъ извѣстное четверостишіе:

Нашъ высокій порывъ,
Нашу честную рѣчь
Надо въ кровь претворить,
Надо плотью облечь!

Слово стало фактомъ, стало дѣломъ, стало учрежденіемъ. Эти идеи, по выраженію извѣстнаго французскаго философа Альфрэда Фулье, стали «идеями — силами, idées-forces, творческими началами русской жизни, общественной, народной.

Эти великія идеи — крестьянскій надѣлъ, освобожденіе двадцати двухъ милліоновъ съ землей, пониманіе, что земля— основа народной свободы, экономической независимости, политической самостоятельности, и что не можетъ существовать большаго бѣдствія, какъ народное обезземеленье.

Эти великія идеи—начало свободы духовныхъ проявленій народа, его совѣсти, его слова, принципъ гласности въ судебныхъ и другихъ установленіяхъ, право громкому, смѣлому голосу правды безопасно разноситься по Русской землѣ, а не только благонамѣренной фистулѣ льстить и поддакивать; широкая терпимость.

Эти великія идеи — воскресшее, древнее начало мѣстнаго самоуправленія, какъ обязанности каждаго гражданина не замыкаться въ эгоистической отчужденности отъ общественнаго блага и дѣла, но полагать въ нихъ свой личный интересъ и гордость.

Эти великія идеи—гуманность, уваженіе къ чужой личности, къ человѣческому достоинству на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, гуманность, изгнавшая жестокія наказанія изъ семьи, школы, казармы.

Эти великія идеи—равноправность женщины, признаніе ея права на просвѣщеніе, знаніе, образованіе, трудъ, общественное служеніе. Идеямъ этимъ и «пребыли вѣрными» до конца своихъ дней писатели школы сороковыхъ годовъ. Казалось бы, эти идеи, воплощенныя въ реформахъ, выработанныя еще Бѣлинскимъ, Грановскимъ, Станкевичемъ, и составляютъ истинное, великое «наслѣдіе» наше. Но нѣтъ! Оказывается, что въ шестидесятые годы явились еще какіе-то «новые идеалы», «новыя идеи», носителями которыхъ были совсѣмъ «новые люди», юные «шестидесятники». Ихъ-то и не признали Тургеневъ, Достоевскій, Герценъ. Напротивъ, рѣшительно заклеймили ихъ безпощаднымъ сарказмомъ. Употребляя выраженіе Штруввельпетера, они самымъ безцеремоннымъ образомъ заявили: «Я не ѣмъ этой похлебки. Нѣтъ! Я не ѣмъ этой похлебки»... И, какъ благодушно свидѣтельствуетъ г. Скабичевскій, «всѣ они были вслѣдствіе этого обвинены въ измѣнѣ, ренегатствѣ»...

«Люди, говорящіе свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ».

Такъ опредѣляетъ Герценъ «новыхъ людей» нижняго, темнаго теченія шестидесятыхъ годовъ, истоки котораго шли не отъ прошлаго русской культуры, не имѣли корней ни въ Бѣлинскомъ, ни въ Станкевичѣ, ни въ Веневитиновѣ, ни въ Радищевѣ, ни въ Новиковѣ, а въ тѣхъ родныхъ, безкультурныхъ «черноземахъ» утверждались, для которыхъ Герценъ требовалъ много, много «дренажа»...

«Отреченіе отъ Пушкина»—вотъ «краткая формула» этого грубаго и безкультурнаго движенія. Въ «отреченіи отъ Пушкина» скрыты всѣ другія «отреченія» отъ красоты въ жизни, въ отношеніяхъ между людьми, въ искусствѣ, отъ спекулятивной «безполезной» мысли, отъ рыцарскаго отношенія къ женщинѣ, отъ самообузданія и альтруизма, отъ мистическихъ настроеній и національнаго чувства. Въ этомъ отреченіи—стремленіе весь міръ остричь «подъ гребенку», обнажить во всемъ плоское дно, все привести къ игрушечному матеріализму, хлыщеватому нигилизму и грязноватому утилитаризму.

II.

Цензурный терроръ періода съ 1862 г. по 1868 г. нарушилъ равновѣсіе русскаго общества и литературы. Онъ далъ перевѣсъ всѣмъ крайнимъ элементамъ литературы и общества и подорвалъ авторитетъ благоразумныхъ и уравновѣшенныхъ писателей, не хотѣвшихъ антогонизма съ правительствомъ. Въ частности, этотъ терроръ подорвалъ значеніе эстетической критики и чистаго искусства, въ протестѣ противъ которыхъ стали видѣть нѣчто политическое. Искусство было отожествлено съ «застоемъ», художники съ отсталыми ретроградами.

«Отчего у насъ лирики плодятся, какъ дождевые грибы?—спрашивалъ Писаревъ.—Да просто оттого, что журналисты привыкли наполнять стишками тѣ бѣлыя страницы или, выражаясь типографскимъ языкомъ, бѣлыя полосы, которыя случайно остаются между отдѣльными статьями. И до сихъ поръ не могутъ сообразить почтенные журналисты, что бѣлая полоса гораздо лучше лирическаго стихотворенія, во-первыхъ, потому, что читатель не тратитъ на бѣлую полосу ни одной минуты времени, во-вторыхъ, потому, что редакція за бѣлую полосу не платитъ ни копейки денегъ, въ-третьихъ, потому, что существованіе бѣлыхъ полосъ не поощряетъ ни одной отрасли предосудительнаго тунеядства. Къ крайнему моему огор-

ченію, даже «Русское Слово» не возвысилось еще до пониманія этихъ высокихъ и мудрыхъ истинъ»[1]).

Писаревъ выставляетъ три предмета своей ненависти: «во-первыхъ—наше общее невѣжество, во-вторыхъ—поэзія и эстетика, въ-третьихъ—ученое фразерство нашихъ добродѣтельныхъ и недобродѣтельныхъ Маколеевъ».

Очевидно, дѣло тутъ не въ однихъ журнальныхъ «стишкахъ». Подъ «эстетикой» Писаревъ подразумѣваетъ нѣчто совсѣмъ особенное. «Читатель подумаетъ, вѣроятно, что эстетика—мой кошмаръ, и читатель въ этомъ случаѣ не ошибется. Эстетика и реализмъ дѣйствительно находятся въ непримиримой враждѣ между собою, и реализмъ долженъ радикально истребить эстетику, которая въ настоящее время отравляетъ и обезсмысливаетъ всѣ отрасли нашей дѣятельности, начиная отъ высшихъ сферъ научнаго труда и кончая самыми обыкновенными отношеніями между мужчиной и женщиной... Эстетика есть самый прочный элементъ умственнаго застоя и самый надежный врагъ разумнаго прогресса». «Эстетика, безотчетность, рутина, привычка — это все совершенно равносильныя понятія. Реализмъ, сознательность, анализъ, критика и умственный прогрессъ—это также равносильныя понятія, діаметрально противоположныя первымъ».

Спрашивается, какъ, однако, отожествить Гете, Бетховена, Рафаэля, Канову съ «рутиной»? «Вкусы человѣческіе, объясняетъ Писаревъ, безконечно разнообразны: одному желательно выпить передъ обѣдомъ рюмку очищенной водки; другому—выкурить послѣ обѣда трубку махорки; третьему—побаловаться вечеромъ на скрипкѣ или на флейтѣ; четвертому—прійти въ восторгъ и ужасъ отъ взвизгиваній Ольриджа въ роли Отелло. Ну, и безподобно. Пускай утѣшаются... «Общество любителей псовой охоты», «общество театраловъ», «общество любителей слоеныхъ пирожковъ», «общество любителей музыки»... вели-

---

[1]) Соч. Писарева, т. IV-й, Спб., 1894 г., стр. 108.

кій Бетховенъ, великій Рафаэль, великій Канова, великій шахматный игрокъ Морфи, великій поваръ Дюссо, великій маркеръ Тюря. Мы можемъ только радоваться этому обилію человѣческой геніальности и осторожно проходить мимо всѣхъ этихъ «обществъ любителей», тщательно скрывая улыбку... Впрочемъ, отрицать совершенно практическую пользу живописи мы, конечно, не рѣшимся. Черченіе плановъ необходимо для архитектуры; почти во всѣхъ сочиненіяхъ по естественнымъ наукамъ требуются рисунки. Даровитый и образованный художникъ можетъ своимъ карандашемъ помогать натуралисту въ распространеніи полезныхъ знаній. Но, вѣдь, ни Рембрандтъ, ни Тиціанъ,—съ обезоруживающимъ простодушіемъ продолжаетъ свои «съ ногъ сшибательныя» разсужденія благосвѣтловскій критикъ,—не стали бы рисовать картинки для популярнаго сочиненія по зоологіи или ботаникѣ. А ужъ какимъ образомъ Моцартъ и Фанни Эльслеръ, Тальма и Рубини ухитрились бы пристроить свои великія дарованія къ какому нибудь разумному дѣлу, этого я даже и представить себѣ не умѣю».

Не въ томъ вопросъ: какъ могъ Писаревъ писать подобный мальчишескій вздоръ?

Вопросъ въ томъ, какъ этотъ вздоръ могъ распространиться въ русскомъ обществѣ? Какъ могло выйти, что цѣлый рядъ поколѣній русской молодежи воспитался на этихъ дикихъ взглядахъ?

Только въ цензурныхъ условіяхъ лежитъ объясненіе этого факта.

Клеймя русскихъ лириковъ «отъявленными тунеядцами», Писаревъ рисуетъ идеалъ поэта:

«Понимая вполнѣ глубокій смыслъ каждой пульсаціи общественной жизни, поэтъ, какъ человѣкъ страстный и впечатлительный, непремѣнно долженъ всѣми силами существа любить то, что кажется ему достойнымъ, истиннымъ и прекраснымъ, и ненавидѣть святой и великой ненавистью ту огромную массу мелкихъ и дрянныхъ глупостей, которая мѣшаетъ идеямъ

истины, добра и красоты (sic!) облечься въ плоть и кровь и превратиться въ живую дѣйствительность».

«Когда поэтъ охватилъ своимъ сильнымъ умомъ весь великій смыслъ человѣческой жизни, человѣческой борьбы и человѣческаго горя, когда онъ вдумался въ причины, когда онъ уловилъ крѣпкую связь между отдѣльными явленіями, когда онъ понялъ, что́ надо и что́ можно сдѣлать, въ какомъ направленіи и какими пружинами слѣдуетъ дѣйствовать на умы читающихъ людей, тогда безсознательное и безцѣльное творчество для него безусловно невозможно. Общая цѣль его жизни и дѣятельности не даетъ ему ни минуты покоя; эта цѣль манитъ и тянетъ его къ себѣ; онъ счастливъ, когда видитъ ее передъ собою яснѣе и какъ будто ближе; онъ приходитъ въ восхищеніе, когда видитъ, что другіе люди понимаютъ его пожирающую страсть и сами съ трепетомъ томительной надежды смотрятъ въ даль, на ту же великую цѣль; онъ страдаетъ и злится, когда цѣль исчезаетъ въ туманѣ человѣческихъ глупостей и когда окружающіе его люди бродятъ ощупью, сбивая другъ друга съ прямого пути».

«И вы, господа эстетики, хотите, чтобы такой человѣкъ, принимаясь за перо, превращался въ болтливаго младенца, который самъ не вѣдаетъ что́ и зачѣмъ лепечутъ его розовыя губы! Вы хотите, чтобы онъ безцѣльно тѣшился пестрыми картинками своей фантазіи именно въ тѣ великія и священныя минуты, когда его могучій умъ, развертываясь въ процессѣ творчества, льетъ въ умы простыхъ и темныхъ людей цѣлые потоки свѣта и теплоты! Никогда этого не бываетъ и быть не можетъ».

«Кто понялъ и почувствовалъ до са́мой глубины взволнованной души различіе между истиной и заблужденіемъ, тотъ, волей и неволей, въ каждое изъ своихъ созданій будетъ вкладывать идеи, чувства и стремленія вѣчной борьбы за правду»

«Поэтъ—или великій боецъ мысли, безстрашный и безукоризненный рыцарь духа (sic!), или ничтожный паразитъ, потѣ-

шающій другихъ ничтожныхъ паразитовъ мелкими фокусами безплоднаго фиглярства. Середины нѣтъ. Поэтъ—или титанъ, потрясающій горы вѣкового зла, или же козявка, копающаяся въ цвѣточной пыли».

Вотъ одна изъ благороднѣйшихъ и прекраснѣйшихъ страницъ въ русской критикѣ, которая показываетъ, какой силы мы лишились въ юношѣ - Писаревѣ! Но эта страница находится въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ мертвеннымъ «реализмомъ», который проповѣдуетъ тотъ же Писаревъ.

III.

Достаточно вспомнить «Пророковъ» Пушкина и Лермонтова, чтобы убѣдиться, что они именно такъ и понимали призваніе поэта. Кто же въ русской литературѣ довольствовался ролью «козявки, копающейся въ цвѣточной пыли»? Кто почиталъ «безсознательность творчества» правомъ на невѣжество? Жажда знанія была присуща всѣмъ великимъ русскимъ писателямъ. Развѣ Гоголь не такъ же понималъ призваніе писателя и не пытался «потрясти горы вѣковѣчнаго зла»? Что говоримъ! Онъ и потрясъ ихъ, хотя бы своимъ «Ревизоромъ».

Но, дѣйствительно, были и такія условія въ русской литературѣ, которыя пытались обезплодить, оскопить ее, превратить русскихъ писателей дѣйствительно въ «козявокъ, копающихся въ цвѣточной пыли». Это—легкомысліе и пустота читателей и цензурный терроръ.

Въ 1865 году, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, въ Петербургѣ была издана «секретная» книга подъ заглавіемъ: «Собраніе матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее десятилѣтіе и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.». Изъ этой книги видно, что въ цѣляхъ цензуры 1862—1868 гг. было насажденіе той самой «эстетики», которую разрушалъ Писаревъ, и превращеніе писателей въ «козявокъ, копающихся въ

цвѣточной пыли». Поборникъ «чистаго искусства» изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, «секретно» разсмотрѣвъ «всю совокупность важнѣйшихъ явленій въ области русской литературы съ 1854 по 1864 гг.», убѣдился, что «общій уровень внутренняго достоинства и независимаго положенія нашей литературы значительно понизился»..

«Оставя путь свободнаго развитія, литеература наша значительно уклонилась въ несвойственную ей среду односторонняго служенія временнымъ политическимъ, гражданскимъ и общественнымъ вопросамъ». Послѣдствія—«плохо скрытая тенденціозность», «скудость творческой дѣятельности», «повсемѣстное почти отсутствіе художественности».

«Въ минувшее время,—утверждаетъ «секретный» эстетикъ,—наша литература развивалась самостоятельно и согласно высшимъ законамъ эстетики». «Тѣсный кругъ дѣятельности, доступный въ прежнее время у насъ общественной иниціативѣ, и болѣе сложный объемъ цензурныхъ требованій не препятствовали (sic!), однако, нашей литературѣ блистать такими именами, какъ Гоголь, Лермонтовъ и Кольцовъ, и притомъ достовѣрно (sic!) извѣстно, что свобода творчества этихъ художниковъ не встрѣчала для себя стѣсненія (sic!), потому что ими почти ничего не было даже и написано такого, что бы запрещено было печатать (а «Демонъ»?). Такъ истинная среда изящнаго можетъ развиваться совершенно свободно помимо преходящихъ явленій жизни».

Хотя и опровергаемая фактами, но чрезвычайно удобная теорія! «Истинную среду изящнаго» не могутъ затронуть «преходящія явленія жизни». Цензурный терроръ принадлежитъ къ области «преходящихъ явленій жизни». Ergo, цензурный терроръ не можетъ коснуться «истинной среды изящнаго». А если чего коснется, то значитъ и не «изящное». Великъ ли, однако, діаметръ этой «среды»? Почти равенъ нулю. Это истинно среда букашекъ, копающихся въ цвѣточной пыли. Это мы увидимъ дальше!

«Уклоненіе» литературы «имѣло самое вредное вліяніе на вкусъ читающей публики и даже на общественную нравственность».

«Небольшой кружокъ литературныхъ дѣятелей пріобрѣлъ въ глазахъ близорукой массы авторитетъ», «увлекъ многихъ неопытныхъ, но талантливыхъ писателей на ложный путь, развилъ въ публикѣ стремленіе искать въ изящныхъ произведеніяхъ слова заднюю мысль оппозиціи, обличенія и намека и низвелъ большую часть новѣйшихъ явленій нашей литературы на степень фельетона, куплета, эпиграммы, карикатуры и даже пасквиля. Съ другой стороны, тѣ же самыя стремленія выразились значительнымъ количествомъ произведеній въ духѣ матеріализма, соціализма и разныхъ утопій, разлагающихъ семейный союзъ и нравственность».

Итакъ, привычка во всемъ искать «заднюю мысль», развитая въ читателяхъ, именно благодаря цензурному террору, приписана какому то «кружку».

Установивъ общій взглядъ, «секретный» эстетикъ подвергаетъ затѣмъ «разсмотрѣнію» лирическую поэзію.

Онъ указываетъ, что «ободряемая такимъ авторитетомъ по части критики, каковъ былъ, напримѣръ, Добролюбовъ, поощряемая воззрѣніями «Русскаго Слова», лирика наша въ сильной степени обратилась къ рефлексіи, къ куплету, къ эпиграммѣ и наконецъ къ пасквилю».

Теперь прежнее свободное творчество поэта, по мнѣнію многихъ, есть уже анахронизмъ, и потому для современной нашей критики и для многихъ поэтовъ-гражданъ не имѣетъ смысла совѣтъ Пушкина:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!

«Не имѣетъ значенія для нихъ и голосъ великаго поэта—художника нашего, поданный имъ въ пользу независимости искусства:

«Не для житейскаго волненья,
Не для тревоги (sic), не для битвъ—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ не молитвъ (sic)...

«Не болѣе цѣны для нихъ имѣетъ и авторитетъ Гёте, который сказалъ:

«Ich singe wie der Vogel singt...».

«Секретный» эстетикъ жестоко въ двухъ мѣстахъ перевралъ четверостишіе Пушкина и совсѣмъ забылъ, что Пушкинъ любилъ писать эпиграммы.

Затѣмъ дается въ высокой степени курьезная классификація русскихъ поэтовъ:

I. Поэты, слѣдовавшіе теоріи свободнаго искусства: Тютчевъ, Фетъ, Майковъ, Щербина, Полонскій, Мей, графъ А. Толстой, кн. Вяземскій, Бергъ, Алмазовъ, гр. Растопчина, Ю. Жадовская, К. Павлова.

II. Поэты, развивавшіе сперва туманные пріемы (?) нѣмецкаго романтизма, а потомъ усвоившіе себѣ теоріи французскаго соціализма: Огаревъ, Григорьевъ (?), Плещеевъ.

III. Поэты, предметомъ пѣснопѣній которыхъ суть по преимуществу народъ и разные общественные вопросы:

1) Славянофилы: Хомяковъ, И. Аксаковъ, К. Аксаковъ; украинофилъ—Шевченко.

2) Отрицатели и обличители, возникшіе съ преобразовательной дѣятельностью нынѣшняго царствованія: Розенгеймъ, Бенедиктовъ.

3) Перелагатели (?) соціализма и пауперизма (?) на русскіе нравы (?): Некрасовъ, Никитинъ, Курочкинъ, Вс. Крестовскій, В. Костомаровъ, М. Михайловъ.

4) Нигилисты, эпиграмматисты и пасквилисты: Новый поэтъ (псевдонимъ г. Панаева), Добролюбовъ, Темный человѣкъ (псевдонимъ г. Минаева), Обличительный поэтъ (псевдонимъ тоже Минаева), Скорбный поэтъ (псевдонимъ Жулева) и прочіе, печатавшіе въ «Искрѣ» и въ «Занозѣ».

Итакъ, Минаевъ попалъ въ нигилисты? Разсматривая затѣмъ каждую категорію отдѣльно, «Собраніе матеріаловъ о направленіи» указываетъ «знаменательный фактъ», что къ первой категоріи принадлежатъ лирики, произведенія которыхъ отличаются «наибольшими, истинно поэтическими достоинствами». И находитъ, что «въ сущности этотъ фактъ весьма естественъ», «слѣдуя теоріи свободнаго искусства, поэтъ не насилуетъ своего творчества какимъ либо предвзятымъ направленіемъ».

Въ заключеніе «Матеріалы» находятъ, что Тютчевъ, Фетъ, Майковъ, Щербина и Полонскій такіе поэты, талантъ которыхъ «не имѣетъ въ себѣ ничего собственно русскаго». Внѣшній колоритъ и внутреннее содержаніе большей части произведеній ихъ до такой степени принадлежатъ къ области непосредственнаго художества, что, будучи переведены на иностранный языкъ, эти произведенія ничего бы не утратили.

Вторая группа лириковъ (Огаревъ, Григорьевъ и Плещеевъ)— съ направленіемъ, которое можетъ быть названо «переходомъ къ порабощенію искусства».

«Подъ двойнымъ вліяніемъ нѣмецкой идеальной философіи и соціальныхъ утопій образовалось съ легкой руки г. Огарева въ нашей лирикѣ эфемерное направленіе, въ которомъ нѣмецкій романтизмъ и французскій соціализмъ подали другъ другу руки во имя протеста противъ существовавшаго тогда въ Россіи нравственнаго, общественнаго и политическаго строя».

Далѣе «Матеріалы» говорятъ о славянофилахъ: «Славянофильство было въ сущности единственной формой протеста, которую возможно было уложить въ призракъ системы и безъ большихъ препятствій заявлять (??!) въ литературѣ въ прежнее время[1]). Выставленный на знамени славянофиловъ девизъ:

---

[1]) Извѣстно, что до кончины Николая I-го славянофилы не имѣли права ничего писать и состояли подъ явнымъ полицейскимъ надзоромъ.

православіе, самодержавіе, народность—суть понятія, до такой степени способныя измѣнять цвѣтъ и смыслъ (?), примѣняясь къ самымъ различнымъ (?) воззрѣніямъ, что, варьируя на эту тему, можно весьма удобно дѣлать набѣги на настоящее и укрываться въ глубь прошедшаго, смотря по надобности».

«Неудовлетвореніе современнымъ нашимъ строемъ могло быть весьма рѣзко и остроумно выражаемо то исканіемъ идеала въ до-петровской эпохѣ, то громкимъ порицаніемъ результатовъ западной цивилизаціи (которая была нами усвоена), то приданіемъ всякихъ похвальныхъ свойствъ быту простого народа въ противуположность «отщепенству» высшихъ слоевъ общества, и все это, въ сущности отрицательное направленіе принимало въ глазахъ правительства маску положительности, прикрываясь девизомъ «православіе, самодержавіе, народность»,—слова, которыя славянофилы понимали по-своему, а офиціальная среда — по-своему (?). Такимъ образомъ, если, такъ называемые, «западники» усвоили себѣ искусство писать между строкъ, то славянофилы пріобрѣли еще болѣе умѣніе выражаться иносказательно». Однимъ словомъ, славянофильство со всѣми «оттѣнками панславизма» является «самой удобной формой протеста» и, «сверхъ того, оно есть самая тонкая форма агитаціи и пропаганды», «по наружности же славянофильство всегда относилось къ предержащей власти покорно», но «можно утвердительно сказать, что конечная цѣль видовъ правительства и славянофильства не имѣетъ ничего между собою сходнаго».

«Такова неискренность славянофильства». «Многіе, поясняютъ «Матеріалы», смотрятъ на славянофильство ошибочно, но, не видя въ немъ протеста и неискренности, относятся къ нему съ терпимостью».

«Всѣ черты и цѣли славянофильства выражаются и въ лирическихъ произведеніяхъ славянофиловъ-поэтовъ (Аксаковы и Хомяковъ)»...

«Какія же это «черты» въ стихахъ Хомякова? Протестъ и

неискренность. Какія цѣли? Не имѣющія ничего сходнаго съ конечной цѣлью видовъ правительства.

Далѣе «Собраніе матеріаловъ о направленіи» указываетъ, что русская лирика «стала также чаще и чаще проникаться тяжелой атмосферой крестьянскаго быта и воспѣвать лохмотья и язвы нищеты». Это и значитъ, молъ, «перелагать пауперизмъ и соціализмъ на русскіе нравы»... «Ясно, что такое направленіе, подхваченное довольно горячо нашей наукой, литературой и искусствомъ, было не что иное, какъ протестъ».

Таковъ Некрасовъ—онъ «перелагатель пауперизма».

Кстати замѣтить, что очевидно составитель записки плохо понималъ, что такое «пауперизмъ», и думалъ, что это особое вредное ученіе, которое можно «переложить»... На произведеніяхъ Некрасова было «всегда видно, какъ вредно отражается въ лирикѣ подчиненіе ея мѣсту, времени и средѣ, въ которыхъ поэтъ родился».

Наконецъ, изъ «пасквилистовъ» «пока одинъ только Добролюбовъ можетъ быть названъ представителемъ нигилизма въ нашей критикѣ». Въ доказательство приведено стихотвореніе:

Пускай умру — печали мало...

Мы видимъ, что курсъ эстетики 1865 года, составленный «секретнымъ» критикомъ, весьма своеобразенъ; «независимое положеніе литературы», «путь свободнаго развитія», «истинная среда изящнаго», «свободное творчество», «независимость искусства», «теорія свободнаго искусства»,—всѣ эти понятія принимаютъ здѣсь совсѣмъ особый смыслъ.

Это «чистое искусство» должно быть свободно отъ подчиненія «мѣсту, времени и средѣ», затѣмъ не должно имѣть въ себѣ «ничего собственно русскаго», не касаться никакихъ «преходящихъ явленій» жизни и до того принадлежать «къ области непосредственнаго художества», чтобы произведенія его при переводѣ ничего не утрачивали.

«Секретная» эстетика совершенно правильно заключаетъ, что такого искусства не затронетъ никакая цензура.

IV.

Цензора Никитенко и Фуксъ свидѣтельствуютъ, что всякое, даже конфиденціальнѣйшее распоряженіе по цензурѣ мгновенно становилось извѣстно во всѣхъ редакціяхъ.

Спрашивается, какое впечатлѣніе произвело въ 1865 году «Собраніе матеріаловъ о направленіи литературы» въ редакціяхъ хотя бы «Русскаго Вѣстника» и «Русскаго Слова»?

Сторонники искусства и художественности, представители эстетической критики, поэты и беллетристы школы сороковыхъ годовъ, конечно, не могли быть солидарны съ теоріей «Матеріаловъ». Ихъ «эстетика», ихъ идея «чистаго искусства» не имѣла ничего общаго съ кастрированіемъ Пегаса, которое произвелъ коновалъ изъ вѣдомства внутреннихъ дѣлъ. Искусство внѣ времени и пространства имѣло ли что общее съ поэзіей Майкова? Юноша, воспитанный на поэзіи Майкова, конечно, не остался бы чуждымъ какихъ либо освободительныхъ и гуманныхъ стремленій вѣка.

Что касается «Русскаго Слова», то здѣсь «Матеріалы» подтверждали мнѣніе Писарева, что «эстетика» и «застой» — тожественны. Они компрометировали теорію чистаго искусства и художниковъ, способствуя путаницѣ понятій. «Видите,—сказалъ, конечно, Благосвѣтловъ, — Фетъ, Майковъ, Полонскій взяты цензурой подъ ея покровительство, за полную ихъ безвредность!»

Что произошло относительно лирики и теоріи искусства, случилось и со всѣми другими областями творчества и мысли. «Чистое искусство» было скомпрометировано въ глазахъ молодежи и всего общества цензурнымъ покровительствомъ, «тенденціозное искусство» пріобрѣло заманчивость запретнаго плода и авторитетъ гонимости, благодаря цензурному надзору. Вмѣстѣ съ тѣмъ, все крайнее, «шаршавые ультра», какъ выражался Герценъ, разнузданная нигилятина и въ сущности

люди мало культурные, невѣжественные, съ варварскими аппетитами и вкусами и безъ ума въ головѣ, пріобрѣли авторитетъ у молодежи и общества. Все же просвѣщенно-культурное и потому уравновѣшенное, умѣренное, прогрессивное не въ смыслѣ разрушенія, а въ смыслѣ созиданія, люди громаднаго таланта и широко развитаго ума, вмѣстѣ съ художествомъ, отвлеченной мыслью, религіозно - патріотическими настроеніями, потеряли всякій кредитъ у молодежи и молодой части общества. Равновѣсіе было нарушено цензурными требованіями и во главѣ общества и молодежи стали вожди слѣпые, прямо поведшіе его въ грязный ровъ нигилистическаго варварства и даже подпольныхъ преступленій. Общество въ первый періодъ эпохи реформъ (1855—1862) шло объ руку съ правительствомъ, во второй періодъ (1862 — 1868) выросло средостѣніе, которое окончательно утвердилось въ третій, послѣдній періодъ реформъ (1868—1875).

Разъ нарушилось равновѣсіе въ обществѣ, нарушилось и равновѣсіе въ правящихъ сферахъ. И здѣсь возобладали и стали во главѣ «крайніе». Это были люди не понимавшіе мудрое правило Ришелье: «pas trop de zèle!»—и, наоборотъ, стоявшіе за принципъ Красовскаго: «усердіе все превозмогаетъ, даже здравый смыслъ!» [1]).

---

[1]) Въ библіографическихъ матеріалахъ В. И. Межова по исторіи словесности (1872 г.) подъ № 3578 въ отдѣлѣ «Литературныхъ курьезовъ» значится: «Транспарентъ» (sic) № 5, для исправленія почерка въ русскомъ и французскомъ письмѣ. (Печатать позволяется, цензоръ Е. Елагинъ. Спб. 1855. Въ литографіи Роб. Мелина). Образецъ идіотизма и нравственнаго уродства, до котораго доходила покойная цензура сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, а во главѣ ея незабвенный А. Н. Красовскій, девизомъ котораго было «усердіе все превозмогаетъ, даже и здравый смыслъ». Знаменитые анекдоты о «вольномъ духѣ» и собакѣ съ кличкою «черкесъ», такъ ярко характеризующіе прежнюю цензуру, блѣднѣютъ передъ «Транспарентомъ».

Безпристрастный анализъ фактовъ приводитъ къ выводу, что цензура министра Валуева (1863 — 1868 гг.) нарушила равновѣсіе въ обществѣ и правящихъ сферахъ и дала преобладаніе и тамъ, и тутъ элементамъ крайнимъ, поставивъ въ сомнительное, неловкое, двусмысленное положеніе всѣ умѣренные элементы правительства и общества, утратившихъ передовое положеніе и руководительство, которое они занимали въ первый періодъ эпохи великихъ реформъ (1855—1862). Этому способствовало, во-первыхъ, польское повстаніе, а затѣмъ, выходъ изъ темныхъ щелей и подполій такихъ «бѣсовъ» крѣпостной Россіи, какъ Нечаевъ и Бакунинъ, и потоки ядовитаго гноя разложившейся мысли, накопленнаго цензурой восьмилѣтія съ 1848 г. по 1855 г., въ періодъ дѣятельности «негласнаго» комитета.

V.

Въ 1869 году, спустя почти пять лѣтъ со дня реформы печати въ 1865 году, «Вѣстникъ Европы» подвелъ итогъ результатамъ новой цензурной системы — «послѣдовательной». Законъ 6-го апрѣля 1865 года, измѣнившій положеніе нашей печати, имѣлъ съ самаго начала значеніе временной, переходной мѣры.

До введенія въ дѣйствіе закона 6-го апрѣля, наша литература была подчинена, вполнѣ и безусловно, предварительной цензурѣ, усложненной во многихъ случаяхъ спеціальною цензурою отдѣльныхъ вѣдомствъ.

Необходимость реформы была сознана законодательною властью. Но переходъ отъ одной системы къ другой, прямо противоположной, показался слишкомъ крутымъ, слишкомъ рѣзкимъ. Проступки печати не были подведены подъ дѣйствіе общаго закона, не были предоставлены исключительному вѣдѣнію судебной власти. Вся періодическая печать была подчинена администраціи, отъ которой зависитъ разрѣшить или не

разрѣшить, по своему усмотрѣнію, изданіе новыхъ журналовъ, не только освобождать или не освобождать ихъ отъ предварительной цензуры (за исключеніемъ изданій, вышедшихъ въ свѣтъ въ моментъ обнародованія закона 6-го апрѣля: освобожденіе ихъ отъ цензуры зависѣло вполнѣ отъ усмотрѣнія издателей), но и давать имъ, если они издаются безъ цензуры, предостереженія, влекущія за собою временное или совершенное прекращеніе изданія. Духовная цензура была удержана на прежнемъ основаніи; театральная цензура также оставлена въ силѣ. Дѣйствіе закона 6-го апрѣля было ограничено С.-Петербургомъ и Москвою. Постановленія о наказаніяхъ за проступки печати, какъ первый опытъ законодательства по этой части, были набросаны въ общихъ чертахъ. Постановленія о судопроизводствѣ по дѣламъ печати, заключающіяся въ законѣ 6-го апрѣля, потеряли свою силу со введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г.[1]).

По мнѣнію «Вѣстника Европы», исторія нашей печати съ 1865 года представляется точнымъ снимкомъ съ исторіи французской печати 1852—1866 года. Это объясняется тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что законъ 6-го апрѣля былъ сколкомъ съ французскаго законодательства. Система административныхъ взысканій по дѣламъ печати, созданная во Франціи послѣ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года, заимствованная оттуда на короткое время нѣсколькими европейскими государствами (Пруссіей, Австріей, Турціей), но въ 1869 году существовавшая только въ одной Россіи,—представляется явнымъ отступленіемъ отъ тѣхъ началъ, на которыхъ въ большей или меньшей степени основанъ государственный бытъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Въ теоріи всѣ согласны съ тѣмъ, что карательная власть должна принадлежать суду, а не администраціи; что никакое наказаніе не должно быть на-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», кн. IV, апрѣль 1869 г., стр. 795. «Русскіе законы о печати», К. К. Арсеньева.

лагаемо безъ выслушанія оправданія обвиняемаго; что наказаніе должно падать только на виновнаго; должно имѣть по возможности личный характеръ; что извѣстное дѣйствіе наказуемо лишь тогда, когда оно запрещено уголовнымъ закономъ; что никто не можетъ быть одновременно обвинителемъ и судьею, еще менѣе—судьею въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Система административныхъ взысканій идетъ наперекоръ всѣмъ этимъ началамъ. Вотъ почему система эта никогда и нигдѣ не была выставляема послѣднимъ словомъ законодательства по дѣламъ печати, нормальнымъ, прочнымъ регуляторомъ отношеній между правительствомъ и литературой.

«У насъ, — говоритъ «Вѣстникъ Европы», — нѣтъ старыхъ партій, противъ которыхъ была преимущественно направлена система административныхъ взысканій во Франціи; у насъ нѣтъ той розни между правительствомъ и народомъ, которая вызвала въ Пруссіи королевскій указъ 1-го іюня 1863 года (этотъ указъ, изданный собственно съ цѣлью обуздать оппозицію на время выборовъ, дѣйствовалъ не болѣе полугода); въ прошедшемъ нашего правительства нѣтъ того ряда неудачъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, подъ бременемъ которыхъ находилось австрійское правительство, когда прибѣгало на короткое время къ системѣ предостереженій. Систематическая вражда къ правительству, противъ которой Наполеонъ III считаетъ (1869 г.) нужнымъ имѣть наготовѣ цѣлый арсеналъ самыхъ разнообразныхъ орудій — явленіе, совершенно чуждое нашей литературѣ».

«Въ концѣ пятидесятыхъ, даже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, у насъ не было консервативныхъ журналовъ; всѣ періодическія изданія принадлежали къ оппозиціи, если разумѣть подъ этимъ желаніе реформъ, критическое отношеніе къ существующему порядку вещей. Различіе между журналами заключалось только въ большей или меньшей смѣлости, большей или меньшей радикальности преобразовательныхъ стремленій. Теперь у насъ есть журналы консервативные, даже ультра-кон-

сервативные и ретроградные. Вмѣсто пассивной поддержки цензоровъ, правительство располагаетъ теперь активной поддержкой журналистики».

«Еслибы Constitutionnel, Patrie и другіе французскіе правительственные журналы, вмѣстѣ взятые, обладали вліяніемъ, равносильнымъ вліянію «Московскихъ Вѣдомостей», то Наполеонъ III, безъ сомнѣнія, согласился бы гораздо раньше на отмѣну декрета 17-го февраля 1852 г. Еслибы гг. Герлахъ и Вагнеръ, редакторы прусской «Крестовой газеты», пользовались въ Пруссіи такою же популярностью, какъ пользуются у насъ гг. Катковъ и Леонтьевъ, то г. Бисмарку незачѣмъ было бы прибѣгать къ указу 1-го іюня 1863 г.» [1]).

«Однако, «Вѣстникъ Европы» признаетъ и благія стороны закона 6-го апрѣля 1865 г. Система административныхъ взысканій, какъ она ни тяжела для печати, имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ предварительной цензурой. Несправедливо было бы утверждать, что положеніе нашей періодической печати не измѣнилось къ лучшему, благодаря закону 6 апрѣля 1865 г. Было время, когда наша литература, несмотря на господство цензуры, пользовалась въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ большею свободой, чѣмъ въ 1865—1868 гг.; но это была, во-первыхъ, свобода въ высшей степени непрочная и эфемерная, во-вторыхъ—ограниченная сферой общихъ, отвлеченныхъ вопросовъ. Уничтоженіе предварительной цензуры уменьшило зависимость печати отъ случайныхъ обстоятельствъ, отъ личнаго произвола, сдѣлало возможнымъ обсужденіе такихъ предметовъ, которые прежде были недоступны для литературы. Такъ, напримѣръ, русская исторія еще недавно останавливалась для критики на Екатеринѣ II или даже Петрѣ Великомъ; безпристрастное, научное изслѣдованіе позднѣйшихъ событій нача-

---

[1]) Ibid., стр. 797 и 798. Комиссія 1862 г. пользовалась французскими юристами, какъ-то: Schossone—Traité des delits et contraventions de la parole de l'ècriture et de la presse.

лось только послѣ изданія закона 6-го апрѣля. Разборъ правительственныхъ распоряженій — и теперь задача не легкая и небезопасная, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ печать не могла о немъ и думать. Опека надъ печатью существуетъ, конечно, и теперь, но она утеряла свой мелочной, придирчивый характеръ; продолжая тяготѣть надъ мыслью, она не отражается, какъ прежде, на каждомъ отдѣльномъ словѣ[1]).

«Вѣстникъ Европы» затѣмъ разсматриваетъ судопроизводство по дѣламъ печати и законъ 12-го декабря 1866 года.

Въ Западной Европѣ свобода печати считалась установленною на прочныхъ основаніяхъ только тогда, когда всѣ проступки печати отнесены къ вѣдомству суда присяжныхъ. «Судъ присяжныхъ для дѣлъ печати» — таковъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ программы всѣхъ оппозиціонныхъ кандидатовъ. Мысль о подчиненіи проступковъ печати суду присяжныхъ была заявлена у насъ еще до изданія закона 6-го апрѣля 1865 года,— но кѣмъ? Комиссіей, приготовившей этотъ законъ, — тою самой комиссіей, которая внесла въ него систему административныхъ взысканій. Мнѣніе комиссіи не было принято.

Судебные уставы 20-го ноября 1864 г. не установляли никакого спеціальнаго порядка судопроизводства для дѣлъ печати. Эти дѣла были подчинены, на общемъ основаніи, вѣдомству окружнаго суда, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда проступокъ печати имѣетъ характеръ государственнаго преступленія. Но не прошло и полгода со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, какъ уже было признано нужнымъ измѣнить постановленія ихъ именно въ отношеніи къ проступкамъ печати. Окружный судъ (с.-петербургскій) успѣлъ рѣшить по существу только два процесса о проступкахъ печати: процессъ Суворина и процессъ Жуковскаго и Пыпина. По первому былъ постановленъ обвинительный приговоръ, впослѣдствіи смягчен-

---

[1]) Ibid., стр. 810.

ный, по второму — приговоръ оправдательный, впослѣдствіи отмѣненный судебною палатою.

Законъ 12-го декабря 1866 г. создалъ для обвинительной власти, по дѣламъ печати, положеніе совсѣмъ особаго рода, несходное съ тѣмъ, которое она занимаетъ вообще въ уголовномъ процессѣ.

Она лишена принадлежащаго ей права иниціативы, права возбуждать преслѣдованіе по непосредственно усмотрѣннымъ ею преступленіямъ или признакамъ преступныхъ дѣяній (уст. угол. судопр. ст. 297, пун. 4, 311); она поставлена въ необходимость поддерживать обвиненіе даже и тогда, когда признаетъ его неосновательнымъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ лица прокурорскаго надзора должны дѣйствовать единственно на основаніи своего убѣжденія и существующихъ законовъ (учр. суд. установл. ст. 130).

Другими словами, въ дѣлахъ печати настоящею обвинительной властью является не прокурорскій надзоръ, а спеціальныя административныя учрежденія, наблюдающія за печатью; за прокурорскимъ надзоромъ осталась только судебная защита взглядовъ и мнѣній, выработанныхъ этими учрежденіями.

Монополія преслѣдованія проступковъ печати, за исключеніемъ дѣлъ о диффамаціи и оскорбленіи, сосредоточена въ рукахъ главнаго управленія по дѣламъ печати и цензурныхъ комитетовъ; мимо нихъ не можетъ быть начато преслѣдованіе, хотя бы прокурорскій надзоръ или другое вѣдомство и находили въ какой-либо статьѣ признаки преступленія или проступка.

«Нѣтъ, можетъ быть, ни одной категоріи дѣлъ, говоритъ журналъ, по которой медленность производства была бы такъ замѣтна, какъ по дѣламъ печати... Вторая часть сочиненій Писарева была подвергнута аресту 6-го іюня 1866 г., цензурный комитетъ сообщилъ прокурорскому надзору о возбужденіи преслѣдованія противъ издателя книги, Павленкова, 4-го іюля того же года, а рѣшеніе судебной палаты состоялось лишь 5-го іюня 1868 года! Противъ двухъ передовыхъ статей, напечатан-

ныхъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» въ іюлѣ 1867 г., возбуждено судебное преслѣдованіе въ августѣ того же года, а рѣшеніе судебной палаты не состоялось до начала мая 1869 года. Если между возбужденіемъ процесса противъ гг. Сомова и Стравинскаго (за напечатаніе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» корреспонденціи, оскорбительной для эстляндскаго губернскаго начальства) и рѣшеніемъ судебной палаты (2-го апрѣля 1869 г.) прошло только мѣсяцевъ семь или восемь, то это можно назвать, сравнительно, исходомъ дѣла необыкновенно скорымъ. Съ другой стороны, бываютъ случаи прекращенія дѣла безъ судебнаго рѣшенія черезъ годъ или больше послѣ возбужденія преслѣдованія и наложенія на книгу предварительнаго ареста (дѣло о книгѣ Сѣченова «Рефлексы головного мозга», дѣло о сочиненіяхъ Герберта Спенсера)» [1]).

Конечно, продолжительный арестъ книги былъ разорителенъ для издателей.

VI.

«Временный» законъ 6-го апрѣля 1865 г. власть издала, «желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства». Мы видѣли, что профессоръ Фойницкій и К. К. Арсеньевъ признали, что извѣстная доля блага въ этомъ законѣ была, что все же, несмотря на терроръ министра Валуева, этотъ законъ былъ шагомъ впередъ. Этотъ «временный» законъ, изданный сначала въ видѣ «переходной мѣры», просуществовалъ очень долго. Перемѣны же, послѣдовавшія въ этомъ законѣ, имѣли характеръ стѣснительный.

17-го октября 1866 г. послѣдовалъ законъ, воспретившій разсылать подписчикамъ, въ періодъ пріостановки, какое либо изданіе отъ имени редакціи.

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», т. III, кн. 6-я, іюнь, 1869 г. К. К. Арсеньевъ: Русскіе законы о печати, стр. 786.

12-го декабря 1866 г. изданъ законъ, передавшій дѣла печати изъ окружныхъ судовъ въ судебныя палаты, въ качествѣ первой инстанціи.

Закономъ 13-го іюня 1867 г. печатаніе отчетовъ о засѣданіяхъ сословныхъ и общественныхъ собраній поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія губернскаго начальства.

Закономъ 7-го іюня 1872 г. установлены болѣе строгія правила для заарестованія и преслѣдованія книгъ.

Закономъ 12-го іюля 1873 г. предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать временно, безъ опредѣленія, однако, срока, оглашеніе и обсужденіе въ печати какого-либо вопроса государственной важности и за нарушеніе этого распоряженія пріостанавливать изданіе на три мѣсяца.

Тѣмъ не менѣе, къ 1870 году въ русской литературѣ установился нѣкоторый modus vivendi. Почти истребленная и стертая къ 1868 году печать опять приподняла голову. Возникъ въ 1866 г. «Вѣстникъ Европы» Стасюлевича, сначала спеціально историческій журналъ. Съ 1870 г. этотъ органъ сталъ во главѣ либеральныхъ идей и традицій великихъ реформъ, земской, судебной, городского самоуправленія. Роль его въ 70-хъ годахъ подобна роли «Русскаго Вѣстника» въ 50-хъ. Крайній, консервативный и націоналистическій органъ представляли «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости» Каткова. Органъ петербургской бюрократіи, флюгеръ настроеній и теченій бюрократическихъ вершинъ, органъ центра—«Голосъ». Народническо-оппозиціонный органъ представляли «Отечественныя Записки» Щедрина и Некрасова. Здѣсь нашли пріютъ и школу писатели-шестидесятники, тогда какъ поэты и беллетристы школы сороковыхъ годовъ печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ европейски-просвѣщенномъ и корректномъ органѣ Стасюлевича.

Наконецъ, радикальный нигилизмъ представляется «Дѣломъ» Благосвѣтлова. Установилось нѣкоторое равновѣсіе, которое продержалось все десятилѣтіе, несмотря на реакцію 1872 г.

и рядъ подпольныхъ дѣяній, компрометировавшихъ литературу и навлекавшихъ на нее цензурныя репрессіи.

Въ сентябрѣ 1870 г. смѣненъ начальникъ по дѣламъ печати М. Н. Похвистневъ. Мѣсто его заступилъ г. Шидловскій, военный генералъ, человѣкъ «горячій» и который привыкъ дѣйствовать «энергически». Мысль о «подтянутіи» печати возникла первоначально въ головѣ министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого. Состоя не въ ладахъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Тимашевымъ, онъ представилъ записку о крайней распущенности нашей печати, что приписывалъ слабому смотрѣнію за нею начальства, которому она подлежитъ[1]).

9-го февраля 1872 г. Никитенко отмѣтилъ въ своемъ «дневникѣ»: «Реакція принимаетъ, повидимому, систематическій характеръ. Самыя крупныя проявленія ея: реформа среднихъ учебныхъ заведеній... и, наконецъ, стѣснительныя мѣры противъ печати». Въ этомъ году выступилъ съ первой статьей своей на публицистическое поприще кн. Мещерскій; значительную роль ему, однако, сыграть пришлось позднѣе, въ 80-хъ годахъ, послѣ смерти Каткова и И. С. Аксакова. Въ своей первой статьѣ Мещерскій совѣтовалъ поставить реформамъ «точку». Дѣйствительно, въ 1875 г. реформы закончились сами собой открытіемъ въ послѣднихъ очередныхъ губерніяхъ земскихъ собраній. А затѣмъ скоро наступили и возстаніе сербовъ, и русско-турецкая война.

Изображеніе реакціи 1872 г. и положенія печати во время этой четвертой и послѣдней реакціи эпохи великихъ реформъ находимъ въ «Дневникѣ провинціала въ Петербургѣ» Салтыкова-Щедрина. Тамъ находится «Уставъ вольнаго союза пѣнкоснимателей», разъясняющій ту своеобразную «конституцію», на основаніи которой въ 70-хъ годахъ установился modus vivendi въ «литературной республикѣ».

«Уставъ» гласитъ слѣдующее: § 1. Цѣль учрежденія союза

---

[1]) Никитенко, III, 244.

и его организація. Ст. 1. За отсутствіемъ постояннаго дѣла и въ видахъ безобиднаго препровожденія времени, учреждается учено-литературное общество подъ названіемъ «Вольнаго союза пѣнкоснимателей».

Объясненіе. Въ журналѣ «Вѣстникъ пѣнкосниманія», въ статьѣ «Вольный союзъ пѣнкоснимателей передъ судомъ общественной совѣсти», сказано: «Въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ какой исходъ предстоялъ для русской литературы?»

«По нашему посильному убѣжденію, такихъ исходовъ было два: во-первыхъ, принять добровольную смерть и, во-воторыхъ, развиться въ вольный союзъ пѣнкоснимателей. Она предпочла послѣднее рѣшеніе».

«Союзъ сей—вольный по преимуществу. Каждому предоставляется снимать пѣнки съ чего угодно и какъ угодно; эта уступка дѣлается тѣмъ охотнѣе, что въ подобномъ занятіи твердыхъ правилъ установить невозможно».

«Въ члены союза пѣнкоснимателей имѣетъ право вступать всякій, кто можетъ безобиднымъ образомъ излагать смутность испытываемыхъ имъ ощущеній. Ни познаній, ни тѣмъ менѣе такъ называемыхъ идей не требуется. Но ежели бы кто видя, какъ извозчикъ истязуетъ лошадь, почелъ бы за нужное рядомъ фактовъ, взятыхъ изъ древности или изъ исторіи развитія современныхъ государствъ, доказать вредъ такого обычая, то сіе не токмо не возбраняется, но именно и составляетъ... высшій видъ пѣнкоснимательства».

«Отмѣтчики и газетные репортеры, то-есть, всѣ тѣ, кои наблюдаютъ, дабы полуда на посудѣ въ трактирныхъ заведеніяхъ всегда находилась въ исправности, могутъ вступать въ союзъ даже въ томъ случаѣ, если не имѣютъ вполнѣ твердыхъ понятій въ грамматикѣ».

§ 4 Щедринскаго «устава» гласитъ «объ обязанностяхъ членовъ союза». «Обязанности сіи суть: Первое. Не пропускать ни одного современнаго вопроса, обо всемъ разуждать съ такимъ расчетомъ, чтобы никогда ничего изъ сего не выходило...

Третіе. По вопросу о неношеніи городовыми на виду бляхъ надлежитъ дѣйствовать съ такою настоятельностью, какъ бы имѣлось въ виду получить за сіе третье предостереженіе... Седьмое. Проводить русскую мысль, русскую науку и высказывать надежду, что «новое слово» когда-нибудь будетъ сказано... Восьмое. Всемѣрно опасаться, какъ бы все сіе внезапно не уничтожилось... Девятое. Опасаться вообще».

Этому «уставу» по Щедрину слѣдовали всякіе органы 70-хъ годовъ: и «Старѣйшая Всероссійская Пѣнкоснимательница», и журналъ «Пѣнкоснимательная Подоплека», и газета «Зеркало Пѣнкоснимателя», и «Пѣнкосниматель на-распашку», и «Обыватель Пѣнкоснимающій», и «Истинный Россійскій Пѣнкосниматель»»... Modus vivendi русской литературы и печати «въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ» былъ найденъ.

VII.

На переходное положеніе судебной части и необходимость дальнѣйшихъ указаній опыта было указано офиціально при самомъ обнародованіи закона 6-го апрѣля 1865 г.

Всего естественнѣе было ожидать, что съ устраненіемъ причинъ устранятся и послѣдствія; что печать будетъ освобождена отъ административнаго распоряженія, какъ только утвердится новый судъ и обнаружится на практикѣ достаточность судебныхъ мѣръ къ предупрежденію злоупотребленій печатнымъ словомъ.

Къ числу административныхъ взысканій, установленныхъ закономъ 6-го апрѣля, присоединилось въ 1868 г. воспрещеніе розничной продажи, потомъ—воспрещеніе печатать объявленія. Воспрещеніе журналамъ и газетамъ касаться тѣхъ или другихъ вопросовъ, практиковавшееся издавна выходящими, по мѣрѣ надобности, циркулярами, формально узаконено въ 1873 году. Отдѣлы литературы, которымъ въ 1865 г. предоставлена была полная независимость (книги оригинальныя болѣе 10 листовъ

и переводныя болѣе 20), въ 1872 г. были сдѣланы вполнѣ зависимыми отъ администраціи.

Этотъ громадный, постоянно пополняемый, арсеналъ карательныхъ и предупредительныхъ мѣръ казался иногда все еще недостаточнымъ.

Подводя въ 1880 г. итогъ пятнадцатилѣтней практикѣ закона 6-го апрѣля 1865 г., положившаго основаніе русской безцензурной печати, «Вѣстникъ Европы» говорилъ:

«Провинціальная печать попрежнему безправна, спеціальныя цензуры—духовная, театральная и иностранная—попрежнему полновластны; дѣйствіе предостереженій попрежнему не погашается никакой давностью. Роль суда по дѣламъ печати доведена до минимума; въ его вѣдѣніи оставлены, de facto, только процессы о диффамаціи и клеветѣ противъ частныхъ и второстепенныхъ должностныхъ лицъ. Какъ широка, наоборотъ, область административныхъ мѣръ взысканія,—объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія цифры»[1]).

«Въ четырнадцать съ небольшимъ лѣтъ, истекшихъ со времени введенія въ дѣйствіе закона 6-го апрѣля 1865 г., по 1-е января 1880 г., предостереженій было дано 167; пріостановлено было 52 изданія, въ общей сложности на 13 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ. Случаевъ запрещенія розничной продажи съ 1872 по 1879 годъ было 60. Спеціально въ 1879 г. предостереженій было дано 14, пріостановлено было семь изданій (одно изъ нихъ—два раза); розничная продажа была запрещена на время шести газетамъ (при чемъ для одной изъ нихъ—для «Голоса»—запрещеніе продолжалось болѣе года), печатаніе объявленій—одной газетѣ»[2]).

Всѣ эти явленія прежде всего объясняются самой системой,

---

[1]) Эти цифры «Вѣстникъ Европы» заимствовалъ изъ «Отголосковъ» и «Молвы».

[2]) «Вѣстникъ Европы», кн. 6-я, іюнь, 1850 г. «Внутреннее обозрѣніе», стр. 814.

самымъ принципомъ административной опеки надъ печатью. Она не можетъ укладываться ни въ какія рамки, легко переступаетъ пограничныя линіи, ею самою проведенныя, неизбѣжно стремится къ возможно большему простору, къ возможно большей безконтрольности.

Когда во Франціи, въ 1852 г., въ первый разъ вводилась въ дѣйствіе система административныхъ предостереженій, авторъ ея, Персиньи, спѣшилъ заявить, что она угрожаетъ только изданіямъ, безусловно враждебнымъ правительству, но это не мѣшаетъ ему и его преемникамъ сыпать предостереженіями налѣво и даже направо, подвергать имъ всякую, сколько-нибудь независимую газету, всякую статью, сколько-нибудь непріятную администраціи.

Въ 1860 г., вслѣдъ за изданіемъ ноябрьскихъ декретовъ, Персиньи обѣщаетъ новую эру для печати, объявляя, что отнынѣ единственнымъ законнымъ поводомъ къ предостереженіямъ будутъ служить явныя нападенія на династію или на основы существующаго порядка вещей, а не порицаніе администраціи, какъ бы рѣзка ни была его форма; но обѣщаніе это остается мертвой буквой, и предостереженія, вплоть до самой ихъ отмѣны въ 1868 г., продолжаютъ падать и на такія газеты, какъ офиціозная «France», и на такія статьи, какъ строго объективный, дѣловой обзоръ французскихъ финансовъ. То же видимъ и въ Россіи.

Въ журналѣ комиссіи, работами которой былъ подготовленъ законъ 6-го апрѣля 1865 года, высказано слѣдующее общее положеніе: «Административныя взысканія находятъ для себя единственное извиненіе и почти единственный случай примѣненія, когда въ періодическомъ изданіи является такъ называемое вредное направленіе».

Между тѣмъ, административнымъ взысканіямъ подвергались изданія, о вредномъ направленіи которыхъ не можетъ быть и рѣчи.

За пятнадцатилѣтіе съ 1865 по 1880 г., въ продолженіе

всего этого времени, славянофиламъ приходилось бороться — и большею частью безуспѣшно—за право существованія въ русской журналистикѣ. Ихъ изданія—«День», «Москва» пали на полѣ битвы, за ними послѣдовалъ «Москвичъ», «Бесѣда» тоже увяла. Ю. Ѳ. Самаринъ долженъ былъ пользоваться заграничнымъ типографскимъ станкомъ; въ Россіи не могли появиться брошюры Кошелева. Таковы факты.

Какія же причины, помимо свойствъ самой наполеоновской цензурной системы принятой Россіей, питающія эти факты? Почему эта система могла укрѣпиться?

Отвѣтъ «Вѣстника Европы» носитъ характеръ отвлеченно резонерскій.

«Вся наша литература, говоритъ журналъ, стоитъ только одной ногой въ настоящемъ, а другой—въ прошедшемъ; положеніе ея исполнено противорѣчій. У насъ есть безцензурныя изданія, въ сущности подлежащія цензурѣ; у насъ есть политическая печать, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгая опека надъ мыслью; у насъ есть право критиковать дѣйствія правительства, и нѣтъ права обсуждать общіе вопросы, почти столь же древніе, какъ человѣчество. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ основаніи всѣхъ этихъ противорѣчій лежитъ воспитанное нашей исторіей презрительное или, по крайней мѣрѣ, высокомѣрное отношеніе къ мысли, къ знанію (разсматриваемому не въ смыслѣ практическаго или техническаго умѣнья), къ научному, отвлеченному изслѣдованію, а слѣдовательно и къ печатному слову».

Въ дореформенной Пруссіи или Германіи политической печати не было, можно сказать, почти вовсе, но издавна была свободная наука. Такія явленія, какъ изгнаніе изъ Галле философа Вольфа (въ 1723 г., при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I-мъ), всегда были тамъ чѣмъ-то исключительнымъ. Въ то самое время, когда въ Берлинѣ издавался знаменитый «Religionsedikt» (1788 г.), т. е. торжествовала реакція противъ «просвѣщенія», въ Кенигсбергѣ безпрепятственно училъ Кантъ, и сочиненія его

безпрепятственно расходились по всей Германіи; пятьдесятъ лѣтъ спустя, новой, еще болѣе сильной реакціи не удалось добиться уничтоженія книги Штрауса; слова Неандера, сказанныя по этому поводу: «противъ научныхъ доводовъ можетъ быть употребляемо только научное же оружіе», — никогда не были забываемы вполнѣ, даже въ самыя тяжелыя эпохи новѣйшей исторіи Германіи. Великое начало: «die Wissenschaft und ihre Lehre ist frei», — примѣнялось на дѣлѣ гораздо раньше, чѣмъ было внесено въ прусскую конституцію.

«Въ нашемъ прошедшемъ нѣтъ подобныхъ преданій, и это одна изъ причинъ, по которымъ свобода печати такъ медленно и туго прививается на нашей почвѣ. Подавленіе мысли слишкомъ долго казалось у насъ естественнымъ, необходимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удободостижимымъ; неоцѣнимость, невознаградимость потерь, причиняемыхъ вынужденнымъ молчаніемъ, ускользала отъ глазъ, привыкшихъ видѣть опасность только въ нарушеніи молчанія» [1]).

Собственно, журналъ не столько объясняетъ фактъ русской нетерпимости, сколько его распространяетъ.

Семидесятилѣтній (1804 — 1865 и 1865—1875) цензурный опытъ даетъ достаточно фактовъ для общихъ выводовъ и выясненія той законопричинности, которой подчинялись у насъ мысль и слово въ XIX-мъ столѣтіи [2]).

---

[1]) Ibid., стр. 825—826.

[2]) См. наши статьи: «Очерки николаевской цензуры», «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 850; т. LXXXVI, стр. 156, 582 и 970, 1901 года. «Философія русскаго самосознанія». Статья первая—четвертая. Книжки «Недѣли» 1897 г. №№ 1—4. См. еще въ нашей «Исторіи русской литературы XIX-го вѣка». Томъ первый (1800 — 1850 гг.). Спб. 1902 г. Томъ второй (1840 — 1900). Спб. 1903 г.

VIII.

Разсматривая цензурныя учрежденія у всѣхъ народовъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что не можетъ быть учрежденія болѣе благодѣтельнаго, но и болѣе опаснаго. Не можетъ быть учрежденія болѣе могущественно воздѣйствующаго на общество, но не существуетъ и болѣе подверженнаго колебаніямъ и случайностямъ учрежденія.

Цензура необходима. Это скажетъ всякій, кто объективно изучитъ явленія анархіи печати и темныя теченія больной мысли, грязныя болота общественной эротоманіи, клоаки пасквилянтства.

Свобода слова не есть свобода сквернословія. Охранить личность отъ посягновенія клеветниковъ и народное цѣломудріе отъ загрязненія порнографіей! Не допустить кощунству святотатственно осквернять святыню народныхъ вѣрованій!

Но въ этихъ предѣлахъ цензура сливается совершенно естественно съ общими судебными установленіями государства.

Можетъ ли, однако, цензура стать одной изъ функцій общаго прокурорскаго надзора?

При невѣжествѣ массъ, едва ли.

Цензура имѣетъ дѣло съ мозгомъ страны. Отсюда ея опасность. Неразумными мѣрами цензура, вмѣсто успокоенія, можетъ внести въ мозгъ страны смятеніе, породить глубокое разстройство мысли, привести къ разложенію мысли, къ самоотравленію мозга страны ядами интеллекта. Послѣдствія для всего народнаго организма ужасны.

Цензура, какъ выраженіе мыслебоязни, подавляющая общественную сознательность на всѣхъ путяхъ ея, можетъ сама укрѣпить и развить именно то самое, противъ чего борется.

Внѣшнія репрессіи не уничтожаютъ мысли, но изъ явной превращаютъ въ скрытую, вгоняютъ мысль въ глубь общественнаго сознанія, и работа ея, вдали отъ свѣта критики и об-

щественнаго обсужденія, продолжается во мракѣ субъективности, въ кружкахъ и углахъ, подъ спудомъ.

Можетъ ли почитаться такое явленіе полезнымъ для государства и общества? Нормальное ли это и здоровое дѣло—вгонять мысль внутрь общества и не давать ей высказываться публично?

Мысль есть непрестанное выдѣленіе общественнаго организма, результатъ его духовной работы, постоянныхъ нравственныхъ его потрясеній.

Какъ такая, она должна находить себѣ правильный исходъ. Для того и существуетъ печать. Задерживать же мысль внутри организма чрезвычайно опасно. Такая вогнанная внутрь мысль можетъ дѣйствительно превратиться въ ядъ, произвести воспаленіе и развить гнилостные процессы, какъ и всякое задержанное органическое выдѣленіе. Тщательная закупорка поръ безусловно опасна для общества. Высказанная вслухъ совершенно свободно мысль гораздо безопаснѣе мысли затаенной. Всѣ секты имѣли «тайныя ученія», кромѣ явныхъ, заманчивыя этой именно таинственностью и особенно сильно дѣйствовавшія.

Всякій честный работникъ слова, всякая уважающая себя и вѣрная завѣтамъ общественнаго блага литература понимаютъ весь объемъ нравственной отвѣтственности, которую они на себя берутъ, пуская въ обращеніе тѣ или иныя мысли, идеи, доктрины. И русскій писатель, и русская литература всегда отличались высокой степенью развитія этого чувства нравственной отвѣтственности. Прямой плодъ его—критика, которая при нормальномъ положеніи печати является строгимъ, нелицепріятнымъ и высокотактичнымъ судилищемъ, постоянно отвѣвающимъ въ плодахъ умственнаго творчества страны доброе зерно отъ мякины и сора, полезное отъ вреднаго, здоровое отъ болѣзненнаго и болѣзнетворнаго. Но при обиліи репрессій и внѣшнихъ изъятій критика становится въ положеніе настолько тягостное и фальшивое, что принуждена бездѣйствовать или зарываться въ мелочахъ, выродиться въ буквоѣдство и библіографію. Она не

въ силахъ отправлять свои общественно-политическія и нравственно-философскія задачи. Будучи чисто духовнымъ, свободнымъ самоучрежденіемъ, какъ бы самоуправленіемъ литературы и печати, критика не можетъ и полемизировать съ такими представителями хотя бы явно безсмысленныхъ ученій, которые связаны изъятіями и репрессіями, а потому и не могутъ отвѣчать. Не можетъ уже по безполезности ея усилій, такъ какъ слово критики, обращенное къ невольно умолкшему противнику, будетъ звучать совершенно неубѣдительно, обратится противъ самой критики и уронитъ ее, не принеся желаемыхъ плодовъ.

Упадокъ критики сопровождалъ эпохи особо сильнаго цензурнаго террора, въ 1848 — 1855 гг. и въ 1862 — 1868 гг. Въ первую эпоху критика выродилась въ библіографическое крохоборство, во вторую—въ непристойную перебранку журналовъ (Писаревъ и Антоновичъ). Невольное бездѣйствіе или упадокъ критики можетъ отразиться чрезвычайно печально на общественномъ самосознаніи. Не встрѣчая отпора и не выходя на свѣтъ перекрестнаго обсужденія печати, всякая нелѣпая мысль, всякое одностороннее ученіе, приправленное сладостью запретности и возвеличенное ореоломъ гонимости, станетъ широко вѣтвиться въ умахъ, сбивая съ толку особенно болѣе юную и неустановившуюся часть общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, неосмысленный цензурный терроръ, какъ это мы видѣли изъ анализа фактовъ исторіи русской цензуры, нарушаетъ равновѣсіе въ обществѣ и правящихъ сферахъ. Крайніе элементы берутъ верхъ и тутъ, и тамъ. Крайніе радикальные элементы и крайніе ретроградные элементы вступаютъ въ борьбу. Спокойствіе общества возмущено. Умѣренные, уравновѣшенные, наиболѣе культурные и просвѣщенные теряютъ авторитетъ и скрываются въ тѣнь.

Только односторонность мысли вредна. А мысль, скрытая отъ публичнаго обсужденія и перекрестной критической полемики, всегда одностороння, а потому фанатична, безразсудна, безпочвенна и легко вырождается въ парадоксъ, хотя ложный

по существу, но на своихъ сторонниковъ дѣйствующій всѣмъ обаяніемъ не только свѣтлой, но еще и гонимой истины.

Какъ бы то ни было, цензура есть фактъ. Она, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ создалась въ данное время у даннаго общества, подчинена строгой законопричинности.

Цензура въ своихъ формахъ обусловлена двумя явленіями общественности.

Эти два явленія—«сквернословіе» и «нетерпимость».

Подъ «сквернословіемъ» мы понимаемъ не только всѣ виды пасквилянтской грязи, зарождающіеся въ клоакахъ человѣческаго слова, не только словесное сладострастіе и развратъ мысли, всѣ виды порнографіи и блудословія, не только кощунство мысли, но и яды интеллекта, результатъ ея разложенія, мысль патологическую, безумную и заражающую безуміемъ. Свобода «слова» не есть свобода «сквернословія». Охрана общественнаго сознанія отъ заразы «сквернословія» составляетъ функцію съ одной стороны простого суда, для грубыхъ его проявленій, а съ другой—критики, какъ самоуправленія литературы. Цензурѣ остается роль посредствующая и наблюдательная. Что касается «нетерпимости», то она является разлитой въ обществѣ. Нетерпимы всѣ — и чиновникъ, и офицеръ, и купецъ, и «интеллигентъ», и даже литераторъ. «Нетерпимость» и сверху, и снизу давитъ на цензуру со всѣхъ сторонъ и прямо, и въ обходъ.

Цензура, какъ учрежденіе просвѣщенное, въ лицѣ ея руководителей, не должна быть рабомъ общественной нетерпимости. Напротивъ, она должна обладать самостоятельностью и противиться этой нетерпимости, отводя ее отъ такихъ явленій мысли, которыя служатъ правдѣ и совѣсти, очищаютъ умы и общественную а тмосферу отъ лжи, обличаютъ явленія, обличенія достойныя.

Поэтому цензура въ странѣ сама должна быть центромъ просвѣщенія и цензоръ—просвѣщеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Государство можетъ повѣрить такое нужное и опасное учрежденіе, какъ цензура, лишь въ руки глубоко-гуманныхъ, развитыхъ, культурно-образованныхъ, благоразумно-умѣренныхъ, просвѣщенныхъ людей и обезпечить успѣхъ ихъ борьбы съ гидрой сквернословія и противодѣйствія ихъ общественной нетерпимости предоставленіемъ учрежденію достаточной доли независимости и довѣрія.

ДВУХСОТЛѢТІЕ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.

(1703—1803).

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

I.

Еще въ 1827 г. въ «Московскомъ Телеграфѣ» С. Д. Полторацкимъ былъ поднятъ вопросъ «о приведеніи въ извѣстность начальной эры русской печатной періодической литературы», проще же, о годѣ изданія первой русской газеты—«С.-Петербургскія Вѣдомости» [1]). Библіографъ указывалъ противорѣчія изслѣдователей [2]). Ему отвѣчалъ въ томъ же журналѣ А. Я. Булгаковъ, но толку отъ этого не вышло [3]). Затѣмъ народилась по данному вопросу цѣлая спеціальная литература, и только въ 1855 г. онъ былъ рѣшенъ окончательно, когда Публичная библіотека перепечатала полный экземпляръ «Вѣдомостей» за 1703 годъ. Этимъ изданіемъ первымъ днемъ русской періодической литературы опредѣляется 2-е января 1703 года. Однако

---

[1]) «М. Т.», ч. XIV, 321—324.

[2]) Сопикова, Кеппена, Свиньина, Греча и Воейкова.

[3]) «М. Т.» 1827 г., ч. XVI, № 13, 5—13.

и тутъ можно представить возраженія, такъ какъ указъ Петра объ изданіи первой русской газеты послѣдовалъ 16-го декабря 1702 г., а 27-го декабря вышелъ «Юрналъ, или поденная роспись, что въ мимошедшую осаду подъ крѣпостью Нотенбурхомъ чинилось».

Починъ, такимъ образомъ, принадлежитъ монарху. 16-го декабря 1702 г. указомъ Петра Великаго повелѣно было «печататъ куранты и въ печатныхъ курантахъ вѣдомости». Повелѣніе это и было исполнено 2-го января 1703 г., когда вышли: «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ значенія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ».

Эти «Вѣдомости» печатались по мѣрѣ надобности и накопленія матеріаловъ, въ неопредѣленные сроки, по 1728 годъ[1]).

2-го января 1728 года являются уже «С.-Петербургскія Вѣдомости», издаваемыя съ присовокупленіемъ ежемѣсячныхъ «примѣчаній» академіею наукъ, а 26-го апрѣля 1756 года въ Москвѣ при университетѣ начинаютъ выходить и «Московскія Вѣдомости», при Елисаветѣ Петровнѣ.

«Изданіе Московскихъ Вѣдомостей»,—говоритъ В. Коршъ,—началось въ годъ начала знаменитой Семилѣтней войны. Сто лѣтъ тому назадъ (писано въ 1856 г.), изданіе политическаго журнала не могло быть дѣломъ частныхъ лицъ; только правительство могло дать жизнь такому предпріятію, и оно создало «Московскія Вѣдомости» черезъ годъ по учрежденіи въ Москвѣ университета. «Московскія Вѣдомости» выходили постоянно два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ. Онѣ печатались на небольшомъ листѣ толстой сѣрой бумаги, сложенной in quarto, безъ нумераціи страницъ. На заглавной страницѣ была виньетка, изображавшая крылатую трубящую славу»[2]).

---

[1]) А. Н. Неустроевъ. Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ. Спб. 1875 г., стр. XVIII—XIX.

[2]) Столѣтіе «Московскихъ Вѣдомостей» (1756—1856).

Итакъ, русская періодическая печать, русская газета возникли не по частному почину, а по высочайшему повелѣнію.

Первый русскій журналъ, подъ редакціей Миллера, «Ежемѣсячныя сочиненія», возникшій въ 1755 г., тоже является изданіемъ офиціальнымъ, академіи наукъ.

«Мысль объ изданіи печатныхъ политическихъ вѣдомостей для публики,—говоритъ Неустроевъ,—всецѣло принадлежитъ державной волѣ императора Петра I, который по всей справедливости и долженъ считаться не только основателемъ вѣдомостей, но и первымъ ихъ редакторомъ. Доказательствомъ служитъ то, что онъ самъ назначалъ карандашемъ для перевода и помѣщенія въ нихъ мѣста изъ голландскихъ газетъ, даже самъ занимался чтеніемъ корректуры». «Вѣдомостями» двухъ столицъ, «примѣчаніями» да журналомъ Миллера и исчерпывается вся періодическая печать первой половины XVIII-го столѣтія. Созданіе Петра и маленькаго кружка сподвижниковъ его, вся образованность этой эпохи не истекала изъ потребности народной, а являлась всецѣло починомъ свыше. Плоды этого почина — петровскія изданія не были потребляемы народомъ, не вызвали спроса, не нашли почти совсѣмъ читателей. Еще въ 1703 г. голландскій купецъ, торговавшій книгами, по волѣ царя, въ Амстердамѣ, писалъ Петру Великому, что онъ въ убыткѣ отъ этой торговли, «понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего царскаго величества зѣло мало». Въ 1752 г., какъ это видно изъ дѣлъ, въ конторѣ московской синодальной типографіи накопилось разныхъ петровскихъ изданій такое множество, что синодальное начальство рѣшило или продать ихъ на бумажную фабрику, или же употреблять на обертки вновь выходящихъ книгъ. Такъ и поступали не одинъ разъ (въ 1752, 1769 и 1779 годахъ). Изъ описей видно, что нынѣ рѣдчайшія петровскія изданія лежали десятки лѣтъ въ типографіи, и покупателей не находилось. Петровскихъ изданій на обертку пошло на 7.412 руб. 48 коп. Сумма для того времени весьма значительная. Источники образованности петровской

эпохи — кіевская ученость, перенесенная изъ Польши, или, точнѣе, нѣсколько кіевскихъ ученыхъ, которые высшее образованіе получили у іезуитовъ въ Римѣ, для чего принимали католичество на время, «ради наукъ». Итакъ, основатели русской образованности были іезуиты. Что касается ученыхъ грековъ, то вѣдь даже Лихуды высшее образованіе получили не въ Константинополѣ, а въ западныхъ академіяхъ, т. е. у тѣхъ же іезуитовъ. Затѣмъ источникомъ образованности является реальное знаніе, почерпнутое въ Голландіи и Германіи, отчасти въ Англіи, Франціи и Италіи. Это послѣднее, кромѣ самого Петра и двухъ — трехъ его приближенныхъ, выдающихся представителей въ Россіи не имѣло. Въ Москвѣ въ 1706 году, кромѣ переводчика латинскаго языка да двухъ молодыхъ подьячихъ, знающихъ иностранные языки никого не было. Въ 1721 г. Неплюевъ былъ посломъ единственно по той причинѣ, что одинъ во всемъ Петербургѣ зналъ по итальянски [1]).

«Для переводу книгъ,— читаемъ въ указѣ Петра Великаго, 23-го января 1724 г.,— зѣло нужны переводчики, а особливо для художественныхъ, понеже никакой переводчикъ, не умѣя того художества, о которомъ переводитъ, перевесть то не можетъ; того ради заранѣе сіе дѣлать надобно такимъ образомъ: которые умѣютъ языки, а художествъ не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ; а которые умѣютъ художества, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ. Художества же слѣдующія: математическое хотя до сферическихъ тріангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ цивилисъ, анатомическое, милитарисъ и прочія тому подобныя».

Говоря о русскихъ переводахъ иностранныхъ сочиненій въ началѣ XVIII столѣтія, должно замѣтить, что многіе изъ нихъ остались извѣстными только въ рукописи. Число ихъ кажется весьма значительнымъ особенно потому, что до второй половины XVII вѣка переводы замѣчательныхъ сочиненій очень

---

[1]) См. у Пекарскаго. Наука и образ. при Петрѣ, т. I.

рѣдки и извѣстны почти на перечетъ. При разсмотрѣніи рукописной нашей литературы той эпохи, съ удивленіемъ замѣчаешь внезапное появленіе переводовъ такихъ произведеній, которыя въ Европѣ XVII столѣтія были предвозвѣстниками послѣдовавшихъ тамъ потомъ преобразованій въ наукѣ и въ жизни (например, Самуила Пуффендорфія «О законахъ естества и народовъ», Гуго Гроція «О законахъ брани и мира», Томаса Бурнета «Священная ѳеорія земли» и др.). Однако, кромѣ заказанныхъ Петромъ, большая часть рукописныхъ переводовъ по философіи, политикѣ, праву, исторіи принадлежали библіотекѣ князя Дмитрія Михайловича Голицына и ему «обязаны своимъ бытіемъ». Будучи губернаторомъ въ Кіевѣ, онъ поручалъ ученымъ и студентамъ академіи переводить для себя разныя творенія. Ректоръ академіи Ѳеофанъ Прокоповичъ часто бывалъ у князя и по его совѣту тоже перевелъ нѣсколько сочиненій.

Итакъ, книги, изданныя Петромъ, не имѣли сбыта и читателя. Переводы, заказанные Голицынымъ, оставались въ рукописяхъ въ его библіотекѣ. Заботы о журналистикѣ Петра выразились и учрежденіемъ «Курантовъ», и подкупомъ западныхъ журналистовъ. Петръ Великій очень хорошо понималъ силу и значеніе общественнаго мнѣнія въ Европѣ и сознавалъ то вліяніе, которое имѣли на него даже и въ началѣ XVIII столѣтія журналистика и разныя политическія изданія. Ненависть и презрѣніе слышались въ сужденіи о Россіи западной журналистики того времени.

Петръ желалъ, чтобы журналисты и издатели были на его сторонѣ. «Полагали въ то время достаточнымъ нанять съ десятокъ голодныхъ журналистовъ и писателей, которые и обязывались писать статьи о Россіи въ извѣстномъ направленіи, сообразномъ съ видами правительства [1]). Адвокатовъ за

---

[1]) Агентъ Петра, баронъ Гюйссенъ (von Hüyssen), нанялъ слѣдующія изданія расхваливать Россію: «Europäische Fama» и «Staats-Spiedel».

Россію изъ европейскихъ журналовъ и писателей вербовали во всѣхъ государствахъ» (Пекарскій).

Петръ, однако, наслѣдовалъ отъ XVII столѣтія, кромѣ Кіевской и Московской академій съ іезуитскими воспитанниками — учеными, еще «печатный дворъ», такъ что типографія, заведенная имъ въ 1700 году въ Амстердамѣ, не должна была печатать книгъ духовнаго содержанія, ибо «книги церковныя, славянскія и греческія, со исправленіемъ православнаго устава восточныя церкве, печатались въ царствующемъ градѣ Москвѣ». Старая струя схоластической образованности, которою, однако, практическій Петръ умѣлъ воспользоваться, такъ что у него ученики іезуитовъ, церковные проповѣдники, какъ, напримѣръ, Прокоповичъ и Бужинскій, были публицистами въ храмѣ, «пѣвцами Петровыхъ дѣлъ», защищали и прославляли реформы,— такъ эта схоластическая образованность смѣшалась съ реальной образованностью первыхъ купцовъ эпохи — голландцевъ [1]).

На Московскомъ «печатномъ дворѣ» въ концѣ XVII столѣтія было 12 печатныхъ станковъ. Въ первой же четверти XVIII вѣка въ обѣихъ столицахъ — 23 книгопечатныхъ и 2 гравировальныхъ станка. Стоимость принадлежностей книгопечатнаго производства въ Россіи тогда не превышала 17.000 рублей. Занято было типографнымъ дѣломъ до 300 человѣкъ. Но печатаніе шло крайне медленно. По вычисленіямъ изслѣдователей, всѣ станки въ Россіи могли бы печатать на 20 тысячъ подписчиковъ періодическое изданіе, всего изъ 7—8 средней величины книжекъ въ годъ. Заработокъ типографскаго работника равнялся 3 — 5 коп. въ день. Но заработную плату часто задерживали, и рабочіе бѣдствовали. Къ денежному жалованью въ Петербургѣ прибавляли паекъ натурой — хлѣбомъ. Ни въ книгахъ, ни въ газетѣ потребности не было. «Разсужденіе» Шафирова о войнѣ со шведами отпечатано было 20.000

---

[1]) Изъ 20.000 судовъ тогдашней міровой торговли 16.000 принадлежали голландцамъ.

экземпляровъ. А продано съ 1722 по 1725 годъ всего 50 экземпляровъ. Первыя «Вѣдомости», въ продолженіе года, со 2-го января 1703 г. по 2-е января 1704 г., выпустили всего 39 нумеровъ въ восьмушку отъ 2-хъ до 7-ми листовъ. Сначала печатали «куранты» въ Москвѣ, а съ 1711 года, когда была учреждена въ Петербургѣ типографія, попеременно въ обѣихъ столицахъ. Нумеръ «Вѣдомостей» стоилъ двѣ копейки, только покупателей не было. Изъ описи, составленной въ 1752 году, видно, что въ складахъ синодальной конторы накопилось 11.000 экземпляровъ курантовъ разныхъ годовъ. Велѣно ихъ брать на обертки и продавать на бумажныя мельницы. Очищеніе складовъ производилось еще въ 1769 и 1779 годахъ. Такъ какъ «Вѣдомости» печатались всего въ количествѣ 1.000 экземпляровъ, то за 50 лѣтъ изданія четвертая часть осталась нераспроданной, т. е. $12^1/_2$ лѣтъ изданія. Полный экземпляръ академическихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» состоитъ уже изъ 105 №№ [1]).

Наполнялись куранты выписками изъ иностранныхъ газетъ, которыя присылались переведенными изъ посольскаго приказа, и реляціями да указами. 15-го іюля 1719 года, директоръ Петербургской типографіи Абрамовъ запросилъ кабинетъ-секретаря Макарова: «Изволь ка мнѣ, мой государь, отписать: однѣ ль печатать чюжестранныя вѣдомости, которыя изъ курантовъ и присылаются изъ посольской канцеляріи, или сообщать со оными и о своихъ публичныхъ дѣлахъ и о строеніяхъ, которыхъ здѣсь довольно?» Отвѣчено: «понеже его царское величество указалъ въ типографію давать вѣдомости публичныя... къ тому опредѣляется переводчикъ Яковъ Синявичъ, который тѣ вѣдомости, по данному ему образцу, сочинять... исправлять и стараніе въ томъ прилагать имѣетъ. И когда изготовитъ, показывать совѣтникамъ и стараться ему провѣдывать о такихъ публичныхъ вѣдомостяхъ».

---

[1]) См. Неустроевъ: Историческое разысканіе.

Итакъ, этотъ Яковъ Синявичъ, вступившій съ 1720 г. въ отправленіе этой обязанности, «провѣдывающій о публичныхъ вѣдомостяхъ и строеніяхъ»—первый русскій хроникеръ-репортеръ. Перу его принадлежатъ описанія придворныхъ пировъ, гуляній, катаній на яхтахъ и буерахъ, иллюминацій, фейерверковъ. Съ 1721 года всѣ типографіи поручены надзору «пѣвца Петровыхъ дѣлъ», проповѣдника Гавріила Бужинскаго. Проповѣдническая каѳедра въ первой половинѣ XVIII вѣка была учрежденіемъ публицистическимъ, своего рода газетой, толковавшей о всемъ на свѣтѣ. Проповѣдники даже острили и разсказывали анекдоты по образцу іезуитскихъ ораторовъ — своихъ наставниковъ. Въ день восшествія на престолъ Анны Іоанновны Ѳеофанъ Прокоповичъ сказалъ рѣчь, въ которой между прочимъ выразился такъ: «но и самое небо нынѣшнимъ коронаціи твоей опредѣленнымъ днемъ, тожде о тебѣ Божіе смотрѣніе, аки би нарочно, изобразуетъ: понеже по долгомъ, изъ утра туманномъ, помраченіи, какъ стала пора къ главному сему шествію, всечистымъ сіяніемъ просвѣтилось». Эта фраза проповѣдника стала потомъ неизмѣнною принадлежностью описаній офиціальныхъ торжествъ[1]).

Въ 1723 году повелѣно: «Изо всѣхъ губерній и провинцій о цѣнахъ хлѣбу и прочему присылать въ камеръ-коллегію вѣдомости — изъ ближнихъ понедѣльно, а изъ дальнихъ — помѣсячно... а въ Петербургъ съ тѣхъ вѣдомостей печатать... также и иностранныя цѣны товарамъ... печатать и въ народное вѣдѣніе продавать, дабы знали, гдѣ что дешево или дорого»[2]).

Со 2 января 1728 года выходятъ уже при академіи наукъ, подъ редакціей адъюнкта Миллера, «С.-Петербургскія Вѣдомости» и къ нимъ (1728—1738—1742 гг.) «Историческія,

---

[1]) Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича, III, 47—51. II. Морозовъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, стр. 354.

[2]) Полное собраніе законовъ. VII. № 4293.

генеалогическія и географическія примѣчанія», гдѣ встрѣчаются уже и легкія статейки и стихотворенія.

Первый учено-литературный журналъ въ Россіи, «Ежемѣсячныя Сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія», вышелъ подъ редакціей того же Миллера въ 1755 году и существовалъ десять лѣтъ, читался съ жадностью русской публикой, расходъ его былъ потому времени громадный—отъ 500 до 700 экземпляровъ. Печаталось съ 1758 года отъ 1250 до 2000 экземпляровъ. Сотрудниками были: Нартовъ (младшій), Рычковъ, Поповскій, Соймоновъ, Дубровскій, Сумароковъ, Тредьяковскій, Елагинъ, Херасковъ, Нарышкинъ, Измайловъ, Порошинъ и другіе.

Изъ академиковъ, кромѣ самого Миллера,—Ломоносовъ, Браунъ, Цейгеръ, Эпинусъ, Штелинъ, Кельрейтеръ, Фишеръ и Шреберъ. Переводчики были: Козицкій, Воронцовъ, Красильниковъ, Голубцовъ, Лебедевъ и другіе[1]).

Великій Суворовъ помѣстилъ здѣсь два весьма характерные «разговора въ царствѣ мертвыхъ». Наибольшее число статей беллетристическихъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» почерпнуто въ знаменитыхъ англійскихъ журналахъ: «The Tatler», «The Spectator» и «The Guardian», предпринятыхъ Стилемъ и Аддисономъ въ 1709—1715 годахъ и послужившихъ образцами для многихъ изданій, сначала въ Германіи и Франціи, потомъ и у насъ, съ понятнымъ «опозданіемъ». Цѣль ихъ была—бичеваніе пороковъ и нравоученіе.

Изъ французской литературы въ журналѣ Миллера находимъ «Микромегаса» и «Задига», сатирическія сказки Воль-

---

[1]) В. А. Милютинъ. Очерки русской журналистики. («Современникъ» 1851 г., тт. XXV и XXVI). П. П. Пекарскій. «Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ». (Записки Имп. акад. наукъ, № 5, 1867 года, т. XII. Приложеніе). Неустроевъ. Историческое разысканіе, стр. 46 и дальше.

тера, переводы изъ Фонтенеля и Флешье; много переводовъ изъ нѣмецкихъ журналовъ того времени[1]).

13 марта 1759 года академическій совѣтникъ Таубертъ требовалъ отъ Миллера объясненія по поводу анонимныхъ стиховъ танцовщицѣ Сакко (Sakko) въ февральской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ сочиненій»[2]).

Стихи эти весьма не понравились при дворѣ, и Тауберта нарочно призвали туда, чтобъ узнать объ имени автора ихъ. Миллеръ отвѣчалъ: «Такъ какъ я, вѣчно сидѣвшій за своимъ рабочимъ столомъ, не посѣщаю здѣшняго придворнаго итальянскаго театра и никогда не слыхивалъ имени Сакко, то и предполагалъ, что эта госпожа принадлежитъ къ итальянскому театру въ Парижѣ, и что слѣдовательно стихи не оригинальные, а переведены съ французскаго».

Сонетъ танцовщицѣ Либерѣ Сакко принадлежалъ перу гвардейскаго унтеръ-офицера Ржевскаго. «Неприличные стихи» вырѣзали изъ журнала, но въ нѣкоторыхъ экземплярахъ они сохранились:

Когда ты, Либера, что въ драмѣ представляешь,
Въ часы тѣ, что къ тебѣ приходитъ плескъ во уши,
Отъ зрителей себѣ то знакомъ принимаешь,
Что въ нихъ ты красотой зажгла сердца и души.
Довольное число талантовъ истощила
Натура для тебя, какъ ты на свѣтъ рождалась.
Она тебя, она, о Сакко! наградила,
Чтобы на всѣ глаза пріятною казалась.
Небеснымъ пламенемъ глаза твои блистаютъ,
Тѣнь нѣжную лица черты намъ представляютъ,

---

[1]) Изъ «Грейфсвальдскихъ сочиненій» 1753 и 1754 года; изъ «Гамбургскаго патріота»; «Ганноверскихъ сочиненій»; изъ «Лейпцигскихъ сочиненій»; изъ «Бернскаго журнала»; изъ книгъ «Meisterstücke» и «Gesellshäftliche Erzählungen».

[2]) Стр. 191. «Сонетъ или мадригалъ Либерѣ Саккѣ, актрисѣ итальянскаго вольнаго театра».

Прелестенъ взоръ очей, осанка несравненна.
Хоть нѣкихъ дамъ языкъ клевещетъ тя хулою,
Но служитъ зависть ихъ тебѣ лишь похвалою:
Ты истинно плѣнять сердца на свѣтѣ рождена[1]).

Очевидно, «нѣкія дамы» забили тревогу по выходѣ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» съ этими стихами.

Сонетъ для того времени весьма недуренъ. Въ немъ есть искреннее чувство и подъемъ лирическій. Невѣдомый «унтеръ-офицеръ» довольно хорошо справился съ трудной формой сонета. Наконецъ, среди торжественныхъ одъ, это стихотвореніе восхищеннаго танцовщицей итальянкой юноши является какъ бы исходной точкой журналистики не офиціальной, а истекающей изъ потребности самого общества. Театръ, прекрасная танцовщица, озлобленіе соперницъ — «нѣкихъ дамъ», стихи влюбленнаго гвардіи «унтеръ-офицера», попавшіе въ тяжеловѣсный, ученый академическій журналъ—первая живая страничка въ исторіи періодической печати въ Россіи.

И годъ появленія сонета—1759, является весьма знаменательной датой.

II.

2-го января 1759 года начало выходить составляемое молодежью Шляхетскаго корпуса въ Петербургѣ первое частное періодическое (еженедѣльное) и уже чисто-литературное изданіе: «Праздное время, въ пользу употребленное». Въ корпусѣ оно писалось, тамъ и печаталось. Въ томъ же году появилось и другое частное (ежемѣсячное) литературное изданіе А. П. Сумарокова: «Трудолюбивая Пчела».

Такимъ образомъ періодъ съ 2 января 1703 года по 2 января 1759 года является совершенно законченнымъ и свое-

---

[1]) Историческая хрестоматія В. Покровскаго. Вып. XIII. М. 1897 года. Стран. 76—77.

образнымъ первымъ періодомъ русской печати, чисто офиціально-казеннаго почина и характера.

Второй періодъ, характеризуемый уже широкимъ развитіемъ частной предпріимчивости и нарожденіемъ извѣстнаго спроса на печатные органы, обнимаетъ время съ 1759 по 1803 годъ и можетъ быть раздѣленъ на два неравномѣрные отдѣла отъ 1759 («Праздное Время») до 1791 года («Московскій Журналъ») — первый отдѣлъ. Отъ 1791 года («Московскій Журналъ» Карамзина) до 1802 («Вѣстникъ Европы» Карамзина).

На пространствѣ всей этой послѣдней половины XVIII-го столѣтія должно поставить слѣдующія хронологическія вѣхи:

1759 года — «Праздное Время» и «Трудолюбивая Пчела» (первыя частныя изданія въ Россіи). 1765 года — «Труды вольно-экономическаго общества» (первый сельско-хозяйственный журналъ). 1769 года—«Всякая Всячина» (починъ Екатерины II). (Первый сатирическій журналъ, 1769 — 1774. Развитіе сатирической журналистики). 1774 года — «Открываемая Россія» (первый художественный журналъ). «Музыкальныя увеселенія» (первый музыкальный журналъ). 1783 года— «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова». Е. Р. Дашкова и Екатерина II — редакторы. Ода «Фелица», Державина. (Кружокъ Екатерининскихъ писателей). 1785 года—«Дѣтское Чтеніе для сердца и разума» (первый дѣтскій журналъ). 1786 года—«Уединенный Пошехонецъ», въ Ярославлѣ (первое провинціальное изданіе). «Россійскій Ѳеатръ» (первое театральное изданіе). 1787 года—«Бесѣды съ Богомъ» (первый духовный органъ). 1789 года—«Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену», въ Тобольскѣ (первое сибирское изданіе). 1791 года—«Московскій Журналъ», Карамзина (начало Карамзинской эпохи). «Магазинъ Аглицкихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ модъ» (первый модный журналъ). 1792 года—«С.-Петербургскія Врачебныя Вѣдомости» (первый медицинскій журналъ). 1795 года— «Карманная книга» (первый альманахъ). 1800 года — «Жур-

налъ Правовѣдѣнія» (первый юридическій органъ). 1802 года— «Вѣстникъ Европы», Карамзина.

Мы видимъ, что во второмъ періодѣ русской періодической печати наблюдается съ одной стороны дифференціація печати съ выдѣленіемъ спеціальныхъ органовъ, по мѣрѣ развитія въ нихъ потребности; видимъ эбміонъ провинціальной печати; видимъ, наконецъ, постепенное наростаніе независимой печати и нарожденіе типа писателя и публициста въ обществѣ, не состоящаго въ придворномъ хорѣ офиціальныхъ панегиристовъ. Печать, отъ «Всякой Всячины» начиная и кончая «Собесѣдникомъ», всецѣло вдохновлена и даже редактируется Екатериной Великой, какъ первая газета создана и редактируется Петромъ. Но Карамзинъ уже не придворный, а совершенно частное лицо, писатель и журналистъ въ нашемъ смыслѣ этихъ словъ, также и изданія его—«Московскій Журналъ» и «Вѣстникъ Европы»— предпріятія совершенно частныя и литературныя въ строгомъ значеніи этого слова.

Разсматривая журналистику екатерининскаго времени, находимъ два источника, питающихъ ее: писательская и редакторская дѣятельность самой государыни-вольтеріанки, желавшей дѣйствовать на общественное мнѣніе и управлять имъ; нравственно-реформаторская дѣятельность массоновъ — «друзей человѣчества». Эти двѣ питающія журналистику и литературу силы, сначала уживавшіяся миролюбиво и совмѣстно работавшія, не могли не столкнуться, рано или поздно, и вступили въ борьбу, причемъ внѣшняя побѣда осталась на сторонѣ Екатерины. И массоны, и Екатерина преслѣдовали, возбуждая литературное движеніе, все же свои особыя, внѣлитературныя цѣли. Но возбужденное ими умственное движеніе не могло ни остановиться, ни вѣчно быть рабомъ массонскихъ «прожектовъ» или панегиристомъ «царства премудрой Астреи». Это движеніе скоро обрѣло свои самобытныя цѣли. Въ лицѣ Новикова, Радищева и Карамзина явился типъ издателя, писателя и журналиста независимаго. Все, что ни писали литераторы кружка «Собесѣд-

ника», служило апологіей Екатерины, личнымъ ея цѣлямъ. Только «Путешествіе» Радищева и «Письма русскаго путешественника» Карамзина уже чужды всякаго подслуживанія двору.

«Я взглянулъ окрестъ меня, душа моя страданіями человѣческими уязвлена стала; обратилъ взоры во внутренность мою, и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка и часто оттого только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь».

Да, въ лицѣ Радищева русская литература, русская журналистика, русскій писатель-публицистъ впервые «взглянули окрестъ себя» свободно, безъ предвзятаго взгляда, не сквозь очки, надѣтыя государствомъ, не съ точки зрѣнія государственнаго утилитаризма, а совершенно свободно, какъ духъ, опирающійся самъ на себя, самоцѣльный и самозаконный, широко открытыми очами на все въ жизни, исторіи, твореніи! Въ лицѣ великаго подвижника и мученика русской литературы, Радищева, эта литература впервые обратила взоръ русскаго человѣка «во внутренность» своего сердца, ума, жизни частной и общественной. Въ произведеніи Радищева русская мысль и литература впервые «взираютъ прямо на окружающіе предметы». Литература и печать Петра и Екатерины оцѣнивала все съ точки зрѣнія цѣлей и задачъ этихъ двухъ реформаторовъ Россіи. Поэтому и Петръ, и Екатерина оба были вдохновителями, даже создателями и редакторами, даже прямыми сотрудниками этой печати. Но, разбудивъ мысль, они хотѣли вѣчно водить ее на помочахъ, заставить вѣчно служить ихъ цѣлямъ, прославлять и оправдывать все, что имъ угодно было дѣлать, создавать атмосферу непрестаннаго славословія и въ Россіи, и внѣ ея Петру и Екатеринѣ, приведшимъ страну «отъ небытія въ бытіе».

Но мысль вдругъ возмужала и поднялась на ноги, и орлинымъ взоромъ прямо и свободно поглядѣла «окрестъ», «во внутренность» и «на окружающіе предметы», и «страданіями человѣческими уязвлена стала». Екатерина почувствовала, что

въ Радищевѣ народилась новая, неподкупная, прозорливая, судящая и требующая отчета свободная сила народной мысли. Она испугалась, вознегодовала и «препоручила» Шешковскому автора «Путешествія», она, пріятельница энциклопедистовъ, «богоподобная Фелица», торжественно объявляющая въ одѣ Державина счастливымъ подданнымъ:

Я вамъ даю свободу мыслить.

Массоны, повліявшіе на пробужденіе мысли и развитіе печати періодической и вообще книгопечатанія, однако тоже имѣли свои сепаратныя цѣли; если литература не могла быть «екатерининской», то не могла она быть и «массонской». Она стала «карамзинской». Такимъ образомъ, въ разсматриваемый періодъ возбудителями литературнаго движенія въ трехъ его фазисахъ явились: a) массоны, въ тѣсной связи съ которыми стояла издательская дѣятельность Новикова; b) сатирическая журналистика Екатеринина почина («Всякая Всячина») и кружка ея придворныхъ панегиристовъ-одослагателей («Собесѣдникъ»); c) Радищевъ и Карамзинъ съ личнымъ свободнымъ починомъ, а въ нихъ начало независимой литературы.

Еще въ 1741 году, въ торжественномъ собраніи англійскихъ массонскихъ ложъ, Джемсъ Кейтъ назначенъ былъ провинціальнымъ гроссмейстеромъ для всей Россіи. Объ этомъ событіи русскіе массоны пѣли въ царствованіе Елисаветы въ ложахъ:

...свѣтомъ озаренный
Кейтъ къ россіянамъ прибѣгъ
И, усердьемъ воспаленный,
Огнь священный здѣсь возжегъ.

Но уже въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія, послѣ отъѣзда Кейта на прусскую службу, во главѣ петербургскихъ массоновъ стоялъ русскій, Р. И. Воронцовъ—отецъ Екатерины Романовны Дашковой.

При Екатеринѣ, въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія, массонство уже представляло организованную силу съ центрами въ столицахъ и отдѣленіями въ провинціи. Органомъ массонскаго вліянія на литературу явилось «Дружеское ученое общество». Толчекъ, данный книжной торговлѣ Новиковымъ, за которымъ стоялъ союзъ массоновъ, желавшій распространять въ русскомъ обществѣ полезныя книги, содѣйствовалъ быстрому развитію печати вообще. Въ Москвѣ ея средоточіемъ стали устроенныя на Никольской лавки. Самъ Новиковъ продавалъ книги изъ университетской торговли. При ней имъ была основана библіотека. Торговля помѣщалась въ собственномъ домѣ Новикова. Библіотека была первою въ Москвѣ публичною библіотекой. Обороты «Типографической компаніи», учрежденной Новиковымъ, И. П. Тургеневымъ, Лопухинымъ и др. въ 1784 г., съ капиталомъ 137.500 рублей, и «разрушенной» въ 1791 г., достигли очень крупныхъ по времени суммъ.

Но еще раньше, вмѣстѣ съ началомъ въ 1769 году издательства сатирическихъ журналовъ, рядъ которыхъ начатъ «Всякой Всячиной» самою Екатериною, «по сенатской привиллегіи», открылась въ Петербургѣ первая частная типографія Гартинга; въ 1772 г. другая—Вейтбрехта, а въ 1776 г. третья—Шнора. По смыслу привиллегій выпускъ книгъ изъ типографій не подлежалъ никакимъ ограниченіямъ, ни у кого не испрашивалось разрѣшенія на издательство. Въ семидесятыхъ годахъ стали образовываться многочисленныя издательскія товарищества. Однако журналы, вѣдомости и даже книги изготовлялись не на рынокъ, а по заказу, на опредѣленное число подписчиковъ; если же собранныхъ денегъ было мало—испрашивали пособія отъ казны. Помѣщики открывали противозаконно собственныя типографіи въ селахъ. Началась типографско-издательская горячка, кончившаяся крахомъ. Вольныя типографіи и компаніи издателей не платили долговъ, переписывали векселя, запутались. Однако, по свидѣтельству Карамзина, въ самомъ началѣ XIX столѣтія 20 московскихъ книж-

ныхъ лавокъ производили ежегодно оборотовъ на сумму около 200.000 рублей, а до Новикова «не продавали въ годъ ни на 10.000».

Это движеніе журналистики и книготорговли, начатое самой Екатериной, ею же было и ограничено. Такъ, уже указъ 15-го января 1783 г. «о позволеніи во всѣхъ городахъ и столицахъ заводить типографіи и печатать книги на россійскомъ и иностранныхъ языкахъ съ освидѣтельствованіемъ оныхъ отъ управы благочинія» устанавливалъ надъ книгопечатаніемъ цензуру этого полицейскаго учрежденія. Скоро потомъ Новикова подвергли «испытанію въ вѣрѣ». Въ декабрѣ 1785 г. описаны всѣ его книжныя лавки и запрещены многія изданія. Въ 1789 г. началась французская революція, а въ 1790 г. Радищевъ «въ Илимскъ влечется». Скоро и Новиковъ на пятнадцать лѣтъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, не уличенный ни въ какомъ государственномъ преступленіи. А 16-го сентября 1796 г. послѣдовалъ именной указъ сенату: «Въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ, признали мы за нужное слѣдующія распоряженія: 1) Въ обоихъ престольныхъ городахъ нашихъ: С.-Петербургѣ и Москвѣ, подъ вѣдѣніемъ сената, въ губернскихъ же... подъ наблюденіемъ губернскихъ начальствъ учредить цензуру, изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ составляемую. 2) Частными людьми заведенныя типографіи упразднить... 3) Никакія книги, сочиняемыя или переводимыя въ государствѣ нашемъ, не могутъ быть издаваемы, въ какой бы то ни было типографіи, безъ осмотра отъ одной изъ цензуръ,... и одобренія, что въ таковыхъ сочиненіяхъ или переводахъ ничего Закону Божію, правиламъ государственнымъ и благонравію противнаго не находится».

Въ журналистикѣ екатерининскаго времени высказалось извѣстное направленіе и получила начало «обличительная» литература. Изслѣдователями первый сатирическій журналъ «Всякая Всячина» признается однимъ изъ лучшихъ, наравнѣ съ

«Трутнемъ» и «Живописцемъ» Новикова. Издателемъ «Всякой Всячины», какъ полагаютъ многіе, былъ Григорій Васильевичъ Козицкій, воспитанникъ Кіевской духовной академіи, много путешествовавшій по Европѣ, лекторъ философіи и словесныхъ наукъ академіи, статсъ-секретарь Екатерины. Беря на себя починъ «обличительной» литературы, Екатерина тѣмъ самымъ ставила самое себя внѣ обличеній. Обыкновенно въ ея журналахъ видятъ матеріалъ для характеристики нравовъ и картины быта той эпохи. Однако изслѣдователи убѣдились, что образцомъ перваго нашего «обличительнаго» журнала былъ англійскій «Спектаторъ», изъ котораго черпалъ еще Миллеръ. Почти всѣ статьи «Всякой Всячины», признаваемыя важными для исторіи нравовъ и быта екатерининскаго времени, заимствованы изъ англійскаго журнала, кромѣ выходокъ противъ поъдячихъ и описаній стараго воспитанія помѣщичьихъ дѣтей. Взгляды «Всякой Всячины» на задачу и предѣлы сатиры не принадлежали самой Екатеринѣ, а всецѣло заимствованы изъ «славнаго англійскаго Спектатора». Еженедѣльные англійскіе журналы— «Болтунъ», «Зритель» и «Опекунъ», издававшіеся Стилемъ и Аддисономъ въ 1709—1714 г., вызвали довольно слабыя нѣмецкія подражанія въ періодъ съ 1721—1729 г. Въ это время издавались: «Разсужденіе Живописца», «Живописецъ Нравовъ», «Патріотъ», «Разумныя Обличительницы», «Честный Человѣкъ». Начиная изданіе «примѣчаній» къ академическимъ «Вѣдомостямъ» 1728 г., Миллеръ въ предисловіи упоминаетъ эти изданія.

Однако «Всякая Всячина» пользовалась французскимъ переводомъ «Зрителя», а не англійскимъ подлинникомъ. Англійскій языкъ въ то время былъ русскимъ писателямъ весьма мало извѣстенъ. Сопоставленіе русскаго перевода съ французскимъ и подлиннымъ англійскимъ изданіемъ «Спектатора» убѣждаетъ изслѣдователей въ томъ, что въ рукахъ издателей «Всякой Всячины» находился не англійскій подлинникъ, а французскій

переводъ [1]). Тогда же «Трутень» обличалъ «Всякую Всячину» въ томъ, что она «перекрапываетъ на свой салтыкъ статьи изъ славнаго «Англинскаго смотрителя» и называетъ ихъ произведеніемъ своего умоначертанія. «Всякая Всячина» сама въ этомъ созналась: «Скажутъ, что мы переводы списываемъ. Признаемся, что и сіе бываетъ». Въ чемъ состояло это «перекрапываніе»? Дѣйствіе переносилось изъ лондонскаго предмѣстья въ Замоскворѣчье, школьный учитель обращался въ понамаря, битва при Альмонзѣ замѣнялась цорндорфской баталіей и т. д. Сокращенія, передѣлки, руссификація, но въ основѣ французскій переводъ англійскаго подлинника. Нельзя, по мнѣнію изслѣдователей, указать почти ни одного явленія обыденной жизни, которое раньше не было бы отмѣчено «Спектаторомъ».

Начиная «Всякую Всячину», издатель въ предисловіи говорилъ: «Я вижу безконечное племя всякія всячины. Я вижу, что за нею послѣдуютъ законныя и незаконныя дѣти: будутъ и уроды ея мѣсто со временемъ заступать. Но вижу сквозь облака добрый вкусъ и здравое разсужденіе, кои одною рукою прогоняютъ дурачество и вздоры, а другою доброе поколѣніе всякія всячины за руку ведутъ». Эти слова оказались пророческими. За «Всякой Всячиной» дѣйствительно потянулась цѣлая вереница сатирическихъ журналовъ:

«И то, и се» (1769), «Ни то, ни се» (1769), «Поденщина» (1769), «Смѣсь» (1769), «Трутень» (1769—1770), «Адская почта» (1769), «Полезное съ пріятнымъ» (1769), «Парнасскій Щепетильникъ» (1770), «Пустомеля» (1770), «Трудолюбивый Муравей» (1771), «Старина и Новизна» (1772—1773), «Вечера» (1772), «Живописецъ» (1772), «Мѣшанина» (1773), «Кошелекъ» (1774). Сатирическое направленіе журналистики продолжалось и послѣ 1774 г., хотя и съ меньшей

---

[1]) Le Spectateur ou le Socrate moderne. Traduit de l'anglais. Amsterdam. 1768.

силою, въ «Разсказчикѣ забавныхъ басенъ» (1781), «Почтѣ духовъ» (1789), «Зрителѣ» (1792).

Въ извѣстной статьѣ Добролюбова «Отношеніе сатирическихъ журналовъ къ дѣятельности Екатерины II и къ явленіямъ общественной жизни» дана превосходная характеристика этой «обличительной» журналистики, во многомъ схожей съ «обличительнымъ» движеніемъ журналистики, современной Добролюбову, въ 1856—1858 гг.

«Екатерина,—говоритъ Добролюбовъ,—прилагала всѣ старанія, чтобы своими распоряженіями привлечь къ себѣ сколько можно болѣе приверженцевъ. Однимъ изъ орудій ея въ этомъ дѣлѣ была литература». Зная, какое страшное вліяніе имѣлъ Вольтеръ, надѣялись, вѣроятно, что и въ Россіи сатира можетъ занять довольно почетное мѣсто въ ряду другихъ средствъ, служащихъ къ уничтоженію противниковъ благихъ мѣръ Екатерины. Но она очень не любила, когда подъ видомъ гласности въ литературѣ прокрадывались какія нибудь «предерзкія рѣчи». Вотъ почему, когда внутреннее спокойствіе было совершенно возстановлено, а конецъ первой турецкой войны возвеличилъ имя Екатерины и въ Европѣ, когда остатки стараго недовольства и довѣрія къ ней стали ей уже не страшны, она охладѣла къ сатирѣ, какъ къ вещи уже не нужной и могущей быть только вредною для ея спокойствія.

Журналы были живы, блестящи, эффектны, интересны, даже дерзки до тѣхъ поръ, пока имѣли дѣло съ остатками отжившаго порядка, противъ котораго шла сама Екатерина. Надъ этими остатками и потѣшались они въ теченіе пяти лѣтъ. Но мало-по-малу люди стараго времени замѣнились людьми свѣжими, противники новаго направленія удалены, въ силу вошли его приверженцы. Если теперь и были въ администраціи и въ обществѣ недостатки, то недостатки эти уже нельзя было сваливать на старое время; нужно было говорить прямо противъ существующаго порядка. А этого-то и не могла тогдашняя сатира.

Сатира могла, напримѣръ, возставать противъ ужасовъ пытки, когда сама императрица неоднократно высказывала отвращеніе отъ этой ненавистной судебной мѣры. Но когда потомъ обстоятельства привели къ возстановленію тайной экспедиціи и когда явился страшный Шешковскій, тогда, разумѣется, кричать противъ пытки стало не очень повадно.

III.

Вотъ краткій очеркъ исторіи возникновенія русской періодической печати въ XVIII-мъ столѣтіи.

Это время характеризуется слѣдующими чертами:

1) Починъ исходитъ отъ Петра и Екатерины, такъ что журналистика является ихъ созданіемъ, служащимъ ихъ цѣлямъ.

2) Собственно газетная публицистика и газетное дѣло созданы Петромъ, и раньше всякихъ другихъ формъ печати, но все столѣтіе видимъ газету съ малымъ числомъ потребителей и въ зародышѣ. Она остается офиціальнымъ вмѣстилищемъ указовъ, реляцій и внѣшнихъ свѣдѣній о иллюминаціяхъ и городскихъ событіяхъ.

3) Затѣмъ видимъ послѣ 1769 г. сильное развитіе періодической печати, такъ какъ вообще, при ограниченномъ кругѣ читателей, «подписка» и подписчикъ были необходимы. Книга готовилась всегда «на заказъ», а не «на рынокъ», всегда знала по имени того, къ кому шла.

4) Изъ общей массы печати дифференцируются во второй половинѣ XVIII столѣтія журналы спеціальные: хозяйственные, духовные, модные, дѣтскіе, медицинскіе и др., удовлетворяя спеціальнымъ потребностямъ, нарождающимся въ публикѣ.

5) Совершенно оригинальное явленіе представляетъ плеяда сатирическихъ обличительныхъ журналовъ (1769—1774 гг.), отвѣчая юмористической, насмѣшливой складкѣ, свойственной въ высшей степени русскому уму.

6) Въ XVIII вѣкѣ создается и серьезный, «толстый» журналъ—«Ежемѣсячныя Сочиненія» Миллера, «Собесѣдникъ»—Дашковой, «Московскій Журналъ»—Карамзина.

7) Наконецъ, характернымъ для этой эпохи является нарожденіе самостоятельной, свободной публицистики (Новиковъ, Радищевъ, Карамзинъ), при чемъ пробужденное монархиней движеніе мысли не хочетъ служить ей, ставитъ свои собственныя цѣли, и тогда Екатерина устремляется противъ него. Учреждена цензура.

Новый вѣкъ, послѣ мрачнаго царствованія Павла Петровича, открывается блестящей, либеральной эпохой «дней александровыхъ счастливаго начала».

Прежде-чѣмъ указать хронологическія даты исторіи періодической печати XIX-го столѣтія, укажемъ общія, характерныя черты этого періода.

1) Серьезная, наиболѣе литературная часть періодической печати сосредоточивается въ такъ называемыхъ «толстыхъ» ежемѣсячникахъ, при чемъ журналы издаются въ теченіе многихъ лѣтъ, а съ 1870 годовъ являются въ опредѣленной окраскѣ либеральнаго, крайняго (хотя и цензурнаго)—радикальнаго, умѣренно-консервативнаго и неистово-ретроградного направленія.

2) Столѣтіе характеризуется постепеннымъ, но неудержимымъ развитіемъ газетной публицистики, при чемъ газетная печать выдѣляетъ изъ себя такъ называемую «малую» прессу репортажа и театральнаго рецензентства. Въ газетной прессѣ замѣчается то же дѣленіе по направленіямъ, хотя до конца слабая партійная дифференцировка общественныхъ слоевъ придаетъ и органамъ печати неопредѣленный обликъ.

3) Во второй половинѣ XIX-го столѣтія развивается сильная провинціальная печать, и вмѣстѣ съ тѣмъ появляются органы инородческихъ интересовъ.

4) Наконецъ, характерное явленіе послѣдней четверти —это нарожденіе маленькой «четырехрублевой» газетки,

имѣющей уже свыше ста тысячъ подписчиковъ, въ то время какъ подписка на дорогую, большую, не превышаетъ 60 тысячъ. Въ этой эволюціи, дифференціаціи и группировкѣ печати замѣчается постепенность и закономѣрность, съ одной стороны обусловленная ростомъ потребности въ чтеніи и просвѣщенія вообще, съ другой стороны—воздѣйствіемъ на печать цензуры.

Печать неуклонно стремится завоевать себѣ духовную самостоятельность и ввести въ прессу представительство всѣхъ рѣшительно направленій мысли самостоятельными органами. Всѣ сфиціальные, правительственные и казенные органы печати, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, всякія «Губернскія» и «Епархіальныя Вѣдомости» влачатъ сѣрое и незамѣтное существованіе. Печать желаетъ быть свободнымъ органомъ мысли страны и народа, вмѣстилищемъ общественнаго мнѣнія. При этомъ руководительство обществомъ, въ серединѣ столѣтія всецѣло принадлежавшее «толстымъ» ежемѣсячникамъ, въ послѣднюю четверть его явно переходитъ къ газетамъ.

Исторію періодической печати XIX-го столѣтія можно подраздѣлить на два періода.

Первый обнимаетъ царствованія Александра I и Николая I, съ «Вѣстника Европы» Карамзина въ 1802 г. по «Русскій Вѣстникъ» Каткова въ 1856 г.

Этотъ періодъ, въ свою очередь, можно подраздѣлить по главнѣйшимъ органамъ:

1) эпоха «Вѣстника Европы» Карамзина и Каченовскаго, «Русскаго Вѣстника» С. Н. Глинки и «Сына Отечества» Греча;

2) начало частнаго газетнаго дѣла въ Россіи: «Сѣверная Пчела» Булгарина;

3) эпоха «Московскаго Телеграфа» Полевого и «Библіотеки для Чтенія» Сенковскаго;

4) тридцатые и сороковые годы съ «Современникомъ» и «Отечественными Записками» и главенствомъ Бѣлинскаго въ средѣ избранной части русскаго общества.

Второй періодъ обнимаетъ время со смерти Николая I (1855) до конца столѣтія. Въ особыхъ хронологическихъ подраздѣленіяхъ изложеніе эволюціи періодической печати этого періода не нуждается.

Чрезвычайное оживленіе литературно-издательской дѣятельности въ первое десятилѣтіе XIX-го столѣтія выразилось появленіемъ свыше 60-ти журналовъ (по указателю русской періодической печати Н. М. Лисовскаго). Правда, что тогда большинство журналовъ издавалось не болѣе года, однако ежегодно печать представлялась 6—7 журналами. Въ печати появились уже партійныя теченія. Основываются замѣчательныя офиціальныя изданія. Въ 1803 г. министерство коммерціи издаетъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ газету—«С.-Петербургскія Коммерческія Вѣдомости», а съ 1809 по 1820 г. министерство внутреннихъ дѣлъ издаетъ другую газету—«Сѣверная Почта». Затѣмъ замѣчательно изданіе—«Періодическія сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія» (1803—1809) и ежемѣсячный журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ: «Санктпетербургскій Журналъ» (1804—1809). Въ послѣднемъ изданіи помѣщались примѣчательнѣйшіе указы, доклады и отчеты министра внутреннихъ дѣлъ; неофиціальный отдѣлъ заключалъ въ себѣ переводы и сочиненія, относящіеся до государственнаго управленія. Въ этомъ журналѣ отражались всѣ прогрессивныя стремленія десятилѣтія. Подобнаго офиціальнаго изданія потомъ уже не повторялось.

9-го октября 1801 г. въ № 81 «Московскихъ Вѣдомостей» появилось слѣдующее объявленіе Карамзина: «Съ будущаго января 1802 года намѣренъ я издавать журналъ, по имени «Вѣстникъ Европы», который будетъ извлеченіемъ изъ двѣнадцати лучшихъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ. Литература и политика составятъ двѣ главныя части его. Первая часть украсится всѣми цвѣтами новыхъ произведеній ума и чувствъ въ Европѣ. Извлеченія изъ книгъ, повѣсти, любопытные анекдоты, разныя открытія въ искусствахъ

и наукахъ входятъ въ планъ сего отдѣленія. Политическія извѣстія будутъ сообщаемы въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ и какъ можно скорѣе. Для нашей словесности и критики назначается особливая статья». Успѣхъ журнала былъ до сихъ поръ въ Россіи неслыханный. Болѣе 1.200 подписчиковъ явилось на первый годъ, такъ что первая книжка въ скорости была напечатана вторымъ изданіемъ. «Вѣстникъ Европы» для журналистики русской былъ такимъ же двигателемъ впередъ, какимъ за одиннадцать лѣтъ оказался «Московскій журналъ», издававшійся тѣмъ же Карамзинымъ.

«Вѣстникъ Европы» издавался въ продолженіе 29 лѣтъ, съ 1802 по 1830 г. включительно. Съ 1815 по 1830 г. онъ находился подъ редакціей М. Т. Каченовскаго.

Но особаго идейнаго значенія журналъ не имѣлъ. Сладенькій оппортунизмъ, гуманность словъ и обхожденія при примиренности съ крутой сущностью порядка вещей—вотъ его направленіе. Какъ смотрѣлъ журналъ на рабство? Здѣсь-то сказывалось покладливое приспособленіе къ обстоятельствамъ, aurea mediocritas, которою руководился «пріятный» Карамзинъ. «Время подвигаетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетать его!.. Для истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ желаю единственно того, чтобы они имѣли добрыхъ господъ» («Письмо сельскаго жителя», № 17, 1803 г.). Особенно яркое явленіе въ журналистикѣ—это споръ «шишковистовъ» съ «карамзинистами», въ которомъ уже таится зародышъ знаменитаго спора «славянофиловъ» съ «западниками» въ 1840 годахъ.

Съ 1807 г. началась издательская дѣятельность Н. И. Греча, старѣйшаго журналиста XIX-го вѣка. Съ 1807 по 1809 г. онъ издавалъ «Геній Времени» вмѣстѣ съ Шредеромъ. Въ 1812 г. императоръ Александръ I призвалъ на русскую службу знаменитаго прусскаго государственнаго человѣка Штейна. Между прочимъ, Штейнъ внушилъ мысль воспользоваться журналистикой съ политическими цѣлями. «Нѣмецъ Гречъ избранъ

издателемъ, и еженедѣльно сталъ появляться Сынъ Отечества» (Записки Вигеля). Во всякомъ случаѣ Гречъ былъ «русскій нѣмецъ»; отецъ его, коллежскій совѣтникъ, «служилъ около тридцати лѣтъ съ честью и умеръ въ крайней бѣдности», какъ свидѣтельствуетъ баснописецъ А. Е. Измайловъ. «4-го октября незабвеннаго 1812 года, спаситель отечества и Европы, благословенный монархъ нашъ, по докладу бывшаго въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, покойнаго графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, высочайше утвердить соизволилъ планъ изданія Сына Отечества и черезъ нѣсколько дней пожаловалъ издателю на первоначальныя издержки тысячу рублей. Съ легкой руки добраго нашего государя новый журналистъ вскорѣ разжился: въ короткое время вышло три изданія первыхъ 12 книжекъ его журнала (т. е. съ октября 1812 г. по 1813 годъ. Каждый разъ печаталъ онъ по полузаводу, т. е. по 600 экземпляровъ); всѣ съ жадностью читали Сына Отечества, а богатые патріоты и подписывались на него» [1]).

«Сынъ Отечества» съ первой книжки помѣстилъ статью Арндта—извѣстнаго впослѣдствіи нѣмецкаго патріота, автора знаменитой пѣсни о «нѣмецкомъ Рейнѣ». Изъ русскихъ людей въ своемъ «Русскомъ Вѣстникѣ» велъ патріотическую пропаганду безкорыстнѣйшій и честнѣйшій энтузіастъ С. Н. Глинка. За оживленіемъ литературы и журналистики въ первое десятилѣтіе XIX-го вѣка послѣдовало затишье, наканунѣ 1820 г. превратившееся въ совершенный застой. Однако въ двадцатыхъ годахъ вновь началось довольно бурное движеніе.

«Наши обветшалые и заплѣсневѣлые журналы того времени и патріархъ ихъ «Вѣстникъ Европы», — говоритъ Бѣлинскій, — начали терять свое вліяніе и перестали со своими запоздалыми идеями быть оракулами читающей публики. Яви-

---

[1]) «Письмо къ редактору «Вѣстника Европы» М. Т. К. о праздникѣ по случаю десятилѣтія Сына Отечества. Спб. Пески, 5-го октября 1822 г.».

лась новая публика съ новыми потребностями. Въ Петербургѣ въ это время явилось нѣсколько дѣятельныхъ писателей, которые тотчасъ привлекли къ себѣ общее вниманіе. Долго «Сынъ Отечества» былъ тамъ единственнымъ, умнымъ, живымъ, во многомъ образцовымъ журналомъ; съ 1822 года явился «Сѣверный Архивъ», ученый, дѣльный журналъ отличавшійся литературнымъ характеромъ. При началѣ журнала, имя издателя его было совершенно неизвѣстно; но черезъ годъ или два имя Ѳ. В. Булгарина заслужило громкую извѣстность» (Записки Ксенофонта Полевого).

Въ 1823 году является «Полярная Звѣзда» — первый альманахъ, выведшій за собою цѣлую плеяду другихъ.

Двадцатые годы—эпоха расцвѣта юнаго генія Пушкина и борьбы «классицизма» съ «романтизмомъ» [1]).

Въ 1825 году сталъ выходить «Московскій Телеграфъ» Николая Полевого, при ближайшемъ участіи князя Вяземскаго, журналъ романтизма, отличавшійся энциклопедическимъ характеромъ и шириной, новостью, смѣлостью взглядовъ. Успѣхъ былъ выдающійся. Съ третьей книжки онъ печатался уже въ 1200 экземплярахъ — по тогдашнему времени чрезвычайно значительная цифра. Въ это время петербургскіе журналисты— Гречъ и Булгаринъ — предприняли изданіе газеты «Сѣверная Пчела» и расширили свои прежнія изданія: «Сынъ Отечества» и «Сѣверный Архивъ». Конечно, завелась журнальная перестрѣлка конкуррирующихъ издателей, оживившая литературу хотя бы скандаломъ и взаимной руганью.

Мы еще не имѣемъ научно-безпристрастной оцѣнки литературно-публицистической дѣятельности Ѳаддея Венедиктовича Булгарина (1789—1859). Съ 1822 по 1828 годъ онъ издавалъ «Сѣверный Архивъ», учено-историческій журналъ; съ

---

[1]) Подробную исторію этого десятилѣтія смотри въ нашей «Исторіи русской литературы XIX-го столѣтія», томъ первый, глава третья, стр. 232—292.

1823 по 1824—«Литературные Листки» и альманахъ «Талію»; съ 1825 по 1857 — газету «Сѣверная Пчела», окончательно прекратившуюся въ 1862 г. Долгое время онъ являлся, вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ (1787—1867), царемъ петербургской журналистики газетной.

Въ «Полярной Звѣздѣ» 1825 года, въ обозрѣніи словесности, А. Бестужевъ (Марлинскій) говоритъ:

«У насъ недоставало газеты для насущныхъ новостей, которая соединяла бы въ себѣ политическія и литературныя новости; гг. Гречъ и Булгаринъ дали ее—это «Сѣверная Пчела»; разнообразіемъ содержанія, быстротою сообщенія новизны, чередденнымъ выходомъ и самою формою она вполнѣ удовлетворяетъ цѣли». Грибоѣдовъ писалъ Булгарину 11 декабря 1826 г.: «Присылай мнѣ свою «Пчелу»... Здѣсь твои листочки такъ цѣнятся, что ихъ въ клочки рвутъ, и до меня не доходитъ ни строчки, хотя я членъ того клуба, который всякія газеты выписываетъ».

«Сѣверная Пчела» и является во всю вторую четверть XIX-го вѣка главнымъ органомъ газетной журналистики, наиболѣе читаемымъ.

Въ 1834 году вышла подъ редакціей Сенковскаго (знаменитый баронъ Брамбеусъ) первая книжка «Библіотеки для Чтенія» и пошла необыкновенно ходко, несмотря на пошлость содержанія, а, можетъ быть, потому именно.

Одновременно за непочтительный разборъ патріотической драмы Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла» былъ запрещенъ «Московскій Телеграфъ» Николая Полевого и кончился блестящій періодъ его публицистической дѣятельности. «Библіотека для Чтенія» достигла цифры 4.000 подписчиковъ. «Сѣверная Пчела» имѣла ихъ 2.500. А «Сынъ Отечества» въ тридцатыхъ годахъ былъ въ полномъ упадкѣ. Въ это же десятилѣтіе началась издательская дѣятельность А. Краевскаго, сначала «Литературными Прибавленіями къ Русскому Инвалиду». Января 1-го, 1839 года, вышла первая книжка «Оте-

чественныхъ Записокъ» Краевскаго, критикомъ которыхъ явился геніальный Бѣлинскій. Шесть лѣтъ трудовъ Бѣлинскаго и его друзей доставили журналу господство въ литературѣ, а также и прекрасное матеріальное положеніе (4.000 подписчиковъ). Его направленіе, содержаніе, духъ — все представляло высшій уровень русской образованности, насколько она могла только тогда проявляться въ литературѣ.

Въ 1846 году «измученный» Бѣлинскій разошелся съ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», А. А. Краевскимъ, и въ 1847 г. сталъ выходить пушкинскій и плетневскій «Современникъ» подъ новою редакціей И. И. Панаева и Н. А. Некрасова, гдѣ явились Григоровичъ, Герценъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій. Бѣлинскій, перешедшій въ этотъ журналъ, медленно гаснулъ. Въ 6-мъ часу 26-го мая 1848 года не стало великаго подвижника мысли, рыцаря литературной чести, имя котораго для XIX-го столѣтія является такимъ же символомъ русской гражданственности, какъ имя Радищева для XVIII-го.

IV.

Вотъ главнѣйшіе факты и даты исторіи русской журналистики за первую половину XIX-го столѣтія. Они почти ее исчерпываютъ, такъ въ сущности не богата была она явленіями, да и выдающимися личностями.

Главными дѣятелями печати—журналистами и издателями, въ этотъ періодъ были Карамзинъ, Н. И. Гречъ, М. Т. Каченовскій, Н. А. Полевой, Ѳ. В. Булгаринъ, О. Сенковскій, А. А. Краевскій, Н. А. Некрасовъ. «Вѣстникъ Европы», «Сынъ Отечества», «Сѣверная Пчела», «Московскій Телеграфъ», «Библіотека для Чтенія», «Отечественныя Записки», «Современникъ»—изданія, далеко не равноцѣнныя, конечно, въ литературномъ и просвѣтительномъ отношеніи, но всѣ имѣвшія прочный успѣхъ, значительное по времени число подписчиковъ. Мы видимъ, что въ

этотъ періодъ журналу принадлежало главенствующее положеніе въ литературѣ и газета еще представляла нижній этажъ, почти подвалъ, темный и душный, нашей литературы, гдѣ квартировалъ со своимъ особеннымъ «запахомъ» Ѳаддей Булгаринъ.

И всего ярче характеризуютъ эту эпоху и русскій журналъ, и русскую газету первой половины XIX-го столѣтія, именно два полюса русской литературы - свѣтлая личность Бѣлинскаго и темная личность Булгарина. Дѣло въ томъ, что журналъ, какъ имѣвшій дѣло съ болѣе образованной частью общества, подвергался одному только гнету цензуры. Журналъ рѣзали, чиркали, обезсвѣчивали, но, вынося гнетъ цензуры, писатель здѣсь не терялъ своей независимости. Газету же читаетъ толпа, газета живетъ злобой дня. И вѣрный инстинктъ подсказывалъ цензурѣ, что если предоставить газетѣ свободу, она будетъ имѣть гораздо сильнѣйшее вліяніе на общество, чѣмъ мѣшкотный журналъ. Во главѣ ежемѣсячнаго журнала, безопаснаго именно высотою своихъ идей и интересовъ, занятаго вопросами науки, искусства, отвлеченными задачами, а потому доступнаго только сливкамъ общества, при «предварительной» цензурѣ можно было оставить Виссаріона Бѣлинскаго. Но во главѣ ежедневной газеты, во главѣ «Пчелки», залетавшей во всѣ трактиры, «которую почитывали» русскія бородки и чуйки, читала улица, читала глухая провинція, читали въ полкахъ, читали и въ лакейскихъ, можно было допустить одного только Ѳаддея Булгарина.

Эти двѣ личности, какъ въ двухъ фокусахъ, соединили всю свѣтлую и всю темную стороны русской печати первой половины XIX-го вѣка. Въ одномъ свободный, неподкупный, но заваленный могильной плитой цензурнаго гнета, вѣщій духъ ея: въ другомъ—лакейскій «запахъ» подлаживанія и прихвостничества.

Это— журналъ для немногихъ, газета для толпы. Будь у насъ начало книгопечатанія, Бѣлинскаго только бы переписы-

вали, а печатали бы одного Булгарина. Впрочемъ, это и было во вторую половину царствованія Александра I, когда вся настоящая литература стала рукописной.

Принципы, которыми руководился Бѣлинскій, которымъ не могъ не слѣдовать, по сущности природы своей, стали завѣтомъ для всей русской литературы, закономъ писательской чести.

«Со всею охотою готовъ... принять на свою отвѣтственность разборы всѣхъ литературныхъ произведеній; только почитаю долгомъ объясниться съ вами насчетъ одного пункта, очень для меня важнаго... я желаю сохранить вполнѣ свободу моихъ мнѣній и ни за что въ свѣтѣ не рѣшусь стѣснять себя какими бы то ни было личными или житейскими отношеніями». «Давно не писалъ, руки чешутся, и статей въ головѣ много шевелится» [1]).

«Я никакъ не могу согласиться не подписывать своего имени или не означать моихъ статей какою бы то ни было фирмою—нолемъ, зетомъ или чѣмъ вамъ угодно—потому что, не любя присвоивать себѣ ничего чужого, ни худого, ни хорошаго, я не уступаю никому моихъ мнѣній, справедливы или ложны они, хорошо или дурно изложены... Еще одно: если я буду рецензентомъ, я готовъ преслѣдовать при каждомъ удобномъ случаѣ Сенковскаго, Греча и Булгарина, но только какъ людей вредныхъ для успѣховъ образованія нашего отечества, а не какъ литературную партію... Судя по первымъ №№ Литературныхъ Прибавленій и по впечатлѣнію, которое они произвели на Москву, г-ну Плюшару нельзя ожидать и тысячи подписчиковъ. Въ журналѣ главное дѣло направленіе, и направленіе вашего журнала можетъ быть совершенно справедливо, но публика требуетъ совсѣмъ не того, и мнѣ очень прискорбно видѣть, что Библіотекѣ опять остается широкое раздолье, что эта литературная чума, зловонная зараза, еще съ

[1]) Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1889 г. Спб. 1893 г. Бѣлинскій—Краевскому отъ 14-го января 1837 г.

большею силою будетъ распространяться по Россіи... Вы не можете себѣ представить, что такое Москва: въ ней негдѣ *строки* помѣстить, и нельзя копейки выработать перомъ».

Сообщивъ петербургскому издателю, что въ Москвѣ «*копейки* нельзя выработать перомъ», Бѣлинскій совершенно спокойно продолжаетъ:

«Мнѣ будетъ очень грустно, если вашъ отвѣтъ покажетъ мнѣ, что я не сотрудникъ вашего журнала, потому что Богъ наказалъ меня самою задорною охотою высказывать свои мнѣнія о литературныхъ явленіяхъ и вопросахъ, да и внѣшнія *мои* обстоятельства очень плохи во всѣхъ отношеніяхъ, но, по моему мнѣнію, не только лучше молчать и нуждаться, но даже и сгинуть со свѣту, нежели говорить не то, что думаешь, и спекулировать на свое убѣжденіе. Бѣдный Пушкинъ! вотъ чѣмъ кончилось его поприще!» [1]).

Бѣдствія Бѣлинскаго достигаютъ вершины въ мартѣ 1841 г., когда онъ писалъ Краевскому:

«Мнѣ нельзя будетъ переѣхать на новую квартиру. Отъ старой я боленъ—давлюсь кашлемъ, исхожу мокротою, ибо и съ чаемъ, и со щами ѣмъ алебастровую пыль. Какое дѣйствіе произвела на меня очевидность не получить нужной мнѣ суммы, о которой я вамъ писалъ,—не говорю: это спокойствіе отчаянія... Я теперь въ такомъ положеніи, о которомъ лучше думать съ самимъ собою, а другимъ нечего и говорить».

Но нищета не можетъ покорить свободный духъ подвижника русской мысли. Нѣтъ и соблазновъ, могущихъ его прельстить. Такъ, въ 1843 году онъ пишетъ:

«Недавно получилъ я предложеніе отъ одного богатаго и притомъ очень порядочнаго человѣка: онъ проситъ меня, какъ объ одолженіи, чтобы я поѣхалъ съ нимъ на два года за границу въ его экипажѣ и взялъ бы отъ него шесть тысячъ за эти два года. Предложеніе соблазнительно и часа два я былъ

---

[1]) 4-го февраля 1837 г.

въ лихорадкѣ отъ него; но тѣмъ, разумѣется, дѣло и кончилось... видитъ око, да зубъ нейметъ; хороша клубничка, да жена сторожитъ. А жена эта — старая, кривая, рябая, злая, глупая старуха, словомъ, расейская литература, чортъ бы ее съѣлъ, да и подавился бы ею. Другой, на моемъ бы мѣстѣ, чтобъ только отъ нея убѣжать, бросился бы хоть въ киргизскія степи, а я—Донъ-Кихотъ нравственный, отказываюсь отъ поѣздки въ Италію, Францію, Германію, Голландію, на Рейнъ и проч., отказываюсь отъ чудесъ природы, искусства, цивилизаціи, отъ здоровья... Такова уже моя натура».

V.

«Если журналъ—поле, то онъ удобряется хорошимъ, а не навозомъ ослинымъ, какъ обыкновенныя поля»,—говоритъ Бѣлинскій въ 1839 году.

Но кухмистеръ жирной ежемѣсячной стряпни, Сенковскій, и поставщикъ ежедневной, столь же пикантной стряпни, Булгаринъ, держались воззрѣнія обратно противоположнаго.

Наивысшаго успѣха «Сѣверная Пчела» достигла въ пятилѣтіе 1850 — 1855 годовъ, во время севастопольской катастрофы. Въ письмахъ этого времени Булгарина къ П. С. Усову онъ выясняетъ всѣ свои руководящія начала.

«Механика журнала,—говоритъ Ѳаддей,—какъ кухня, не должна быть видна».—«Газета! Помните, что «Пчела» газета!.. Большинство публики любитъ легкое».—«При недостаткѣ политики «Пчелу» можно поддержать только литературною и оригинальною болтовнею».—«Надобно разнообразить иностранную скуку своимъ дрянцомъ и какими-нибудь разсказами».—«Помните, что заглавіе иногда, и даже часто, замѣняетъ дѣло». «Заглавія», «дрянцо», «болтовня», «легкое», «кухня»... какъ видимъ, «ослиный навозъ» въ полномъ ходу!

Еще характернѣе разсужденія Ѳаддея о политикѣ:

«Николай Ивановичъ Гречъ ничего не любитъ, что не пахнетъ Парижемъ и не смердитъ Берлиномъ, а для меня весьма интересны замѣтки даже о варшавскомъ театрѣ... Вы имѣли довольно времени узнать Николая Ивановича. Это честнѣйшій, благороднѣйшій, добрый, умный, свѣдущій человѣкъ, первый въ мірѣ знатокъ русскаго языка, но онъ человѣкъ, въ полномъ смыслѣ слова, кабинетный, и притомъ съ кабинетными привычками, превратившимися въ кабинетную натуру. Практической жизни онъ не знаетъ и не любитъ. Отмѣтитъ политику, переведетъ самъ, что нужно, пожалуй, и напишетъ что-нибудь, когда придетъ охота, но бѣгать, хлопотать, собирать матеріалы и проч., безъ чего не можетъ существовать ежедневная газета, — онъ не въ состояніи, хотя бы ему обѣщали на землѣ милліоны червонцевъ и царство небесное по смерти. Въ жизни надобно брать дѣла и людей такъ, какъ они есть!»

«Публика наша любитъ только тогда политику, когда въ политикѣ таскаютъ другъ друга за волосы и бьютъ по рылу. Абстрактивной политики, восхищающей Николая Ивановича, публика не любитъ и не понимаетъ».

Отъ 16-го марта 1852 года: «Посылаю табличку выигрышей... Велите немедленно набрать... Подобныя извѣстія, какъ огонь, важны, когда новы и когда напечатаны у насъ первыхъ. Вотъ дѣло газетчика! Я уже трое сутокъ караулилъ у Юнкера».

«Въ «Пчелѣ» тщательно перепечатываются изъ «Journal de St.-Pétersbourg» надежды и увѣренія, что не будетъ войны съ Турціею. Эти надежды и увѣренія въ сохраненіи мира чрезвычайно вредны для «Пчелы». При каждомъ объявленіи войны прибывало по 1.500 и 2.000 подписчиковъ... Пока была война 1812—1814 годовъ, «Сынъ Отечества», издаваемый Гречемъ, имѣлъ нѣсколько тысячъ подписчиковъ. Послѣ войны... съ чѣмъ-то 600... Только надежды на войну могутъ поддержать насъ въ надеждѣ на подписчиковъ; это вѣрно, какъ аминь въ молитвѣ». Однако, нельзя не отмѣтить, что Ѳаддей былъ не

чуждъ и весьма благородныхъ движеній души. Такъ, 12-го мая 1852 г. онъ писалъ: «Признаюсь, что цензура имѣла сильное вліяніе на быстрое развитіе моей болѣзни, которая едва, едва не свела меня въ могилу. Стыдно сказать, а въ душѣ еще не замерла юность... Статья о грамматикѣ Давыдова (Ив. Ив. члена русскаго отдѣленія академіи наукъ, котораго Никитенко называетъ «великимъ ловцемъ» чиновъ, орденовъ, пенсій и прочихъ благъ) запрещена княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ (министромъ народнаго просвѣщенія). Стыдъ и униженіе, что Россіею управляетъ Шихматовъ, вопреки высочайше утвержденному цензурному уставу, что намъ и пикнуть нельзя, что насъ учатъ люди безграмотные — все это перевернуло во мнѣ натуру вверхъ дномъ. Я сѣлъ на дрожки и едва доѣхалъ до Пассажа; меня вырвало три раза желчью».

Въ 1854 г. впервые «Сѣверная Пчела», по обилію военнаго и политическаго матеріала, стала выходить почти ежедневно въ 1½ и 2 листа, то-есть давать читателямъ 6 и 8 страницъ текста. Булгаринъ недоволенъ былъ потому, что расходы на печатаніе увеличились, а Гречъ (въ типографіи котораго печаталась газета) потому, что вечеромъ увеличилась корректурная работа. Отъ расширенія газеты число подписчиковъ стало прибывать тысячами и дошло до 9.000, небывалой еще цифры. Оба издателя успокоились.

Въ началѣ 1857 г. параличъ поразилъ правую сторону организма Булгарина. Въ теченіе всего 1858 г. Булгаринъ помѣстилъ въ газетѣ только 6 фельетоновъ, а въ 1859 г. только одинъ. Въ № 235 (25-го октября 1858 г.) онъ писалъ въ фельетонѣ: «тридцать четыре года я работалъ, споткнулся и боленъ». Въ № 190 «Сѣверной Пчелы» (4-го сентября 1859 г.) появилось слѣдующее извѣстіе: «1-го сентября, въ шесть часовъ пополудни, скончался въ Дерптѣ извѣстный нашъ писатель, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, на семьдесятъ первомъ году отъ роду». И все.

Въ 1855 г. каждый изъ издателей «Пчелы» получалъ на

свою долю по 24.000 р. с. чистаго дохода отъ газеты. Въ 1859 г. число подписчиковъ значительно сократилось, уменьшаясь постепенно съ 1856 г., со времени заключенія Парижскаго мира. При сведеніи счетовъ по окончаніи 1859 г., когда Ѳ. В. Булгаринъ уже лежалъ въ землѣ, чистой прибыли отъ изданія вовсе не оказалось. «Пчела» умерла съ Булгаринымъ, провлачивъ жалкое существованіе до 1862 г.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

I.

Идейная борьба «карамзинистовъ» съ «шишковистами» въ началѣ XIX-го столѣтія; «романтиковъ» съ «классиками» въ двадцатыхъ годахъ; «гегельянцевъ» съ «фурьеристами» въ тридцатыхъ; «западниковъ» съ «славянофилами» въ сороковыхъ—вотъ главнѣйшія движенія мысли въ первой половинѣ столѣтія. Все идейное содержаніе литературы и печати того времени почерпалось изъ основныхъ началъ этихъ антитезъ. Конечно, идейнымъ движеніямъ соотвѣтствовало и нѣчто въ текущей русской дѣйствительности.

Въ XVIII столѣтіи идейная борьба, почти съ тожественнымъ содержаніемъ, шла почти безусловно внѣ періодической печати. При Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ ареной этой идейной борьбы явилась проповѣдническая каѳедра. Сторонникъ церковно-культурной старины, «шишковистъ» и «славянофилъ» XVIII вѣка, Стефанъ Яворскій, и защитникъ реформъ и прямо создатель ихъ въ церковной области, «поборникъ и провозвѣстникъ великихъ трудовъ и преславныхъ дѣлъ обновителя и просвѣтителя Россіи, Петра Великаго», Ѳеофанъ Прокоповичъ, проводили свои идеи, главнымъ образомъ, въ своихъ

проповѣдяхъ, которыя еще недостаточно изучены съ этой точки зрѣнія[1]).

Затѣмъ споръ о старомъ и новомъ переходитъ въ область исторіографіи (Щербатовъ, Болтинъ).

Собственно въ литературѣ «старина» и «новизна» послужили идейному выраженію у двухъ нашихъ великихъ сатириковъ XVIII столѣтія — Кантемира и Фонвизина. Кантемиръ— ярый сторонникъ просвѣтительныхъ начинаній Петра Великаго, часто въ своихъ сатирахъ перекладывавшій въ силлабическія вирши характерныя мѣста проповѣдей Ѳеофана Прокоповича, своего наставника и друга. У Фонвизина находимъ своеобразную струю «стародумства», идеи о самобытности и вредѣ излишка слѣпой и внѣшней подражательности.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія эти идейные эмбріоны развились въ глубокую, обширную антитезу, при чемъ мы видимъ постепенность въ ея выраженіи, отъ поверхностнаго, въ спорѣ «шишковистовъ» съ «карамзинистами», до философски и научно обоснованнаго въ «славянофильствѣ» и «западничествѣ» 40-хъ годовъ. При первомъ взглядѣ, споръ Шишкова съ послѣдователями Карамзина, Макаровымъ и Дашковымъ, кажется споромъ о словахъ, о старомъ и новомъ «слогѣ», о неологизмахъ и архаизмахъ, о чистотѣ языка, о стилистикѣ. Но самая страстность этого спора доказываетъ, что подъ словами «слогомъ» и «стилемъ» таилась, едва съ поверхности пока затронутая, но глубокая жизненная суть. Славянскій языкъ, церковныя книги, лѣтописи, акты, народный языкъ и русскія пѣсни—вотъ что проповѣдывалъ Шишковъ. Въ этомъ отношеніи онъ шелъ по слѣдамъ англійскихъ и нѣмецкихъ романтиковъ 60-хъ годовъ XVIII столѣтія. «Карамзинисты» же были ярыми послѣдователями «L'Art poétique» Буало. «Карамзинисты», но не самъ Карамзинъ, на котораго идеи Шишкова произвели глу-

---

[1]) До 200 проповѣдей Яворскаго остается въ рукописныхъ [illegible]кахъ въ архивахъ синода.

бокое впечатлѣніе, въ «Исторіи государства Россійскаго» давній языкъ, обновленный и обогащенный языкомъ русской лѣтописной и актовой старины, какъ Крыловъ въ своихъ басняхъ далъ языкъ, обогащенный народнымъ говоромъ.

Шишковъ былъ романтикомъ, человѣкомъ новыхъ идей, а у насъ прослылъ ретроградомъ. Впрочемъ, и на западѣ романтизмъ уживался порою съ ретроградствомъ, такъ какъ проповѣдывалъ возвращеніе къ національной старинѣ, гдѣ далеко не все было свѣтлымъ и живымъ.

Что идеи Шишкова были въ связи съ идеями нѣмецкихъ романтиковъ, доказываетъ слѣдующая цитата изъ полемическаго «Прибавленія» къ «Разсужденію о старомъ и новомъ слогѣ».

«Онъ (издатель «Московскаго Меркурія») говоритъ: наши старинныя книги не сообщаютъ красокъ для роскошныхъ будуаровъ Аспазіи, для картинъ Виландовыхъ, Мейснеровыхъ или Доратовыхъ. Очень хорошо. Но откуда-жъ возьмемъ мы сіи краски, есть-ли не научимся составлять ихъ изъ прежде бывшихъ красокъ? Есть-ли Виландовы, Мейснеровы, Доратовы картины хороши, такъ это отъ того, что они учились писать ихъ. Мейснеръ читаетъ нечаянно попавшуюся ему, забытую всѣми старинную книгу, называемую: шестъ сотъ двадцать семь повѣстей о шутливыхъ рѣчахъ и бранныхъ словахъ придворнаго балагура Клауза».

«Пріятель Мейснеровъ, нашедъ его упражняющагося въ чтеніи сей книги, спрашиваетъ у него: какъ можетъ онъ читать такой вздоръ? Мейснеръ отвѣчаетъ: можетъ быть, усмотрю я здѣсь первое основаніе нѣкоторыхъ славныхъ вымысловъ; найду нѣсколько хорошихъ несправедливо забытыхъ выраженій, соберу нѣкоторыя свѣдѣнія о тогдашнемъ образѣ мыслей саксонцевъ. (Vielleicht das ich hier den ersten Grund manches berühmen Einfalls ausschürfe; manche gute unrechtmässig vergessne Redensart auffinde; manchen beitrag zur denkart der damaligen Sachsen Samle (Meisner's Skizzen). Господинъ Меркурій, не знаю,

по какому праву, отъ лица всѣхъ нынѣшнихъ писателей кричитъ: мы не хотимъ читать старинныхъ русскихъ книгъ; мы хотимъ быть Виландами, Мейснерами, Доратами! Государи мои! Я отъ истиннаго сердца желаю вамъ сего, но не вижу къ тому никакой надежды: Мейснера даже и въ Клаузахъ ищутъ, нѣтъ ли чего такого, что изъ нихъ почерпнуть можно; а вы даже и въ сокровищахъ словенскаго языка ничего добраго не находите».

Здѣсь Шишковъ прямо опирается на примѣръ и авторитетъ нѣмецкихъ романтиковъ, обращавшихся къ готической старинѣ въ поискахъ «нѣмецкаго духа» и «нѣмецкаго вкуса». Высказывая свѣтлыя и передовыя идеи романтизма, Шишковъ, однако, всей своей угловатой фигурой смотрѣлъ въ сторону удушливаго ретроградства. Провозвѣстникъ романтической теоріи въ Россіи, приходившей на смѣну картезіанству и Буало, онъ не былъ узнанъ молодежью, которая устремлялась за Карамзинымъ и понимала его литературную реформу именно въ смыслѣ «чистки» языка и вкуса по правиламъ «L'art poétique».

Въ полномъ видѣ теоріи романтиковъ сталъ въ 20-хъ годахъ проповѣдывать Николай Полевой. Но такъ какъ онъ проникнутъ былъ прогрессивными стремленіями, то онъ свѣтло, молодо и либерально сказалъ то, что за четверть вѣка до него старчески, угрюмо и ретроградно высказывалъ уже Шишковъ. Теперь, обращаясь отъ Картезіи и Буало, отъ Версаля и Тріанона, отъ гуманистовъ двора Людовика XIV-го, отъ литературной конституціи парижской «республики письменъ» XVII и XVIII столѣтій, Полевой проповѣдывалъ изученіе романской и готической старины, восточнаго фольклора древнихъ, въ подлинномъ ихъ видѣ, онъ защищалъ перваго польскаго романтика Адама Мицкевича отъ нападокъ заскорузлой классической варшавской критики. Но, будучи западникомъ, «телеграфомъ» передовыхъ идей парижскихъ главарей романтической реформы и манифестовъ Виктора Гюго, Николай Полевой мало обращалъ вниманія на русскую родную старину, на романтику

лѣтописей, актовъ, русскихъ пѣсенъ, на родной «фольклоръ». Напротивъ, смутность идей Николая Полевого была настолько велика, что, будучи «романтикомъ», онъ однако выражалъ такое отрицательное отношеніе хотя бы къ народной поэзіи, какое впору самому заядлому «версальцу». Вотъ воззрѣніе журнала Полевого на общій ходъ литературъ: «Сперва появляются народныя пѣсни, сказки—дѣтскія игрушки ума. Затѣмъ съ дальнѣйшимъ образованіемъ народа появляется схоластика и порывъ подражать древнимъ: время огромной эпопеи, пустой драмы, громкой оды, плаксивой, напѣвающей о Хлояхъ и Дафнисахъ, элегіи и пѣсни. Это время было у французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ... Наконецъ настаетъ время истинной поэзіи и въ стихахъ, и въ прозѣ: третій періодъ. Тутъ опредѣляется литературный характеръ народа. Романтизмъ выкликаетъ на путь истинный». Въ журналѣ Полевого «романтизмъ» никогда не былъ точно опредѣленъ. Это былъ какой-то вѣщій талисманъ, символъ всего живого, свѣтлаго, свободнаго. Но что такое «романтизмъ» — самъ Полевой плохо отдавалъ себѣ отчетъ. Романтизмъ въ 40-хъ годахъ выразился полнѣе, во-первыхъ, въ славянофильствѣ, гдѣ шло изученіе русской церковно-исторической старины; во-вторыхъ, въ «панславизмѣ», который интересовался судьбами, бытомъ и стариной западныхъ и балканскихъ славянъ; въ-третьихъ, въ «окраинофильствѣ», въ увлеченіи малорусской и польской литературами; въ-четвертыхъ, въ «народничествѣ», которое получило у Бѣлинскаго наименованіе «натуральной» школы. Въ самомъ дѣлѣ, «Записки охотника» Тургенева, пѣсни Некрасова, повѣсти Григоровича изъ крестьянскаго быта—всѣ эти казовыя произведенія «натуральной школы»—не что иное, какъ начало направленія, позднѣе получившаго наименованіе «народничества». А гдѣ же «западничество»? Въ сущности наши «западники» были такіе же романтики, какъ и «славянофилы». Бѣлинскій оставался до конца романтикомъ, въ эпоху даже ультра-реальнаго направленія.

Если въ XVIII-мъ вѣкѣ мы видимъ, что печать является созданіемъ прямо Петра и Екатерины, то въ первой половинѣ XIX вѣка она почти уже не служитъ цѣлямъ государственной власти. Она является силой, страстно жаждущей свободы и полной независимости, своецѣльности. Екатерина испугалась поднятаго ею самою литературнаго движенія и учредила цензуру. Въ царствованія Александра I-го и Николая I-го, за вычетомъ либеральнаго начала вѣка, печать являлась единственно предметомъ опасеній и не выходила изъ состоянія заподозрѣнности. Постепенно цензура становилась все суровѣе, все безпощаднѣе. Видимо, государство убѣждается, что въ той роли, которую литературѣ и печати отводили Петръ и Екатерина, въ роли слуги и исполнителя предначертаній власти, эта область по преимуществу свободнаго духа народнаго, разъ выйдя изъ зависимости, уже никогда не будетъ. Но признать эту свободную силу народной мысли, общественнаго самосознанія и мнѣнія государство еще не можетъ рѣшиться. Заключить съ этой свободной, нравственной и духовной силой «мирное докончаніе» государство не желаетъ, находя въ этомъ какое-то униженіе полнотѣ своего значенія, а главное, питая неосновательныя опасенія въ разрушительномъ дѣйствіи свободнаго слова и мысли. Конечно, эта сила должна была дѣйствовать разрушительно на крѣпостной строй Россіи. Она его и разрушала, обличая, несмотря на цензуру, и воспитывая гуманныя чувства въ лучшей части русскаго общества.

Притязанія литературы на безусловную свободу сердца и духа, а печати на совершенную независимость сужденія казались дерзостью. Тѣмъ болѣе, что силы государственной власти были безконечны, а литература представлялась хилой, бѣдной, напоминала свѣточъ на сквозномъ вѣтру, факелъ въ бурную ночь. Одинъ порывъ вѣтра, и это шатающееся, трепещущее пламя угаснетъ. Но почему же тогда эти титаническія усилія государства подавить литературу и печать и обезопасить отъ нихъ общество? Кромѣ громаднаго центральнаго учрежденія,

цензуруютъ всѣ вѣдомства, и надъ всѣми ими бодрствуетъ особый «негласный комитетъ». И все же, подъ гнетомъ, стертая, замученная литература живетъ, дышитъ и гордо остается свободной. Ее нельзя подкупить. Ее нельзя и подавить. Въ цѣпяхъ, въ терновомъ вѣнцѣ, она сохраняетъ осанку царицы, потому что мысль и есть царица міра. Она непобѣдима и эту непобѣдимость еще въ 20-хъ годахъ провозглашалъ юный московскій «любомудръ» въ «Мнемозинѣ»: «Вѣрьте мнѣ или не вѣрьте, духъ времени на полетѣ къ немнимой цѣли своей, какъ бы дожидается въ нѣкоторыхъ людяхъ, одаренныхъ свыше, минуты тѣлеснаго ихъ развитія и вдругъ, когда даже сами они не замѣчаютъ того, какъ быстрое пламя, мгновенно возникаетъ въ нихъ,—производитъ бури душевныя и далеко уноситъ изъ прежняго ихъ тѣснаго круга».

II.

Севастополь и начало возрожденія русскаго общества всегда будутъ сливаться въ нашемъ воображеніи. Севастополь съ его героями-защитниками показалъ, и чего достоинъ русскій человѣкъ, и чего у него нѣтъ. Онъ оказался достоинъ лавровъ, достоинъ самой высокой гражданственности, самаго глубокаго уваженія къ его человѣческому достоинству, непоколебимый, умѣющій умирать и не умѣющій сдаваться. А что у него было? Ничего не было. Не было естественнѣйшихъ человѣческихъ правъ, первенствующее между которыми—право мыслить свободно. Мысль, слово — неотъемлемыя принадлежности человѣка. Это не прерогатива. Это то, безъ чего человѣкъ—не человѣкъ. Страшныя послѣдствія духовнаго гнета, окостенѣлаго молчанія, атрофіи общественнаго мышленія предстали во-очію. Крѣпостной строй представлялъ во всѣхъ частяхъ своихъ какую-то груду гноя. Однако, не вдругъ, мало-по-малу, поднялась свинцовая крышка, подъ которую упрятали печать и ли-

тературу. Печать естественно, въ силу потребностей исторической минуты, стала говорить смѣлѣе и смѣлѣе. Оживленіе издательской дѣятельности во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, особое «обличительное» направленіе, которое тогда воцарилось, останется всегда свѣтлымъ воспоминаніемъ въ русской журналистикѣ. Катковъ со щедринскими «Губернскими Очерками» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а въ Петербургѣ «Современникъ» съ Добролюбовымъ и Чернышевскимъ, за границею— Герценъ съ «Колоколомъ».

Этотъ первый періодъ возрожденія мысли и слова завершился великимъ актомъ 19-го февраля 1861 года — освобожденіемъ рабовъ. То, что составляло еще съ середины XVIII вѣка завѣтную мечту всѣхъ лучшихъ людей Россіи, совершилось! Дѣло, за которое заплатилъ жизнью Радищевъ, безповоротно, наконецъ, совершилось! Роль печати русской въ ея долгой борьбѣ за освобожденіе, когда выступали фаланги писателей, связанныхъ единой «ганнибаловой клятвой», ненавистью къ проказѣ крѣпостничества, жаждой свободы для многострадальнаго русскаго крестьянина, роль печати въ подготовленіи реформы, въ воздѣйствіи на общество — самая свѣтлая и прекрасная страница въ исторіи русской литературы протекшаго двухсотлѣтія.

Изъ реформы 19-го февраля, сами собой, логически и неотвратимо слѣдовали остальныя реформы — земство, судебная, городского самоуправленія и т. д.

Въ 60-хъ годахъ и совершились подготовка и осуществленіе этихъ реформъ. Тогда возникаютъ первыя газеты, достойныя названія органа общественной мысли—«Московскія Вѣдомости» Каткова, «С.-Петербургскія Вѣдомости» Вал. Корша и «Голосъ» Краевскаго. Именно, съ начала 60-хъ годовъ начинается развитіе газетной журналистики. Газета является могучимъ воздѣйствіемъ на умы, орудіемъ прогресса и просвѣщенія.

Мы не находимъ нужнымъ вдаваться здѣсь въ детальное

выясненіе отношеній печати 60-хъ годовъ къ государственной власти и цензурѣ, такъ какъ мы только что это сдѣлали въ другихъ нашихъ статьяхъ [1]).

Но должно признать, однако, что газета все же стала въ пореформенное время въ нѣсколько особое отношеніе къ правительству, чѣмъ ежемѣсячный, «толстый» журналъ. До 1861 г. во главѣ газеты могъ стоять только Ѳаддей Булгаринъ, послѣ 1861 г.—Валентинъ Коршъ. Ежедневная пресса перешла въ руки настоящихъ литераторовъ. Газета перестаетъ щедро удобряться «ослинымъ навозомъ», а привлекаетъ серьезнѣйшія силы. Газета понимаетъ теперь всю свою отвѣтственность предъ страной. Тѣмъ не менѣе, какъ ни либерально было правительство Александра II, оно не могло не потребовать, въ особенности отъ первенствующей въ дѣлѣ управленія общественнымъ мнѣніемъ, большой ежедневной газеты извѣстныхъ гарантій «благонамѣренности». Газета какъ бы вступила въ извѣстный договоръ съ правительствомъ. Являлась отраженіемъ воззрѣній петербургской бюрократіи. Безъ извѣстной доли приспособленія къ правительству никакая газета не продержалась бы. Доколѣ правительство было воодушевлено реформами, это приспособленіе не лишало органы свободы, потому что они при этомъ служили реформамъ. Но въ годину реакціи эта доза приспособленія становилась компромиссомъ... Не унижая такихъ органовъ 60-хъ годовъ и первой половины 70-хъ годовъ, какъ «Голосъ» и «С.-Петербургскія Вѣдомости», которые честно послужили родинѣ и группировали около себя замѣчательныхъ публицистовъ, мы всетаки полагаемъ, что Бѣлинскій не могъ бы въ нихъ работать, не нашелъ бы полнаго простора своему духу. Покладливость газетной публицистики создала извѣстный modus vivendi къ 70-мъ годамъ, послѣ того какъ были запрещены «Русское Слово» и «Современникъ», и данная

---

[1]) «Цензура эпохи великихъ реформъ». Въ сентябрьской—декабрьской книжкахъ «Историческаго Вѣстника» за 1902 годъ.

въ 1865 году министромъ Валуевымъ «свобода печати» привела къ полному почти ея истребленію.

Журналъ по самой техникѣ своей не можетъ имѣть того властнаго воздѣйствія на массоваго читателя, какъ газета. Журналъ выходитъ разъ въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ газета ежедневно поражаетъ умы читателей и говоритъ по поводу насущныхъ вопросовъ, злобы дня, близкой каждому. Но тѣмъ важнѣе именно въ области газетной публицистики широкая независимость. Доля приспособленія и покладливости, безъ которыхъ у насъ не могъ обойтись ежедневный органъ даже въ самыя либеральныя эпохи, такъ какъ безъ компромисса онъ немедленно погибалъ, является болѣзненной бациллой русской газетной публицистики. При всемъ уваженіи, которое умѣли внушить къ себѣ газеты 60-хъ годовъ, все же въ душѣ читателя оставался нѣкоторый осадокъ. Газета не договаривала, газета присѣдала, газета молчала, когда надо было говорить, газета вѣчно балансировала между Сциллой и Харибдой. Поэтому русская газетная публицистика не могла занять того почетнаго положенія, какого по своимъ стремленіямъ заслуживала бы, какъ печать истинно патріотическая и одушевленная началами добра и чести.

Изъ такого подчиненнаго положенія русская ежедневная печать могла бы выйти лишь въ томъ случаѣ, еслибы въ самомъ русскомъ обществѣ достаточно скопилось сознательности, и организовались бы опредѣленныя партіи съ строгими программами и принципами. Чувствуя за собою силу партіи, представляя всѣ оттѣнки мысли, всѣ направленія политическія, газеты могли бы принять достойный себя тонъ безусловной независимости. Но печать и въ XX вѣкъ перешла при томъ же малосознательномъ читателѣ, чуждомъ пониманія своихъ нравственныхъ обязательствъ предъ писателемъ.

Въ теченіе всей второй половины XIX вѣка мы видимъ, что наиболѣе вліятельныя и распространенныя газеты являлись какъ бы равнодѣйствующими различныхъ теченій. Audiatur et

altera pars — являлось ихъ основнымъ принципомъ. Это обсужденіе съ самыхъ противоположныхъ, часто взаимно исключающихъ точекъ зрѣнія каждаго вопроса имѣло бы смыслъ при существованіи рядомъ партійныхъ органовъ и еслибы было вполнѣ свободно. Но нѣтъ, это являлось сущностью договора газеты съ разрѣшающей ее государственной властью, условіемъ, при которомъ только газета терпѣлась. Нельзя не признать, что эта вынужденная энциклопедичность, эта вѣчная «контроверзія», это самоподкапываніе, это пресловутое audiatur et altera pars, ослабляло воздѣйствіе на умы и волю общества, питая болѣе его любознательность, чѣмъ побуждая его къ работѣ въ опредѣленномъ направленіи. Эти вѣчныя «контроверзіи» неминуемо придавали газетамъ двуличный, іезуитскій характеръ, развивали въ нихъ шаткость и неустойчивость мнѣній и направленій съ одной стороны, а съ другой— дѣлали ихъ общіе заключительные выводы крайне безцвѣтными, безкровными, лишенными энергіи безконечными оговорками, какими-то предсѣдательскими «резюме» бюрократической комиссіи.

Въ началѣ 60-хъ годовъ въ газетахъ впервые являются «ежедневныя обозрѣнія», иначе называемыя «передовыми статьями», и нарождается особый типъ журналиста-«передовика» (въ 1863 г.).

Щедринъ изображаетъ идеальный типъ такого «передовика» 60-хъ и 70-хъ годовъ, продирающагося сквозь колючія дебри нетерпимости со своимъ выстраданнымъ словомъ. Кучка литераторовъ провожаетъ гробъ почившаго журналиста и бесѣдуетъ о томъ, что у каждаго наболѣло въ душѣ:

«О литература! о змѣя-мачеха всѣхъ этихъ отщепенцевъ! ты, постылая! ты, напояющая оцтомъ и желчью сердца своихъ дѣятелей, ты, ты была предметомъ ихъ внезапно оживившагося собесѣдованія! Много сѣтованій, много гнѣва слышалось въ ихъ рѣчахъ, но еще больше безконечной любви къ постылому ремеслу и какой-то дѣтской увѣренности, что все-

таки только тутъ, на этомъ тернистомъ пути, кишащемъ всевозможными гадами, можно спасти душу». Если относительно массы смертныхъ принято говорить: «благо живущимъ», то въ примѣненіи къ русскимъ писателямъ правильнѣе выражаться такъ: «благо умирающимъ, и еще большее благо — умершимъ».

«Не говоря уже о томъ, что мы живемъ чуть не въ засадѣ,—мы не знаемъ даже, для чего и для кого мы пишемъ. Кто насъ слышитъ и что извлекаетъ этотъ слышащій изъ обращеннаго къ нему слова? Кто отличитъ страстнаго литературнаго труженика отъ легковѣсной литературной балалайки, которая по случаю распутной подвижности темперамента готова сватать себя любому проходящему? Кому вдомекъ, что гдѣ-то, въ какой-то лишенной свѣта и воздуха литературной норѣ, ежемгновенно совершается жертвоприношеніе, при которомъ сердце истекаетъ кровью и сгараетъ многострадальная писательская душа подъ бременемъ непосильныхъ болей?»

«Во всѣхъ странахъ,—говоритъ далѣе Щедринъ,—гдѣ существуетъ точь въ точь такая же свобода, вездѣ литература процвѣтаетъ. А у насъ? У насъ мысль, несомнѣнно умѣренная, на которую въ цѣлой Европѣ смотрятъ, какъ на что-то обиходное, заурядное, у насъ эта самая мысль коломъ застряла въ головѣ писателя. Писатель не знаетъ, въ какія чернила обмакнуть перо, чтобъ выразить ее; не знаетъ, въ какія ризы ее одѣть, чтобъ она не вышла ужъ черезчуръ доступною. Кутаетъ-кутаетъ, обманываетъ всевозможными околичностями и аллегоріями и, только выполнивъ весь, такъ сказать, сложный маскарадный обрядъ, вздохнетъ свободно и возмолвитъ: «слава Богу, теперь, кажется, никто не замѣтитъ!» Никто не замѣтитъ? а публика? и она тоже не замѣтитъ? ужели есть на свѣтѣ обида болѣе кровная, нежели это нескончаемое эзопство, до того вошедшее въ обиходъ, что нерѣдко самъ эзопствующій перестаетъ сознавать себя эзопомъ».

«Нѣтъ въ природѣ субъекта, относительно котораго рус-

скій писатель могъ бы считать себя вполнѣ безопаснымъ. Одни вліяютъ на него непосредственно, подвергая различнымъ непредвидѣнностямъ, и даже лишая средствъ къ пропитанію; другіе вліяютъ посредственно, распространяя въ обществѣ слухи, что литература есть вертепъ, въ которомъ безчинствуютъ разбойники пера» [1]).

III.

За оживленіемъ печати въ 50-хъ годахъ, которое привело къ необходимости измѣнить старую цензурную систему и, въ 1865 г., освободить отъ предварительной цензуры органы печати періодической и книги не меньше десяти печатныхъ листовъ объемомъ, послѣдовала въ концѣ 60-хъ годовъ борьба государственной власти съ этой печатью. Отъ нея требовалось «приспособленіе». Печать частью сгинула, частью укрылась за старыя ширмы «эзопства», употребляя выраженіе Щедрина. Упадокъ тона и достоинства даже ежемѣсячныхъ изданій ярко выразился въ знаменитой перебранкѣ «Русскаго Слова» съ «Современникомъ», Писарева съ Антоновичемъ, принявшей подъ конецъ характеръ какой-то вакханаліи сквернословія, съ аппелляціей къ «гайдукамъ», имѣющимъ явиться отъ одной редакціи къ другой съ агрессивными инструкціями. Такъ выродилась во второй половинѣ 60-хъ годовъ та печать, которая была полна серьезной и вдумчивой гражданственностью еще такъ недавно.

Къ началу 70-хъ годовъ modus vivendi установился. Явились новыя силы и новые органы. «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости» въ Москвѣ Каткова заняли позицію національно-государственнаго органа. Обладая весьма значительной подпиской, эти органы несомнѣнно были вліятельными и

---

[1]) Полное собраніе сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина. Изд. 3-е, томъ пятый, стр. 462.

направляли извѣстную часть общества. «Русскій Вѣстникъ» соединилъ цѣлую плеяду первостепенныхъ писателей. Тутъ печаталъ романы гр. Левъ Николаевичъ Толстой, Достоевскій, Печерскій—Мельниковъ, Лѣсковъ и многіе другіе. Передовыя Каткова производили оглушительное дѣйствіе и стилемъ, и логикой, и фанатизмомъ своимъ. Какъ политическій «передовикъ», Катковъ былъ несравненнымъ мастеромъ дѣла. Славянофильство въ Москвѣ располагало такой громадной силой, какъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, сыгравшій выдающуюся политическую роль въ русско-турецкую войну. Его органы, завершившіеся къ началу восьмидесятыхъ годовъ «Русью», были голосомъ истиннаго гражданскаго чувства, чести и мужества.

Въ Петербургѣ первенство въ газетномъ мірѣ колебалось сперва между «С.-Петербургскими Вѣдомостями» Валентина Корша и «Голосомъ» Краевскаго (до 1875 г.), потомъ между «Голосомъ» и «Новымъ Временемъ» А. С. Суворина (съ 1877 г.), бывшаго раньше однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Все-таки «Голосъ» въ 70-хъ годахъ занималъ центральную позицію въ газетной печати. Соотвѣтственную «Голосу», умѣренно-либеральную ноту въ ежемѣсячной печати взялъ «Вѣстникъ Европы» М. М. Стасюлевича. Защита и укрѣпленіе реформъ — вотъ задача, которую поставилъ себѣ этотъ, тогда превосходный, глубоко корректный и блестящій органъ. Обладая двумя публицистами, богатыми широкой научной подготовкой, въ лицѣ К. К. Арсеньева и А. Н. Пыпина—одного ученаго юриста, а другого—историка литературы, журналъ М. М. Стасюлевича вносилъ глубокую основательность въ обсужденіе общественныхъ вопросовъ и возстановлялъ связь русской жизни съ ея прошлымъ, указывалъ непрерывную традицію прогрессивныхъ начинаній въ русской исторіи. То благоразуміе и историческая традиція, которыя совершенно было утратила печать второй половины 60-хъ годовъ, опять явились здѣсь и объединили просвѣщеннѣйшую часть общества. Затѣмъ здѣсь писалъ такой высоко-культур-

ный, многосторонне-образованный и утонченный критикъ, какъ Анненковъ, и помѣщалъ свои произведенія И. С. Тургеневъ. Наконецъ, журналъ М. М. Стасюлевича исполнялъ еще особую миссію—сближенія западныхъ писателей съ русской литературой. Въ «Вѣстникѣ Европы» писалъ молодой Эмиль Зола. Тургеневъ въ это время совершалъ въ Англіи, Германіи и Франціи великую миссію популяризованія тамъ русской литературы. Другъ Додэ, Флобера, короткій знакомый англійскихъ и нѣмецкихъ литературныхъ круговъ, Иванъ Сергѣевичъ всюду раскрывалъ передъ западными людьми сокровища русской словесности.

Другой, болѣе популярный, прямо главенствующій въ ежемѣсячной печати журналъ 70-хъ годовъ—«Отечественныя Записки» Некрасова и Щедрина.

Беллетристическая часть журнала блистала плеядой молодыхъ писателей-разночинцевъ, вышедшихъ въ 60-хъ годахъ на литературное поприще, беллетристовъ-народниковъ. Тутъ явились чрезвычайно гуманныя, вдумчивыя и мягкія дарованія Глѣба Ивановича Успенскаго, Златовратскаго, Засодимскаго и менѣе значительныхъ, но все же оригинальныхъ писателей. Тутъ началъ превосходными повѣстями Максимъ Бѣлинскій (І. І. Ясинскій) и появились первые разсказы Гаршина. Что касается публицистики журнала, то она стояла на народнической точкѣ зрѣнія, исходя изъ того коренного положенія, что только тотъ государственно-экономическій строй можно признать соціально-нравственнымъ, который обезпечиваетъ за крестьянской массой земельную осѣдлость. Земля—основа народной независимости политической, экономической и нравственной! Таковъ былъ девизъ журнала. Теоретическую разработку доктрины народничества находимъ въ знаменитыхъ «Письмахъ изъ деревни» А. Н. Энгельгардта. Выдающуюся роль игралъ въ публицистической части журнала, направляемой Елисѣевымъ, чрезвычайно даровитый, блестящій и образованный публицистъ Николай Константиновичъ Михайловскій.

Такимъ образомъ, въ семидесятыхъ годахъ вся періодическая печать въ Россіи дифференцировалась и въ цѣломъ являлась всестороннимъ органомъ мышленія общества и страны. Если въ центрѣ мы помѣстимъ уравновѣшенно-прогрессивные органы—«Вѣстникъ Европы» и «Голосъ», то правую займутъ органы И. С. Аксакова и крайнюю правую «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости», лѣвую составятъ народническія «Отечественныя Записки». Наконецъ, органомъ «монтаньяровъ» въ этомъ литературномъ конвентѣ семидесятыхъ годовъ являлось «Дѣло» Благосвѣтлова. Этотъ журналъ не отличался основательностью. Легкій, задорный юношескій «писаревскій» тонъ въ немъ господствовалъ до конца. Беллетристика была мало художественна и такъ же, какъ и публицистика, являлась памфлетомъ или политической дидактикой. Все же здѣсь опредѣлилось такое несомнѣнное, крупное дарованіе, какъ Станюковичъ. Во всякомъ случаѣ журналъ сверкалъ жизнью, задоромъ, молодостью, и игралъ свою роль въ общемъ хорѣ русской мысли.

Надо признать, что по обилію старыхъ и молодыхъ дарованій и по богатству направленій, и по стройной организаціи цѣлаго, періодическая печать 70-хъ годовъ представляетъ самый возвышенный и цвѣтущій пунктъ въ двухсотлѣтней эволюціи русскаго слова.

Наряду съ геніальными художниками слова—Львомъ Толстымъ, Достоевскимъ, Тургеневымъ, Майковымъ, дѣйствуетъ цѣлая плеяда крупнѣйшихъ дарованій высокой художественной школы 40-хъ и 50-хъ годовъ. Затѣмъ видимъ своеобразную школу писателей 60-хъ годовъ, близкихъ непосредственно къ народной жизни, вышедшихъ изъ рядовъ культурнаго духовенства. Какіе сильные критики и публицисты: Катковъ, И. Аксаковъ, Анненковъ, Арсеньевъ, Щедринъ, Елисѣевъ, Шелгуновъ, Вл. Соловьевъ...

IV.

Мы остановимся нѣсколько подробнѣе на воззрѣніяхъ «Голоса», на тѣхъ руководящихъ взглядахъ, которыхъ держалась газета, такъ какъ эти воззрѣнія особенно характерны для тѣхъ годовъ и петербургской либеральной бюрократіи этого десятилѣтія.

«Мы за дѣятельную реформу». Таково было вступительное слово къ русскому читателю, сказанное пятнадцать лѣтъ назадъ, въ № 1-мъ «Голоса» 1863 г., и никто не упрекнетъ газету въ томъ, чтобъ она съ того времени измѣнила этому лозунгу. Желая опредѣлить въ двухъ словахъ значеніе «Голоса» въ исторіи русской печати, необходимо сказать, что онъ былъ созданъ реформой и всегда служилъ реформѣ [1]).

«Что касаттся революціонныхъ проявленій на русской почвѣ, «Голосъ» всегда былъ того мнѣнія, что они никогда у насъ не могутъ «получить развитіе и принять угрожающіе спокойствію государства и общества размѣры». Такъ, по поводу каракозовскаго дѣла онъ говорилъ: «Всякому, обладающему здравымъ смысломъ, ясно, что, при всей преступности затѣй подобныхъ революціонеровъ сосунковъ, Россія можетъ итти спокойно и безопасно по пути, указанному ей державнымъ ея преобразователемъ» (1866 г., № 281-й).

По поводу нечаевской исторіи «Голосъ» высказалъ почти тѣ же мысли. По его мнѣнію, эта «исторія» должна была произвести скорѣе успокоительное, чѣмъ тревожное впечатлѣніе на публику:

«Публика имѣетъ нынѣ возможность убѣдиться, что замыслы, враждебные установленному порядку, были присущи

---

[1]) Пятнадцатилѣтіе газеты «Голосъ» (1863 — 1877). Изданіе редактора газеты А. А. Краевскаго. Стр. VI. Спб. Въ типографіи газеты «Голосъ». Бассейная, № 2. 1878 г.

только самому ничтожному и, притомъ, самому жалкому меньшинству, и что это меньшинство не встрѣчало себѣ нигдѣ и ни въ чемъ никакой опоры».

Обсуждая результаты нечаевскаго процесса, «Голосъ» пришелъ къ такому заключенію:

«Всѣ толки о какихъ-то революціонныхъ силахъ Россіи— чистый вздоръ. Не слѣдуетъ довѣряться этимъ толкамъ, когда дѣло идетъ только о сумасбродствѣ и нравственной испорченности нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей» (1871 г., №№ 188 и 254) [1]).

«Упадокъ печати, какъ слѣдствіе отсутствія общественнаго мнѣнія, есть вѣрнѣйшій признакъ болѣзненности государственнаго организма, застоя его жизнедѣятельности или ретроградного ея направленія. Правительству необходимо слышать свободное слово общества» (1866 г., № 22).

«Общій характеръ періодической печати высказывается въ постоянномъ всестороннемъ согласіи общаго направленія печатнаго слова съ дѣйствіями и предначертаніями правительства. Печать за весь этотъ періодъ твердо стояла на стражѣ интересовъ правительства и общества, зорко слѣдя за строжайшимъ и полнѣйшимъ проведеніемъ идеи верховнаго правительства, вложенной въ основаніе всѣхъ реформъ настоящаго царствованія» (1869 г., № 245) [2]).

Въ вопросахъ внѣшней политики, насколько они касались интересовъ Россіи, «Голосъ» всегда стоялъ на русской почвѣ, ратовалъ за русскіе интересы:

«Русская партія — это масса русскаго общества, крѣпко стоящая за интересы русской народности, за неприкосновенность коренныхъ началъ русскаго государственнаго и общественнаго быта, за цѣлость государственной территоріи».

«Русская партія ведетъ не наступательный, а чисто оборо-

---

[1]) Ibid., VI.
[2]) Ibid., VIII.

нительный образъ дѣйствій, сохраняя народъ отъ всякихъ чуждыхъ элементовъ и противопоставляя всякой польщизнѣ, нѣмечинѣ и проч. начала русскія» (1870 г., № 28).

«Мы оставались вѣрными разъ поставленному принципу, что «единственно истинная политика» та, которая ставитъ свои національные интересы выше интересовъ всѣхъ другихъ народовъ, какое бы сильное сочувствіе къ нимъ мы ни питали» (1865 года, № 286-й).

«Поднявъ русскій элементъ внутри Россіи, сливъ воедино интересы разноплеменныхъ обитателей нашей территоріи, водворивъ порядокъ и правый судъ внутри, мы тѣмъ самымъ усилимъ наше внѣшнее вліяніе» [1]).

«Мы всегда были приверженцами прямодушія въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Намъ всегда казалось не только безнравственною, но и нерасчетливою политика, основанная на иныхъ началахъ. Великая нація можетъ и должна дѣйствовать съ открытымъ лицомъ, предоставляя интригу и двуличность тѣмъ, которые, гдѣ недостаетъ львиной шкуры, принуждены пришивать лисью».

«Въ теченіе 15-ти лѣтъ «Голосъ» не оставался и не могъ оставаться индифферентнымъ въ отношеніи къ русской православной церкви. По убѣжденіямъ газеты, русская православная церковь заслуживаетъ не меньшаго вниманія со стороны русскаго общества и печати, какъ и всѣ другія стороны народной и государственной жизни» [2]).

Въ вопросѣ о политикѣ русскаго правительства въ присоединенныхъ къ Россіи иноплеменныхъ и иновѣрныхъ областяхъ «Голосъ» неизмѣнно стоялъ за мѣры къ возможному объединенію и даже желательному обрусенію всѣхъ составныхъ иноплеменныхъ частей имперіи. «Россія вступила теперь на такой путь, что ей нечего уже опасаться сепаратистскихъ стремленій

---

[1]) Ibid., XII.
[2]) Ibid., XXIV.

входящихъ въ составъ ея не только однородныхъ русскихъ элементовъ, но и инородческихъ».

Необходимо поднятіе нравственнаго авторитета имени «русскаго». Этою мѣрою сама собою должна упразднится старая, отжившая система «насильственнаго» обрусенія разноплеменныхъ обитателей Россіи».

«Считая общимъ отечествомъ Россію, нельзя безъ явной непослѣдовательности считать общіе русскіе интересы чужими. Интересы же эти требуютъ полнѣйшаго гражданскаго единства всѣхъ русскихъ подданныхъ, что, впрочемъ, вполнѣ возможно при сохраненіи каждому племени его особенностей» (1865 г., № 323-й).

Года три спустя послѣ возстанія, когда разработка архивныхъ актовъ, производившаяся комиссіями въ Кіевѣ и Вильнѣ, обнаружила наше невѣжество относительно племенного состава населенія въ Западномъ краѣ, газета говорила: «Теперь не время благодушествовать... въ Западномъ краѣ необходимо дѣйствовать противъ польскошляхетской интриги упорно, неотступно, настойчиво, послѣдовательно, неустанно» (1867 г., № 217-й).

«Мы желаемъ, чтобы правительство и мѣстная администрація дѣйствовали безпощадно противъ всего, что враждебно Россіи въ Западномъ краѣ, т.-е. противъ польщизны и католицизма... Церемоніи тутъ не умѣстны».

Требуя безпощаднаго проведенія русскихъ началъ въ Западномъ краѣ, «Голосъ» относился иначе къ Привислинскому: «Неужели русскимъ и полякамъ слѣдуетъ вѣчно оставаться въ осадномъ положеніи, наблюдая другъ за другомъ изъ двухъ непріязненныхъ лагерей? Противорѣчія въ данномъ случаѣ нѣтъ и быть не можетъ: мы желаемъ примиренія, потому что была вражда и окончилась. Намъ говорятъ о полякахъ, которые «ничего не забыли и ничему не научились». Такихъ поляковъ мы не знаемъ» (1872 г., № 86-й) [1]).

---

[1]) Ibid., XXIX.

«Голосъ» считалъ первою необходимостью, для поправленія финансовъ, «помогать народу богатѣть» [1]).

«Мы, русскіе, поставлены въ положеніе необыкновенно благопріятное, реформы нынѣшняго царствованія прямо ведутъ насъ по дорогѣ возможно большаго развитія народной самодѣятельности, помимо режима гарантіи, съ котораго обыкновенно начинались реформы въ западныхъ государствахъ. Во всемъ, что сдѣлано до сихъ поръ, лежатъ плодотворные зародыши вышеупомянутаго развитія» (1868 г., № 108-й).

Обозрѣвая отношенія администраціи къ земству, «Голосъ» постоянно высказывался за децентрализацію [2]).

V.

«Голосъ» имѣлъ въ 1865 г.—4.947 подписчиковъ, а въ 1877 г.—22.632. Это былъ кульминаціонный пунктъ успѣха газеты. Оправдалась боязнь «разсужденій о мирѣ» передъ войною, которую нѣкогда выказывалъ опытный Булгаринъ. Именно такіе мирные разговоры и бюрократическое, равнодушное отношеніе къ подъему народнаго чувства въ эпоху славянскаго возстанія и послѣдовавшей затѣмъ русско-турецкой войны поколебали популярность газеты. Роковой день 1-го марта 1881 г. нанесъ ей окончательный ударъ. Газета, со своимъ благодушнымъ оптимизмомъ, утратила ясность пониманія, не нашлась въ сложныхъ обстоятельствахъ минуты.

Событіе перваго марта нанесло страшный ударъ литературѣ. Оно нарушило равновѣсіе, установившееся въ 70-хъ годахъ.

Весьма быстро гибнутъ и умѣренно-либеральный «Голосъ», и ярко окрашенный, народническій органъ «Отечественныя

---

[1]) Ibid., XXXVII.
[2]) Ibid., XXXV.

Записки». Гибнетъ и «Дѣло». Но со смертью въ серединѣ 80-хъ годовъ Каткова и И. С. Аксакова и націоналистическогосударственная печать превращается въ нѣчто безцвѣтное и безсильное. Наслѣдниками Каткова и Аксакова являются люди или ничтожные, бездарные, или совершенно чуждые литературѣ и не имѣющіе никакого авторитета въ русскомъ обществѣ.

Первое марта было подобно удару несущагося поѣзда о какое-либо препятствіе. Многіе вагоны разбиты, много раненыхъ, а кто и уцѣлѣлъ—контуженъ. Русское общество было совершенно потрясено, изнемогло и жаждало одного — успокоенія, чего-либо анестезирующаго ломоту и боль во всѣхъ его членахъ. Понятно, что «tonus» печати долженъ былъ понизиться чрезвычайно. Послѣ того какъ такіе органы, какъ «Голосъ», «Отечественныя Записки», «Дѣло»—были запрещены, а «Русскій Вѣстникъ», «Московскія Вѣдомости», «Русь» утратили своихъ руководителей и стали ничтожны, разстроилась та стройная организація печати, которая дѣлала ее выразительницей всѣхъ теченій мысли и давала возможность высказываться писателямъ самыхъ противоположныхъ направленій.

Сохранившійся «Вѣстникъ Европы» и вновь возникшіе органы—«Русская Мысль», «Русское Богатство», «Міръ Божій»,—уже не выражали собою движущейся и развивающейся мысли общества, а только сборники хорошихъ повѣстей и дѣльныхъ статей, съ старыми литературными традиціями, но живущіе, главнымъ образомъ, свѣтлыми воспоминаніями прошлаго.

На «толстыхъ» журналахъ съ 1884 года легла печать какого-то старчества, и къ концу вѣка эта черта въ нихъ выступаетъ еще рѣзче. Журналы стоятъ какъ бы внѣ жизни. Отсутствіе контрастовъ въ печати, сѣрый, однотонный колоритъ ея, не даетъ возможности мысли проходить всѣ стадіи логическихъ антитезъ. Но если печать и литература, какъ органъ мышленія страны, не дѣйствуетъ уже съ прежней стройностью, это, конечно, не значитъ, чтобы не появлялись новыя дарованія. Ими попрежнему литература и печать были обильны. Но

страдало общее дѣло печати, путемъ обсужденія каждаго вопроса съ противоположныхъ точекъ зрѣнія вырабатывать истину.

Упадокъ печати, какъ руководительницы общественнаго мнѣнія, какъ выразительницы запросовъ времени и народа, какъ коллективнаго «чувствилища» страны, какъ великаго нервнаго центра Россіи, не мѣшалъ постепенному росту нѣкоторыхъ областей печати. Именно, сильно развилась провинціальная, особенно южная печать. Явились маленькія «четырехрублевыя» газетки («Свѣтъ», Биржевыя Вѣдомости»), достигшія небывалаго числа подписчиковъ, превышавшаго сто тысячъ. Развились иллюстрированныя изданія съ приложеніями. «Нива» достигла числа подписчиковъ свыше двухсотъ тысячъ и стала давать въ качествѣ «приложеній» полныя собранія сочиненій такихъ авторовъ, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій и т. д. Наконецъ, «Голосъ» въ 1877 году имѣлъ всего 22 тысячи подписчиковъ, а самая серьезная и дорогая газета разсматриваемаго времени «Новое Время» въ концѣ вѣка достигла свыше 60 тысячъ подписчиковъ. Несомнѣнно, что читательскій кругъ расширился чрезвычайно. Газета стала проникать въ деревню. Но эта читательская масса пока еще не дифференцировалась, составъ ея хаотиченъ, вкусы примитивны. Писатель на порогѣ XX вѣка уже не имѣетъ дѣла съ аудиторіей, хотя въ общихъ чертахъ по воззрѣніямъ и вкусамъ ему извѣстной. Читатель «конца вѣка» — сфинксъ, еще не выяснившій своей нравственной и умственной сути.

Мы видимъ, что старые оттѣнки мысли и направленія въ литературѣ къ концу вѣка значительно блекнутъ, теряютъ жизненное содержаніе, становятся отвлеченны и равнодушны къ новымъ задачамъ и потребностямъ общества.

Начала 1860 годовъ, идеи нашего возрожденія, войдя съ реформами, съ учрежденіями въ жизнь, стали въ ней ферментомъ долгаго процесса выработки новыхъ, гуманныхъ формъ общежитія. Точно такъ же народническія идеи 1870 годовъ

нашли довольно широкое поле примѣненія въ крестьянскомъ законодательствѣ 1880-хъ годовъ, въ дѣятельности земствъ. Но въ этомъ жизненномъ процессѣ было ихъ великое испытаніе, съ одной стороны, а съ другой, они естественно видоизмѣнялись, развивались и жизнью наталкивались на совершенно новые своеобразные выводы. Но хранители традицій 1860-хъ и 1870-хъ годовъ, наши толстые журналы, оставались вѣрными первоначальной буквѣ этихъ началъ, ихъ отвлеченному выраженію и не считались съ опытомъ жизни, съ духомъ времени. Отъ этого начала, живыя въ практикѣ народа и общества, у «шестидесятниковъ» и «народниковъ» толстыхъ журналовъ приняли кристаллически-правильныя, но окостенѣлыя формы прописной истины. Но гдѣ бился живой пульсъ въ литературѣ? Гдѣ чувствовалось движеніе молодой, горячей, пишущей мысли? То здѣсь, то тамъ, въ газетахъ, въ отдѣльныхъ книгахъ, въ возникавшихъ и, къ сожалѣнію, быстро угасавшихъ журналахъ, въ отдѣльныхъ кружкахъ, въ разбросанныхъ статьяхъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка въ литературѣ можно отмѣтить два своеобразныхъ движенія мысли. Это такъ называемое «декадентство» и «марксизмъ». Оба потока мысли— мутны, часто болѣзненны и прямо уродливо-патологичны, однако волновали молодежь, возбуждали споры и въ печати, и въ ученыхъ обществахъ, выставили плеяды молодыхъ писателей, представлены и попытками періодической печати, и довольно богатой книгоиздательской дѣятельности. Характерная черта обоихъ литературныхъ теченій и ихъ представителей та, что они явно грубятъ «маститымъ» публицистамъ и критикамъ нашей «толстой» печати и пытаются отнестись съ дозой скептицизма къ реальной и трезвой мысли 1860-хъ и 1870-хъ годовъ.

Пріютомъ декадентовъ сначала явился журналъ «Сѣверный Вѣстникъ», критикъ котораго, г. А. Волынскій, помѣстилъ цѣлый рядъ «обличительныхъ» статей противъ «обличительной» публицистики 1850-хъ и 1860-хъ годовъ. Онъ въ то же время провозглашалъ какую-то новую, «философскую» критику, но

въ чемъ она состояла, не успѣлъ выяснить, потому ли, что и самъ ясно не зналъ, или по причинѣ паденія подписки и гибели журнала естественной смертью...

Въ журналѣ явились поэты и беллетристы нашего «декаданса». Затѣмъ они объединились въ Москвѣ, въ книгоиздательствѣ «Скорпіонъ». Декадентская манера проникла и въ живопись. Провозвѣстникомъ новыхъ идей въ пластическихъ искусствахъ сталъ журналъ «Міръ Искусства». Здѣсь же г. Мережковскій, начавшій литературное поприще гражданскими стихами въ «Отечественныхъ Запискахъ», сталъ въ колоссальныхъ... по объему статьяхъ проповѣдывать возрожденіе античныхъ понятій, боговъ и философіи. Очень трудно опредѣлить это многоцвѣтное направленіе въ русской литературѣ. Бездарное кривлянье тутъ идетъ объ руку съ несомнѣнно даровитыми попытками, нахальная реклама съ порывами искренней мысли, тутъ и ницшеанство, и неоромантизмъ, и неоклассицизмъ, и мистика, и патологія. Какъ бы то ни было, при нормальномъ положеніи литературы, при вниманіи старшаго поколѣнія, въ рукахъ котораго всѣ «толстые» журналы, можно было бы выдѣлить и направить проявившіяся здѣсь дарованія. Но ничего, кромѣ равнодушія и безучастія, руководители нашей литературы по отношенію къ бившимся въ путахъ декадентства искреннимъ дарованіямъ не проявили.

Столь же сложное, мутное явленіе—«марксизмъ». Успѣхъ его несравнимъ съ чрезвычайно слабымъ успѣхомъ «декадентства». Марксисты выступили побѣдоносно. Одно время въ ученыхъ обществахъ они побивали стариковъ-народниковъ на голову. Они выпустили множество книгъ. Издавали нѣсколько журналовъ.

Всѣ эти журналы—«Новое Слово», «Начало», «Жизнь»—имѣли громадный успѣхъ, отличную подписку, но всѣ были прекращены. Молодежь почти поголовно заразилась марксизмомъ, сущность котораго сводилась къ проповѣди «европеиза-

ціи» Россіи путемъ капитализма и фабрикъ. Во главѣ движенія стояли весьма талантливые, энергичные и обладавшіе обширными свѣдѣніями молодые ученые—Петръ Струве и М. И. Туганъ-Барановскій. Опять-таки въ этомъ литературномъ теченіи находимъ много юношески-заносчиваго, поверхностнаго, путаного и прямо дикаго. Но рядомъ видимъ углубленіе въ общественные и экономическіе вопросы, особую «кантіанскую» струю философскаго критицизма, попытку дать широкій, всеобобщающій синтезъ. Марксисты выставили и своихъ беллетристовъ (Максимъ Горькій, Леонидъ Андреевъ, Чириковъ, Вересаевъ), имѣвшихъ колоссальный успѣхъ. Изъ нихъ Горькій даже получилъ всемірную извѣстность.

Какъ же отнеслось къ дарованіямъ, увлекаемымъ потокомъ марксизма въ болото экстравагантности, старшее поколѣніе журналовъ? Съ полнѣйшимъ бездушіемъ.

Вообще, литературная молодежь, писатели, уже заявившіе о своихъ дарованіяхъ имѣвшими успѣхъ трудами, то ютятся въ непрочныхъ, сомнительныхъ изданіяхъ, то появляются въ «приложеніяхъ», то въ фельетонахъ газетъ. Журналы 70-хъ годовъ были школами публицистовъ и беллетристовъ, хотя бы такой редакторъ, какъ Салтыковъ-Щедринъ, поощрялъ, отыскивалъ молодыя дарованія, направлялъ ихъ и дѣйствительно многихъ создалъ. Ничего подобнаго не проявляютъ въ концѣ вѣка руководители нашей печати. Это равнодушіе, быть можетъ, объясняется просто естественной преклонностью возраста критиковъ, редакторовъ и издателей наиболѣе серьезныхъ органовъ. Во всякомъ случаѣ, положеніе молодыхъ писателей нельзя не признать ненормальнымъ и вреднымъ для развитія ихъ дарованій. Предоставленные самимъ себѣ, кочуя по разнымъ газетамъ, еженедѣльнымъ изданіямъ, они подобны растеніямъ, постоянно пересаживаемымъ. При такихъ условіяхъ трудно ждать гармоническаго и здороваго расцвѣта молодыхъ силъ литературы. А вѣдь, какъ бы то ни было, въ нихъ будущее литературы. Эти новые всходы, потоптанные, на тощей,

каменистой почвѣ, понятное дѣло, не сулятъ обильнаго урожая.

Надо еще замѣтить, что число серьезныхъ органовъ въ послѣднее десятилѣтіе вѣка страшно сократилось. Погибли— «Русское Обозрѣніе», толстый журналъ, «Русскій Вѣстникъ», редакціи Ѳ. Н. Берга, и «Сѣверный Вѣстникъ»; погибло «Новое Слово» народнической редакціи; погибла «Недѣля», прекрасная еженедѣльная газета съ приложеніемъ ежемѣсячныхъ «книжекъ». Считая книжку каждаго изъ этихъ изданій въ 25 печатныхъ листовъ, видимъ, что мѣста, гдѣ можно было писать, сократилось въ мѣсяцъ на 150 печатныхъ листовъ, а въ годъ на 1800 листовъ. Но этого мало, погибла ежедневная газета «Сынъ Отечества» съ приложеніемъ ежемѣсячнаго журнала «Дешевая Библіотека». Попытки новыхъ изданій (вышеупомянутыя «Начало», «Жизнь») кончились прахомъ. Погибъ и рядъ молодыхъ газетъ: «Міровые Отголоски», «Народъ», «Русь», «Сѣверный Курьеръ», «Россія». А три послѣднія изданія имѣли большой успѣхъ.

Поневолѣ мы должны заключить нашъ очеркъ исторіи русской періодической печати за двухсотлѣтіе грустнымъ выводомъ. Несомнѣнно, литература и печать въ Россіи нынѣ находятся въ упадкѣ. Есть силы и таланты, но даже количествомъ органовъ печать оскудѣла и мало прибыла къ XX-му вѣку. Замѣчается полный упадокъ литературной школы. Почти исчезла нравственная связь между писателемъ и руководителями органовъ печати. Въ значительной степени литература замѣнилась мануфактурой печатнаго слова. А главное, въ печати не выражены яркими, даровитыми и сильными органами всѣ направленія мысли. Она однотонна, сѣра, дѣйствіе ея на общественное мнѣніе ничтожно.

Но, тѣмъ не менѣе, двухсотлѣтній, колоссальный трудъ лежитъ за русской печатью, двухсотлѣтній, тернистый путь пройденъ ею. Временный упадокъ не долженъ насъ страшить.

Печать великаго народа есть великая печать. Едва повѣетъ духъ жизни въ застоявшейся атмосферѣ русскаго общества, печать пробудится, заговоритъ горячо и властно.

Русь не шелохнется.
Русь, какъ убитая.
А загорится въ ней
Искра сокрытая,
Встанутъ небужены,
Выйдутъ непрошены...